ВАЦЛАВ КРАЛ

план зет

VÁCLAV KRÁL

plán zet

Praha, 1973

ВАЦЛАВ КРАЛ

ПЛАН ЗЕТ

Перевод с чешского

Предисловие и редакция
ПРАСОЛОВА С. И.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1978

Переводчики: ГОГИНА К. П., ПРАСОЛОВ Д. С.

К $\frac{10604-922}{006(01)-78}$ БЗ № 53-4-78

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемая читателю книга чехословацкого историка Вацлава Крала «План Зет» посвящена событию сорокалетней давности. 29 сентября 1938 г. в Мюнхене было подписано соглашение между Германией, Англией, Италией и Францией, явившееся грубым произволом над суверенным чехословацким государством. С той поры были заключены десятки и сотни различных дипломатических актов двустороннего и многостороннего характера. Многие из них давно стали достоянием истории. Мюнхенскому соглашению была суждена иная судьба. Оно не забыто и в наши дни и сохраняет политическую актуальность, остроту которой не уменьшили даже катаклизмы второй мировой войны и грандиозные сдвиги на международной арене после ее окончания. Есть причины, которые не позволяют предать забвению или посчитать случайным эпизодом позорную политику империалистических держав и трагедию чехов и словаков.

Мюнхен — это и синоним наглого попрания международного права крупными капиталистическими государствами, и символ национальной измены правящей буржуазии малой страны, ее капитуляции перед империалистическим диктатом, предательства интересов своего народа ради сохранения узкокорыстных классовых привилегий.

Мюнхен отразил реальную расстановку сил на мировой арене и преобладающую тенденцию развития меж-

дународных отношений в конце тридцатых годов. Потому-то к событиям, связанным с вероломным сговором империалистических «умиротворителей» с фашистскими агрессорами, неизбежно обращаются и будут обращаться при анализе генезиса второй мировой войны. Вопрос о причинах и последствиях Мюнхена нерасторжимо связан с ответственностью государств и классов за мировую катастрофу, за гибель пятидесяти миллионов человеческих жизней, уничтожение колоссальных ценностей, созданных трудом поколений. А коль скоро это так, то закономерна и неизбежна острейшая идеологическая конфронтация вокруг мюнхенской проблематики, остающейся своего рода обнаженным нервом непрекращающейся политической борьбы.

Борьба эта столь же стара, как и само мюнхенское соглашение. В его оценках и его интерпретации отчетливо прослеживаются две противостоящие друг другу позиции, за которыми стоят основные классы современности, их интересы, их мировоззрение. Для буржуазных политиков и публицистов вначале была характерна неприкрытая и воинствующая апологетика Мюнхена, стремление преподнести неприглядную сделку империалистов как благо для всего человечества. Один из главных инициаторов этой пагубной политики глава правительства Великобритании Н. Чемберлен 30 сентября 1938 г., выйдя из самолета с текстом мюнхенского соглашения, только что подписанного им и Э. Даладье с фашистскими диктаторами, торжественно возвестил: «Я привез мир нашему поколению». Но не прошло и года после высокопарного заявления британского премьера, как это же поколение, которому с такой помпой были обещаны мир и благополучие, уже истекало кровью на полях европейской войны, весьма скоро втянувшей в свой круговорот сотни и сотни миллионов граждан десятков государств разных континентов мира.

Представлять политику «умиротворения» средством сохранения мира после всего случившегося было уже немыслимо. Очевидность, что эта политика расчистила дорогу к мировой войне, становилась непререкаемой. Иллюзии рассеивались, приходило осознание того, что политика «умиротворения» на деле была не чем иным, как пособничеством фашистским агрессорам.

Буржуазная апологетика терпела банкротство. На смену ей, как всегда бывает в таких случаях, спешила буржуазная фальсификация сначала в пропаганде и публицистике, затем — в мемуарах и историографии. Предпринимались и предпринимаются попытки объяснить пагубные последствия политики «умиротворения» ошибками Н. Чемберлена и правящих кругов Великобритании и Франции, преувеличить оппозицию этому гибельному курсу со стороны некоторых представителей английской и французской буржуазии. Упорно камуфлируется классовая основа мюнхенской политики, делается это с помощью довольно избитых приемов: ответственность за те серьезные просчеты, которые уже нельзя было отрицать, возлагается на отдельных политиков и дипломатов с целью скрыть, что эта политика порождена самой природой империализма, неотвратимым обострением противоречий, свойственных мировой системе капитализма.

Особенно настойчиво фальсифицируется позиция Советского Союза, его последовательная борьба за обуздание фашистских агрессоров и обеспечение безопасности путем коллективных усилий демократических, антифашистских сил, а также объединенных действий миролюбивых государств.

Буржуазной интерпретации событий с самого начала противостоял марксистско-ленинский анализ расстановки сил на международной арене и движущих тенденций мирового развития. Он содержится и в документах того времени: в решениях ВКП(б) и других коммунистических партий, в дипломатических актах Советского государства и публичных заявлениях его официальных представителей. И хотя эти оценки и характеристики давались буквально по горячим следам, их верность и глубина таковы, что время не внесло каких-либо принципиальных корректив. Напротив, новые документы из дипломатических архивов западных держав, новые научные исследования, углубляя и конкретизируя представления о сложной и невероятно запутанной истории того периода, продолжают давать неопровержимые доказательства правоты марксистско-ленинского анализа событий кануна второй мировой войны. Так, в частности, недавно ставшие доступными документы секретного архива английского правительства Н. Чемберлена лишь

еще раз подтвердили правильность марксистско-ленинских оценок. Эти документы, естественно, привлекли внимание и советских историков и получили разработку в их трудах *. Они же легли в основу и новых книг В. Крала «План Зет» и «Дни, которые потрясли Чехословакию». Обе книги посвящены исследованию внешней политики Англии в период, предшествовавший мюнхенскому соглашению. Имя чехословацкого исследователя, его фундаментальные труды и многочисленные документальные публикации по новейшей истории Чехословакии и советско-чехословацких отношений достаточно хорошо известны. Многие из них переведены на другие языки, в том числе на русский. Все эти труды являются плодом настойчивых изысканий в архивах не только Чехословакии, но и многих европейских государств. В своих последних книгах В. Крал широко использовал неопубликованные документы из архивов Чехословакии, Советского Союза, Польши, ГДР, Болгарии, Румынии, Югославии, Англии, ФРГ.

Если к тому же учесть превосходное знание автором публикаций дипломатических документов и литературы по теме исследования, то можно представить себе, насколько солидна источниковедческая база работ В. Крала.

Наполнив свои книги документами и фактами, автор как бы вводит читателя за кулисы европейской дипломатии тех лет и дает ему возможность самому следить за тем, как день за днем назревала и развертывалась одна из наиболее трагических драм мировой истории, осязаемо ощутить, почти воочию увидеть подлинное лицо ее участников и главных действующих лиц.

Тридцатые годы заканчивались в удушающей атмосфере надвигавшейся военной грозы. Свойственная империализму неравномерность экономического и политического развития, ускоренная общим кризисом капитализма, подрывала и без того неустойчивое между-

* См.: История второй мировой войны. Т. 2. М., 1974; История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976; Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. М., 1974; Сиполс В., Панкрашова М. Подготовка мюнхенского диктата. Путь Англии к Мюнхену.— «Международная жизнь», 1973, № 3, 5, 6, 9, 10; Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1975, и др.

народное равновесие, которое было заложено системой мирных договоров после первой мировой войны. Ревизия этой системы, собственно говоря, уже шла полным ходом в результате агрессивных действий германо-итало-японской группировки империалистических государств в Европе, Африке и Азии.

Обострение империалистических противоречий порождало войну за новый передел колоний и сфер влияния. В марте 1938 г. гитлеровская Германия захватила Австрию. Аншлюс Австрии качественно менял обстановку в Европе: развитие событий подошло к той грани, которую нельзя было переступать без риска оказаться перед фатальной неизбежностью войны европейского масштаба. Советская дипломатия била тревогу. «Завтра может быть уже поздно,— указывалось в заявлении Советского правительства,— но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира» *.

Очередным объектом агрессивных устремлений гитлеровцев в Европе стала Чехословакия. Защита национальной независимости и территориальной целостности чехословацкого государства превратилась в дело обеспечения мира и всеобщей безопасности. Это было подчеркнуто Советским правительством сразу же после аншлюса Австрии. «В первую очередь,— говорилось в советском заявлении,— возникает угроза Чехословакии, а затем опасность в силу заразительности агрессии грозит разрастись в новые международные конфликты и уже сказывается в создавшемся тревожном состоянии положения на польско-литовской границе. Нынешнее международное положение ставит перед всеми миролюбивыми государствами, и особенно великими державами, вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы Европы, и не только Европы» **.

Велика была угроза войны, но велико было и число государств, заинтересованных в сохранении мира. Их материальные и людские резервы, их оборонительный потенциал, бесспорно, превосходили силы агрессивных

* Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, с. 17.
** Там же, с. 21.

стран. Советская дипломатия видела задачу в том, чтобы преодолеть разобщенность миролюбивых стран, сплотить их для решительного сопротивления силам агрессии и войны, в полной мере использовать все возможности, заложенные в Уставе Лиги наций, в пакте Бриана — Келлога, в региональных договорах о взаимной помощи.

Советский Союз делал все зависящее от него, чтобы мобилизовать, укрепить и привести в движение весь этот потенциал мира. Единые действия СССР, Англии, Франции, США, учитывая их вес в международной жизни, могли бы сыграть решающую роль в предотвращении опасного развития событий. Поэтому Советское правительство 17 марта 1938 г. обратилось к правительствам Англии, Франции, США и Чехословакии с призывом немедленно приступить к обсуждению практических мер, диктуемых обстоятельствами. И хотя эти предложения были отклонены, советская дипломатия на протяжении всего чехословацкого кризиса настойчиво продолжала добиваться созыва международной конференции всех стран, заинтересованных в поддержании мира. Только в сентябре 1938 г. Советский Союз четырежды выступал с такими предложениями. Обязательным условием такой конференции советская дипломатия неизменно считала, разумеется, присутствие Чехословакии в качестве непременного и полноправного участника *.

Весьма важным объектом внешнеполитических усилий нашей страны в то время были договоры о взаимной помощи между Францией, Чехословакией и Советским Союзом. Эти три двусторонних договора, заключенные в разные годы, составляли своего рода союзническую систему, ключевое место в которой занимала Франция. Так, по условиям советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 года Советский Союз и Чехословакия были обязаны помогать друг другу лишь тогда, когда на помощь жертве неспровоцированной агрессии придет Франция. Эта оговорка, сделанная по настоянию чехословацкой стороны, исключала автоматичность в оказании помощи и в силу этого была слабой стороной договора между Советским Союзом и Чехословакией,

* См.: Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977.

поскольку освобождала обе стороны от выполнения договорных обязательств в случае уклонения Франции от союзнического долга. Понятна та настойчивость, с которой советская дипломатия стремилась побудить Францию занять решительную позицию в вопросе защиты Чехословакии от нападения германского империализма. Можно без преувеличения сказать, что усилия такого рода, если иметь в виду инициативы СССР, были главенствующими и определяющими во всей системе советско-французских отношений в течение 1938 г. Следует отметить, положение, и без того сложное ввиду явного отхода Франции от выполнения союзнических обязательств, отягощалось еще и тем обстоятельством, что договоры о взаимной помощи не были подкреплены соответствующими военными конвенциями.

Резкое обострение международной напряженности требовало создания четкого и слаженного механизма военного взаимодействия Франции, Чехословакии и Советского Союза, практическая потребность в котором могла появиться теперь в любой момент. Инициатива в этом отношении была проявлена также Советским Союзом. Уже в апреле 1938 г. Советское правительство предложило созвать совещание генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для обсуждения военных мероприятий, которые должны быть предприняты для оказания помощи Чехословацкой Республике. С особой настоятельностью вопрос о встрече военных представителей трех государств ставился Советским правительством и его официальными представителями в мае и сентябре 1938 г.

Как ни парадоксально, но вполне ясно выраженная позиция СССР — его готовность выполнить свои союзнические обязательства в отношении Чехословакии — особенно усердно извращается в буржуазной историографии. Дело доходит до утверждений, что сомнения в готовности Советского Союза принять участие в действиях по защите Чехословакии были якобы причиной, к тому же едва ли не главной, побудившей западные державы уступить нажиму гитлеровской Германии. Таким попыткам нет числа, несмотря на то что для них нет решительно никаких оснований. Всякий раз, когда вставал вопрос, окажет ли Советский Союз, согласно до-

говору, помощь Чехословакии, Советское правительство давало исчерпывающий, не допускающий двусмысленного толкования ответ: да, немедленно и действенно. Однозначно говорят о том не только многочисленные заявления авторитетных представителей Страны Советов, но и свидетельства чехословацких и других государственных деятелей; подтверждают это дипломатические документы и секретные архивы правительства Н. Чемберлена. Подлинную позицию СССР в этом вопросе хорошо знали руководители тогдашних правительств Чехословакии, Франции, Англии и других стран.

Советское правительство настойчиво и неуклонно использовало все доступные ему средства, направленные на то, чтобы Франция также выступила в защиту Чехословакии. Да, борьбу за это Советский Союз действительно вел до последней возможности, добиваясь того, чтобы Франция выполнила свои союзнические обязательства перед Чехословакией по договору, который предусматривал (в отличие от советско-чехословацкого) безусловное оказание взаимной помощи. Тем самым — и это следует подчеркнуть — Советский Союз боролся и за реализацию тех возможностей, которые содержались в советско-чехословацком пакте.

Советский Союз никогда не побуждал Чехословакию принять требования гитлеровской Германии, чтобы тем самым уклониться от выполнения своих договорных обязательств перед союзником, оказавшимся в беде. А вот о западных союзниках Чехословакии этого никак нельзя сказать. На протяжении всего 1938 г., когда над этой страной нависла непосредственная опасность расчленения и ликвидации государственного суверенитета, они не стеснялись в выборе средств для того, чтобы принудить Прагу к капитуляции перед фашистским агрессором.

Есть еще один аспект в позиции Советского Союза в отношении Чехословакии в критическом 1938 г., который привлекает к себе постоянное внимание. Как уже отмечалось, Советский Союз и Чехословакия обязались помогать друг другу при условии, что Франция сделает то же самое. Это означало, что обязательство об оказании взаимной помощи автоматически утрачивало свою силу, откажись Франция помогать Советскому Союзу или Чехословакии. Настаивая на такой оговорке в

1935 г. при подготовке договора с Советским Союзом, чехословацкая сторона явно стремилась перестраховаться на случай, если Франция не окажет СССР помощи при нападении на него гитлеровской Германии и ее союзников. В обстановке, сложившейся в 1938 г., эта оговорка приобрела новое содержание. Ввиду явного стремления официального Парижа уклониться от выполнения своих договорных обязательств перед Прагой Советский Союз практически тоже не был обязан приходить на помощь Чехословацкой Республике. Указанное обстоятельство и пытаются использовать некоторые буржуазные фальсификаторы истории. Их построения сводятся к следующему: будучи уверенным в том, что Франция не придет на помощь подвергнувшейся агрессии Чехословакии, Советский Союз без всякого риска для себя сколько угодно мог выступать с заявлениями в пользу Чехословацкой Республики, не имея при этом ни малейшего намерения защищать последнюю.

Однако подобные недобросовестные построения находятся в противоречии с фактами. А подлинные факты таковы.

В апреле 1938 г. на совещании в Кремле был обсужден доклад советского полпреда в Праге о политическом положении в Чехословакии. Советское правительство вынесло решение: вместе с Францией и Чехословакией «предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии». Несколько дней спустя Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в публичном выступлении остановился на договоре между Советским Союзом и Чехословакией. Изложив точные условия оказания взаимной помощи, он отметил: «Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции». Политическая значимость этого заявления подчеркивалась тем, что оно было сделано конституционным главой Советского государства.

Позже по поручению советской стороны руководитель Коммунистической партии Чехословакии К. Готвальд сообщил президенту Чехословацкой Республики Э. Бенешу: Советский Союз готов оказать Чехословакии военную помощь даже и без Франции при условии, что сама Чехословакия окажет сопротивление агрессору и попросит о советской помощи. Не изменилась позиция

Советского Союза и тогда, когда Чехословакии стала угрожать непосредственная опасность фашистской агрессии. 10 сентября 1938 г. чехословацкий посланник доносил из Москвы министерству иностранных дел Чехословакии: «Мне стало известно из источников, близких к Кремлю, что там обсуждался даже вопрос о действиях и без Франции. Настроение, следовательно, по отношению к нам очень твердое и решительное».

И еще одно свидетельство. 19 сентября 1938 г. Э. Бенеш, убедившись в предательстве Франции, обратился к Советскому правительству с просьбой дать срочный ответ, окажет ли СССР помощь Чехословакии на основании статей 16 и 17 Устава Лиги наций, если в случае нападения Германии президент Чехословацкой Республики обратится в Совет Лиги наций о применении упомянутых статей.

Этот вопрос имел в виду новую ситуацию: нежелание Франции защищать своего чехословацкого союзника освобождало СССР от всяких обязательств перед Чехословакией. После этого Советское правительство могло прийти на помощь Чехословакии независимо от договора 1935 г.— в порядке добровольного решения или в силу постановления Лиги наций. На следующий же день Москва дала утвердительный ответ: Советский Союз выполнит свои обязательства согласно статьям 16 и 17.

В заключение остается отметить, что руководители Чехословакии не сомневались в том, что СССР готов оказать Чехословакии действенную помощь даже сверх договорных обязательств. 18 сентября 1938 г. министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта сообщил посланнику США в Праге, что «в случае крайней необходимости СССР может прийти на помощь Чехословакии независимо от Франции». Признавал этот факт и Э. Бенеш (он говорил об этом в 1939 г. в беседе с дочерью немецкого писателя Т. Манна).

Проблема взаимоотношений между Францией, Чехословакией и СССР в тридцатые годы, подробно разработанная В. Кралом в других трудах (особенно в «Spojenectví československo-sovětské v evropské politice 1935—1939». Praha, 1970), в книге «План Зет» не занимает центрального места. Главной задачей здесь автор поставил перед собой другое — проследить курс внешней политики Великобритании на сговор с Германией.

Он весьма подробно исследует английскую политику в чехословацком вопросе за период от визита Э. Галифакса к Гитлеру 19 ноября 1937 г. до появления «плана Зет» и его реализации во встречах Н. Чемберлена с фашистским диктатором в Берхтесгадене и Годесберге.

Существо этого курса состояло в отказе Великобритании от пресечения агрессии германского империализма, в стремлении направить его экспансию на восток Европы, в конечном счете против Советского Союза.

Авторство британской политики в отношении фашистских агрессоров вовсе не принадлежало Н. Чемберлену. Ее истоки восходят к Локарнским соглашениям и «пакту четырех», подписанному в 1933 г. Англией, Германией, Францией и Италией, но не ратифицированному из-за протеста французской общественности. Существо внешнеполитического курса Великобритании достаточно ясно проявилось в ее реакции на перевооружение Германии в нарушение мирных договоров, оккупацию Рейнской демилитаризованной зоны в 1936 г. и другие события, нагнетавшие военную опасность в Европе.

Стратегическую цель английских уступок гитлеровской Германии с предельной откровенностью сформулировал в доверительном письме Н. Чемберлену его предшественник на посту премьера С. Болдуин. «В случае возникновения войны,— писал Болдуин 29 июля 1936 г.,— я хотел бы, чтобы она была войной между большевиками и наци». Установка на вооруженное столкновение между СССР и Германией представляла собой попытку применить к принципиально новой международной обстановке традиционный принцип британской дипломатии в европейской политике: «Ни одна великая держава не должна иметь доминирующего положения на континенте».

С точки зрения интересов английского империализма это был оптимальный вариант. Правящие классы Великобритании надеялись руками гитлеровской Германии добиться разгрома СССР, а заодно и ослабления самой Германии, своего главного соперника в капиталистической Европе.

Практическое осуществление этого вероломного, но нереального замысла и было возложено на кабинет Н. Чемберлена. Ему удалось добиться решения бли-

жайшей тактической задачи — выдать Чехословакию на милость Германии. Однако дальнейшие планы английского империализма потерпели крах, ибо не учли ни активности и возросшего влияния международного рабочего и антифашистского движения, ни силы принципиальной и гибкой внешней политики Советского Союза, ни остроты и непримиримости империалистических противоречий между Германией и Великобританией.

С. Прасолов

ВВЕДЕНИЕ

Непосвященному наблюдателю может показаться, что книг о Мюнхене написано более чем достаточно. Действительно, литература по проблематике Мюнхена, изданная во всех странах мира, составит целую библиотеку. И тем не менее мы снова возвращаемся к мюнхенской теме. Это понятно. Мир хочет знать, почему и как он был втянут во вторую мировую войну, которая погубила десятки миллионов людей.

Исторические события невозможно познать раз и навсегда. Наши знания постоянно пополняются. Со временем появляются новые возможности для более глубокого проникновения в суть исторических явлений. Архивы открывают свои фонды. Так, в конце шестидесятых годов впервые стали доступны английские архивы, содержащие документы 1938 г. В распоряжении историка сегодня и протоколы заседаний английского правительства того времени, и переписка секретариата Н. Чемберлена, документы Форин оффиса (МИД Великобритании), письма Э. Галифакса, В. Ренсимена, Н. Гендерсона и других британских дипломатов, сыгравших столь роковую роль в истории Чехословакии.

В конце тридцатых годов Англия была одной из мировых держав. И хотя формально она не являлась союзником Чехословакии, ее роль в мюнхенских событиях была первостепенной. Поэтому не удивительно, что значение нового документального материала из Лондона превосходит значение всего того, что о 1938 г. сохрани-

лось в самой Чехословакии, где было уничтожено огромное количество ценных документов как до немецкой оккупации, так и во время нее. Послевоенные преобразования также изрядно перетряхнули фонды исторических архивов. Некоторые предвоенные политики любой ценой старались уничтожить свидетельства своей деятельности в 1938 г. Итог мог быть лишь один: историки долго не имели в своем распоряжении материалов, необходимых для ясного и точного объяснения обстоятельств, приведших в 1938 г. к временному прекращению существования чехословацкого государства.

Чехословацкий кризис 1938 г. носил международный характер, и потому естественно, что материалы, освещающие вопросы, связанные с ним, рассеяны по всему миру. Автор имел возможность познакомиться с архивными документами, хранящимися в большинстве столиц европейских государств. Последним был Лондон.

Мюнхен был заговором империалистических держав. Сейчас исследователям открыты германские, английские и итальянские архивные материалы. Остается Франция, дипломатические сейфы которой пока недоступны. Но изученные документы раскрыли все таинства французской политики, и едва ли можно ожидать, что Париж преподнесет какие-нибудь сюрпризы. Зарубежный материал имеет еще и то значение, что восполняет практически все уничтоженное либо пропавшее в Чехословакии.

В книге, предлагаемой читателю, внимание сосредоточено главным образом на английской политике в отношении Чехословакии. Критический поворот в этой политике связан с посещением Германии Галифаксом в ноябре 1937 г., а логическим ее завершением стала оккупация последних чешских земель в марте 1939 г. Понятие «агрессия» для периода тридцатых — сороковых годов в политическом мышлении многих отождествляется обычно с германским империализмом. История Мюнхена свидетельствует, что для Чехословакии не меньшую опасность представлял империализм английский. Не случайно, что еще и сейчас тезис о действительности мюнхенского соглашения отстаивают некоторые круги именно в Англии и в ФРГ. В полной несостоятельности этого тезиса читателю поможет убедиться последующее изложение.

I

АНГЛИЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ

Германия с момента захвата власти гитлеровцами стала представлять опасность для всего мира. Ряд европейских государств, прежде всего Советский Союз, а также Франция и другие, неоднократно высказывался о необходимости создания системы коллективной безопасности для сохранения европейского мира. Договоры между Францией, Советским Союзом и Чехословакией были практическими шагами по пути к обеспечению безопасности в Европе.

Иными путями шла в это время английская политика. Руководящие деятели «Бэнк оф Ингланд» уже в 1934 г. стали поддерживать Гитлера как активного противника Советского Союза. Созданное в 1935 г. Общество англо-германской дружбы, в которое входило приблизительно 28 членов палаты лордов, утверждало, что крах Гитлера мог бы привести к установлению коммунистической системы в Германии и затем к падению капитализма в Европе. Поэтому члены общества ставили своей задачей поддерживать нацистскую систему даже ценой принесения в жертву ряда малых государств — соседей Германии.

Европейские секции Коминтерна, обличая английский империализм, указывали в своем обращении 1935 г.: «Из всех империалистических держав английский империализм более всего поощряет германское вооружение против Советского Союза и использует его для оправдания собственного вооружения» [1].

Политика Гитлера с самого начала была направлена на установление германского господства над обширными территориями Европейского континента. И хотя Германия уже в 1933 г. поднимала вопрос о возврате колоний, было очевидно, что в первую очередь она попытается установить германское владычество в самой Европе.

В то время как советская, французская и чехословацкая дипломатия в тридцатые годы вела настойчивые переговоры о создании в Европе системы коллективной безопасности, которая сделала бы невозможной гитлеровскую агрессию, английская политика стала на путь сепаратных переговоров непосредственно с Гитлером. Одним из неизбежных последствий этих сепаратных сделок было принесение в жертву Чехословакии.

Уже в 1934 г. Антони Иден посетил Германию и встретился с Гитлером. Предметом переговоров были вопросы германского вооружения и возвращения Германии в Лигу наций. Гитлер ставил непременное условие: «уравнение в правах Германии», то есть фактически требовал пересмотра мирных договоров [2].

Весной 1935 г. в Германию снова приехали А. Иден и министр иностранных дел Великобритании Джон Саймон. Переговоры с Гитлером вел Саймон. Во время них был поднят вопрос об Австрии и о колониях. Гитлер не переставал повторять, что он будто бы спас мир от большевизма, и это произвело на Саймона сильное впечатление. Дж. Саймон уверял Гитлера, что Англия относится к нему с полным пониманием. Позднее «Дейли телеграф» проговорилась, что Гитлер требовал возвращения «польского коридора», Верхней Силезии, аннексии чехословацких пограничных районов и аншлюса Австрии. Посланник Чехословакии в Лондоне Ян Масарик проверял, соответствует ли утверждение газеты действительности, и установил, что «обо всех этих вещах в Берлине говорилось и особенно резко Гитлер высказывался против Чехословакии. Я слышал, что Саймон и Иден были поражены нервозностью, чуть ли не истерией Гитлера, который весь в поту нервно бегал по комнате, кричал, заламывал руки и т. д.» [3]. После возвращения Дж. Саймона в английском правительстве возникли разногласия в оценке результатов его пе-

реговоров. Премьер-министр Стэнли Болдуин реалистически оценивал ситуацию, тогда как Малькольм Макдональд и Дж. Саймон настаивали на уступках Гитлеру.

Английская позиция в отношении Германии уже в тот период практически поощряла агрессивность Гитлера и оказывала все более сильное влияние на Францию, сдерживая ее усилия по созданию системы коллективной безопасности в Европе.

А. Иден тогда же посетил и другие государства Центральной и Восточной Европы *. В начале апреля 1935 г. он остановился в Праге. Э.Бенеш ** при встрече сказал ему буквально следующее: «Если я буду оставлен один на один с Германией, я буду вынужден с ней договориться. Чехословакия не сможет вести войну против Германии в одиночку» [4]. Именно такую политику и проводил Бенеш в 1938 г.

В январе 1937 г. А. Иден, ставший уже министром иностранных дел, информировал премьер-министра С. Болдуина о состоявшемся разговоре британского дипломата с Э. Верманом, чиновником германского министерства иностранных дел. Верман нисколько не скрывал, что в ближайшем будущем Германия нападет на Чехословакию, чтобы открыть себе путь в Дунайский бассейн. На вопрос, что будет делать Германия, если против нее выступит сильная коалиция, Верман сказал: Германия предпримет нападение лишь в том случае, если будет уверена в дружеском отношении Великобритании — это нацистские руководители считают кардинальным вопросом. Если Англия останется нейтральной, Германия может пойти даже на риск войны с Францией и СССР. В заключение разговора Э. Верман выразил надежду, что уже в будущем году англо-германские отношения окажутся настолько близкими, что станет возможной экспансия Германии в Центральной Европе [5].

---

* Английский лорд — хранитель печати А. Иден в марте — апреле 1935 г. совершил так называемую информационную поездку в Берлин, Варшаву, Москву и Прагу.— *Прим. ред.*

** Эдуард Бенеш — чехословацкий государственный деятель. С сентября 1918 г. по декабрь 1935 г. министр иностранных дел, с декабря 1935 г. по октябрь 1938 г. президент Чехословакии.— *Прим. ред.*

В начале мая 1937 г. была организована поездка лорда Лотиана * в Германию. У Гитлера он был не впервые. Еще в феврале 1935 г., подготавливая визит Дж. Саймона, он убеждал Гитлера, что Англия не усматривает в Германии никакой опасности; единственная опасность для Европы, по мнению Англии, исходит от большевистской России [6]. Теперь, когда нацисты готовили военный конфликт в Центральной Европе, Лотиан заверил Гитлера, что Англия вступит в войну лишь в том случае, если под угрозой окажется целостность ее империи, или подвергнутся нападению Франция и Бельгия, или будет грозить опасность Египту, Суэцкому каналу и Ираку **. Гитлер, выслушав все это, свел разговор к так называемому «судетскому вопросу»; как он утверждал, Чехословакия якобы угнетает судетских немцев и делает это потому, что является, в сущности, «предмостным укреплением русского государства». Чехословакия якобы сама виновна в плохих отношениях с Германией. Напротив, Польша сохраняет с Германией дружественные связи и никогда не позволит, чтобы ее территория стала плацдармом России. Чехи не имеют права угнетать судетских немцев. Если бы они удовлетворительно разрешили дела судетских немцев, то Гитлер был бы готов заключить с Чехословакией пакт [7].

В тот же день состоялась беседа лорда Лотиана с Г. Герингом. Лотиан совершенно откровенно заявил, что Англия будет рассматривать Восточную Европу как сферу германского влияния при условии, что Германия станет защитником независимости малых государств. Чтобы осуществить это, необходимо вызволить эти государства из зависимости от Франции и России. С такой установкой Геринг весьма охотно согласился и заметил Лотиану: если бы Чехословакия приняла эти условия и установила дружественные отношения с Германией, то судетская проблема была бы очень скоро

---

* Лорд Лотиан (Филип Генри Керр) — один из виднейших представителей либеральной партии в палате лордов, был активным деятелем Общества англо-германской дружбы и «клайвденской клики».

** Заверения лорда Лотиана основывались на выступлении министра иностранных дел Великобритании А. Идена в избирательном округе Лимингтон 20 ноября 1936 г. Это выступление неоднократно цитировалось при характеристике позиции Англии.— *Прим. ред.*

разрешена и без территориальных изменений. Излагая английскую позицию, Лотиан сказал, что в случае серьезного кризиса в Восточной Европе реакция Великобритании будет зависеть от многих обстоятельств, но главным образом от настроения английского общественного мнения. Если бы Германии удалось убедить британское общество в том, что она не намеревается ликвидировать суверенитет других народов Восточной Европы, положение весьма упростилось бы — особенно если бы Германия доказала, что ограждает государства Восточной Европы от растущей мощи России. Германия, по мнению Лотиана, могла бы создать в Восточной Европе такую же сферу влияния, какую Великобритания имеет в доминионах или США — в Южной Америке[8].

Следующий день был посвящен переговорам Лотиана с президентом рейхсбанка Ялмаром Шахтом. Во время беседы Шахт заявил, что уже само название «Чехословакия» оскорбляет немцев. Эта страна — совершенно искусственное образование, являющееся продуктом мирных конференций. Если бы немцы в Чехословакии получили полную культурную автономию, то тогда они, по словам Шахта, были бы готовы и впредь оставаться в этом государстве. Сам Шахт якобы не является сторонником их передачи Германии. Затем он напомнил высказывание английского министра Л. Эмери, заявившего, что Германия не должна требовать возврата колоний, так как буквально у ее порога находится Восточная Европа, которая представляет собой прекрасную компенсацию. Такой совет, по мнению Шахта, не слишком гуманен. Сама Англия живет в мире и полном довольстве, а Германии она советует вести войну против Восточной Европы вместо того, чтобы обратить свою энергию на решение конструктивных задач. Германия не последует совету Эмери. Лотиан счел нужным дать некоторые дополнительные разъяснения по этому вопросу. Ключом к решению всех проблем в Европе, как он считает, является признание Германией суверенитета европейских народов. На такой основе можно было бы решить экономические вопросы и реорганизовать Восточную Европу под германским руководством. По мнению Лотиана, Англия готова вести переговоры с ответственными людьми в Германии.

Шахт также изъявил готовность обсудить эти предложения на встрече уже в Англии. Он полагал, что колонии решили бы социальные и политические проблемы Германии, и добавил, что если бы для Германии были созданы нормальные экономические условия, то вместе с тем исчезли бы антисемитизм и расизм, которые явились результатом лишений, испытанных немецким населением после Версальского мира. В нормальных условиях, очевидно, рождались бы и нормальные идеи [9].

Содержание переговоров лорда Лотиана в Германии показало весьма точно, как следует понимать требование Гитлера об «уравнении в правах»: Германия должна была быть уравнена в правах с колониальными державами. Связывать решение внутренних социальных проблем с колониализмом было характерно для представителей британского империализма. Еще В. И. Ленин критиковал английского колониального деятеля Сесиля Родса, заявлявшего в 1895 г.: «Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями... Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами» [10].

Согласно такой логике, Германия могла быть спасена от социалистической революции тем, что ей было бы дозволено создать в Восточной Европе собственную «колониальную сферу». Британское правительство не выражало готовности возвратить Германии ее бывшие колонии, полученные Англией после первой мировой войны. Л. Эмери выразил это ясно: было бы нелепо возвращать колонии Германии, имеющей такую заманчивую возможность на своих восточных границах.

По возвращении в Лондон лорд Лотиан представил своему правительству «Меморандум о визите в Берлин в мае 1937 г.». Говоря о причинах ухудшения англо-германских отношений, он отмечал, что «английское общественное мнение было шокировано репрессивными аспектами германской внутренней политики, преследованиями, а также быстротой и широкими масштабами ее вооружения, причем значительная часть левых общественных кругов склонна принять марксистское

истолкование фашизма как орудия капитализма... Однако марксистское истолкование современной Германии неверно... Национал-социализм в своей основе является национальным движением, направленным против внутренней разобщенности, порожденной настроениями поражения и коммунизмом, и выступает за возвращение Германии того, что она считает своим законным местом в мире» *.

Далее Лотиан задает вопрос, существует ли основа для мирного урегулирования с Германией, и дает на него положительный ответ. По его мнению, «в Восточной Европе в конечном счете существуют только две возможности. Или же полное перевооружение Германии на основе принципа самоопределения, т. е. Германия вновь поглотит Данциг, Мемель, часть [польского.— *В. К.*] коридора, Австрию и включит в Германию судетских немцев в результате серии ударов политики силы, каждый из которых может повлечь за собой риск войны. В результате Германия, еще более укрепив свою позицию силой, будет чудовищной угрозой для всей Европы. Это то, что Гитлер называет британским или ольстерским методом обращения со своими собственными меньшинствами. В другом случае Германия заключит соглашения с малыми восточноевропейскими государствами по образцу нынешнего Британского Содружества, в котором будет признана суверенная независимость государств, германские меньшинства будут поставлены в те же условия, что и 60% англичан в Южной Африке и 1/3 англичан в Канаде, и между членами объединения будут установлены отношения доверия, а также некоторые взаимные экономические соглашения. Такая система ни для кого не будет угрозой и сделает возможным германское решение австрийской проблемы». Гитлер и Геринг, как утверждал Лотиан, были согласны с таким вариантом. Следующие проблемы, которые нужно было бы решить со временем,— это колониально-экономический вопрос, вопросы о вооружении и системе союзов в Европе.

В своем меморандуме Лотиан представляет дело следующим образом: Англия стоит перед выбором —

---

* Здесь и далее русский перевод меморандума дается по публикации в сб.: Проблемы британской истории. М., 1972, с. 302—310.— *Прим. ред.*

или последовать примеру Барту * и отказаться иметь дело с Германией, или же достигнуть соглашения с Германией. «Я считаю повелительно необходимым,— писал Лотиан,— чтобы мы попытались достигнуть урегулирования теперь. Уже сейчас поздно. Настроение в Германии меняется. Я слышал об этом со всех сторон. Но еще не слишком поздно. И Гитлер и Геринг настоятельно подчеркивали, что у них нет союзных соглашений с Италией или Японией — пока — и они предпочли бы договориться с нами». Лотиан считал, что соглашения по этим вопросам могут заключаться постепенно и что Гитлер, видимо, хочет выйти из изоляции, в которую он попал после выхода из Лиги наций. В течение ближайшего года Англии необходимо будет решить: либо договориться с Германией о Восточной Европе и урегулировать колониальный вопрос, либо «сползать к новой системе союзов, в которой Великобритания, Франция и Россия будут ядром на одной стороне, а Германия, Италия и Япония — на другой». Если соглашение не будет достигнуто, неизбежен кризис в областях, расположенных к востоку от германских границ. Если же Англия сумеет договориться с Гитлером, то это может обеспечить мир для целого поколения. Однако путь к соглашению, как отмечал Лотиан, может быть сопряжен с целым рядом трудностей. «Франция, Чехословакия и Россия почти наверняка воспротивятся таким уступкам Германии, которые только и могут сделать возможным длительный мир». Вооружившаяся Германия позже станет проявлять меньшую готовность к переговорам. «Гитлер серьезно опасается большевизированной Европы. Поэтому Германия желает сотрудничать с нами». Далее Лотиан ставит вопрос: как преодолеть оппозицию со стороны франко-советского союза и перейти к политике уступок? «Действительное затруднение проистекает, по-видимому, из нежелания Франции, России и некоторых малых стран Восточной Европы

* Луи Барту — французский государственный деятель. В 1934 г. был министром иностранных дел Франции. После установления фашистской диктатуры в Германии и усиления военной угрозы с ее стороны активно выступал за создание системы коллективной безопасности в Европе и за сотрудничество с СССР.— *Прим. ред.*

пойти на некоторые существенные уступки, чтобы удовлетворить законные пожелания Германии,— пишет лорд Лотиан,— и из их уверенности, что они могут в крайнем случае рассчитывать на нашу поддержку... В войне, которая, возможно, разразится, вся Европа будет занята, чтобы нанести поражение Германии... в то время как ни один из наших союзников ни в малой степени не заинтересован в защите Британского Содружества от нападения со стороны Италии и Японии. Поэтому мне кажется, что первой заповедью британской политики должно быть уклонение любой ценой от участия в антигерманском союзе...» Перед британским правительством стоит практический вопрос: должна ли Англия поддерживать Францию и ее союзников в сохранении существующего положения в Восточной Европе, допустив лишь минимальные изменения, «которые сохранят ее в целом во франко-русской антигерманской орбите»? Или же, наоборот, Англия должна достигнуть соглашения с Германией по колониально-экономическому вопросу?

В своем меморандуме Лотиан подчеркивает, что Англия должна всем дать понять, что она не имеет ничего общего с франко-советским пактом. По его мнению, у Британской империи есть единственный выход, а именно: добиваться соглашения о дружбе с Германией; если такое соглашение не удалось бы заключить, то тогда Англия должна будет свести свои обязательства в Европе «до минимума, необходимого для ее собственной безопасности», и способного предотвратить перерастание локальных войн в мировые [11].

Поездка Лотиана в Германию была далеко не частным делом. Его взгляды, высказанные в беседах с нацистскими главарями и сформулированные в меморандуме, отражали принципиальную линию британской политики в отношении Чехословакии.

В конце мая 1937 г. чехословацкое посольство в Берлине в своем донесении предупреждало, что в Лондоне усиливается политическое течение, выступающее за соглашение с Германией, и что значительным влиянием пользуются Лотиан и его сторонники [12]. В то же время в донесении подчеркивалось, что в Англии получают все более широкое распространение утверждения о «притеснении немцев в Чехословакии» и это оказывает силь-

ное давление на британскую политику в отношении Центральной Европы.

Вопрос о немецких меньшинствах в странах, расположенных к востоку от германских границ, использовался в интересах нацистской политики. Партия Генлейна * с момента создания рассчитывала на поддержку британского правительства. Для этого К. Генлейн часто выезжал в Англию, где не скупился на публичные заявления, что его партия желает добиться соглашения с чехами по национальному вопросу, что она выступает за демократию и не поддерживает никаких сношений с нацистской Германией. Он старался убедить британскую общественность в том, что сразу же после удовлетворения требований этой «достойной демократической партии» будут устранены недоразумения между Германией и Чехословакией и, следовательно, ликвидирован один из очагов напряженности в Европе. Нацистские политики отдавали себе отчет в том, что, чем сильнее будут иллюзии британской общественности в отношении партии Генлейна, тем большее давление британское правительство сможет оказывать на Прагу, требуя уступок судетским немцам. Инициаторы политики «умиротворения» со своей стороны также поддерживали всевозможные иллюзии о Генлейне, ибо это содействовало достижению соглашения с нацистской Германией. Показательно, что покровителем этой партии выступал полковник Кристи из британской разведывательной службы.

Однако подобные иллюзии были не только у англичан. Например, еще в 1935 г. Э. Бенеш на заседании исполнительного комитета национально-социалистической партии разъяснял, что Генлейн не опасен, что немцев можно перевоспитать и что через 2—3 года партия Генлейна войдет в правительство [13].

Совершенно иначе к решению национального вопроса в Чехословакии подходила КПЧ. В резолюции Коминтерна 1935 г. о задачах единого фронта ясно указывалось, что свобода чешского народа может быть обес-

---

* Конрад Генлейн — руководитель судетонемецкой партии открыто фашистского типа, действовавшей в Чехословакии с 1933 г. Направляемая и финансируемая гитлеровцами судетонемецкая партия добивалась отторжения пограничных районов Чехословакии и присоединения их к Германии.— *Прим. ред.*

печена только объединенными усилиями пролетариата всех национальностей Чехословакии. Отторжение от Чехословакии территорий, на которых проживали национальные меньшинства, не отвечало бы интересам пролетариата, потому что соседями Чехословакии были большей частью фашистские государства. Резолюция осуждала ориентацию отдельных представителей угнетенных национальностей на агентуру иностранного фашизма. Задачей пролетариата является борьба против национальной буржуазии, создающей угрозу также и свободе чешского народа. Перед чешскими коммунистами ставилась задача бдительно следить за происками собственной буржуазии. В резолюции говорилось, что чешская буржуазия, когда дело касается проведения политики союзнических отношений с Советским Союзом, становится неустойчивой, двуличной и непоследовательной. В случае изменения международной ситуации она готова переметнуться в антисоветский лагерь. КПЧ должна в первую очередь клеймить позором действия правого крыла буржуазии, стремящегося к соглашению с Гитлером [14]. Подобно тому как английская буржуазия из страха перед коммунизмом поддерживала Гитлера, правое крыло чешской буржуазии по том же соображениям оказывало поддержку партии Генлейна в чешских пограничных районах.

Нажим английского правительства на Чехословакию, требовавшего уступок немецкому меньшинству, нарастал с середины тридцатых годов. В феврале 1937 г. чехословацкое правительство Милана Годжи предприняло попытку реализовать проект «национального соглашения», участниками которого, разумеется, должны были быть только «немецкие активистские партии» *. Постановление правительства от 18 февраля 1937 г. предполагало определенные улучшения для национальных меньшинств в социальной, экономической и культурной областях, а также в области школьного образования. Но ни одно из подобных предложений, конечно,

* Активистские партии — буржуазные политические партии национальных меньшинств в Чехословакии. В отличие от судетонемецкой партии и глинковской партии словацких фашистов они сотрудничали с правительственной коалицией и выступали за сохранение целостности Чехословацкой Республики.— *Прим. ред.*

не могло удовлетворить ни Гитлера, ни британских «умиротворителей». Ведь действительной целью их общей политики было не выполнение требований немецкого населения в Чехословакии, а включение этого государства в сферу германских интересов.

В 1936 г. руководство судетонемецкой партии приняло решение направить в Лондон особого уполномоченного Вальтера Бранда, который, помимо всего прочего, был личным другом Г. Геринга. Весь 1937 г. усердствовал также и Карл Г. Франк — один из руководителей генлейновской партии. Во время встреч с леди Астор, мисс Уикман, послом Н. Гендерсоном, журналистом Уордом Прайсом и другими он настойчиво подчеркивал, что единственным решением так называемого судетского вопроса является территориальное разделение чехов и немцев [15]. Что же предпринимало чехословацкое правительство против подрывной деятельности Генлейна?

Чехословацкий посланник в Лондоне Ян Масарик хотя и являлся противником уступок за счет Чехословакии, но в остальном был убежденным защитником британской политики. Он хорошо знал, что английские консервативные круги ненавидят Чехословакию, они не примирились с распадом Австро-Венгрии в 1918 г. и считают Чехословакию «плебейским» государством — источником постоянных затруднений для Великобритании. Я. Масарик регулярно докладывал о неблагоприятных моментах в британской политике и, как правило, сообщал об английских рекомендациях Чехословакии заблаговременно договориться с Генлейном. В одном из своих итоговых политических донесений за 1936 г. Я. Масарик, помимо прочего, писал: «Мы не можем рассчитывать на проявление у англичан интереса к нашему государству. Такая заинтересованность возможна только в том случае, если их к этому побудят эгоистические мотивы или если им будет абсолютно ясно, что они должны оказывать нам поддержку вследствие своих международных обязательств» [16].

Нельзя сказать, чтобы Я. Масарик небрежно относился к своим обязанностям в Лондоне; с мрачным юмором, подчас даже с цинизмом он докладывал о жестком курсе английской политики в отношении Чехословакии, так что Прага едва ли могла жаловаться на недо-

статок информации. Но в то же время нельзя и утверждать, что он в Лондоне делал больше, чем ему предписывали инструкции тогдашнего министра иностранных дел. Впрочем, зная сегодня, с каким пренебрежением смотрело на Чехословакию правительство Н. Чемберлена, какой незначительной, маленькой страной Чехословакия представлялась в британских дипломатических материалах, вряд ли стоит питать иллюзии о возможностях чехословацкого посланника в Лондоне. Для среднего английского буржуа маленький островок в Карибском море, как часть Британской империи, был намного важнее малоизвестной ему Чехословакии.

Другим путем проникновения английского влияния в Прагу была чехословацкая миссия в Берлине. В 1932 г. пост посланника здесь занял Войтех Мастны, издавна тесно связанный семейными узами с Живностенским банком*. В двадцатые годы Мастны был чехословацким посланником в Лондоне, и в Берлине его отношения с англичанами продолжали оставаться весьма близкими. Летом 1936 г. прибывший в Берлин в связи с Олимпийскими играми постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Роберт Ванситтарт в беседе с Мастным решительно выступил в поддержку партии Генлейна. Испуганный Мастны поспешил в Прагу к Бенешу; из Лондона вызвали Яна Масарика. Мастны высказал мнение, что, если в скором времени не удастся прийти к соглашению с Генлейном, Чехословакии придется распрощаться со своими границами [17]. Он доказывал, что английские политики приняли утверждение Генлейна о так называемом притеснении немцев, что Франция следует за Англией, а Германия ставит своей целью аншлюс Австрии и уничтожение Чехословакии. Он рекомендовал Э. Бенешу начать переговоры с Генлейном. Но Э. Бенеш, ссылаясь на внутренние разногласия в судетонемецкой партии, полагал нужным подождать дальнейшего развития событий.

В мае 1937 г. английским послом в Берлине был назначен Невиль Гендерсон, один из наиболее ярых за-

* Живностенский банк (генеральный директор Я. Прейсс) — крупнейший банк в буржуазной Чехословакии, представлявший наиболее влиятельную и реакционную группировку чешского финансового капитала.— *Прим. ред.*

щитников соглашения Англии с нацистской Германией. Перед этим Н. Гендерсон работал в Буэнос-Айресе и уже там оказывал давление на югославского посланника с тем, чтобы Югославия отошла от Чехословакии и оставила ее на произвол Германии. Он был страстным охотником и политикой занимался обычно на охоте. Гендерсона больше всего интересовали охотничьи угодья, и он, несомненно, лучше знал, сколько в Чехословакии фазанов, чем немцев. Первая беседа с чехословацким посланником В. Мастным показала, что Н. Гендерсон вообще не имел никакого понятия, где, собственно, живут в Чехословакии немцы, но зато был твердо убежден, что они бесчеловечно угнетаются и что единственным выходом является соглашение правительства с Генлейном[18]. В разговорах с дипломатами, аккредитованными в Берлине, он не скрывал своего мнения, что Германии необходимо позволить завладеть Австрией, Чехословакией и всеми Балканами, а Англию и США удовлетворит господство на морях. В беседах с В. Мастным Н. Гендерсон, в сущности, повторял мысли, которые лорд Лотиан изложил в своем меморандуме. Великодержавные устремления Германии, по его словам, нельзя сдержать, и ради спасения мира Чехословакия должна удовлетворить требования судетских немцев. В. Мастны, по сути, принимал аргументацию Н. Гендерсона, время от времени ездил к Э. Бенешу и доказывал ему, что все потеряно, что Англия не вступится за Чехословакию и что Германии невозможно оказать серьезное сопротивление даже в том случае, если бы вместе с Чехословакией выступили Франция и СССР[19]. Мастны очень хорошо знал, что Н. Гендерсон активно действует против франко-советского договора, что цель английской политики состоит в ликвидации этого союза, так как он являлся препятствием на пути соглашения с Гитлером.

Весной 1937 г. английским посланником в Праге был назначен Бэзил Ньютон, который, как и Н. Гендерсон, сыграл крайне отрицательную роль в событиях, приведших к гибели Чехословакии. Б. Ньютон еще в 1936 г., будучи временным поверенным в Берлине, обвинял Чехословакию в угнетении судетских немцев. В пражском дипломатическом корпусе он настойчиво проводил идею о том, что Англия хотела бы улучшения взаимоотно-

шений между Германией и Чехословакией. И хотя правительство его величества, заявлял он, не уверено, что решение вопросов, связанных с национальными меньшинствами, обеспечило бы такое улучшение, оно тем не менее рекомендует чехословацкому правительству достичь соглашения с Генлейном, так как это укрепило бы чехословацкое государство изнутри [20].

Британские рекомендации такого рода будут повторяться вплоть до сентября 1938 г. Внешне это выглядело так, будто английское правительство принимало близко к сердцу судьбу судетских немцев. Но не следует забывать, что лорд Лотиан в своем меморандуме рекомендовал, чтобы немецкие меньшинства были поставлены в отношении ненемецкого населения в такое же положение, какое английские колонисты в Южной Африке занимали в отношении цветного населения. В конце концов проект Лотиана гитлеровцы осуществили, хотя и в несколько иной форме: статут так называемого протектората Чехии и Моравии был скопирован с французского колониального образца. Немцы получили в протекторате действительно привилегированное положение, а чешское население было низведено до уровня бесправных туземцев. Н. Гендерсон, Э. Галифакс и другие инициаторы политики «умиротворения» и в 1939 г. будут утверждать, что протекторат Чехия и Моравия — это надлежащее и справедливое урегулирование отношений в Центральной Европе.

Нацистская пропаганда постоянно ставила провокационный вопрос: если в Европе право на самоопределение имеют народы, насчитывающие всего один-два миллиона человек, то почему в праве на самоопределение отказывают трем с половиной миллионам судетских немцев?

Лозунг «Самоопределение для судетских немцев» был демагогическим прикрытием подлинной цели германской политики в отношении Чехословакии, состоявшей в ликвидации самостоятельного государства чехов и словаков.

II

ГАЛИФАКС В ГЕРМАНИИ (НОЯБРЬ 1937)

Перечитывая ставшие доступными новые британские документы, можно встретить повторяющееся утверждение, что правительство Н. Чемберлена в отношении Чехословакии осуществляло политику, принципы которой были сформулированы непосредственно после встречи Э. Галифакса * с Гитлером или же по крайней мере с учетом ее результатов. Начатые Э. Галифаксом англо-германские переговоры, продолженные затем Гендерсоном, завершились в итоге уничтожением Чехословакии. Визит Э. Галифакса был важным рубежом в проведении политики, оказавшейся для Чехословакии столь трагичной, однако политика Англии и прежде шла в том же направлении.

1937 г. заполнен переговорами западных держав с Германией о «новом Локарно». Гитлер 7 марта 1936 г. односторонне расторг Рейнский пакт и арбитражные договоры с Францией и Бельгией, а Англия, которая была одним из гарантов Локарнских договоров, убедила Францию не реагировать на этот агрессивный

---

* Лорд Эдуард Галифакс — английский государственный деятель. В 1935—1937 гг.— лорд — хранитель печати. В 1935—1938 гг.— лидер палаты лордов (лорд — председатель Совета) и заместитель премьер-министра. Активный сторонник политики «умиротворения», примыкал к так называемой «клайвденской клике» (см. далее), добивавшейся соглашения с гитлеровцами.— *Прим. ред.*

акт и не прибегать к санкциям, а начать переговоры с рейхом. С тех пор обе западные великие державы тщетно пытались побудить Гитлера подписать новое соглашение, которое заменило бы «мертвое» Локарно. Президент Чехословакии Э. Бенеш знал об этих переговорах и предчувствовал, что западные державы могут договориться с Германией за счет ее восточных соседей. Впрочем, Франция и Англия уже неоднократно давали понять, что они готовы совершить подобную сделку.

Э. Бенеш полагал, что он сможет заключить соглашение непосредственно с Гитлером раньше, чем Запад предаст Чехословакию. Поэтому он тайно принял его эмиссаров в Пражском Граде и в январе 1937 г. даже согласился подготовить для Гитлера текст особого договора между Чехословакией и Германией. Эти переговоры были в конце концов прерваны Гитлером. Ведь английские политики обещали выдать ему Чехословакию без всякого двустороннего соглашения с Прагой.

Э. Бенеш внимательно следил за всеми зигзагами английской политики. Он не мог не видеть, что союзническая Франция все больше подчиняется Англии. Поскольку английская дипломатия рекомендовала Чехословакии сблизиться с Германией, то Э. Бенеш в конце концов решил показать, что Прага не глуха к английским советам. Были проведены некоторые мероприятия, ограничивающие деятельность немецкой антифашистской эмиграции, конфискованы ее печатные издания. Цензура получила указание предоставить больше свободы для генлейновской печати. Напротив, печать правительственной коалиции * призвали к умеренности в высказываниях о Гитлере.

В середине октября 1937 г. К. Генлейн снова был в Лондоне. Он был принят постоянным заместителем министра иностранных дел Р. Ванситтартом, который заверил, что Англия будет поддерживать требование широкой автономии для судетских немцев. Вскоре после возвращения в Чехословакию К. Генлейн опубликовал открытое письмо Э. Бенешу, нагло требуя осуществления автономии в том виде, как это желательно су-

* В состав коалиционного правительства М. Годжи входили представители следующих партий: аграрной, людовской, живностенской, национально-демократической, социал-демократической, национально-социалистической.— *Прим. ред.*

детонемецкой партии[1]. Хорошо зная, что за Генлейном стоит не только Германия, Э. Бенеш направил к нему высокопоставленного чиновника с поручением разъяснить, что президент и правительство желают пойти навстречу судетским немцам, но в данный момент наталкиваются на сопротивление в собственных рядах[2]. Правительственные коалиционные партии получили указание вести себя по отношению к судетонемецкой партии так, чтобы сохранить возможности для будущих переговоров. Э. Бенеш особенно предостерегал коалиционные партии от сепаратного сближения с К. Генлейном (имелись в виду аграрии), так как социалисты в таком случае не удержали бы правительственную линию и избиратели от них переметнулись бы к коммунистам[3]. Бенеш боялся создания народного фронта во главе с коммунистами. Он понимал, что такой народный фронт непременно возникнет, если аграрии попытаются создать правую коалицию вместе с К. Генлейном и А. Глинкой *[4]. Народный фронт — левый блок рабочего класса и мелкой буржуазии — в тех условиях действительно мог спасти республику. Но Бенеш принадлежал к тем политическим деятелям, которые всеми силами убеждали мелкобуржуазные слои и реформистски настроенных рабочих в том, что они должны идти вместе с собственной буржуазией и что основой внешней политики должна быть ориентация на капиталистический Запад.

Однако усилия Э. Бенеша получить поддержку английского правительства были затрачены впустую. В середине 1937 г. Я. Масарик послал из Лондона донесение, в котором говорилось: «Мы являемся и останемся для Англии неприятной обузой»[5].

В 1937 г. на смену кабинета С. Болдуина пришло правительство Н. Чемберлена, и курс на соглашение с Гитлером стал проводиться гораздо более решительно. Вместе с тем нет никаких оснований говорить, что правительство Н. Чемберлена поступало так в отношении Гитлера из-за незнания действительной ситуации в самой Германии. Английским политикам было известно о

---

* Глинка Андрей — основатель клерикально-фашистской, так называемой глинковской словацкой народной партии, которая с 1922 г. выдвигала программу автономии Словакии. В 1938 г. она заключила пакт против республики с генлейновцами.— *Прим. ред.*

существующих разногласиях в руководящих кругах, о внутренней слабости нацизма, но падение нацистской системы представлялось им неприемлемой альтернативой. В террористическом режиме Гитлера усматривалось спасение Европы от коммунизма.

В материалах секретариата Чемберлена найдено письмо А. Идена, написанное в июле 1937 г. В нем содержится типичная для английской дипломатии оценка военных возможностей Германии. Иден писал, что поступающие из Германии сообщения говорят о резком ухудшении внутренней ситуации, что нацистское руководство отдает себе в этом отчет и ищет выхода. Поскольку Германия не может решиться на военную авантюру крупного масштаба, не исключена возможность, что она попытается развязать локальную войну для того, чтобы отвлечь внимание от своих внутренних трудностей. Поступающие из Германии сообщения говорят о том, что там надеются избежать вмешательства других великих держав в такую ограниченную войну и поэтому нет большого риска, что подобный военный конфликт перерастет во всеобщее столкновение [6].

Это письмо свидетельствует, что для британского правительства не было секретом, что Гитлеру не удалось разрешить основные противоречия в Германии. И если Гитлер решится на войну, то это будет проявлением не силы, а слабости. Правительство Чемберлена, как показывают документы, проводило политику «умиротворения» вовсе не потому, что это была тогда единственная возможная политика, как пишет, например, известный консервативный деятель Батлер в недавно вышедшей книге «Искусство возможного» *. Политика уступок проводилась не потому, что Британия в то время была не подготовлена к войне, что Франция была ослаблена внутренней борьбой и что жалобы судетских немцев были обоснованными и т. п. Чемберлен проводил политику уступок Гитлеру для того, чтобы спасти его нацистскую систему. Политика коллективной безопасности была в то время вполне реальной и силы возможной антивоенной коалиции достаточно мощными, чтобы воспрепятствовать Гитлеру развязать войну. Но

---

* The memoirs of lord Butler. The art of the possible. London, 1971.— ***Прим. ред.***

британские реакционеры опасались, что совместные с СССР политические действия привели бы к усилению в Европе позиций коммунизма и в конечном счете к свержению нацизма в Германии, чего консерваторы не хотели допустить.

Как сообщало германское посольство в Лондоне в начале августа 1937 г., правительство Чемберлена было убеждено, что возможно и необходимо предотвратить войну между Германией и Великобританией. Такое мнение особенно окрепло после того, как во Франции пало правительство Народного фронта. Возникает возможность, считало посольство, ликвидировать также и франко-советский пакт, бывший до тех пор помехой для взаимопонимания между Германией и обеими западными великими державами. Британия была бы готова оказать Германии и финансовую помощь при условии, что последняя не предпримет военных действий против Запада и против Чехословакии. Но в отношении Австрии и особенно СССР Германии предоставляется свобода действий. Правительственные круги в Лондоне вообще считают, что германо-советская война в высшей степени вероятна. В таком случае Англия и Франция остались бы нейтральными [7]. Из этого донесения видно, что еще до поездки Э. Галифакса в Германию Гитлеру давали понять, что он «имеет свободу действий» в Восточной Европе. Со своей стороны посол Германии в Лондоне Иоахим фон Риббентроп заверял английских деятелей в германской лояльности по отношению к Британской империи при условии, что Гитлер получит свободу действий в восточной половине Европы [8]. Чемберлен уже тогда поддерживал идею создания пакта четырех держав, который исключал бы СССР из участия в решении европейских дел.

Английский посол в Берлине Н. Гендерсон в ноябре 1937 г. высказывал мнение, что Чехословакия должна достичь соглашения с Генлейном и отказаться от договоров с Францией и СССР. Чехословацкий посланник В. Мастны писал тогда своему министру иностранных дел Камилу Крофте о разговоре с Гендерсоном следующее: «По его мнению, единственное спасение мира — в кооперации четырех великих держав: Англии, Франции, Германии и Италии, при изоляции России. Основной помехой для европейской политики является фран-

ко-чехословацко-советский союз, и Чехословакия должна от него отказаться. Гендерсон говорил примерно так: «Вы, чехи, столь же упрямы, как перед войной были упрямы сербы, и если вцепитесь во что-нибудь зубами, то держитесь до конца, а это в данной ситуации может привести к катастрофе. Вы должны отказаться от своей политики союзов с Францией и Россией»[9]. Показательно, что британский дипломат повторял те же требования, какие выдвигали Гитлер, Геринг, Генлейн и т. д.

Перед отъездом Э. Галифакса в Германию британский Форин оффис подготовил информационные материалы для переговоров. В разделе, посвященном Чехословакии, признавалась трудность ситуации, в которой оказался Бенеш. Англия должна стремиться к «мирному решению». Используя свое влияние, она должна давать советы и рекомендации Чехословакии[10]. Каковы должны были быть эти советы и какое предполагалось «мирное решение», об этом лучше всего свидетельствовала деятельность в Праге британского посланника Ньютона. Он до мельчайших подробностей был информирован о требованиях Генлейна и стал их активным защитником[11].

Гитлер, как вытекает из известного протокола Хосбаха *, был полон решимости расправиться с Чехословакией уже в 1938 г. Он полагал «весьма вероятным, что Англия, а также предположительно и Франция втихомолку уже списали со счетов Чехию и согласились с тем, что когда-нибудь этот вопрос будет решен Германией». Гитлер предполагал, что в случае войны против Чехословакии Англия останется в стороне, а потому мало вероятным было также и выступление французской армии, или, во всяком случае, оно было бы остановлено немецкими укреплениями, которые поспешно строились в Рейнской области[12]. В дальнейшем мы убедимся, что Гитлер был информирован о британских намерениях и верно определял последствия, которые будет иметь британская позиция на действия французского правительства в ходе чехословацкого кризиса.

---

* Имеется в виду протокол совещания 5 ноября 1937 г. у Гитлера, на котором обсуждались планы агрессивных действий Германии против европейских государств (в том числе против Чехословакии).— См.: «Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. М., 1967, с. 59.— *Прим. ред.*

Беседу с Гитлером Галифакс начал с выражения благодарности за подавление коммунизма в Германии. Тем самым, подчеркнул Галифакс, был прегражден путь коммунизму в Западную Европу [13]. Он сказал, что и он сам, и другие члены английского правительства признают заслуги Гитлера в «восстановлении» Германии. Эти слова Галифакса прозвучали как прямое одобрение террора гестапо, системы концентрационных лагерей. Если было бы достигнуто соглашение четырех великих западноевропейских держав, заявил далее Галифакс, то была бы создана основа для длительного мира в Европе. Гитлер ответил, что пакт четырех возможен, но при условии ревизии версальской системы. Оба собеседника признали, что перед Европой стоят практически лишь две возможности: либо «свободная игра сил», которая в конечном счете приведет к войне, либо «разумное решение» путем соглашения. Англия, как заявил Галифакс, не настаивает на сохранении при всех условиях статус-кво в Центральной Европе, но отвергает такое решение, которое вызвало бы новое потрясение. Англичане, продолжал он, убеждены в том, что ошибки в версальской системе должны быть исправлены, и признают необходимость изменения существующего положения. Но все изменения надо производить только на основе разумного урегулирования, а не путем «свободной игры сил», которая в конечном счете означает войну. Гитлер напомнил, что Германия не собирается отказываться от требования возврата своих прежних колониальных владений. На это Галифакс ответил, что Англия в принципе не уклоняется от обсуждения колониального вопроса, однако он может быть рассмотрен только как часть общего урегулирования. Тем самым ясно давалось понять: от Гитлера ожидают, что он со своей стороны также пойдет на уступки. Но Гитлер не сделал ничего подобного. На высказанное Галифаксом пожелание, чтобы Германия вернулась в Лигу наций и взяла на себя определенные обязательства по ограничению вооружений, Гитлер ответил, что Германия вооружается якобы только для того, чтобы наверстать свое отставание от других великих держав. Достижение же соглашения об ограничении вооружений невозможно будто бы из-за существования франко-советского пакта. С Австрией и Чехословакией Герма-

ния договорилась бы легко. Например, чехам достаточно лишь удовлетворить требования своих собственных немцев, и все будут довольны. Галифакс заметил, что Англия понимает: вопрос о Данциге, Австрии и Чехословакии рано или поздно будет решен, и лишь высказал пожелание, чтобы всякие изменения происходили путем «мирной эволюции». Кроме того, Галифакс просил Гитлера принять во внимание фактор британского общественного мнения, без учета которого правительство Великобритании не может проводить свою политику. Переговоры по конкретным вопросам были бы начаты вскоре после возвращения Э. Галифакса в Лондон. Гитлер ответил, что, по его мнению, такие переговоры потребовали бы длительной подготовки. Он закончил беседу заверением, что готов к соглашению, поскольку, мол, желает мира. Общим врагом, которого должны опасаться Германия и Англия, является большевизм. Если бы вспыхнула война, то выиграла бы, конечно, только одна страна — Советская Россия, заключил он.

Два дня спустя Э. Галифакс встретился с военным министром генералом Вернером фон Бломбергом, который также уверял его, что англо-германское взаимопонимание — основа для сохранения мира. Франция и Италия — державы второстепенные, и все будет зависеть от Германии и Англии. По мнению В. Бломберга, ввиду большого прироста населения экспансия Германии неизбежна. Германия и без Гитлера проводила бы такую же политику, Англии следовало бы признать эту реальность [14].

Помимо того, у Э. Галифакса были неофициальные встречи на охоте, организованные Г. Герингом как имперским егерем.

После возвращения Э. Галифакса в Лондон результаты визита были обсуждены правительством Н. Чемберлена. Подводя итоги своим впечатлениям, Э. Галифакс подчеркнул, что, по его мнению, Германия не намерена прибегать к военной авантюре, а желает-де посвятить себя мирному строительству, поэтому относительно Центральной Европы можно прийти к соглашению без больших трудностей. А. Иден полностью одобрил действия Галифакса. Он также считает, что немцы дают понять: их политика в Восточной Европе не создаст затруднений для других народов. Но к сожалению,

они умалчивают о том, чем они сами готовы платить за уступки им в колониальном вопросе. Германия не желает, чтобы ее интересы в Центральной Европе ставились в зависимость от решения колониального вопроса. Но Англия может пойти на уступки Германии только в обмен на общее урегулирование спорных вопросов в Европе. Немцы уклонились от ответа, что они согласны получить Центральную Европу в обмен на отказ от требования возвратить им все их бывшие колонии. Н. Чемберлен, подводя итоги обсуждению, заявил, что целью поездки Э. Галифакса было только выяснение мнения немцев о ситуации и о возможности соглашения. Есть надежда, что можно будет «получить какое-то удовлетворительное заверение, что немцы не прибегнут к применению силы» в Центральной Европе, но едва ли возможно помешать Германии заниматься там «подрывной деятельностью». Некоторые уступки в вопросе о колониях, заявил Чемберлен, можно было бы сделать Германии, но только в обмен на соглашение о Центральной Европе, на обещание возвращения Германии в Лигу наций и особенно на обязательства в области вооружения. Чтобы обсудить вопрос о колониях, Чемберлен предложил установить контакты с французским правительством. На заседании было принято решение пригласить в Лондон в конце ноября представителей французского правительства для переговоров о достижении единства взглядов на будущую политику в отношении Германии [15].

О состоявшейся с французскими министрами встрече * А. Иден информировал британский кабинет 1 декабря 1937 г. [16] Французам было сказано, что Англия при проведении политики в Центральной Европе располагает двумя возможностями: а) отказаться от своих интересов в этом регионе, б) проявить интерес в духе примиряющего посредничества. Иных возможностей для Англии не существует. Было ясно, что в расчет принимается лишь второй вариант. Английские представители настаивали, чтобы французский министр иност-

* Переговоры проходили 29—30 ноября 1937 г. в Лондоне. Из Парижа прибыли премьер-министр К. Шотан и министр иностранных дел И. Дельбос. Английскую сторону представляли Н. Чемберлен и А. Иден.— *Прим. ред.*

ранных дел И. Дельбос оказал нажим на Э. Бенеша, добиваясь уступок судетским немцам. Ведь только такие уступки могли быть полезны британской политике сближения с Гитлером. Французы согласились с этим, однако заметили, что Германия, пожалуй, предпочла бы двусторонние переговоры с Чехословакией. Этим замечанием они как бы ставили под сомнение британское «стремление к миру». В переговорах западных держав с Германией свое место должен занять также австрийский вопрос. Н. Чемберлен подчеркнул, что переговоры о колониях следует вести не отдельно, а лишь в связи с общим урегулированием спорных вопросов. Французские министры, как отметил А. Иден, не намерены поддерживать левые силы в Европе и заверяли, что они «не находятся под влиянием России». Такая позиция французских министров устраивала Англию и позволяла ей сделать следующий шаг в переговорах с Гитлером. Как отметил Н. Чемберлен на заседании английского правительства, во время переговоров французы высказывали опасения, что Германия намерена поглотить Австрию и часть Чехословакии. «Одно время дело представлялось так, что французское правительство хотело оказать давление на английских министров, чтобы заставить их занять более далеко идущую позицию в том, что касается Центральной Европы,— сказал британский премьер.— Французам не было, однако, оказано поддержки, и они согласились в конечном счете, что следует попытаться достичь общего урегулирования с Германией». Чехословакии же не остается ничего другого, как сделать соответствующие уступки Генлейну. Французские министры в конце концов приняли британскую точку зрения, согласно которой маловероятно, чтобы Гитлер осуществил немедленную интервенцию в Австрию или в Чехословакию, но со временем немцы рассчитывают получить все. Чемберлен закончил свое выступление заявлением, что в переговорах с Германией инициативу возьмет на себя британское правительство, а французы будут информированы об их ходе *.

---

* См. также документальный обзор: Подготовка мюнхенского диктата. Путь Англии к Мюнхену. составленный В. Сиполсом и М. Панкрашовой. «Международная жизнь», 1973, № 5, с. 112—113.

Таково содержание новых британских документов об одном из ключевых моментов, имевшем принципиальное значение для дальнейшей судьбы Чехословакии.

Таким образом, во время визита Галифакса в Германию Гитлер получил заверения, что Англия не будет противиться германскому проникновению в Центральную и Восточную Европу — правда, при условии, что Гитлер будет считаться с британским общественным мнением и не прибегнет к открытому насилию, удовольствовавшись, как говорят англичане, «мирным, или разумным, решением». Великобритания решила не противодействовать германскому стремлению захватить Чехословакию, если это осуществится в форме поддержки требований судетских немцев. Генлейна, однако, могло удовлетворить только предоставление его партии такого представительства в правительстве, которое обеспечивало бы переход чехословацкого государства в целом в германскую «сферу влияния». Британскому общественному мнению подобная сделка была бы представлена как осуществление требования о «самоопределении» судетских немцев; оно согласилось бы с ней, если бы Чемберлен мог доказать, что изменения в Центральной Европе в пользу Германии являются составной частью нового урегулирования в Европе, которое должно «успокоить» Германию и обеспечить мир на последующие десятилетия.

Совещание с французскими министрами показало, что Франция практически отказалась от политики, опиравшейся на союзнические отношения со странами Восточной Европы, и во всем подчинилась Англии. Она разделила иллюзии Чемберлена, что версальскую систему можно будет заменить пактом четырех капиталистических великих держав, какой-то четырехсторонней директорией, которая оградит Европу от коммунизма. Советский Союз, согласно планам британского правительства, исключался из европейской политики. Беседы Галифакса с Гитлером велись в откровенно антисоветском духе, и Галифакс прямо заявил, что правительство Н. Чемберлена видит в нацистской системе оплот против большевизма. Французские министры также дали понять Чемберлену, что концепция политики, рассчитанная на союз с СССР, оставлена и Франция гото-

ва следовать британским курсом. Судьба Чехословакии, по крайней мере в британском понимании, была, собственно, уже решена. Оставался еще открытым вопрос, удастся ли Англии заставить чехословацкое правительство следовать ее «советам и рекомендациям», то есть в конечном счете капитулировать перед Генлейном.

В имеющейся литературе и в доступных уже сейчас архивных материалах визит Э. Галифакса трактовался весьма различно. Далеко не всеми было понято его ключевое значение для британской политики 1938 г. Дипломатические материалы, имевшиеся ранее в распоряжении автора, содержали лишь свидетельства того, что от европейской политической общественности все утаивалось. Бесспорно, и от чехословацкого правительства было скрыто существо британских переговоров с Гитлером и итоги англо-французского совещания, состоявшегося в Лондоне в ноябре. В донесениях Я. Масарика о тех сообщениях, которые были сделаны А. Иденом правительству, полностью отсутствует все существенное о переговорах Э. Галифакса [17]. Англия, разумеется, не была заинтересована в том, чтобы Чехословакия знала правду о ее планах. Для Англии Чехословакия была лишь «разменной монетой» в торге с Германией и должна была послушно исполнять все рекомендации британской дипломатии. А. Иден заявлял как И. Дельбосу, так и Я. Масарику: утверждение о том, что Англия якобы предоставила Германии свободу действий в Центральной Европе в обмен на отсрочку решения вопроса о колониях, не соответствует действительности. Отчасти это было правдой. Германия, к великому сожалению правительства Н. Чемберлена, хотела получить одновременно и свободу действий в Центральной Европе и вернуть прежние колонии; иначе говоря, она не проявляла готовности полностью принять английские предложения и связывать вопрос контроля над Центральной Европой с вопросом о колониях. Ведь на заседании английского правительства прямо констатировалось: Германия хочет уступок, однако молчит о том, что́ она готова дать Англии взамен за такие уступки.

Наконец, остается вопрос, как поняли заявления Э. Галифакса в Берлине и какой вывод сделал из этого Гитлер для своих последующих действий. Ф. Видеман,

личный адъютант Гитлера, летом 1938 г. сообщил Э. Галифаксу, что Гитлер несколько разочарован ноябрьскими переговорами: он рассчитывал получить конкретные британские предложения, а дело ограничилось зондажем, который ни к чему не обязывал. Дипломатические документы, однако, показывают, что в Берлине совершенно точно поняли смысл английской политики, а германская дипломатия столь же правильно ее истолковала: Англия не против перемен в Центральной Европе, но оговаривает, чтобы эти перемены не производились путем явного применения силы. Особенно это относится к Австрии и Чехословакии [18].

Г. Геринг сразу же после отъезда Э. Галифакса из Германии заявил американскому послу Буллиту: «Мы полны решимости объединить всех немцев в единой империи, следовательно, и аннексировать Австрию и судетские районы». На вопрос Буллита, не удовлетворилась ли бы Германия автономией для судетских немцев, Геринг ответил, что это было бы лишь временным решением, так как окончательным решением может быть только аннексия Германией чехословацких пограничных районов [19].

В середине декабря 1937 г. Н. Гендерсон направил А. Идену письмо. Чехословацкий вопрос, утверждал Гендерсон, очень запутан, но его окончательное решение быстро приближается, ибо Германия намерена рано или поздно присоединить Австрию к империи. Может возникнуть опасность, что судетские немцы в Чехословакии поднимут мятеж, чтобы создать предлог для вмешательства германской армии. В связи с этим возник бы вопрос для Англии, следует ли привести в действие союзнический договор с Францией *. Единственное средство для урегулирования создавшегося положения Н. Гендерсон видел в решении немедленно предоставить равноправие судетским немцам. Если генлейновцы не будут удовлетворены сейчас, то Чехословакия и впредь будет оставаться «занозой в боку Германии». Гендерсон полагал, что у Германии пока нет плана нападения на Чехословакию, а поэтому еще можно

* Имеется в виду англо-французская договоренность от 1 апреля 1936 г. о том, что в случае агрессии Германии Англия придет на помощь Франции в соответствии с Локарнским договором.— *Прим. ред.*

было бы предложить Гитлеру заключить двустороннее соглашение между Германией и Чехословакией — подобное тем, какие Германия уже подписала с Польшей и Бельгией. Н. Гендерсон считает, что такого соглашения можно было бы добиться[20]. Большинство британских документов того времени постоянно возвращается к одной и той же идее: рано или поздно Гитлер силой возьмет все, чего добивается, ибо для этого Германия и вооружается, поэтому следует ей предложить получить все это без войны, лишь дав Великобритании определенные гарантии.

Что было известно в Праге о замыслах и целях британской политики? В конце ноября 1937 г. Ян Масарик послал донесение, в котором раскрывал закулисную сторону визита Галифакса к Гитлеру. Визит был подготовлен двумя пронемецкими группировками. Первую из них возглавляли леди Астор и Дж. Астор, которым принадлежали «Обсервер» и «Таймс». В состав этой группировки входили лорд Лотиан, Д. Даусон, шеф-редактор «Таймс», лорд Лондондерри, считавший Чехословакию дьявольской выдумкой профессоров Масарика и Вильсона, министр внутренних дел Сэмюэль Хор и министр без портфеля Э. Галифакс, закоренелый и неразговорчивый консерватор, по характеристике В. Мастного. Вторую группировку составляли ориентировавшиеся на Германию члены кабинета Чемберлена: Джон Саймон, тот же Сэмюэль Хор, Томас Инскип, Кингсли Вуд[21]. Из этого простого перечня очевидно, что визит Галифакса представлял собой лишь продолжение прежних переговоров, которые вели Иден, Саймон и Лотиан. Предложения Галифакса практически не слишком отличались от того, что предлагали Гитлеру все прежние британские посредники. Чехословацкий министр иностранных дел Крофта в своих беседах с дипломатами высказал предположение, что Галифакс обсуждал с Гитлером вопрос о чехословацких меньшинствах, и даже допускал, что английское правительство хотело бы отвлечь внимание Германии от вопроса о колониях и подменить его широкими уступками, которые должна была бы сделать судетским немцам Чехословакия[22].

Дипломатические донесения из Праги давали понять, что Бенеш рассчитывает в будущем на переговоры с Германией и готов даже к соглашению с Гитле-

ром. Он все еще доверял западным державам, которые, по его мнению, будут вести переговоры и от имени Чехословакии [23]. Однако, как видно из донесения германского посланника Эйзенлора из Праги, Германия не намеревалась соглашаться с тем, чтобы Чехословакия свой союзнический договор с Францией дополнила еще какой-либо британской гарантией. Эйзенлор однозначно обрисовывает цели германской политики — изолировать Чехословакию от союзников и полностью подчинить ее. Один из деятелей чехословацкого государства, по словам Эйзенлора, сказал, что отношения между чехами и Германией вновь должны быть построены в соответствии с принципами средневековой «Священной Римской империи германской нации», когда чехи были, дескать, независимыми во внутренних делах, а во внешних сношениях их представлял император. Эйзенлор не скрывал, что достижение такого решения он считал бы «высокой и заманчивой целью» германской политики [24]. Как бы курьезно это ни звучало, Лотиан в своем меморандуме точно таким же образом представлял себе отношения Германии с малыми государствами, включенными в «сферу ее интересов».

Если германские колониальные притязания должны были быть удовлетворены за счет Восточной Европы, то это не могло не затронуть независимости малых государств. В глазах нацистских главарей и их британских друзей малые народы Восточной Европы были не чем иным, как материалом для создания будущей нацистской колониальной империи.

III

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ 1938 Г. (ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ)

Политический курс Невиля Чемберлена многие обозреватели того времени характеризовали как примитивный и близорукий. Остин Чемберлен предупреждал своего брата: «Ты должен помнить, что ничего не понимаешь в делах внешней политики!»[1] Невиль Чемберлен возглавил британское правительство поздно, его жизненный опыт, приобретенный до этого, носил всего лишь «коммунальный характер». «Его подвохи по своим масштабам скорее муниципальные, чем государственные и имперские»,— с полным правом мог написать Ян Масарик в одном из донесений[2]. На гитлеровскую Германию Н. Чемберлен взирал глазами торговца. Однако неправильно было бы объяснять крупнейшие просчеты британской дипломатии только личной ограниченностью Н. Чемберлена. Ведь многочисленные эксперты Форин оффиса и члены правительства не имели возражений против генеральной линии британской политики по отношению к Гитлеру. Вместе с тем, разумеется, нельзя забывать, что политику делают конкретные люди и, следовательно, их личный подход к политическим проблемам имеет определенное значение.

Как уже отмечалось, немалую роль в британской политике по отношению к Германии играл английский посол в Берлине Н. Гендерсон. В. Мастны, взгляды которого в целом были весьма реакционны, признавал, что Н. Гендерсон преследовал политическую цель: сохранить целостность Британской империи. Для этого он

считал необходимым добиться союза с Германией, направленного против СССР, пожертвовав ради этого и интересами западных империалистических держав в Центральной Европе[3]. Из писем Н. Гендерсона того времени видно, что он продолжал переговоры с гитлеровцами, начатые Э. Галифаксом в ноябре 1937 г. Британский Форин оффис также вел дальнейшую разработку и уточнение политической линии в отношении Германии. В меморандуме, представленном Н. Чемберлену 25 января 1938 г., говорилось: западные державы только в том случае могли бы добиться от Гитлера гарантии соблюдать целостность Чехословакии, если бы пражское правительство полностью удовлетворило требования судетских немцев. При условии предоставления судетским немцам широкой автономии меморандум допускал возможность совместных гарантий чехословацких границ Францией, Германией и Англией. В меморандуме приводилось также мнение Н. Гендерсона о том, что судетские немцы должны получить настолько широкую автономию, чтобы почувствовать себя полноправными гражданами чехословацкого государства. Чехословакия сможет сохранить свою целостность, став зависимым от Германии государством, но если она будет и в дальнейшем опираться на союз с Парижем и Москвой, то лишится своих теперешних границ. Можно было бы попросить Гитлера, говорилось в меморандуме, заключить с Чехословакией двустороннее соглашение, подобное тем, какие он заключил с Польшей и Бельгией. Гитлер в этом случае, конечно, потребует от Чехословакии уступок, и прежде всего расторжения договора с СССР. В меморандуме сообщалось также мнение Я. Шахта о том, что Германия может заключить пакт о ненападении с Чехословакией и признать принцип невмешательства, если пражское правительство безоговорочно удовлетворит требования немецкого меньшинства[4].

Н. Гендерсон постоянно поддерживал надежды Лондона на то, что удастся вовлечь Гитлера в союз против СССР; при этом он ссылался главным образом на свои разговоры с Г. Герингом и В. Бломбергом[5]. В середине февраля 1938 г. Н. Гендерсон получил инструкции, какой линии следует придерживаться при переговорах с руководящими деятелями Германии по вопросам, за-

тропутым во время визита Э. Галифакса. Генеральной линией должна была стать политика уступок, к которой Англия склонит и Францию. Однако необходимо, чтобы Германия проявила готовность вести переговоры также и по вопросам, интересующим Англию, например о вооружениях[6]. Впрочем, эти пожелания были нереальными: уже фон Нейрат, министр иностранных дел рейха, дал ясно понять, что Германия не примет британских уступок в Центральной Европе, если они будут рассматриваться как компенсация за обязательства, ограничивающие ее вооружение[7]. Берлин воспринимал готовность Великобритании вести переговоры как проявление ее слабости; Германия встала на путь лицемерных обещаний, а позже и вымогательства, сочетаемого с угрозами применить насилие. В понимании Н. Чемберлена компромисс с Гитлером представлял собой нечто вроде торговой сделки, что было в корне ошибочным. В Берлине уже к февралю 1938 г. утвердилось убеждение, что Англия предоставила Германии свободу действий в отношении Австрии. Я. Масарик в феврале 1938 г. сообщал в Прагу, что ему стало известно из достоверных источников о том, что Н. Гендерсон «одобрял и поддерживал в Берлине антиавстрийский и античехословацкий курс»[8]. Эти сведения были правильными. В конце февраля Н. Гендерсон писал Э. Галифаксу: «При всем желании Англия не может помочь Австрии против Германии, помимо прочего, в силу также того, что 80% австрийцев уже десять лет назад высказались за аншлюс. Германия, видимо, будет склонна сотрудничать с Англией при условии, если Лондон не потребует от Германии уважения австрийской независимости»[9].

Незадолго до аншлюса Австрии, 3 марта 1938 г., состоялась беседа Н. Гендерсона с Гитлером*. Гендерсон действовал согласно инструкции, полученной от заместителя министра иностранных дел А. Кадогана. Британское правительство, сообщил Н. Гендерсон, рассмотрело все вопросы, являвшиеся предметом дискуссии во

* Запись беседы см. в: Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, с. 54—75.— *Прим. ред.*

время визита Э. Галифакса. Оно готово пойти на уступки в Центральной Европе и желало бы удовлетворить германские колониальные претензии за счет территорий в бассейне реки Конго. Изложив предложения, разработанные английским правительством, Н. Гендерсон спросил: какой вклад Германия со своей стороны «готова внести для обеспечения всеобщего спокойствия и безопасности»? На это Гитлер заметил, что «самым главным вкладом для установления в Европе спокойствия и безопасности будет запрещение международной прессы». При том Гитлер потребовал, чтобы британское правительство выступило против органов печати, подвергавших якобы несправедливой критике действия Германии в Центральной Европе. Далее он заявил, что «в урегулирование своих отношений с родственными странами или со странами с большим количеством немецкого населения Германия не позволит вмешиваться третьим державам». Необходимо срочно «улучшить судьбу немцев в Австрии... а в Чехословакии немцам должна быть предоставлена соответствующая автономия как в культурном, так и в других отношениях». Существующее положение дел в Австрии и Чехословакии долго продолжаться не может, угрожал Гитлер, оно приведет к взрыву, и Германия окажется вынужденной вмешаться вооруженным путем. Британский посол указал на то, что теперешнее английское правительство «обладает развитым чувством реальности» и, по его мнению, Чемберлен проявил большое мужество, поставив перед собой задачу открыто разоблачать «фразу о коллективной безопасности». Англия, заявил Гендерсон, готова устранить все трудности в деле сотрудничества и спрашивает Германию, готова ли она со своей стороны сделать то же самое. Германия, отвечал Гитлер, готова сотрудничать в деле объединения Европы без России, но она вынуждена вооружаться, пока существует пакт Париж — Прага — Москва. Далее Гитлер снова резко выступил против английской прессы, которая ведет якобы клеветническую кампанию против Германии. Он хотел бы, чтобы она молчала, пока Германия разрешит все свои затруднения на Востоке. Ведь Германия не вмешивается в дела Англии, связанные с Британской империей. В связи с этим Н. Гендерсон «доверительно упомянул», что новый британский министр ино-

странных дел лорд Галифакс, который, «основываясь на своих переговорах в Германии, полностью осведомлен о германской точке зрения», уже оказал влияние на прессу. Он созвал пресс-конференцию ответственных газетных издателей и руководящих сотрудников английского радио, в ходе которой призвал их к умеренности. Н. Гендерсон сказал, что Гитлер должен бы это оценить. Ведь большего британское правительство при английской свободе печати сделать не может. В дальнейшем разговор коснулся колоний. На предложение английского правительства разработать новое соглашение об управлении Конго Гитлер ответил, что Германию прежде всего интересует вопрос о возврате ее бывших колоний. Однако он признает, что колониальный вопрос в данный момент еще не созрел для разрешения и Германия может подождать несколько лет. Предложение принять участие в управлении Конго Германию не устраивает. К тому же Конго принадлежит Бельгии и Португалии, а не Англии.

Затем Гитлер вновь возвратился к вопросу о Центральной Европе и заявил, что Германия немедленно «вступится», если в Австрии и Чехословакии будут «стрелять в немцев». «Если в Австрии или Чехословакии произойдут взрывы изнутри, то Германия не останется нейтральной, а будет действовать молниеносно».

Н. Гендерсон, напомнив, что он и сам часто высказывался в поддержку аншлюса, хотел бы поставить вопрос: вытекает ли из слов Гитлера, что при предоставлении немцам в Австрии и Чехословакии полного равноправия не приходится ожидать никакого конфликта? Гитлер уклонился от прямого ответа. Германские приготовления к войне мотивируются, по его словам, русской опасностью, и Германия не может взять на себя обязательства ограничить вооружения, ибо лишь она, и только она, способна противостоять русской агрессии, перед которой бессильны малые государства на русских западных границах[10]. На это Н. Гендерсон ничего не возразил. Жупел большевизма служил для Гитлера прикрытием, оправдывающим в глазах британских консерваторов подготовку к агрессивной войне.

Короче говоря, незадолго до аншлюса Австрии Гитлер снова получил британские заверения, что Англия согласна на ревизию положения в Центральной Европе,

если Гитлер проявит готовность к продолжению переговоров на основе торгашеского принципа.

Беседа Гитлера с Н. Гендерсоном состоялась в то время, когда произошли изменения в руководстве британской внешней политикой. А. Иден подал в отставку, и его место занял Э. Галифакс. Гитлер уже знал, что А. Иден полностью не исключал возможность сотрудничества Англии с СССР, а Н. Чемберлен, как следовало из его заявления 21 февраля 1938 г.*, считал, что «мир в Европе должен опираться лишь на тесный союз четырех великих держав: Великобритании, Франции, Италии и Германии», то есть на новую «директорию», которая внесла бы поправки в версальскую систему устройства Европы в соответствии с пожеланиями Германии. Советский Союз Н. Чемберлен не принимал во внимание [11]. После отставки А. Идена Н. Гендерсон не скрывал, что у Австрии остается не больше трех месяцев, а у Чехословакии — двух лет для того, чтобы договориться с Германией. Иначе их существованию будет положен конец [12]. То, что британскую внешнюю политику возглавил Э. Галифакс, упростило реализацию плана Н. Чемберлена. Осложнения могла создать лишь Франция.

В начале февраля Н. Гендерсон информировал Н. Чемберлена о конфиденциальной беседе с французским послом в Берлине А. Франсуа-Понсе. Последний высказал опасение в связи с развитием событий во Франции, он считал, что в Париже может быть сформировано правительство, которое будет проводить политику союза с СССР. Правительство должны были создать Э. Эррио, П. Рейно и М. Торез. Н. Гендерсон считал, что это был бы ужасный удар по готовящемуся соглашению с Гитлером. А. Франсуа-Понсе просил, чтобы Н. Чемберлен сообщил в Париж свою точку зрения, так как правительство К. Шотана может пасть в любой момент. Н. Гендерсон обратил в донесении внимание, что Франсуа-Понсе — друг П. Фландена **. А. Иден дал затем

* Имеется в виду выступление Н. Чемберлена в палате общин британского парламента.

** Пьер Этьен Фланден — реакционный французский государственный деятель. Занимал разные министерские посты. В 1934—1935 гг.— премьер-министр, в 1936 г.— министр иностранных дел. Вел политику поощрения агрессивного курса гитлеровской Германии.— *Прим. ред.*

указание английскому послу Э. Фиппсу * обсудить все дела с К. Шотаном [13]. Возможность английского давления на Париж определялась прежде всего тем, что Франция переживала финансовый кризис и без британской помощи была неспособна упорядочить свои финансы. Позже Н. Чемберлен совершенно бесцеремонно это использовал.

Давление правительства Н. Чемберлена на Чехословакию вызвало, с одной стороны, активизацию реакционных сил, возглавляемых Рудольфом Бераном и его аграрной партией, а с другой — новые проекты министерства иностранных дел, которые шли навстречу требованиям Гитлера и Генлейна. Против такого курса открыто выступила Коммунистическая партия Чехословакии [14]. Инициативу КПЧ в проведении акций протеста поддержали многие общественные организации. Возникла опасность распада правительственной коалиции в случае, если аграрная партия не прекратит своих попыток создать единый фронт с Генлейном и Глинкой.

Несмотря на осложнившееся положение в правительственной коалиции, чехословацкая армия готовилась к обороне от нацистской агрессии. Под влиянием французской военной доктрины о всемогуществе бетонированных фортификационных сооружений и в Чехословакии строились оборонительные линии. К 15 февраля 1938 г. было закончено 4370 дзотов, 160 дотов и 21 крепость. Летом 1938 г. фортификационные работы были ускорены и построено дополнительно 5262 дзота, 67 дотов и 17 крепостей [15].

Была проведена, начатая в 1936 г., реорганизация чехословацкой армии: созданы корпуса как самые крупные войсковые соединения, образованы четыре военных округа с командованием в Праге, Брно, Братиславе и Кошицах. К тому времени имелось 7 армейских корпусов и 4 мобильные дивизии. Всеобщая мобилизация могла дать еще 16 резервных дивизий. Строительство укреплений определялось генеральным планом обороны страны. Суть плана состояла в стремлении любой ценой защитить северную и южную моравские границы. Поэтому в течение лета 1938 г. укреплялась преи-

* Эрик Фиппс в 1933—1937 гг. был английским послом в Берлине, откуда удален по требованию Гитлера. В 1937—1939 гг.— посол в Париже.— *Прим. ред.*

мущественно граница с Австрией. На 1939 г. намечалось строительство двух новых оборонительных линий на севере и двух линий на юге Моравии. После завершения строительства оборона в этих местах должна была состоять из трех укрепленных поясов. К марту 1938 г. строительство укреплений еще не было закончено. В сентябре 1938 г. генеральный штаб заверял английского военного атташе, что остается завершить лишь небольшой объем работ. Согласно английским источникам, укрепления были полностью обеспечены боеприпасами и оснащены вооружением высокого качества — ведь Чехословакия славилась производством совершенного по тем временам оружия. В Западной Словакии были построены филиалы оружейных заводов[16]. Чехословацкая армия представляла силу, которую было трудно даже сравнивать с сухопутными войсками Англии. При всеобщей мобилизации Чехословакия имела бы около 35 дивизий, в то время как Англия едва ли могла выставить 3 пехотные дивизии, в Индии Великобритания имела 12 000 солдат. Ее военная сила заключалась прежде всего в военно-морском флоте, который должен был защищать империю, расположенную на всех континентах.

Факты все яснее свидетельствовали, что проводимый Англией курс прямо противоположен политике коллективной безопасности. С полным цинизмом об этом было сказано в речи Н. Чемберлена, которую он произнес 21 февраля 1938 г. в палате общин. Чехословацкие деятели были ошеломлены его заявлением о том, что Англия не является непосредственным союзником Чехословакии и ее обязательства по отношению к этой стране ограничиваются лишь Уставом Лиги наций. В своем выступлении британский премьер, кроме прочего, сказал: «Коллективная безопасность представляет собой систему, обеспечивающую коллективные действия определенного числа государств по предотвращению агрессии или, если агрессия уже произошла, по ее прекращению и наказанию агрессора. Верит ли здесь кто-нибудь из вас, что Лига наций в своем сегодняшнем виде может обеспечить коллективную безопасность? Раньше и я этому верил, теперь уже не верю. Мы не должны обманывать самих себя, а еще меньше малые слабые народы, сохраняя у них уверенность, что Лига

наций будет защищать их от агрессии, если мы знаем, что ничего подобного нельзя ожидать» [17].

Гитлер отвергал принципы коллективной безопасности, и английское правительство шло ему навстречу. Стремление Н. Чемберлена к союзу с Гитлером объяснялось его антикоммунизмом. Британские рекомендации Чехословакии имели антисоветскую направленность, и Э. Бенеш в своих политических беседах не скрывал, что чехословацко-советский союзнический договор уже утратил свое значение. Английское посольство в Москве старалось выяснить, остается ли Советское правительство верным своей первоначальной концепции коллективной безопасности даже несмотря на стремление западных держав договориться с Гитлером. В начале 1938 г. британский посол в Москве Д. Чилстон считал, что нет никаких признаков поворота в советской политике, что предположения о таком повороте лишены всякого основания, так как он не сулит Советскому Союзу никакой выгоды [18]. Нечестность английской политики по отношению к Чехословакии состояла, между прочим, в советах официально пока ничего не менять в договорных отношениях с СССР *; пакты с Москвой формально должны были сохраняться до тех пор, пока между Лондоном и Берлином не будет достигнуто полного согласия. Ведь переговоры с Англией имели для Гитлера цену лишь постольку, поскольку помогали покончить с существующей системой договоров Париж — Прага — Москва. На советские запросы, какую, собственно, политику намерена проводить Англия в отношении Центральной Европы, Э. Галифакс отделывался весьма туманным, уклончивым и неопределенным ответом: «Все будет зависеть от обстоятельств» [19].

---

* Я. Масарик в донесении от 5 апреля 1938 г. в следующих словах излагал беседу с А. Кадоганом, постоянным заместителем министра иностранных дел Англии: «Большое недоверие к России и сомнение в том, что она может эффективно вмешаться за пределами своих границ. Это, однако, не значит, что Россией нельзя оперировать в политических целях; наоборот, в интересах Чехословакии указать немцам на опасность русского вмешательства, так как, несмотря на все заверения, Германия боится России» (см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, с. 119).— *Прим. ред.*

IV

ПОЛИТИКА ЧЕМБЕРЛЕНА И ЗАХВАТ АВСТРИИ (МАРТ)

Оккупация Австрии была логическим следствием английской политики. Австрийский канцлер Курт фон Шушниг запрашивал Лондон, следует ли принять ультиматум Гитлера; ответ гласил, что Лондон не советует оказывать сопротивление. Британское правительство отклонило французские предложения заявить в Берлине протест против нацистского насилия над Австрией. Нельзя было более ясно дать понять Гитлеру, что он имеет свободу действий в Центральной Европе.

Британская позиция в отношении нового акта нацистской агрессии оказала сильное влияние на Францию. 13 марта французское правительство пало, и новое правительство Леона Блюма, в котором министром иностранных дел был Ж. Поль-Бонкур, дало Чехословакии далеко идущие обещания о помощи. Поль-Бонкур обратился к Лондону, чтобы и британское правительство публично заявило о своей готовности помочь Чехословакии. Однако Н. Чемберлен не скрывал недоверия к этому французскому правительству, и А. Кадоган откровенно сказал Я. Масарику, что «Поль-Бонкур не такой министр иностранных дел, который бы в столь серьезный момент мог быть достойным партнером в переговорах о европейском кризисе»[1]. Англия приложила усилия к тому, чтобы дни этого правительства были сочтены. В середине апреля 1938 г. формируется правительство Эдуарда Даладье, во главе министерства

иностранных дел стал Жорж Бонн, готовый проводить тот же курс, что и Н. Чемберлен. Французская дипломатия не скрывала, что если Прага уступит требованиям К. Генлейна, то это будет означать подчинение Чехословакии Германии. Франция примирилась бы с этим, и, как сказал в Москве французский посол Р. Кулондр, это было бы самым разумным [2].

Французские дипломаты и генералы высказывали свое мнение о событиях независимо от того, какое правительство было в данный момент у власти. Например, начальник французского генерального штаба Гамелен после аншлюса Австрии констатировал, что и другим малым государствам, граничащим с Германией, грозит опасность неожиданной агрессии. При этом генерал Гамелен с уверенностью добавил, что Франция будет в безопасности, укрывшись за линией Мажино, а у этих государств не будет никакой возможности подготовиться к отпору такой агрессии [3].

Правительства малых государств на восточных границах третьего рейха в течение длительного времени подвергались британскому давлению, преследовавшему цель принудить их подчиниться нацистской Германии. Захват Австрии, по мнению Англии, также должен был сделать более уступчивыми правящие круги Чехословакии, которые, считаясь с антифашистскими настроениями общественности своей страны, не шли пока, по мнению британских политиков, достаточно далеко в уступках Гитлеру и Генлейну.

Этой линии следовал и Э. Галифакс. В разговоре с Я. Масариком он заявил: «Я не без основания полагаю, что в ближайшем будущем Берлин не будет иметь подходящей возможности напасть на вас. Уверяю, что наши симпатии на вашей стороне, однако в настоящее время не могу вам дать никаких обязывающих обещаний». Я. Масарик мог лишь с горечью заметить: «Мы полагаем, что вы всегда на стороне Генлейна, независимо от того, прав он или нет, и мы тяжело переживаем это. Теперь, может быть, и вы поймете, что уступки Генлейну не изменят политику Берлина» [4].

Спустя два дня состоялась беседа Э. Бенеша с приехавшим в Прагу британским генералом Спирсом. Отчет Спирса об этой беседе относится к важнейшим документам, показывающим, какая ситуация сложилась

в Праге после захвата Австрии. Начиная беседу, генерал Спирс подчеркнул, что с британской точки зрения важно, чтобы чехословацкое правительство удовлетворило требования судетских немцев, так как Англии, дескать, необходимо выиграть время. Э. Бенеш согласился, что немецкие требования удовлетворить придется, чтобы был устранен предлог для вмешательства Гитлера. Однако судетским немцам нельзя дать автономию. Она повела бы к распаду государства. К. Генлейн — платный агент, контролируемый Германией. Э. Бенеш сообщил, что уже дал правительству директивы, которыми оно должно руководствоваться. Они состояли в следующем: так как немцы составляют 22% населения, надо, чтобы и в государственном аппарате их было 22%. Немецкие чиновники должны быть рассредоточены по всему государству. В Чехословакии немецкие школы лучше, чем в Германии, поэтому реорганизовывать их не надо. Культурную автономию нельзя разрешить, а требование о перестройке жандармерии в пограничных районах удовлетворить можно.

Э. Бенеш был согласен с тем, что необходимо выиграть время. Он намеревается использовать его для укрепления чехословацких оборонительных сооружений. К концу августа численность боевых самолетов возрастет до 1000. Он полагал, что и Франции необходимо время, чтобы преодолеть свои затруднения. Балканским государствам также нужен какой-то срок для урегулирования отношений с Германией. Англия сможет его использовать для дополнительного вооружения. Затем Э. Бенеш остановился на характеристике военного положения Чехословакии. Он оценивал боеготовность чехословацкой армии как хорошую. В случае мобилизации могло быть выставлено 17 кадровых и 17 резервных дивизий. Армия сможет располагать 1 миллионом обученных солдат, боезапасов хватит на пять месяцев войны. По его словам, от французского генерального штаба получены заверения, что в случае агрессии французская армия не останется за оборонительной линией, а предпримет наступление сразу с объявлением войны. Относительно армии Советского Союза Э. Бенеш высказал мнение, что она гораздо сильнее, чем многие предполагают. В день захвата Австрии Э. Бенеш получил советские обещания, что в случае

войны в Чехословакию будет послано не менее 1000 самолетов. Аэродромы для приема самолетов подготовлены. Бенеш рассчитывает на советские поставки военных материалов. Он убежден, что Польша не вступит в войну против Чехословакии. На Югославию и Румынию он полагается: они выступят против Венгрии в случае ее нападения на Чехословакию.

В своем отчете генерал Спирс отмечал, что моральное состояние чешского народа хорошее, в стране царят спокойствие и решимость. Все убеждены, что Генлейн — изменник, получающий приказы от Гитлера. Э. Бенеш считает его внутренним врагом, но полагает, что при всеобщей мобилизации судетские немцы не будут источником больших затруднений, поскольку нацисты составляют лишь четвертую часть немецкого населения.

Э. Бенеш думает, что сейчас Англия и Франция находятся в более благоприятной ситуации, чем в 1914 г. У Германии уже нет таких союзников, как Австро-Венгрия и Турция. Малые страны присоединятся к антигерманскому фронту, если Франция и Англия действительно его возглавят. У Германии пока не хватает ресурсов и кадров. Но она быстро вооружается и уже в 1940 г. сможет напасть и на Францию. Для Чехословакии необходимо выиграть время, скажем один год. В случае германской агрессии для нее единственным шансом будет решение Великобритании присоединиться к Франции, если бы та вступила в войну за Чехословакию. Совместные действия обеих великих держав, по мнению Э. Бенеша, объединили бы все страны Юго-Восточной Европы. Если же Э. Бенеш убедится, что Запад не способен сделать что-либо для Чехословакии, тогда он сам договорится с Германией. Чешский народ хочет бороться, так как надеется защитить свою свободу. Чехословакия готова к войне, но она должна быть уверена, что люди не будут гибнуть напрасно. Если Чехословакия потерпит поражение или капитулирует из-за отсутствия поддержки, то германская агрессия направится против Франции. Чехословакия чувствует себя в страшной изоляции, однако фанатично верит во Францию и надеется на Англию [5]. Из отчета Спирса видно, что Э. Бенеш рассчитывал исключительно на совместные действия с Западом. Даже в случае войны он планировал лишь ограниченное сотрудничество с СССР,

главным образом в виде получения помощи авиацией и поставок материалов. Красную Армию на территорию Чехословакии Бенеш не желал бы допустить ни при каких обстоятельствах. Если Запад бросит Чехословакию, Бенеш капитулирует перед Германией. Он не строил себе иллюзий в отношении К. Генлейна. Удовлетворить требования Генлейна — это значит капитулировать перед Гитлером.

За этими информационными беседами последовал новый британский нажим на Чехословакию. В речи в парламенте 24 марта Н. Чемберлен повторил: Англия хотела бы, чтобы справедливые требования судетских немцев были удовлетворены, и готова содействовать этому. По-видимому, правительство в Праге просто не поняло истинного смысла этой речи Н. Чемберлена, иначе на заседании правительства министр иностранных дел К. Крофта не подчеркивал бы, что линия Чемберлена благоприятна для интересов Чехословакии[6]. Днем позже выяснилось, чтó, собственно говоря, имел в виду Н. Чемберлен, когда предложил Праге «содействие» в поисках соглашения с судетскими немцами. Сэмюэль Хор* через Я. Масарика передал Э. Бенешу, чтобы чехословацкое правительство само обратилось к британскому и французскому правительствам с просьбой о посредничестве, иначе могло бы возникнуть впечатление, что западные великие державы диктуют Чехословакии[7]. Правительство приняло это предложение С. Хора. Оно согласилось, чтобы обе западные великие державы участвовали в выработке решения по вопросу, имевшему для Чехословакии жизненно важное значение. Именно это согласие явилось основанием для направления роковой миссии Ренсимена.

В Лондоне и Париже знали, что едва ли переговоры чехословацкого правительства с К. Генлейном приведут к результатам, которые могли бы удовлетворить Германию. Чехословацкое правительство не смогло бы оправдать в глазах собственного общественного мнения

---

* Сэмюэль Хор — министр внутренних дел в правительстве Н. Чемберлена. В правительстве С. Болдуина был министром иностранных дел, но вынужден был уйти в отставку после того, как общественности стало известно содержание тайного соглашения Хор — Лаваль, попустительствовавшего захвату Эфиопии фашистской Италией.— *Прим. ред.*

такие уступки К. Генлейну, которые привели бы к развалу государства. Однако для группировки британских сторонников «умиротворения» агрессора решающим было то, что Э. Бенеш дал согласие на вмешательство Англии и Франции во внутренние дела Чехословакии. Посланник Германии в Праге Э. Эйзенлор истолковал согласие с предложением С. Хора таким образом, что правительство хочет попросить Н. Чемберлена направить международную арбитражную комиссию[8]. Э. Бенеш обещал, что переговоры с К. Генлейном будут начаты в ближайшие семь — десять дней[9]. «Нам ничего не остается, кроме как не обращать внимания на престиж и вести переговоры с Генлейном...» — говорится в относящейся к тому времени записи беседы начальника канцелярии президента ЧСР П. Шамала с Э. Бенешем[10]. Серьезные ошибки, допущенные в свое время чехословацким буржуазным правительством в национальной политике, давали теперь нацистским агрессивным деятелям возможность извлекать из них выгоду, использовать их для обмана немецкого народа и большей части западноевропейской общественности.

Переговоры с партией Генлейна были начаты без всякой подготовки. Рассчитывали, что международная обстановка сама приведет к какому-нибудь решению. Чехословацкое правительство хотело выиграть время. Реакционное руководство аграрной партии было за немедленное соглашение с Гитлером, однако левое крыло коалиции все еще считалось с настроением народа, не желавшего соглашаться на расчленение государства. Правительственная коалиция, представлявшая собой политический союз буржуазных партий с партиями мелкой буржуазии, не была способна найти выход из создавшейся ситуации. Реакционные силы в этой коалиции, даже если бы хотели, были не в состоянии создать новый правительственный блок вместе с Генлейном и Глинкой. Этим они противопоставили бы себя воле большинства народа. Однако и левое крыло правительственной коалиции не было способно порвать с реакционными лидерами и создать с КПЧ новый блок типа «народного фронта». Народный фронт в это время мог бы привести к спасению республики, ибо только он в состоянии был предложить новые решения проблем внутренней и внешней политики.

После захвата Австрии британская дипломатия постаралась выяснить прежде всего, как политическое и военное руководство Чехословакии оценивает перспективу дальнейших отношений с Германией. Как стало известно Б. Ньютону, английскому посланнику в Праге, чехословацкий генеральный штаб считал, что война неизбежна и начнется не позднее, чем через год. Чехословакия окажет военное сопротивление только в случае, если будет гарантирована помощь Франции и СССР. Б. Ньютон писал в донесении, что не верит, чтобы Франция выступила на стороне Чехословакии. Главное германское наступление ожидалось на южной и северной границах Моравии. В случае успешности германского наступления чешская армия, согласно плану ведения войны, отойдет в Словакию и здесь будет оказывать дальнейшее сопротивление[11]. Британский военный атташе Стронг после осмотра военных сооружений на границе с Австрией пришел к заключению, что укрепления недостаточно мощные и способны задержать наступление крупных сил только на короткое время, может быть на день-два. Однако после дополнительных работ по их усилению с учетом использования и естественных препятствий можно было бы иметь такую линию обороны, которая остановит продвижение сил противника и заставит его вести бои на оборонительных рубежах. Чехословацкое командование намеревалось начать строительство второй укрепленной линии, однако она могла быть закончена не раньше, чем через год[12]. В разговоре с генеральным инспектором чехословацкой армии Я. Сыровым и министром национальной обороны Фр. Махником Стронг узнал, что главной заботой является подготовка к проведению быстрой мобилизации. Командование полагает, что пока непосредственной угрозы войны нет. Разведывательная служба функционирует настолько хорошо, что приказ о проведении мобилизации может быть отдан своевременно[13]. В других разговорах руководящие военные деятели добавляли, что оборонительные сооружения на австрийской границе не достроены и еще требуют усиления. На случай войны Чехословакия должна иметь 1,5 миллиона солдат. Эти сведения несколько расходились с теми, которые незадолго до этого Э. Бенеш представил генералу Спирсу. Чехословацкое командование

было убеждено в неизбежности войны, но полагало, что непосредственной опасности нет[14]. В апреле правительство одобрило решение об ускоренной реализации принятой еще в июле 1937 г. новой программы вооружения, которая первоначально должна была осуществляться постепенно в 1939—1943 годах[15]. Эта подготовка к войне, разумеется, не отвечала намерениям Н. Чемберлена избежать военного конфликта любой ценой, в первую очередь ценой Чехословакии.

Политические события после захвата Австрии показывали, что Чехословакия идет навстречу весьма бурным временам. К партии Генлейна присоединилось большинство других немецких партий и партий прочих национальных меньшинств. Совместную парламентскую декларацию, с которой эти партии выступили 29 марта 1938 г., поддержала даже словацкая народная партия Глинки. Это парламентское выступление было использовано британскими политическими кругами, оно позволяло говорить о так называемом внутреннем разложении Чехословакии. Утверждения, что чехословацкое государство находится в состоянии распада, делались для того, чтобы оправдать отказ британских деятелей защищать Чехословакию. Если это государство само распадается, то стоит ли прилагать усилия для сохранения его существования, тем более путем войны против Германии.

На активизацию сепаратистских действий партий национальных меньшинств чехословацкое правительство ответило запрещением на месячный срок проведения политических собраний. Однако вскоре после этого президент издал декрет, провозгласивший самую крупную в истории республики политическую амнистию. Э. Бенеш верил, что этот шаг создаст атмосферу доверия между правительством и фашистской партией Генлейна[16]. Против фашизма, однако, следовало бороться, а не идти с ним на компромиссы. Впрочем, состоявшийся в конце апреля карловарский съезд* судетонемецкой

---

* На съезде в Карловых Варах 23—24 апреля была принята новая программа требований, выдвигаемых судетонемецкой партией: автономия, свобода «немецкого (то есть нацистского) мировоззрения», изменение некоторых статей конституции Чехословацкой Республики и отказ от союзнического договора с СССР.— *Прим. ред.*

партии ясно показал, что едва ли возможно какое-либо соглашение с Генлейном. Даже Э. Галифакс был вынужден доложить на заседании британского правительства, что Генлейн все более подпадает под прямое влияние Гитлера и едва ли выдвинутые им проекты «национального соглашения» могут быть приемлемы для Бенеша. Мало вероятно, чтобы Бенеш зашел настолько далеко, чтобы удовлетворить требования судетских немцев [17].

Перед британской политикой стоял вопрос, какую тактику избрать после аншлюса, особенно в чехословацком вопросе. В марте и апреле 1938 г. в Лондоне было составлено несколько меморандумов, рекомендации которых послужили основой британских действий в ходе чехословацкого кризиса. Для правильного понимания причин гибели чехословацкого государства эти документы исключительно важны, ибо они объясняют долгосрочные, стратегические замыслы британской политики. Разумеется, значение этих документов не ограничивается одной Чехословакией. Они позволяют правильно разобраться и в общих причинах возникновения второй мировой войны. Политика «умиротворения» агрессора далеко не исчерпала себя мюнхенским соглашением и оккупацией Праги в марте 1939 г. «Мюнхенцы» и дальше руководили британской и французской политикой вплоть до падения в 1940 г. Франции, а в чехословацком вопросе даже в первые годы войны английские деятели упрямо придерживались мюнхенских соглашений с Гитлером, которые были прямым результатом стратегического плана, сформулированного еще в ноябре 1937 г. и уточненного после захвата Австрии.

V

АНГЛИЙСКИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ (МАРТ)

После аншлюса Австрии правительство Чемберлена не изменило своих намерений договориться с Гитлером, но в то же время оно было вынуждено маневрировать, ибо английская общественность осознавала опасность германской агрессии на Европейском континенте. Основной внешнеполитической линией английского правительства оставалось стремление к сотрудничеству с Германией и попытки свести на нет франко-советско-чехословацкие союзнические договоры. Это стремление английских реакционеров необходимо было замаскировать по тактическим соображениям. Выдача Чехословакии нацистской Германии оправдывалась ссылками на необходимость уважать право судетских немцев на самоопределение. Лицемерные заверения Г. Геринга, фон Нейрата и Гитлера, которые в день аншлюса были даны чехословацкому посланнику Мастному *, также повторялись английскими деятелями для обмана встревоженной общественности [1].

* Вечером 11 марта Г. Геринг от имени Гитлера уверял чехословацкого посланника В. Мастного, что в отношении Чехословакии германское правительство намерено проводить «политику улучшения отношений», но желало бы получить заверения, что в связи с событиями в Австрии Чехословакия не будет проводить мобилизацию. В. Мастны в тот же вечер связался по телефону с Прагой и передал Г. Герингу положительный ответ чехословацкого правительства.— *Прим. ред.*

Что же происходило за кулисами английской политики? В день аншлюса английское правительство поручило Э. Галифаксу подготовить обзор британских обязательств в Центральной Европе [2], а начальникам штабов военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил представить доклад, в котором содержались бы ответы на следующие вопросы: а) если Германия нападет на Чехословакию, какова вероятность, что Франция выполнит свои договорные обязательства? Предпримет ли Франция наступление против Германии и перейдет ли ее западные границы? б) как поступит Франция, если ей придется принимать решение одной? в) на что решится Франция, если сможет рассчитывать на британскую военную поддержку и если будет заранее знать ее размеры? [3]

В то время как начальники штабов подготавливали заключение, Н. Гендерсон оказывал давление на Форин оффис, настаивая, чтобы не принимались никакие обязательства по отношению к Чехословакии. 16 марта он посылает Э. Галифаксу письмо, где пишет, что на повестке дня — независимость чехословацкого государства, однако ведь британский народ никогда не вступал в войну за сохранение независимости государства, часть жителей которого не желает этого. Англии, по его мнению, остается одно, а именно настаивать на предоставлении равных прав судетским немцам: Чехи либо удовлетворят требования судетских немцев, либо потеряют все [4]. На следующий день Н. Гендерсон послал в Форин оффис новое письмо. Не исключено, писал он, что в Чехословакии развитие событий пойдет таким же образом, как в Австрии. Единственная надежда состоит в том, что Германия еще не подготовлена к европейской войне и не хочет ее именно теперь. Однако это никоим образом не значит, что Гитлер вопреки здравому смыслу не будет стремиться к новой авантюре [5].

Английским интригам, направленным к сговору с Гитлером, серьезную помеху создавали инициативы Советского правительства, которое в день аншлюса Австрии заверило Чехословакию, что выполнит свои договорные обязательства и в случае войны окажет Чехословакии полную помощь. Об этом Эдуард Бенеш откровенно сказал генералу Спирсу в Праге, а З. Фирлингер, посланник Чехословакии в Москве — британскому

послу Д. Чилстону в СССР. 17 марта в Москве М. М. Литвинов выступил с официальным предложением срочно предпринять коллективные действия заинтересованных европейских государств, чтобы приостановить дальнейшее развитие агрессии. 14 марта в британском парламенте выступал Уинстон Черчилль и требовал создания «большого альянса» держав, который остановил бы нацистскую агрессию. Каким же образом в столь трудной ситуации можно было убедить английскую и мировую общественность, что правильнее не пытаться остановить нацистскую агрессию, а, наоборот, предоставить Гитлеру свободный путь на Восток, чтобы направить его затем против Советского Союза? Английская буржуазия находилась у власти более двух столетий и за это время приобрела немалый опыт. Для нее ничего не стоило правду выдавать за ложь, а агрессию — за миролюбивые действия. Всего лишь через двадцать четыре часа после пресс-конференции М. М. Литвинова Э. Галифакс предложил правительственному внешнеполитическому комитету меморандум под названием «Возможные меры по предотвращению германской акции в Чехословакии» [6].

Каковы главные идеи этого документа? Германия, вероятно, будет требовать предоставления автономии для судетских немцев, что явится лишь предлогом для присоединения Судетской области к рейху. Она будет добиваться расторжения Чехословакией договоров с Францией и Советским Союзом, то есть ее нейтрализации. После аншлюса Австрии позиции Чехословакии подорваны. Ее южные границы недостаточно укреплены. Германия контролирует чехословацкие сношения по морю и может их легко прервать. Британия поставлена перед лицом двух проблем: судетских немцев и безопасности Чехословакии. Чтобы предотвратить германское военное вторжение, следует: а) укрепить «моральные позиции Чехословакии в британском общественном мнении», б) принять меры по усилению безопасности. Для этого следует убедить чехословацкое правительство, что оно должно удовлетворить «справедливые требования» судетских немцев таким образом, чтобы у британского общественного мнения не создавалось впечатления, что у Германии действительно есть причина для войны. 6 марта в интервью «Санди

таймс» Э. Бенеш сообщил, что готов предоставить Франции и Англии любую информацию о положении национальных меньшинств. Следует использовать это заявление и назначить нейтральную комиссию, которая объективно рассмотрит положение в Чехословакии.

Каким путем можно усилить безопасность Чехословакии, вопрошает меморандум Э. Галифакса. Британские заявления о том, что Англия заинтересована в сохранении мира в Центральной Европе, уже не имеют «устрашающего» воздействия. Новые британские обязательства по отношению к Франции и Чехословакии хотя и могли бы уменьшить вероятность военного конфликта, однако усилили бы и возможность того, что рано или поздно Англия будет втянута в войну. Обязательства Англии могли бы побудить Францию объявить о своей поддержке Чехословакии, которая после этого, естественно, заняла бы весьма сдержанную позицию на переговорах с немцами. Это могло бы быть воспринято Гитлером как прямой вызов и привести к катастрофическим последствиям. И Англии пришлось бы выполнять взятые на себя новые обязательства. Но тут следует взвесить, насколько Великобритания готова к войне. Кроме того, новые обязательства дали бы импульс новой интенсивной гонке вооружений, потребовали бы заключения новых союзнических договоров, направленных против Германии.

Практически Англия может избрать только один из трех курсов:

I. Заключить «большой альянс» с участием Франции и других стран. Этот путь предлагал Черчилль в своей речи 14 марта. Но такой альянс потребовал бы заключения новых договоров, а это было бы делом длительных переговоров. Ситуация же в Центральной Европе требует безотлагательных действий. Кроме того, попытка создания «большого альянса» могла бы спровоцировать Гитлера к нападению на Чехословакию раньше, чем был бы создан этот альянс.

II. Взять новое обязательство оказать помощь Франции. Это как бы альтернатива «большому альянсу». Однако это означало бы, что Англия берет на себя обязательства и по отношению к Чехословакии, а именно этого и должно избегать британское правительство. Однако оказание помощи Франции можно было бы

связать с выполнением таких условий: 1) Чехословакия полностью удовлетворит требования судетских немцев; 2) Франция, прежде чем что-либо предпримет для Чехословакии, будет согласовывать все с Англией. В дальнейшем можно было бы действовать следующим образом: обратиться к чехословацкому правительству, чтобы оно предоставило Англии и Франции сведения о национальных меньшинствах, позволило бы оценить положение и выдвинуть проекты решения. В зависимости от обстоятельств можно было бы назначить комиссию — британскую или международную, а потом обязать чехословацкое правительство выполнить предложения, выработанные такой комиссией. О решениях этой комиссии можно было бы проинформировать германское правительство. Британское правительство могло бы заявить, что оно даст Чехословакии гарантии, если будут удовлетворены требования судетских немцев. И именно такие, какие порекомендует комиссия. Если, несмотря на это, Германия потом применит силу, а Франция выступит на помощь Чехословакии, то британское правительство могло бы одобрить эту французскую интервенцию. Если в дальнейшем под угрозой германского нападения оказалась бы и французская территория, то Великобритания оказала бы Франции всяческую поддержку, разумеется лишь в защите французской территории. С такими оговорками гарантии могли бы быть даны Франции без промедления.

III. Не брать никаких новых обязательств в отношении Франции. Такой курс предполагает, что удастся убедить чехословацкое правительство договориться с Германией. Однако это связано с определенным риском, говорится в меморандуме. Через год или два военное преимущество Германии может увеличиться. Если не занять твердой позиции, то Германия будет беспрепятственно устанавливать свое господство в Европе и станет опасной для Британской империи. Англия и Франция могли бы сблизиться с Италией и начать интенсивно вооружаться. Можно было бы подтвердить Франции обещание, что Англия окажет ей поддержку в случае неспровоцированной агрессии. Не исключено, что выбор данного курса может иметь негативное воздействие на англо-французские отношения и что Франция сама сблизится с Германией за счет Англии.

В последней части меморандума содержатся рассуждения о путях возможного укрепления безопасности Чехословакии. Англия не готова в военном отношении и, следовательно, может только блефовать, пытаясь запугать Германию. Германия стремится к гегемонии в Европе, и нельзя точно сказать, как развернутся события. Если Германии удастся установить господство в Центральной Европе, то это может привести к изоляции Франции и Англии, упадку их влияния, ослаблению безопасности. Не исключено, что в Европе распространится нацистская идеология и будут дискредитированы свободные институты. Можно было бы предположить, что, учитывая все это, автор меморандума потребует остановить нацистскую агрессию именно путем защиты Чехословакии, однако вывод меморандума был противоположный: существующее положение Чехословакии невозможно надолго сохранить. Англия не должна воевать с Германией из-за Чехословакии. Войны еще можно избежать, если удастся убедить чехословацкое правительство достичь соглашения с судетскими немцами. По всей вероятности, Германия не развяжет войну, если она сможет получить все путем мирного урегулирования и переговоров.

В этих последних фразах меморандума заключается сущность всего документа. Войну можно предотвратить, если добровольно отдать Гитлеру то, чего он добивается. 18 марта меморандум Галифакса стал предметом обсуждения внешнеполитического комитета [7]. Вначале министр координации обороны Т. Инскип спросил: «Есть ли уверенность в том, что Германия удовлетворится аннексией лишь части чехословацкого государства?» Чемберлен ответил, что, по его убеждению, оккупация всей Чехословакии не является ныне целью Гитлера, он добивается только автономии для судетских немцев. Возможно, что Германия и аннексирует Судетскую область, а остаток Чехословакии превратит в зависимое государство. Инскип: «Меня встревожило мнение посланника Ньютона, что нынешнее положение Чехословакии невозможно сохранить надолго. Если Чехословакия действительно является фактором неопределенности в Центральной Европе, то у нас нет основания предпринимать действия, которые консервировали бы это состояние. Видимо, Чехословакия — это искус-

ственное образование, которое можно сохранить только при благоприятных мирных условиях». Чемберлен на это заметил: «Гитлер сказал, что он хочет добиться автономии для судетских немцев, а после этого, может быть, даст гарантии независимости Чехословакии. Мы должны исходить из этого». Инскип: «Начальники штабов полагают, что Германия может захватить территорию Чехословакии в течение одной недели. После этого мы вряд ли могли бы оказать военный нажим, чтобы спасти Чехословакию. Мы могли бы только начать морскую блокаду, однако прошло бы 2—3 года, прежде чем смогли бы поставить немцев на колени».

Затем последовала дискуссия о позиции по отношению к Франции, которая завершилась решением не принимать новых обязательств. Э. Галифакс в своем выступлении сказал следующее: у Англии нет иного выбора — либо организовать коалицию в защиту мира, либо заявить французам, что Великобритания не готова оказать им помощь в случае, если Франция вступит в войну на стороне Чехословакии. Для Англии будет лучше, если Франция использует свое влияние в Праге для того, чтобы побудить Чехословакию к соглашению с Германией. Чемберлен также поддержал третий вариант. Он сказал: «Один взгляд на карту Центральной Европы вызывает скепсис, железнодорожное сообщение с Чехословакией может быть прервано в любой момент. Мы все равно не смогли бы своевременно помочь Чехословакии, да и для нас было бы опасно вступать в войну. Положение Франции очень неустойчиво с точки зрения финансовой и политической. У нее сильная армия, но неудовлетворительные военно-воздушные силы. У нее плохие отношения с соседями. Франция должна поддерживать нас в поисках мирного решения, чтобы избежать опасности войны. Если Германия получит все требуемое мирным путем, у нас нет основания предполагать, что после этого она прибегнет к насилию». Затем слово взял министр финансов Дж. Саймон и заявил, что, если даже Англия и победит в войне, она не сможет возродить Чехословакию. Министр торговли О. Стэнли прямо сказал: «Нельзя утверждать, что сохранение Чехословакии в ее нынешнем виде отвечает кровным интересам Великобритании». Галифакс, подводя итоги дискуссии, отметил: «Комитет

склоняется к мнению, что Англии не следует брать на себя никаких новых обязательств и необходимо убедить Бенеша и французское правительство, что для Чехословакии будет лучше всего прийти к соглашению с Германией на оптимальных условиях, на которых она сможет договориться». Нет страны, которая могла бы помочь Чехословакии, и это обстоятельство должно побуждать чехов к соглашению. «Одновременно мы должны энергично внушить Германии нашу точку зрения относительно того, что урегулирование судетского вопроса должно происходить упорядоченным путем... В прошлом году, в ноябре, Гитлер сказал мне, что он требует только автономии для судетских немцев. Пошлем Гендерсону инструкции, что мы не хотим насилия и войны, что необходимо найти мирное решение и что в этом духе мы будем действовать в Париже и Праге».

В заключение заседания было принято решение продолжить обсуждение 21 марта; Э. Галифакс должен был подготовить новый меморандум, а начальники штабов — представить свои оценки ситуации.

Прежде чем состоялось это заседание, Форин оффис получил несколько донесений от московского посла Д. Чилстона, содержавшие информацию о готовности СССР помочь Чехословакии. Это шло вразрез с замыслами Э. Галифакса, к тому же и начальники штабов получили указание составить свое заключение исходя из того, что Советский Союз не будет приниматься во внимание при решении европейских проблем.

Н. Гендерсон в донесениях из Берлина продолжал настаивать на уступках гитлеровцам. Англия, писал он 20 марта Э. Галифаксу, должна считаться с тем, что австрийский вариант будет повторен в другом месте. Например, в Судетах могут возникнуть демонстрации, чехи их подавят, а германская армия придет на помощь своим соплеменникам. Аргумент, что Судеты никогда не принадлежали Германии, уже недействителен, ибо и Австрия прежде не была составной частью Германии. Англия не может вести войну только ради того, чтобы воспрепятствовать самоопределению судетских немцев. Англия не может только ради Чехословакии заявить Гитлеру: «Довольно! Здесь стоит вооруженная Велико-

британия!» Бенеш должен был бы сделать судетским немцам совершенно иные предложения [8].

Не менее откровенно высказал свои мысли и Чемберлен. Известно письмо, направленное им сестре, в котором он буквально повторяет сказанное на заседании внешнеполитического комитета: достаточно взглянуть на карту Центральной Европы, чтобы понять, что ничем нельзя предотвратить германское вторжение в Чехословакию. Я, писал Чемберлен, отказался от мысли, что мы могли бы дать Чехословакии или Франции гарантии против Германии [9].

Новый меморандум, датированный 21 марта, не содержал, в сущности, ничего нового по сравнению с прежним документом [10]. После длинного описания якобы безнадежной с военной точки зрения ситуации, в которой оказалась Чехословакия после аншлюса Австрии, следовал вывод, что правительства Франции и Англии обязаны настаивать, чтобы Чехословакия вступила в прямые переговоры с Германией и искала решение судетской проблемы. Необходимо найти решение раньше, чем ситуация существенно ухудшится. Хотя положение судетских немцев и является внутренней чехословацкой проблемой, однако Чехословакия вряд ли сохранит свою целостность, не достигнув соглашения с Генлейном. Обе великие державы обязаны рекомендовать Чехословакии примириться с Германией. Заявления Гитлера и Геринга, сделанные после аншлюса послу Мастному, дают надежду, что между чехами и немцами может быть достигнуто соглашение, согласно которому немецкое меньшинство останется в Чехословакии. Предлагалось, чтобы Англия вместе с Францией обратилась к чехословацкому правительству с рекомендацией достигнуть соглашения. Французский меморандум от 18 февраля и содержащееся в нем требование, чтобы обе великие державы довели до сведения Германии, что они не допустят нового акта насилия, нарушающего статус-кво в Центральной Европе, английское правительство должно отвергнуть, иначе Англия возьмет на себя обязательство вступить в войну за сохранение существующего положения в Центральной Европе. По отношению к Чехословакии Англия несет лишь обязанности члена Лиги наций и никоим образом не намерена их расширять. Англия готова оказать помощь

Франции только в случаях, предусмотренных Локарнскими соглашениями. Практически принятие такой формулировки означало бы, что британские интересы в Европе не простираются на восток дальше Рейна и Германии предоставляется свобода действий в Центральной Европе.

Подобные выводы содержались и в заключении, представленном начальниками штабов,— «Военные аспекты германской агрессии против Чехословакии»[11]. Как уже было сказано, при его разработке исходили из концепции, исключавшей участие армии Советского Союза в защите Чехословакии. Сначала авторы оценивают шансы коалиции, включающей Францию, Англию, Чехословакию, Венгрию, Югославию, Румынию, Грецию и Турцию. К ней не причисляется Польша. Начальники штабов пришли к заключению, что попытка создания такой коалиции ускорила бы оформление военного союза Германии, Италии и Японии. Англия к войне не готова, ведется перевооружение ее армии, что потребует еще длительного времени. Заключение пытается сравнить морские и воздушные силы Англии и Франции, с одной стороны, Германии, Италии и Японии — с другой. Соотношение сил, по представлению начальников штабов, выглядело таким образом:

Коалиция	Линейные корабли	Крейсеры	Торпедоносцы	Подводные лодки
Англия, Франция . . .	19	74	211	139
Германия, Италия, Япония	17	64	210	185

Коалиция	Бомбардировщики	Истребители	Разведывательная авиация	Морская авиация
Англия, Франция . . .	1569	974	186	1595
Германия, Италия, Япония	2606	1455	786	1142

Хотя начальники штабов подчеркивали военную неподготовленность Франции и Англии, данные таблицы

вовсе не свидетельствовали об их слабости. К тому же, если принять во внимание военный и экономический потенциал Советского Союза и Чехословакии, то становится очевидным, что в данном случае не было никаких обоснованных военных мотивов, которые побуждали бы Англию и Францию к капитуляции перед Германией. Подлинной причиной был антикоммунизм господствующих классов западных держав, толкавший их к политике уступок агрессору.

Вывод британских начальников штабов был следующим: Англия и ее союзники не могут оказать достаточно сильного военного давления на Германию, чтобы помешать германскому вторжению в Чехию и полному разгрому чехословацкой армии. Восстановление Чехословакии потребовало бы продолжительной войны. Сама Англия в состоянии оказать на Германию только экономическое давление, установив блокаду, и пройдет значительное время, прежде чем эти меры окажут свое воздействие. Короче говоря: «Не можем сделать ничего, что помешало бы псу получить свою кость, и не можем его заставить отказаться от нее, разве что умертвив его с помощью медленного истощения и голода».

Нет нужды напоминать: это заключение военных специалистов лишь другими словами повторяло то, что было сказано на заседании внешнеполитического комитета. Кабинет министров обсуждал оба документа 22 марта. С самого начала было заявлено, что позиция британского правительства в отношении Чехословакии была уже разъяснена в ноябре 1937 г. в связи с вопросом об аншлюсе Австрии. Необходимо вновь безотлагательно проинформировать французское правительство, что позиция Англии по этим вопросам принципиально не изменилась. Англия, если бы она и была подготовлена, не смогла бы защитить Чехословакию. Франция также не в состоянии оказать своему союзнику действенную помощь. Россия отделена от Чехословакии Польшей и Румынией. Германия разгромит армию Чехословакии раньше, чем кто-либо успеет оказать ей помощь. После падения Чехословакии Франция отсиживалась бы за своей линией Мажино, а германская авиация нанесла бы значительный ущерб Англии.

Э. Галифакс подчеркнул, что группа начальников штабов также дала весьма пессимистическую оценку

чехословацкой позиции. Чехословакию после немецкой агрессии можно было бы возродить только в результате новой мировой войны. Остается единственный выход: чехословацкому правительству следует внушить, что оно должно достичь соглашения с судетскими немцами. Необходимо склонить к этому решению и Францию. Вопрос войны или мира для Великобритании должно решать само английское правительство, и оно не может позволить, чтобы он решался каким-либо иностранным правительством. По мнению военных, никакие угрозы не в состоянии предупредить насильственную акцию Германии против Чехословакии. Поэтому Англия не может дать Чехословакии никаких гарантий. Э. Галифакс откровенно признался, что начальникам штабов были даны прямые инструкции при составлении заключения в своих расчетах не принимать во внимание Советский Союз.

Во время дискуссии прозвучали некоторые голоса, указывающие на нелогичность всей концепции Н. Чемберлена. Если Чехословакию потому нужно выдать Гитлеру, что обе западные великие державы сегодня в военном отношении слабее Германии, то можно ли предполагать, что завтра баланс сил будет более благоприятным для Англии и Франции? А не случится ли так, что, поглотив Чехословакию, Гитлер станет еще сильнее и соотношение сил изменится в ущерб Западу? Как показало последующее развитие событий, эти сомнения были обоснованными. Однако Н. Чемберлен выступил в поддержку предложений Э. Галифакса, и они были приняты. План Н. Чемберлена был нереальным, он не опирался на правильную оценку сил, и главным побудительным мотивом его действий была антикоммунистическая предвзятость, вера в то, что Гитлер и после Чехословакии будет стремиться только на восток.

Заседание правительства закончилось принятием решения: а) одобряется политика, предложенная Э. Галифаксом; будет оказываться воздействие на Чехословакию, чтобы она пришла к соглашению с Германией. Необходимо склонить Францию поддержать усилия английской дипломатии в Праге; б) посол Фиппс в Париже получит указания разъяснить французскому правительству эту политику; в) для французского правительства подготовят ноту, в которой будет изложена суть

данного политического курса; г) 24 марта в британском парламенте Н. Чемберлен сделает заявление о принципах внешней политики Великобритании.

Еще в тот же день английский посол в Париже Э. Фиппс был информирован о содержании ноты, переданной французскому послу в Лондоне. В ноте повторялось все, что уже было известно о линии Н. Чемберлена. Чехословакию будто бы нельзя спасти с помощью военных усилий западных держав, а потому необходимо, чтобы правительство в Праге достигло соглашения с Германией. Обе великие державы должны содействовать заключению этого соглашения. Правительствам Франции и Англии следует договориться о совместных действиях [12].

24 марта Чемберлен выступил в парламенте с речью, в которой разъяснял британскую позицию по чехословацкому вопросу. Учитывая настроения британской общественности и критические голоса в собственной партии, он был принужден маневрировать и не мог в парламенте говорить обо всем так цинично и откровенно, как на заседании правительства. Но тщательное сопоставление всех текстов ясно показывает, что парламентскую речь можно было истолковать только единственным образом: Чехословакия отдана на милость Гитлера.

Трудно понять, почему речь Чемберлена была совершенно иначе истолкована в Праге. Однако остается фактом, что в Берлине в высшей степени были довольны речью Чемберлена.

В тот же самый день Э. Галифакс передал советскому полпреду в Англии И. М. Майскому отрицательный ответ на советское предложение созвать конференцию заинтересованных государств, которая обсудила бы меры против нацистской агрессии *. Э. Галифакс удовольствовался простой констатацией, что такая конференция едва ли оказала бы «благоприятное воздействие на перспективы европейского мира» [13]. Лорд Лотиан, автор меморандума, рекомендовавшего, чтобы

* Текст советской ноты от 22 марта 1938 г., содержащей заявление М. М. Литвинова 17 марта, и ответ МИД Англии от 24 марта см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, с. 102—106, а также: Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 128—129, 149—151.— *Прим. ред.*

Германии было позволено создать в Центральной Европе подобие колониальной системы, в которой чехам было бы уготовано положение негров Южной Африки, демагогически твердил И. М. Майскому, что Гитлер, мол, хочет лишь самоопределения для судетских немцев и такое требование не может отвергать даже Советское правительство [14].

Н. Гендерсон прислал новое донесение, в котором настаивал на безотлагательном решении так называемого судетского вопроса. Ведь Гитлер, по словам Н. Гендерсона, никогда не скрывал своего намерения осуществить аншлюс Австрии и равным образом предостерегал Англию, когда речь касалась Чехословакии. Лондон не может не считаться с этим предостережением, и если правительство хочет найти «мирное решение», то нельзя тратить время на рассуждения [15].

VI

ПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ПОЛИТИКИ ЧЕМБЕРЛЕНА (АПРЕЛЬ)

При анализе политики Н. Чемберлена, послужившей причиной гибели Чехословакии и позволившей нацистской Германии развязать вторую мировую войну, часто говорят, что ее определял антикоммунизм или антисоветизм правящих кругов Великобритании, считавшейся тогда первой державой капиталистического мира. Может возникнуть вопрос, не является ли такое объяснение результатом простого умозаключения историков или же антикоммунизм присутствовал в британской политике настолько заметно, что это было очевидно всякому наблюдателю политической обстановки в Лондоне. Антикоммунизм как первопричина политики уступок агрессору — это не просто умозаключение. Доказательств тому много, обратимся хотя бы к свидетельству тогдашнего румынского посланника в Лондоне Григорча, которого явно нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму.

Одно из донесений Григорча относится к началу апреля 1938 г. [1]. Ему хорошо известны закулисные стороны политики Н. Чемберлена, которая формировалась под влиянием пресловутой «клайвденской клики» * —

* Наиболее прогермански настроенная реакционная группировка британских консерваторов, в которую входили как министры правительства Н. Чемберлена Дж. Саймон, С. Хор, лорд Галифакс, К. Вуд, так и ряд лиц, бывших министрами в преды-

группы лордов-германофилов: Лондондерри, Астора и других. В указанном донесении этой группе дается следующая характеристика:

«Эти господа, в общем большие дилетанты в политике, в Гитлере видят спасителя Европы от русского коммунизма. Ограниченные своей идеологией, они желают усиления Германии и распространения ее власти вплоть до границ России с тем, чтобы Германия затем оказалась в состоянии нанести коммунизму последний и беспощадный удар. Они верят в искренность германских проклятий в адрес большевизма и совсем не понимают, что это просто колоссальный блеф, с помощью которого Германия стремится завоевать симпатии всех консерваторов мира и отвлечь внимание от подлинной цели, в действительности преследуемой Германией: овладение Центральной и Юго-Восточной Европой».

Влияние этой группы чрезвычайно возросло, когда к руководству правительством пришел Н. Чемберлен, с которым большинство «клайвденской клики» было связано личными отношениями. Н. Чемберлен хотел вначале сблизиться с Италией, но, поскольку в этом направлении дела не продвигались достаточно быстро, клайвденские германофилы убедили его направить Э. Галифакса в Берхтесгаден. В подготовке этой поездки участвовал также Н. Гендерсон, близкий к названной группировке. «Эта группировка,— отмечал румынский дипломат,— весьма хорошо уяснила себе, что Германия преследует цель присоединить Австрию и подчинить (если не расчленить) Чехословакию, а затем распространить свою гегемонию на всю Придунайскую область». «Таймс» начала в печати кампанию, направленную против Чехословакии, которую она называла «нежизнеспособным организмом». Н. Чемберлен полагал, что за уступки в Центральной Европе он приобретет сотрудничество Германии, например, в колониальном вопросе.

дущих кабинетах: лорд Лотиан, лорд Лондондерри, Том Джонс — экономический советник и личный друг С. Болдуина — и др. Свое название получили по поместью «Клайвден» леди Астор, где имели обыкновение собираться по субботам. Лорд Астор владел воскресным еженедельником «Обсервер», а его брат Дж. Астор был фактическим хозяином газеты «Таймс». Издателем и главным редактором «Таймс» был Д. Даусон.— *Прим. ред.*

«Однако миссия Э. Галифакса,— продолжал румынский дипломат,— дала совсем иные, противоположные результаты, чем ожидал премьер-министр. Когда стало всем ясно, что Англия, посылая в Берхтесгаден члена правительства, чтобы он договорился с Гитлером, собственно говоря, потворствует Германии, то одержали верх настроения фатальной безысходности в Австрии, усилились притязания на Судеты в Германии и руководящие деятели последней пришли к выводу, что в Центральной Европе они могут действовать совершенно беспрепятственно».

В своем донесении Григорча напоминает, что еще лорд Лондондерри дал Гитлеру совершенно определенные заверения в таком духе *. Аншлюс поставил Н. Чемберлена в затруднительное положение. В парламентском заявлении 14 марта, которое он должен был сделать, ему пришлось учесть серьезное беспокойство английской общественности и формально осудить «грубые методы» германской политики. У. Черчилль предъявил правительству обвинения в том, что оно не оказывает сопротивления германским попыткам установить гегемонию на Европейском континенте. Позиции правительства оказались под угрозой, и Н. Чемберлен принужден был маневрировать. Это отразилось на его парламентской речи от 24 марта. В действительности же Чемберлен не склонен оказывать какое-либо противодействие германской экспансии. Он полагает, что Германия не потребует назад свои прежние колонии и не будет конкурировать с Англией на мировом рынке, если получит возможность развивать свою экспансию в Европе в восточном направлении.

«Германская экспансия,— писал далее румынский дипломат,— по всей вероятности, вновь толкнет Италию к сотрудничеству с англо-французским блоком и в конечном итоге встретит противодействие русских. Конфликт с Советами независимо от его исхода на долгое время ослабит Германию. Что касается Чехословакии, то я убежден, что господин Чемберлен уже сегодня пол-

---

* Лорд Лондондерри, бывший в 1931—1935 гг. министром авиации, принадлежал к близким друзьям И. Риббентропа в бытность его германским послом в Лондоне (1936—1938 гг.) и был наиболее активным сторонником политики «сближения» с Германией.— *Прим. ред.*

ностью готов принести ее в жертву Германии, само собой разумеется при соблюдении определенной формы. Он сделает все, чтобы принудить чехов к одной уступке за другой, и не имел бы никаких возражений, если бы Чехословакия полностью подчинилась германской политике. То обстоятельство, что Франция в этом случае утратит все свои позиции и друзей в Центральной Европе, не может помешать господину Чемберлену, ибо он отдал бы предпочтение такой Франции, которая была бы избавлена от «рискованных обязательств» в некоторых частях Европы, столь удаленных от пролива Ла-Манш».

Англия поможет Франции только в том случае, если последняя ограничит круг своих интересов западной частью Европы и собственными колониями. Чемберлен делает все, чтобы избежать чешско-германского конфликта, который перерос бы во франко-германскую войну. У Чехословакии в Англии много друзей, и поэтому Чемберлен старается ловко маскировать свою политику, ибо она непопулярна даже в его собственной партии.

В заключение этого интересного дипломатического донесения сказано: «Мне кажется, что премьер-министр был бы готов принести в жертву гитлеровской гегемонии и все придунайские страны, если бы среди них не было одной, имеющей в своем распоряжении чрезвычайно ценный для современной войны материал — нефть. Если перспектива, что Германия завладеет мадьярским продовольствием и югославскими минеральными месторождениями, не вызывает особого беспокойства у господина Чемберлена, совсем иначе обстоит дело, когда речь идет о румынской нефти. В этом случае все англичане, включая премьер-министра, проявляют явную нервозность».

Таково дипломатическое донесение, автор которого весьма реалистически очертил подлинную цель политики Н. Чемберлена: открыть нацистской Германии путь к советским границам и дать фашизму возможность выполнить свою миссию ударного кулака мирового империализма.

VII

ФРАНЦИЯ В ФАРВАТЕРЕ ПОЛИТИКИ ЧЕМБЕРЛЕНА (АПРЕЛЬ)

Англия не была связана с Чехословакией союзническим договором. Иначе обстояло дело с Францией. Однако Англия стремилась привлечь Францию к проведению совместной линии по отношению к Германии, особенно после оккупации в 1936 г. Рейнской области. Заявление Поль-Бонкура об оказании помощи Чехословакии, сделанное в момент аншлюса Австрии, привело Н. Чемберлена к решению использовать все возможности, чтобы в Париже к власти пришло новое правительство, которое не противилось бы его политике изоляции Чехословакии. На заседании в последней декаде марта английское правительство приняло решение побудить французское правительство проводить в чехословацком вопросе такую же политику уступок Гитлеру.

В начале апреля 1938 г. в Форин оффисе был подготовлен новый меморандум о Чехословакии (так называемый меморандум Хэдоу *). В нем были обобщены мнения британских дипломатов [1]. Меморандум утверждал, что Германия якобы не требует чехословацкой территории, а лишь не хочет пассивно наблюдать, как притесняют судетских немцев. Единственным выходом, по мнению автора меморандума, является федерализация Чехословакии по швейцарскому образцу, как это было обещано Э. Бенешем еще на Парижской конференции 1919 г. Практически это означало передачу местных ор-

* Р. Х. Хэдоу — сотрудник Форин оффиса.— *Прим. ред.*

ганов власти в пограничных районах судетонемецкой партии и предоставление немецкому меньшинству 25% постов в кабинете министров и в центральных органах государственного управления. Германия, утверждал меморандум, по серьезным экономическим мотивам заинтересована в сохранении целостности Чехословакии.

На вопрос, есть ли у Чехословакии надежда на иностранную помощь в случае конфликта с Германией, меморандум дает отрицательный ответ, ибо: а) Чехословакия не может ничего ожидать от Малой Антанты; б) нет никаких оснований рассчитывать на помощь Венгрии; в) нет якобы реальных надежд на такую помощь Советского Союза, которая могла бы спасти чехословацкое государство от гибели, ибо Красная Армия недостаточно сильна и, кроме того, Румыния и Польша воспротивились бы ее проходу в Чехословакию; г) Франция также могла бы оказать лишь ограниченную помощь, которая не спасла бы Чехословакию от уничтожения. Меморандум считает, что Чехословакия была бы полностью оккупирована вскоре после начала войны. Чехословакия может быть сохранена только ценой всеобщей европейской войны. Бенеш это, видимо, понимает, но открыто не признается никому, кроме своих ближайших друзей.

Чехословацкое правительство, делает вывод Р. Хэдоу, имеет две возможности: а) или оно договорится со своими национальными меньшинствами, б) или будет тянуть с решением, что приведет к уничтожению государства. На какие уступки меньшинствам могло бы пойти чехословацкое правительство? Были бы желательны изменения в конституции или, вернее, принципиальная замена самой концепции правительственной власти, перестройка государственного аппарата, его практической деятельности; за национальными меньшинствами следует признать особые права. В районах, где они живут, закон «О защите республики» * должен быть отменен,

* Закон был принят в 1923 г. и был направлен прежде всего против революционного движения. В 1936 г., когда над Чехословакией уже реально нависла угроза гитлеровской агрессии, закон был дополнен положениями, которые предусматривали усиление оборонных мероприятий республики, всеобщую мобилизацию и предоставление чрезвычайных полномочий военному командованию в случае опасности.— *Прим. ред.*

политические заключенные освобождены, полиция поставлена в подчинение местным органам власти. Без промедления следует объявить муниципальные выборы, чтобы местное управление перешло в руки меньшинств. Эти перемены покончили бы с единоличным господством чехов в государстве. Радикальным переменам должна подвергнуться и внешняя политика Чехословакии, поскольку она войдет в сферу немецкого влияния. Короче говоря, меморандум Р. Хэдоу требовал таких перемен в Чехословакии, которые создали бы условия для установления нацистского господства. Впрочем, Р. Хэдоу излагал лишь точку зрения британской дипломатии и признавал при этом, что пражское правительство не слишком склонно к такому радикальному повороту. В меморандуме отмечалось, что чехословацкое правительство получило из Парижа заявление Поль-Бонкура о предоставлении помощи Чехословакии в случае нападения. Возлагаются надежды на Лигу наций, рассчитывают на якобы существующее единство интересов Чехословакии и Великобритании. Правительство выступает против попыток аграриев сблизиться с судетонемецкой партией. Внутри страны формируется народный фронт против генлейновцев и Германии. Инциденты в пограничных районах легко могут вызвать ультиматум Берлина, после чего дело неудержимо пойдет к войне. Затем Франция может послать в Чехословакию свою авиацию, надеясь таким образом втянуть и Англию в войну. Р. Хэдоу подводит итог этой части меморандума, констатируя, что политика промедления Эдуарда Бенеша могла бы втянуть Европу в войну, которая имела бы такие же последствия, как Тридцатилетняя война, начавшаяся в 1618 г. тоже в Праге.

Поэтому Англия должна употребить все усилия, чтобы Чехословакия встала на путь примирения и уступок. Чехословакии следует дать понять, что она может рассчитывать на зарубежную помощь только в случае удовлетворения требований национальных меньшинств. Об этом Великобритания должна проинформировать Германию и в то же время предостеречь ее от безрассудных действий против Чехословакии. Только так можно предотвратить европейскую катастрофу. Какую пользу могла бы извлечь Англия из такого образа действия? Прежде всего это означало бы сохранение мира; Англии,

правда, пришлось бы принести в жертву славу о своем могуществе и утратить престиж, но в противном случае — война и полная потеря британских капиталов и предприятий в Чехословакии и Дунайском бассейне. Кроме того, Чехословакия была бы сохранена как очаг славянской культуры в Центральной Европе, что до некоторой степени препятствовало бы установлению безраздельной германской гегемонии (хотя сопротивление, видимо, было бы слабым); Р. Хэдоу подчеркивает, что такая политика могла бы рассчитывать на успех, поскольку британская дипломатия убеждена, что Германия не хочет поглотить всю Чехословакию. Единственно, в чем не было уверенности,— это в том, готов ли Э. Бенеш уйти в отставку. Его отставка сделала бы достижение компромисса не только более легким, но и более вероятным. Милан Годжа, по мнению Р. Хэдоу, как словак склоняется к компромиссу и к чешско-немецкому соглашению. Лицом, подходящим для достижения компромисса, был бы и Рудольф Беран *, хотя сторонники Э. Бенеша обвиняют его в измене. Бенеш же, видимо, сейчас настроен сражаться. Лишь совершенно срочное британское вмешательство может предотвратить войну. Англия должна оказать нажим на Прагу в интересах Европы. Конечно, Бенеш может и после отставки продолжать сопротивление, обращаясь к своей стране из Парижа или Женевы, как он уже делал это в 1914—1918 годах.

Нельзя не признать, что британская дипломатия в целом реалистически оценивала позиции чехословацких буржуазных лидеров правительственной коалиции, которые, как знали англичане, в конце концов капитулируют, хотя весной 1938 г. многие из них еще произносили речи, полные решимости бороться против Гитлера.

Основой оборонительной концепции Чехословакии мог бы служить союз с СССР. Именно потому англий-

---

* Беран Рудольф — с 1933 г. председатель так называемой аграрной партии, которая являлась фактически партией крупной буржуазии и в 1920—1938 гг. играла ведущую роль в политической жизни Чехословацкой Республики. В 1938—1939 гг.— премьер-министр. В 1947 г. за сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами приговорен судом к пожизненному заключению.— *Прим. ред.*

ская дипломатия прилагала большие усилия, чтобы доказать, что Советское правительство не имеет намерений помочь Чехословакии, что Красная Армия слаба и хотя могла бы успешно защищать территорию СССР, но неспособна вести наступательные действия вне его границ, что не обеспечен проход советских войск в Чехословакию и т. д. На чехословацкое правительство оказывалось прямое давление, чтобы оно не рассчитывало на советскую помощь, и вместе с тем давались советы действовать с СССР против Германии, разумеется в надежде, что страх Гитлера перед мощью СССР заставит его воздержаться от насильственных действий против Чехословакии [2]. Английская дипломатия без колебаний повторяла все клеветнические измышления об СССР и его армии, которые распространяли дипломатия германская, польская и др.

В то время как британская дипломатия действовала таким образом против договорной системы Прага — Париж — Москва, Н. Гендерсон в Германии не прекращал свои опасные зондажи. В начале апреля он направил Э. Галифаксу письмо, из которого видно, что федерализация Чехословакии по швейцарскому образцу отнюдь не являлась единственным приемлемым для британской дипломатии решением. Он приводит заявление Гитлера (во время беседы 3 марта), что Германия не потерпит вмешательства других государств в дела немецких меньшинств, однако Н. Гендерсон тут же добавляет, что британские услуги в Чехословакии Гитлер все-таки принял бы; Англия могла бы потом проявить готовность к обсуждению колониального вопроса, а Германия, возможно, согласилась бы на обсуждение вопроса об ограничении вооружений. Н. Гендерсон предлагает, чтобы Форин оффис убедил Э. Бенеша принять британское посредничество. Тот же Н. Гендерсон постарался бы выяснить у Гитлера, какое решение чехословацкого вопроса для него желательно. Англии не следует поддерживать уклончивые предложения Э. Бенеша; тот должен сделать заявление о готовности решить судетскую проблему, хотя бы на основе федерации. Детали могут быть доработаны позднее, в более спокойной атмосфере [3].

Спустя неделю Н. Гендерсон направил Э. Галифаксу новое письмо, в котором он идет уже значительно дальше. Он пишет, что всегда был убежден, что рано или

поздно Австрия будет включена в Германию, и именно поэтому просил свое правительство, чтобы в беседе с Гитлером 3 марта ему было позволено не поднимать вопроса об Австрии. В настоящее время критический характер приобрела уже судетская проблема. Кажется, Гитлер согласен на «разумное решение». Желательно было бы не высказывать ему британские рекомендации (сейчас самоопределение Судет и только спустя несколько лет плебисцит), а откровенно попросить Гитлера уточнить, что́ он сам вкладывает в понятие «решение». Далее Н. Гендерсон высказал мнение, что едва ли Э. Бенеш выдвинет предложения, которые были бы приемлемы для Гитлера. Однако Англия не должна отказывать судетским немцам в праве на самоопределение. На переговорах с Германией британская дипломатия, опираясь на аргументацию о естественном праве на самоопределение, может предложить помощь в осуществлении этого права, и Гитлер непременно ее примет. Дальше можно было бы начать дискуссию о разоружении. Возникнут, разумеется, новые проблемы, связанные с другими национальными меньшинствами в Чехословакии, прежде всего с венграми. Чехословакия в национальном отношении — миниатюрное издание Австро-Венгрии и, как последняя, является пережитком. Чехословакия может сохранить свою централизованную структуру только с помощью договоров и поддерживая равновесие сил. Поэтому, даже учитывая, что в результате решения проблемы национальных меньшинств чехословацкое государство будет урезано в размерах, это пойдет лишь на пользу ему. Сделает его население более однородным и славянским. Нельзя насилием держать немцев и венгров в составе чехословацкого государства. Славяне в нем господствуют над немцами. Чехословакия — государство многонациональное и обеспечивает свое существование только с помощью внешнеполитических союзов. В конце Н. Гендерсон заявляет: пока ему не известно точно, какой политике отдало предпочтение английское правительство, и поэтому он, дескать, не мог выяснить германские требования у Риббентропа и Геринга [4].

Сделав запрос посланнику Б. Ньютону в Праге, Э. Галифакс удостоверился, что первым условием компромисса Гитлер выдвигает требование «нейтрализа-

ции» Чехословакии, что равносильно отказу от договоров с Францией и СССР[5].

Рассуждения британских дипломатов о возможной федерализации и «нейтрализации» Чехословакии, предполагающие хотя бы формальное сохранение целостности чехословацкого государства — разумеется, в вассальной зависимости от Германии,— были в действительности нереальными, ибо планы Гитлера в отношении Чехословакии, как показывали поступающие донесения, были совершенно иными. Например, бывший австрийский военный атташе в Берлине генерал Муфф проговорился, что аннексия Судет считается неминуемой, но Гитлер, видимо, ожидает, пока Чехословакия распадется сама; судетские немцы дисциплинированны и будут действовать по приказу. Не исключены локальные волнения[6]. Точно так же руководитель австрийской военной разведки генерал Викторин давал понять, что немецкий план состоит в поглощении чехов Германией и германские границы будут передвинуты до Карпат. Затем будут поставлены вопросы Гданьска, Мемеля и «польского коридора»[7].

Несмотря на очевидность всего этого, в конце апреля Н. Гендерсон вновь сказал посланнику В. Мастному, что Прага должна удовлетворить требования К. Генлейна; из беседы с Г. Герингом он, мол, вынес убеждение, что Гитлер желает сохранить целостность Чехословакии, однако при условии, что до осени национальный вопрос будет благоприятно разрешен. В противном случае следует считаться с тем, что Гитлер применит силу[8].

В конце апреля в Лондоне представители Франции встретились с Н. Чемберленом. Французским премьер-министром был теперь Эдуард Даладье, который уже в 1932 г. выступал активным сторонником идеи пакта четырех держав в Европе. В качестве министра иностранных дел прибыл Ж. Боннэ, сменивший нежелательного Ж. Поль-Бонкура, который был удален с политической сцены после заявления о французской готовности оказать помощь Чехословакии в случае, если она подвергнется нападению. Чехословацкое правительство представило участникам совещания в Лондоне особую ноту по вопросам национальных меньшинств. Однако англичане отказались обсуждать ее под предлогом, что они не располагают достаточным временем для

ее изучения. Действительная причина была иной, а именно стремление уклониться от ответственности за любое чехословацкое предложение.

После долгих переговоров было решено, что обе державы будут осуществлять нажим на Прагу в пользу партии Генлейна, а Англия сама предпримет демарш в Берлине и прозондирует, какое решение чехословацкого вопроса могло бы удовлетворить Германию. Гитлер будет снова предупрежден, что Англия не могла бы примириться с насильственными действиями, которые Германия осуществила бы без консультаций с западными державами. И наконец, в Лондоне было решено окончательно порвать с политикой сотрудничества с СССР *.

Итак, практически Н. Чемберлен добился осуществления рекомендаций, подготовленных Форин оффисом после аншлюса Австрии. Франция подчинилась. Остается печальным фактом: ни Ян Масарик в Лондоне, ни Штефан Осуский в Париже в качестве чехословацких дипломатических представителей не сумели своевременно разъяснить своему правительству, что эта победа Н. Чемберлена означала полную гибель Чехословакии. И хотя их дипломатические донесения и депеши механически повторяют содержание принятых решений, однако смысл их завуалирован потоком малозначительных фраз [9]. Существо английской политики выразила газета «Таймс», написав, что британское общественное мнение должно бы считать неразумным, чтобы народы, имеющие огромные колониальные владения, и впредь мешали Германии занять руководящие позиции в экономической эксплуатации Восточной Европы [10].

Это ведь были идеи из меморандума лорда Лотиана, который еще после встречи с Гитлером в 1937 г. рекомендовал позволить Германии создать на своих восточных границах колониальную область, чтобы стать на один уровень с другими колониальными державами. Чехословакия должна была войти в эту новую колониальную область. Англо-французское совещание завершилось принятием решения о том, что Франция и Англия

---

* См. также: Подготовка мюнхенского диктата. Путь Англии к Мюнхену.— «Международная жизнь», 1973, № 6, с. 99—100.— *Прим. ред.*

предпримут совместные действия, которые помогут Германии достичь этой цели.

Р. Хэдоу, автор приведенного выше меморандума о Чехословакии, составил для лондонского совещания новый меморандум, на этот раз направленный против сотрудничества Франции с СССР. Э. Галифакс этот меморандум поддержал, однако Р. Хэдоу позже жаловался Н. Гендерсону, что и в Форин оффисе продолжают сохраняться настроения, одобряющие совместные действия Англии и Франции с СССР. Его последний меморандум, сетовал Р. Хэдоу, не оказал на ход лондонских переговоров достаточного влияния, желательного с точки зрения осуществления плана Н. Гендерсона «спасения мира в Европе» [11]. Принесение в жертву Чехословакии и отказ от сотрудничества с СССР были двумя сторонами одной и той же политики.

VIII

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ ДАВЛЕНИЕ НА ПРАГУ — КОНСУЛЬТАЦИИ В БЕРЛИНЕ (МАЙ)

На совещании в Лондоне в конце апреля Англия и Франция договорились оказать давление на Прагу с тем, чтобы она капитулировала перед Генлейном; одновременно они попытаются убедить Гитлера, что у Германии нет нужды прибегать к применению силы. Ведь она может получить все без войны, путем соглашения с обеими западными великими державами.

Ситуация в Праге, согласно дипломатическим донесениям, была сложной. После аншлюса Австрии перспектива гибели государства стала реальной. Правительственная коалиция начала склоняться к мысли, что нужно будет удовлетворить требования национальных меньшинств, однако она все еще не теряла надежды, что Чехословакия получит помощь из-за границы. Доверие к Франции явно падало, но зато тем чаще взоры правительства обращались к Англии. Господствовали иллюзии, что Англия вступится за Чехословакию, если правительству удастся удовлетворить требования Генлейна.

Политическая общественность разделилась на два лагеря [1]. Народные массы требовали защиты республики, и левая часть правительственной коалиции была вынуждена с этим считаться. В среде буржуазии преобладали настроения фатальной безысходности. Аграрная партия была готова пойти на компромисс с Генлейном, лишь бы Чехословакия избежала войны. Она была со-

гласна выполнить и другое требование нацистов — расторгнуть договор с СССР. Разумеется, такого мнения придерживались скорее лидеры партии, чем ее рядовые члены. Было очевидно, что дальнейшее развитие событий будет зависеть от того, удастся ли левым силам упрочить и сохранить готовность масс к сопротивлению фашизму или же правое крыло правительства сумеет склонить общественность к уступкам судетонемецкой партии.

Партия Генлейна на время несколько унялась, она рассчитывала на муниципальные выборы, которые могли передать в ее руки органы самоуправления в пограничных районах. Договоренность о выборах была достигнута между германским послом в Праге Э. Эйзенлором, Р. Бераном и М. Годжей на тайных совещаниях в начале 1938 г. В правительстве же возникли большие разногласия по вопросу о проведении выборов. Левое крыло возражало, утверждая, что в данной ситуации они могут принести пользу лишь Генлейну. В то время вместе с социалистами, входившими в правительство, шли лидовцы *, с аграриями — живностенская партия ** и национальное объединение ***. В правительстве начались взаимные обвинения. Левые говорили, что именно аграрии несут ответственность за существование партии Генлейна, что они годами спасали ее от роспуска, что они всегда рассчитывали на нее как на партнера в новой правой коалиции. Со своей стороны аграрии пытались доказать, что своевременное соглашение с судетонемецкой партией обошлось бы правительству дешевле, но что левые в правительственной коалиции помешали такому соглашению и тем самым время было упущено. Аграрии обвинили левых в том, что во внешней политике они возлагали надежды на антигитлеровский фронт и отвергали уступки фашизму, а это завело чехословац-

* Лидовцы, или народная партия,— в довоенной Чехословакии политическая партия чешской буржуазии, сильное влияние в которой имела католическая иерархия. — *Прим. ред.*

** Живностенская партия — политическая партия мелких и средних предпринимателей. По своим позициям близка аграрной партии.— *Прим. ред.*

*** Национальное объединение — политический блок чешских реакционных и фашистских организаций, в состав которого входили: национально-демократическая партия, национальная лига и национальный фронт.— *Прим. ред.*

кую политику в тупик; левые ничему не научились даже после аншлюса, постоянно тормозят переговоры с Генлейном, в то время как правительственная правая хочет компромиссных переговоров и готова к уступкам. Входящие в правительство социалисты опасались, что в данных условиях муниципальные выборы в пограничных районах подорвут позиции немецких социал-демократов.

Внешне разногласия в правительственной коалиции выглядели как личные противоречия между М. Годжей и Э. Бенешем. Группировка Града * отстаивала необходимость сохранения правящей коалиции как союза буржуазии, мелкобуржуазных элементов и реформистов. Она старалась не допустить создания народного фронта. Доказывала, что в таком случае в противовес народному фронту образовался бы совместный правый фронт, который создал бы угрозу республике. Группировка Града предполагала устранить разногласия в правящей коалиции путем создания чиновничьего кабинета, который опирался бы на авторитет президента и армию. Это был традиционный образ действий, который с 1918 г. обычно применялся всякий раз, когда правящая коалиция не хотела взять на себя ответственность за непопулярное решение. Таким крайне непопулярным решением было в настоящий момент соглашение с судетонемецкой партией, равнозначное капитуляции перед этой нацистской партией, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Аграрии же считали, что следовало бы создать новое правительство во главе с Бераном, которое легко достигнет соглашения с Германией и ее агентурой в Чехословакии. Однако эти политические расчеты оказывались неосуществимыми, поскольку правительственным политикам приходилось учитывать решительное настроение народных масс. Активность масс проявилась в мощных первомайских демонстрациях, организованных входящими в правительство социалистами совместно с КПЧ [2].

---

* Группировка Града — политическая группировка представителей финансового капитала, буржуазно-либеральных кругов и реформистских партий, возглавляемая президентами Чехословакии Т. Г. Масариком и Э. Бенешем. Наименование получила по названию резиденции президента ЧСР — Града (Пражский Кремль).— *Прим. ред.*

В расчетах правительственных политиков учитывалось также положение в Словакии. С начала года словацкая народная партия Глинки вела тайные переговоры с венгерским правительством о присоединении Словакии. В апреле итальянское посольство передало словацкой народной партии венгерское предложение о заключении унии между Венгрией и Словакией, причем моделью для такой унии могла бы послужить Австро-Венгрия. Аналогичные переговоры велись также с бековской Польшей. Итальянское посольство зондировало в Праге, какую позицию занимает Германия в отношении этих проектов. В то время оно пришло к выводу: Германия пока что заинтересована в сохранении целостности чехословацкого государства[3]. Действительно, Германия не хотела, чтобы Словакия стала составной частью Венгрии или Польши, ибо Словакии также была уготована судьба германского протектората. То, что партия Глинки добивается раскола республики, было известно всем. Она уже давно выступала как союзница партии Генлейна. Некоторые ведущие деятели ее, в первую очередь Тука, с начала двадцатых годов сотрудничали с фашистскими организациями.

В этой обстановке, когда судетонемецкая партия, словацкая народная партия Глинки и другие вели переговоры о разделе республики и когда их покровители сидели в правительстве, правящая коалиция искала поддержки у западных держав. Это дополнительно давало Англии возможность осуществлять твердый нажим на Прагу.

В начале мая Э. Галифакс информировал свое правительство о достигнутой договоренности с французской делегацией. Как он указывал в докладе, у чехословацкого правительства не должно оставаться сомнений, что оно может, а чего не может ожидать от Запада. Британское правительство, подчеркивал Э. Галифакс, не даст Чехословакии гарантии, что в отношении ее возьмет на себя какую-либо ответственность. Об этом он, по его словам, совершенно определенно сказал посланнику Я. Масарику[4]. Однако Ян Масарик иначе интерпретировал свой разговор с Э. Галифаксом. Он посчитал, что британский министр применил «метод устрашения» и его слова не отражают действительную позицию Англии[5]. В английской записи этого разговора содержится

мысль, которая часто повторяется также и в протоколах заседаний британского кабинета: вести войну ради сохранения Чехословакии не имеет смысла, ибо в своем нынешнем виде это государство нежизнеспособно. И даже если бы война закончилась победой западных держав, Чехословакия не могла быть восстановлена в ее сегодняшнем виде[6]. В начале мая подобную точку зрения повторял посланнику В. Мастному и Н. Гендерсон. И после победоносной войны, считал он, Чехословакия осталась бы пороховой бочкой в Центральной Европе, а поэтому война против Германии не имеет никакого смысла[7]. Послы в Берлине Франсуа-Понсе и Гендерсон доносили своим правительствам, что необходимо скорее провести реорганизацию Чехословакии в федеративное государство, потому что в нацистской партии быстро пускает корни идея аннексии. Иными словами, Чехословакия должна была капитулировать перед Германией прежде, чем Гитлер увеличит свои претензии.

Это же самое повторили французский и английский посланники во время демарша у чехословацкого министра К. Крофты 7 мая 1938 г. Чехословакия должна уступить Генлейну и не должна ничего ожидать от Франции и Англии. Даже после победоносной войны с Германией она не могла бы быть восстановлена в своих нынешних границах[8]. Подобный демарш повторил английский посланник Б. Ньютон у Э. Бенеша, и тот пообещал, что правительство сумеет достичь договоренности с судетонемецкой партией. Коалиционная чешская печать назвала этот бесцеремонный нажим английских «умиротворителей» «дружеским советом», причем добавляла, что правительство непременно ему последует[9].

Как явствует из дипломатических донесений, во время демарша оба посланника требовали, чтобы Чехословакия перестала быть централизованным государством, а в срочном порядке была реорганизована в федеративное государство автономных национальностей. Правительство, отвечал К. Крофта, готово к тяжким жертвам, но его уступки могут идти только до определенного предела: следует соблюдать существующую конституцию, суверенитет и целостность государства[10]. Согласно некоторым сообщениям, К. Крофта обещал, что новый «национальный статут» будет готов к 20 мая; Э. Бе-

неш также был оптимистичен и высказал мнение, что до осени наступит успокоение[11]. Такие оценки ситуации были совершенно нереальными. Бенеш и Крофта полагали, что для удовлетворения требований Генлейна было бы достаточно предоставить немцам большее представительство в органах государственного управления, увеличенные ассигнования из государственного бюджета, более широкую культурную автономию, в первую очередь в школьном деле. В то время они еще совершенно определенно отвергали требование о территориальной автономии. Правительство охотно приняло британское вмешательство в национальный вопрос, полагая, что это облегчит ему положение. Народные массы оказывали сопротивление политике компромисса с Генлейном, и правительство надеялось переложить на западные державы часть ответственности за эту непопулярную политику. Органы печати получили указания не преуменьшать значение демаршей обоих послов и постепенно подготавливать общественность к неизбежности компромисса с судетонемецкой партией[12]. Аккредитованные в Праге дипломатические представители иначе, чем правительство, интерпретировали вмешательство западных держав. Болгарский посланник Балабанов, например, прямо писал, что выполнение требований Б. Ньютона означает изменение государственной конституции и что демарш ставит целью не оказание помощи судетским немцам, а, используя требования, выдвигаемые Генлейном, обе западные мировые державы хотят добиться включения чехословацкого государства в сферу германских интересов[13].

По сведениям английских парламентских кругов, правительство Н. Чемберлена ожидало, что вопрос о Чехословакии будет решен в течение шести месяцев. Оно категорически настаивало на необходимости изменить чехословацкую конституцию, сделать государство федерацией. Было известно, что чехословацкое правительство готово к уступкам, но требует гарантии границ. Английское правительство, однако, никогда не возьмет на себя подобного обязательства; впрочем, и Германия на это не согласилась бы. Английское правительство не питает иллюзий: автономия судетских немцев была бы лишь первым шагом к их последующему присоединению к Германии[14].

В этой ситуации западные державы не могли удовлетвориться ответом, который был подготовлен Э. Бенешем и вручен К. Крофтой обоим посланникам 15 мая 1938 г.[15] В нем смиренно выражалась благодарность правительству его величества за добрые услуги, давалось заверение, что чехословацкое правительство готово рассмотреть национальную проблему; конечно, все это может решаться лишь в согласии с существующей конституцией, при сохранении территориальной целостности. Правительства обеих великих держав будут регулярно информироваться о всех последующих переговорах чехословацкого правительства с представителями немецкого национального меньшинства. Еще до того, как был вручен этот ответ, Э. Галифакс написал Н. Гендерсону, что все зависит от того, пойдет ли Э. Бенеш по пути далеко идущих уступок, то есть по пути, ведущему к полной капитуляции перед Германией. В то время обстановка для этого еще не созрела: чтобы полная капитуляция стала осуществимой, потребовалось еще несколько месяцев.

Логическим дополнением к англо-французскому давлению в Праге были «консультации» в Берлине. Здесь главным действующим лицом выступал посол Н. Гендерсон. О своих встречах с нацистскими деятелями он срочно информировал Форин оффис. В свою очередь нацистам он сообщал, что английский посланник в Праге категорически требовал от правительства удовлетворения притязаний Генлейна, притом не частичных уступок, а лишь полного урегулирования. Н. Гендерсон и другие британские дипломаты давали понять, что Англия, пользуясь этим случаем, хотела бы достигнуть общего соглашения с Германией по «крупным политическим вопросам». Например, первый секретарь английского посольства в Берлине И. Киркпатрик сказал при встрече секретарю германского посольства в Лондоне О. Бисмарку, что было бы лучше всего, если бы оба правительства, то есть германское и британское, непосредственно договорились по чехословацкому вопросу и решили его без вмешательства других держав. Пусть немцы откровенно скажут, чего они хотят в Чехословакии, а англичане будут добиваться этого от чехословацкого правительства. Впоследствии можно было бы сообща решить, например, проблему колоний, договориться о

военно-воздушных силах и т. п. Англия опасается, что Франция может быть втянута в чехословацко-германский конфликт, и поэтому хотела бы предотвратить войну путем своевременного соглашения между Берлином и Лондоном [16]. Н. Гендерсон попытался заручиться обещанием И. Риббентропа, что К. Генлейн получит из Берлина указание начать переговоры с чехословацким правительством [17]. Однако И. Риббентроп проявил в разговоре сдержанность и отказался конкретизировать требования, которые удовлетворили бы германское правительство. Нацисты маневрировали, так как хотели полного уничтожения чехословацкого государства, но эту свою конечную цель они не могли пока еще провозгласить публично. В то же время они не хотели объявить своей целью нечто меньшее, чем ликвидация Чехословакии, ибо такое заявление могло быть сочтено той же Англией обязательством, которое связывало бы им руки.

Каковы же были истинные цели главных империалистических держав? Английское правительство, несомненно, хотело, чтобы Чехословакия была бы включена в германскую «сферу интересов». В данной ситуации такую цель можно было достичь политическими средствами с помощью судетонемецкой партии. Английское правительство поддерживало ее под предлогом, что эта партия отстаивает право судетских немцев на самоопределение. Такое решение не создавало угрозы положению Н. Чемберлена в Англии, поскольку английское общественное мнение с пониманием относилось к принципам самоопределения. Переговоры между чехословацким правительством и судетонемецкой партией и были той процедурой, которая должна была привести к поставленной цели. Но уже 10 мая 1937 г. Н. Чемберлен в Клайвдене заявил американским журналистам, что наилучшим решением всех европейских проблем был бы пакт четырех держав * (исключая Советский Союз), а

---

* Пакт четырех — «пакт согласия и сотрудничества» между Англией, Францией, Германией и Италией, подписанный 15 июля 1933 г. Муссолини и послами этих государств. Пакт четырех был сговором английских и французских империалистических кругов с германским и итальянским фашизмом, попыткой установить гегемонию в Европе четырех великих держав, осуществить изоляцию Советского Союза. Из-за резкой критики, которую он вызвал в политических кругах Франции, пакт не был ратифицирован.— *Прим. ред.*

чехословацкая проблема могла бы быть решена путем присоединения Судетской области к Германии. Четыре дня спустя американские газеты опубликовали сообщение, что Н. Чемберлен выступает за отторжение пограничных областей от Чехословакии[18].

Для английских политиков характерен прагматизм. Решающее значение имеет цель, менее важны методы, ведущие к этой цели. Коль скоро нацистскую Германию не удовлетворяет компромисс между Генлейном и правительством, то следует включить Чехословакию в германскую сферу интересов, лишив ее пограничных областей и тем самым отдав на милость Германии. Кстати, «Таймс» уже 22 марта 1938 г. опубликовала статью, заявлявшую, что судетскую проблему нужно решать путем плебисцита. Н. Гендерсон в дипломатическом корпусе в Берлине неустанно подчеркивал, что судетские немцы имеют право на такую же судьбу, как и немцы в Австрии[19]. В любом случае заявление Н. Чемберлена американским журналистам представляло собой нажим на Чехословакию: Прага должна поспешить с уступками судетонемецкой партии, ибо через несколько недель может появиться совершенно иное решение. Немецкий посланник в Праге Э. Эйзенлор также откровенно давал понять, что отторжение пограничных районов является возможной альтернативой; он кончал свои разговоры провокационным вопросом: а почему бы чехам не жить одним в небольшом, но собственном государстве? Иначе говоря, он полагал, что в будущем урезанном государстве даже чехи и словаки не проживали бы вместе[20].

Французское правительство не составляло исключения. Э. Галифакс имел возможность сообщить британскому правительству, что Ж. Бонпэ также осуществляет давление на Прагу, принуждая ее к соглашению с судетонемецкой партией. Если такое соглашение не состоится, французское правительство очутится перед трудной дилеммой: либо отказаться от союзнических обязательств перед Чехословакией, либо вступить в войну против Германии[21]. Капитуляцию чехословацкого правительства перед Генлейном во Франции можно было бы выдавать за внутреннее чехословацкое дело, а, как только Чехословакия была бы включена в германскую сферу влияния, правительство Э. Даладье могло бы спокойно умыть руки. Франсуа-Понсе в Берлине выска-

зывался твердо и прямолинейно: Прага должна целиком и полностью принять все требования Генлейна, ибо все действия судетонемецкой партии заранее согласованы с Гитлером. Если требования Генлейна не будут удовлетворены, в пограничных районах возникнут волнения и армия Гитлера вторгнется в Чехословакию под предлогом, что она идет на помощь притесняемым немцам[22].

Короче говоря, судьба Чехословакии была решена, и от нее требовали, чтобы вдобавок она сама привела приговор в исполнение. Внешняя политика Чехословакии первоначально исходила, хотя и непоследовательно, из концепции, базировавшейся на франко-советском пакте. После капитуляции перед Генлейном чехословацкое правительство теряло всякие надежды на помощь своих союзников. Британская концепция исходила из предположения, что удастся отстранить Советский Союз от решения европейских дел. Поэтому британская дипломатия, повторяя утверждения гитлеровской пропаганды, усиленно убеждала, что Советский Союз не в силах помочь Чехословакии, что его армия не подготовлена и т. п.[23] В британских дипломатических документах того времени о Советском Союзе говорится с явной враждебностью[24]. Британскую дипломатию интересовал также вопрос о том, насколько еще живо среди французских политиков убеждение в необходимости союза с СССР. В середине мая Э. Фиппс, сообщая из Парижа о беседах с французскими министрами, писал: на вопрос, как они представляют себе помощь Чехословакии, они отвечают, что будет проведена мобилизация французской армии, Советский Союз окажет помощь авиацией, а Англия объявит блокаду; они не скрывают своих антипатий к СССР, своей ненависти к коммунизму, однако многие считают, что Франция и в дальнейшем еще будет нуждаться в советской помощи, особенно авиацией[25]. Британская дипломатия настойчиво убеждала французов, что советская военная мощь проблематична и нельзя рассчитывать на СССР в войне за спасение Чехословакии[26].

Ликвидация чехословацко-советского союзнического договора была непосредственно целью британской политики. В одном из своих писем Н. Гендерсону Э. Галифакс заявлял, что правительство в Праге сейчас еще практически не в состоянии выполнить требование о

ликвидации «русского пакта». Однако если смягчится острота внутреннего кризиса, если будет достигнут компромисс с судетонемецкой партией, то отпадет и нужда в зарубежной поддержке, иными словами, исчезнет и необходимость в «русском пакте». Оценивал ли Э. Галифакс эту проблему, зная обстановку в Праге? [27] Пять дней спустя (7 мая) у Б. Ньютона состоялась длительная беседа с Эдуардом Бенешем. Бенеш подчеркнул, что давно хотел достичь соглашения с Германией, однако при условии сохранения Чехословакией отношений с Западом. «Отношения Чехословакии с Россией,— как он выразился,— всегда были и всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании. Нынешние связи Чехословакии с Россией целиком вытекают из франко-русского договора, и если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет. Чехословакия будет всегда следовать за Западной Европой, и будет всегда связана с ней, и никогда не будет связана с Восточной Европой. Всякая связь с Россией будет поддерживаться лишь при посредстве Запада и с его согласия» [28]. Таким образом, видно, что Э. Галифакс не ошибался в оценке позиции чешских правительственных лидеров. Эта ориентация соответствовала классовому характеру политической власти в Чехословакии; прозападная ориентация в то время защищалась и левым крылом правительственной коалиции, которая повторяла: наша обязанность — убедить Западную Европу в искреннем желании Чехословакии достичь соглашения с немецкими согражданами [29]. Эта уклончивая фраза маскировала в действительности политику, которая в соответствии с английскими советами вела к капитуляции перед нацистской Германией. Э. Бенеш успокаивал правительственную коалицию перспективой: если переговоры с судетонемецкой партией не приведут к соглашению, то тем самым западной общественности будет дано доказательство, что судетонемецкая партия — агентура нацистов и поэтому она не хочет договориться. Разумеется, это был опасный самообман.

Чехословацкая сторона допустила большую ошибку, начав переговоры с К. Генлейном. Тем самым Генлейн признавался единственным представителем судетских немцев. Вместе с тем сам факт переговоров давал повод

мировой общественности полагать, что проблема национальных меньшинств в Чехословакии действительно актуальна и требует немедленного решения. Нацисты и сторонники «умиротворения» могли в дальнейшем исподволь навязывать мировой общественности следующую схему: проблема немецкого национального меньшинства должна быть решена путем соглашения с судетонемецкой партией; если соглашение не будет достигнуто, то Германия решит эту проблему посредством войны; чтобы мир избежал войны, Чехословакия должна капитулировать, ибо для судетских немцев дело идет о законном их «праве на самоопределение». Британское давление на чехословацкое правительство в пользу Генлейна было составной частью хорошо продуманного плана, и согласие Чехословакии участвовать в осуществлении этого плана могло привести к катастрофе.

Большая роль в этом плане отводилась также и партии Генлейна. В мае 1938 г. К. Генлейн был приглашен в Лондон. Поездку устроил британский Форин оффис (главным образом постоянный заместитель министра иностранных дел Ванситтарт). Содействие оказывал и полковник Кристи. Была организована также встреча с У. Черчиллем. К. Генлейн использовал поездку, чтобы убедить британскую общественность, что судетонемецкая партия выдвинула лишь «благородные и справедливые требования». Британские организаторы этой поездки питали иллюзии, что пребывание в Лондоне окажет воздействие на К. Генлейна и он в дальнейших переговорах с чехословацким правительством будет сдержанным и пойдет на соглашение. К. Генлейн выдвигал требование территориальной автономии Судет и расторжения чехословацко-советского соглашения [30]. После завершения его визита Э. Галифакс представил британскому кабинету министров доклад, в котором утверждалось, что К. Генлейн не имеет инструкций от Гитлера и Э. Бенеш мог бы достичь полезного соглашения, если бы действовал быстро [31]. В тот самый день, когда проходило заседание британского кабинета министров, И. Риббентроп представил Гитлеру запись беседы с К. Генлейном перед его отъездом в Англию и после его возвращения. Эти документы не оставляют сомнений, что с К. Генлейном была обстоятельно обговорена тактика его действий в Лондоне [32].

IX

МАЙСКИЙ КРИЗИС (15—31 МАЯ)

Британская политика уступок всегда поощряла Гитлера к дальнейшим насильственным действиям. Он мог спокойно не обращать внимания на британские призывы своевременно консультировать свои действия с Англией. Так обстояло дело при аншлюсе Австрии, так обстояло дело и с Чехословакией. Впрочем, Гитлер полагал, что Англия и Франция уступают из страха перед вооруженной мощью нацистской Германии, и считал демонстрацию этой мощи наилучшим средством давления.

С 15 по 21 мая судетонемецкая партия инсценировала в пограничных районах небывалое до сих пор количество инцидентов. Риббентроп при встречах с Н. Гендерсоном, А. Франсуа-Понсе и В. Мастным стереотипно повторял, что Германия не может допустить притеснения судетских немцев и что вмешательство Франции в пользу Чехословакии она считала бы агрессивной войной против себя. В эти дни германская армия начала стягиваться к чехословацким границам.

Чехословацкое правительство после долгого колебания наконец решило, что оно не будет больше терпеть нарушение порядка в пограничных районах, что оно восстановит общественное спокойствие и примет меры против нацистских террористов. Это решение было опубликовано в правительственной печати 17 мая [1]. На следующий день Клемент Готвальд в письме министру

иностранных дел потребовал, чтобы немецкие депутаты-коммунисты, представляющие 120 тыс. избирателей Судетской области, были приглашены на переговоры о так называемом национальном статуте [2]. Но обстановка продолжала накаляться. Руководство судетонемецкой партии заключило соглашение со словацкой народной партией Глинки, что в ближайшие дни эта партия выдвинет в парламенте такое требование об автономии Словакии, что его осуществление повело бы к разделению государства на две части [3].

Германские дипломаты давали понять, что Германия будет применять по отношению к Чехословакии тактику переговоров лишь до тех пор, пока чехословацкое правительство не препятствует деятельности судетонемецкой партии. Однако решение правительства об изменении курса в пограничных районах создавало, по существу, новую ситуацию. Означало ли их предупреждение, что Германия теперь изберет путь насильственных действий?

Официальные нацистские круги позднее утверждали, что сообщения о концентрации германских войск на чехословацких границах будто бы не соответствовали действительности. Однако сегодня в этом нет никаких сомнений, потому что британская разведывательная служба точно установила эти перемещения и передала сведения о них в Лондон. Оттуда они попали в Прагу. 20 мая руководство судетонемецкой партии заявило, что оно отказывается от всяких дальнейших переговоров, пока правительство не восстановит в пограничных районах демократические и конституционные права [4]. На языке нацистов это означало, что правительство должно отменить свое решение о борьбе с генлейновским террором. Вечером того же дня состоялось совещание членов правительства, генералов и президента республики. Генералы требовали мобилизации пяти призывных возрастов. Бенеш говорил, что достаточно двух, а министры предлагали мобилизовать один возраст [5]. Генеральный штаб в тот же день распорядился усилить пограничные части [6].

Английская дипломатия в то время с беспокойством следила за германской прессой. Уже 19 мая Н. Гендерсон посылает в Лондон телеграмму, что, по мнению германской печати, чешско-немецкие переговоры в Пра-

ге обречены на неудачу. На следующий день тон германской печати стал еще более резким. И. Риббентроп открыто говорил о возмездии за инциденты в чехословацких пограничных районах. Речь явно шла о создании предлога для интервенции, ибо Риббентроп лучше, чем кто-нибудь другой, знал, что эти инциденты являются частью провокаций со стороны судетонемецкой партии [7]. Ситуация обострилась 21 мая, когда чешский жандарм у города Хеб застрелил двух нацистских террористов. Концентрация германских войск продолжалась. Британский Форин оффис получил достоверную информацию, что 11 германских дивизий сосредоточиваются на южных границах Германии, в Баварии и Саксонии. На другой день чехословацкий генеральный штаб информировал германского военного атташе Туссена, что он располагает доказательствами о переброске 8—10 германских дивизий на границу с Чехословакией [8]. В такой ситуации британское правительство пришло к заключению, что его план находится под угрозой и что Гитлер насильственным вторжением вызовет конфликт, который может перерасти в европейскую войну.

Н. Гендерсон получил указание предпринять демарш у И. Риббентропа. Однако одновременно Э. Галифакс позвонил лорду Лотиану, автору плана колонизации Центральной Европы, и попросил его написать своим друзьям в Германии, что Э. Галифакс этим демаршем «никоим образом не хочет обидеть Гитлера, не намерен особенно вступаться за Чехословакию, доверяет немцам и т. д.» [9]. Э. Галифаксу было важно, чтобы демарш Н. Гендерсона был в Берлине правильно понят. Для Англии дело шло только о возвращении к прежнему плану подчинения Чехословакии германской гегемонии путем политических переговоров без применения силы. Поэтому уже 21 мая Н. Гендерсон и Франсуа-Понсе настойчиво требовали от В. Мастного, чтобы чехословацкое правительство решительно опровергло слухи о проведении мобилизации в Чехословакии [10]. Как разъяснил британскому военному атташе Стронгу начальник чехословацкого генерального штаба, мобилизации действительно не было, был призван лишь один возраст резервистов ввиду того, что Германия сосредоточила свои военные силы на чехословацких границах для оказания давления на ход муниципальных выборов, но возможно,

что германская армия готовится к немедленному вторжению в Чехословакию. Если Германия продолжит провокации, то будут призваны из запаса еще 4 следующих возраста, но и тогда, согласно чехословацким законам, призыв 5 возрастов еще не явится мобилизацией [11].

Майский кризис не внес никаких изменений во взаимоотношения обеих группировок в правительстве Чехословакии. Левое крыло коалиции полагало, что судетонемецкая партия вообще не заинтересована серьезно в переговорах, а лишь стремится к расторжению чехословацко-советского пакта. Напротив, аграрии считали соглашение с Германией возможным и совершенно необходимым [12].

22 мая Н. Гендерсон передал И. Риббентропу письмо Э. Галифакса, в котором содержался призыв проявить терпение и обещание усилить давление на Прагу. Германия в конце концов добьется своего. Если же дело дойдет до войны, то, по мнению Э. Галифакса, из этого извлекут выгоду только коммунисты. В критические моменты британские консерваторы всегда напоминали нацистам об общей антикоммунистической платформе как о связующем звене британской и германской политики. В тот же день Э. Галифакс доложил обстановку британскому кабинету. Перед послом Э. Фиппсом была поставлена задача предупредить французское правительство, что в деле Чехословакии Англия не пойдет дальше того рубежа, который обозначил Н. Чемберлен в парламентском заявлении 24 марта 1938 г. [13]

Инструкции, данные Э. Фиппсу, были довольно обстоятельными. В них указывалось, что французское правительство не должно строить иллюзий в случае, если провалится план «мирного решения» чехословацкого вопроса. Хотя британское правительство и дало указания Н. Гендерсону предостеречь Гитлера от насильственных действий, однако будет весьма опасным, если французское правительство даст английскому заявлению в Берлине «более далеко идущее толкование, нежели это вытекает из его содержания». На основании английского демарша нельзя строить предположения, что британское правительство присоединилось бы к военным действиям Франции в защиту Чехословакии. Военно-стратегическое положение Англии и Франции таково, что они ни в коем случае не смогли бы помешать Германии

силой овладеть Чехословакией. Если бы вмешались обе великие державы, то началась бы европейская война, исход которой просто сомнителен. Правительство его величества надеется, что, прежде чем были бы предприняты французские военные действия, оно будет иметь возможность высказать свое мнение по этому поводу. Э. Фипис должен был подчеркнуть Ж. Бонно, что целью британской политики остается побудить Германию к «мирному решению чехословацкой проблемы»[14]. Ж. Бонно воспринял это британское предупреждение без всякого протеста и в тот же день сказал чехословацкому посланнику Ш. Осускому, что Прага должна любой ценой достичь соглашения с судетонемецкой партией, ибо без британской военной помощи Франция не сможет предпринять никаких действий в пользу Чехословакии[15].

23 мая Н. Гендерсон высказал мнение, что ситуация весьма бы улучшилась, если бы Чехословакия демобилизовала один возраст резервистов, который был призван три дня назад[16]. По мнению британского военного атташе, значение этой частичной мобилизации заключалось лишь в том, чтобы показать Германии, что она не сможет осуществить неожиданную акцию[17]. Было известно, что чехословацкий генеральный штаб беспокоил вопрос, удастся ли в случае внезапного начала войны вообще провести всеобщую мобилизацию. Как раз 23 мая Эдуард Бенеш принял решение созвать в Граде 3 июня совещание, которое бы обсудило подготовку к возможной мобилизации[18].

Все сказанное здесь о британской политике во время майского кризиса свидетельствует, что Англия ни в коем случае не отказалась от своего первоначального плана, разработанного после возвращения Э. Галифакса из Германии в ноябре 1937 г. Тем не менее в чехословацких дипломатических документах упорно отстаивался тезис, что в дни майского кризиса Англия выступила за Чехословакию против Германии. Как можно объяснить такой самообман? Или тогдашняя чехословацкая дипломатия была настолько бездарной, что не умела воспринимать объективную действительность в неискаженном виде? После Мюнхена реакционные силы, рассуждая о возможных путях политического развития, обвиняли представителей так называемой группировки Града в том,

что те, имея достоверную информацию о европейской обстановке, проводили неправильную политику.

Надо сказать, что тогдашняя правительственная коалиция как раз в силу своего классового характера была неспособна видеть объективную действительность такой, какой она была на самом деле. Она боялась тех выводов, которые должна была бы неизбежно сделать из такого прямого и неискаженного восприятия реальности. Следовательно, бессмысленно ставить вопрос, в чем виноват Я. Масарик и в чем виноват Ш. Осуский или что должен был видеть и чего не видел Э. Бенеш. В общем и целом тогдашняя дипломатия сравнительно точно сообщала о том, что происходило в Лондоне и Париже. Не было секретом, что именно английское правительство всеми способами ищет, как поставить Чехословакию на колени перед Гитлером. И в это же самое время даже представители левого крыла правительственной коалиции клялись в верности проанглийской ориентации во внешней политике. Единственным объяснением мнимого парадокса может быть лишь следующее: правительственная коалиция не могла решиться идти иным путем, чем тем, каким шли ее покровители на Западе. Для того чтобы правильно оценить античехословацкую политику английских консерваторов и защищать республику, правительственная коалиция должна была бы объединить свои усилия с Советским Союзом. А подобное для коалиционного правительства оказалось более неприемлемым, чем полная и безоговорочная капитуляция перед Гитлером.

Точно так же как всякий политический кризис, майский кризис способствовал тому, что все участники игры вокруг Чехословакии значительно глубже и точнее уяснили свои позиции. В первую очередь Германия.

После получения демаршей в Берлине были отданы приказы прекратить переброску войск и германская дипломатия сделала вид, будто ничего не случилось. Официально опровергались сообщения о концентрации германской армии, но британская разведка получила все же указание сосредоточить свое внимание на Баварии и Саксонии [19].

25 мая состоялось совещание, в котором наряду с Гитлером, Герингом и Геббельсом участвовали Кейтель, Браухич и представители тяжелой промышленности. До-

ходившие сообщения утверждали, что сам Гитлер был в нерешительности, Геринг и Браухич были за начало военных действий, тогда как представители промышленности доказывали, что после трех месяцев войны Германия рухнет [20].

Хотя германская армия была подготовлена к ведению военных действий в гораздо большей степени, чем чехословацкая, Вейцзекер попросил через Н. Гендерсона, чтобы Чехословакия провела демобилизацию и вывела войска из пограничных районов [21]. В тот же день Б. Ньютон получил указания из Лондона добиваться демобилизации от чехословацкого правительства, ссылаясь на то, что только после нее можно ожидать, что Генлейн снова проявит готовность вести переговоры [22]. Немецкий посланник Эйзенлор также просил Б. Ньютона добиваться от М. Годжи проведения демобилизации и отозвания государственной полиции из пограничных районов. Бэзил Ньютон обещал, что он поставит эти требования перед М. Годжей [23]. В конечном итоге обвиняемой стала Чехословакия, а не нацистская Германия. Чего большего мог желать Гитлер? Неудивительно, что спустя два дня он подписал план пресловутой «Операции Грюн» (Fall Grün), предполагавшей уничтожение Чехословакии в самое ближайшее время [24]. Майский кризис, его ход и завершение служат наилучшим доказательством правильности заявления Коминтерна, что британские консерваторы несут большую ответственность за угрозу миру, чем сама гитлеровская Германия.

В одном из писем Н. Гендерсон писал Э. Галифаксу, что во время майского кризиса выявились три источника опасности: инциденты в Судетах, Риббентроп и Бенеш. Это три фактора, которые ставят под угрозу осуществление британского плана. От И. Риббентропа исходит угроза, что Германия использует инциденты для насильственных действий. Э. Бенеш создает угрозу британскому плану своей нерешительностью, ибо недостаточно быстро ведет переговоры с К. Генлейном, точнее говоря, не капитулирует достаточно быстро перед Гитлером, как это ему советует Англия. Сам Н. Гендерсон находится в растерянности, ибо не знает, какая опасность наибольшая [25].

В Праге Б. Ньютон снова оказывал давление на правительство, чтобы в его предложениях судетонемецкой

партии было как можно больше уступок. Он выражал опасения, как бы успехи КПЧ на выборах не создали для правительства новой ситуации, в которой стало бы труднее отстаивать необходимость уступок Генлейну. К. Крофта заверял его, что выборы не окажут никакого влияния на переговоры с К. Генлейном, которому правительство будет идти навстречу до тех пор, пока не исчерпает свои возможности [26].

Однако дело не ограничилось простым возвращением к методу политического давления. Майский кризис явился для британской политики толчком для разработки новых вариантов решения чехословацкого вопроса. На заседании британского правительства 25 мая — следовательно, в тот самый день, когда Гитлер совещался со своими генералами о войне,— Э. Галифакс объявил, что с Францией достигнуто единство мнений о необходимости всеми способами избегать войны. Если между чехословацким правительством и судетонемецкой партией будет достигнуто соглашение, тогда вся проблема легко разрешится. Но дела могут принять и совершенно иной оборот. Англия в конфликт не может непосредственно вмешаться, потому что тем самым она взяла бы на себя ответственность за положение в Центральной Европе. Представленный кабинету министров Э. Галифаксом меморандум хотя и констатировал, что британская политика в Европе всегда руководствовалась принципом, что ни одна великая держава не должна иметь доминирующего положения на континенте, но в данном случае допускал, чтобы западные великие державы позволили Германии обзавестись «в той или иной форме» собственной колониальной территорией [27]. По мнению Э. Галифакса, правительство не должно было само предлагать какое-либо конкретное решение вопроса о Чехословакии. Но для Англии было бы приемлемо, чтобы Э. Бенеш договорился о временном соглашении сроком на 5 лет, а по истечении этого срока мог бы состояться плебисцит, который окончательно решит судьбу судетских немцев. Э. Бенеш мог бы объявить о нейтралитете Чехословакии, благодаря чему исчезнут союзнические договоры, которые столь беспокоят Германию. Галифакс сообщил, что Форин оффис как раз изучает возможности плебисцита и «нейтрализации». Н. Чемберлен добавил, что он полностью одобрил бы такую перспективу;

требования судетских немцев нужно удовлетворить и в вопросе ориентации чехословацкой внешней политики [28]. Стоит напомнить, что Германия в это время еще не отваживалась выдвигать требование плебисцита, но не имела возражений, чтобы такую идею выдвинуло и защищало английское правительство [29].

26—27 мая британский дипломат Уильям Стрэнг прибыл в Прагу, чтобы прозондировать возможности и условия для провозглашения нейтралитета и проведения плебисцита [30].

У. Стрэнг в беседе с Б. Ньютоном высказал мнение, что самое лучшее, что мог бы сделать Э. Бенеш,— это безотлагательно предложить судетским немцам плебисцит. Если судетонемецкая партия отвергнет при переговорах национальный статут Бенеша, то тогда все равно останется лишь плебисцит, который будет проведен немедленно или через несколько лет. В Лондоне думают, что лучше было бы провести плебисцит безотлагательно. Вопрос об объединении Судет с Германией Э. Бенеш мог бы вынести на голосование. Одновременно Чехословакия должна была бы провозгласить себя нейтральным государством без чьих-либо гарантий. Хотя проведение плебисцита и было бы связано с техническими трудностями, однако нельзя упускать из виду, что судетские немцы всегда будут посторонним элементом внутри государства, а поэтому лучше, если они будут жить вне пределов Чехословакии. У Б. Ньютона имелись определенные сомнения в отношении такого способа решения чехословацкого вопроса. Для него было бы затруднительно внести предложение о проведении плебисцита как свое личное мнение, ибо он, являясь здесь официальным лицом, не может отделять свое личное мнение от служебного. Существуют также определенные сложности с внешнеполитическими связями Чехословакии. Для Германии, вероятно, главное состоит в том, чтобы вытеснить Советский Союз из Центральной Европы и сделать невозможным использование чехословацких аэродромов советскими самолетами.

Ньютон сомневался, захочет ли Германия инкорпорировать судетских немцев. Возможно, что она намерена получить преобладающее политическое и экономическое влияние во всей Чехии и Моравии, которые могли бы и дальше существовать как зависимое государство.

Чтобы достичь этой цели, Германия должна лишить Чехословакию ее союзников. Германия будет, вероятно, возражать против попыток отделить Словакию. Если Чехословакия останется в прежних границах, то тем самым Германия получит коридор, через который она сможет проникнуть до самой Румынии. Возможно, что судетский вопрос является для Германии второстепенным и германская территориальная экспансия направлена на восток. Германия, может быть, удовольствовалась бы самоуправлением для судетских немцев и нейтрализацией Чехословакии. Для Германии, видимо, дело идет об установлении политического влияния на территории бывшей Австро-Венгерской империи. Генлейн, скорее всего, блефует, когда угрожает плебисцитом. Однако большинство судетских немцев голосовало бы за присоединение к Германии. Чехи, вероятно, предпочли бы плебисциту самоопределение и самоуправление для судетских немцев и нейтрализацию своего государства. Они не согласились бы на обмен населения в смешанных районах. Генеральный штаб против раздела государства. Б. Ньютон полагает, что лучше было бы избежать раздела Чехословакии и добиться сохранения существующего государства, даже если оно и попало бы в экономическую и политическую сферу влияния Германии. И каким бы путем ни осуществлялись перемены, их последствием будут тяжелые внутренние беспорядки и, может быть, даже отставка президента.

У. Стрэнг обсуждал, кроме того, с Б. Ньютоном проект статуса британской миссии; сложность состояла в том, что эта миссия не должна была быть официальной, однако она готовила бы материалы для доклада британскому правительству и тем самым оказывала бы влияние на решение проблемы национальных меньшинств. Б. Ньютон полагал, что чехословацкое правительство примет такое предложение. Предусматривалось также создание международной или нейтральной комиссии на случай, если чешско-немецкие переговоры потерпят неудачу. Такая комиссия представит свой проект решения. Это был бы своего рода арбитраж. Однако создание такой комиссии могло бы усилить неуступчивость чешской стороны по отношению к судетонемецкой партии, так как чехи могли бы подумать, что нейтральная комиссия предложит лучшие условия для соглаше-

ния, чем те, которые выставляют судетские немцы, опирающиеся на Гитлера.

Обсуждалась также идея международной конференции, которая могла бы решить всю проблему, если чешско-немецкие переговоры потерпят крах.

У. Стрэнг обсудил далее военную ситуацию с британским военным атташе полковником Стронгом. Тот подтвердил, что чехословацкий генеральный штаб опасается главным образом внезапного германского нападения. Приготовления к войне идут весьма интенсивно, и через год 80% чехословацкой армии будет переоснащено. Эти сведения не подтверждают представление о том, что многие руководящие деятели Чехословакии, а также генеральный штаб предпочли бы, чтобы война, если она неизбежна, вспыхнула еще в 1938 г.

Б. Ньютон также считал, что Э. Бенеш готов скорее сделать уступки немцам, чем воевать. Нет оснований приписывать ему воинственные устремления. Британское заступничество произвело на Э. Бенеша большое впечатление, и слово британского посланника значит теперь в Праге больше, чем слово Франции. Британское влияние в Праге сильно возросло, и правительство собирается следовать прежде всего британским советам. Ньютон полагал, что после британского демарша в Берлине Франция также сможет гораздо резче разговаривать со своим союзником в Праге.

В заключение Б. Ньютон признавался, что затрудняется определить, какой метод лучше для реализации британского плана. Необходимо действовать прагматически и рассмотреть все возможные пути, которые могут привести к успеху.

Поездка У. Стрэнга в Прагу и его беседы с Б. Ньютоном показывают, что уже во время майского кризиса Форин оффис принимал в расчет все возможности, которые позднее стали реальностью: британскую миссию, плебисцит, ликвидацию чехословацких союзнических договоров, международную конференцию, вассальное чехословацкое государственное образование, отделение Словакии. Британские политики хорошо учитывали германские цели и помогали их реализовать.

В то время как все это происходило, чехословацкое правительство намеревалось в конце мая внести на обсуждение парламента проект закона о национальном

статуте. Такие дипломаты, как В. Мастны и Я. Масарик, откровенно давали понять, что если Германия не отвергнет этот проект национального статута, то Чехословакия будет готова вести переговоры о расторжении союзнического чехословацко-советского договора [31]. В. Мастны прямо и откровенно заявлял, что, если Чехословакия будет преобразована в федеративное государство отдельных национальных областей, она прервет свои союзнические связи при условии гарантий ее нейтралитета.

Чехословацкое правительство тешило себя надеждой, что если парламентский проект национального статута будет составлен достаточно либерально, то международное общественное мнение получит доказательство готовности Праги к уступкам [32]. Рассчитывали, что ответственность за неудачу переговоров падет тогда на Генлейна и мировое общественное мнение окажется на стороне Чехословакии. Это были наивные расчеты, ибо британская политика уже заранее подготовила и на этот случай вариант решения, как удовлетворить немецкие требования.

В самом конце мая, однако, оказалось: хотя правительство и заседает до поздней ночи, ничего не подготовлено и, следовательно, ничего нельзя вынести на обсуждение парламента [33]. Б. Ньютон сообщил в Лондон, что созыв парламента отложен на более поздний срок — ждут завершения проекта национального статута [34]. В Париже Осуский распространял слухи, что национальный статут будет предложен парламенту 12 июня. Заседание будто бы будет кратким, в течение нескольких дней проект будет обсужден и поставлен на голосование [35].

Между тем как Б. Ньютон, так и посланник Франции Де Лакруа все время настаивали, чтобы переговоры с судетонемецкой партией были максимально ускорены и доведены до конца. Б. Ньютон снова требовал проведения демобилизации, и М. Годжа пообещал это сделать в начале июня [36]. Идея арбитражной комиссии также была обсуждена. Б. Ньютон задал К. Крофте вопрос, согласилась бы Чехословакия, чтобы международная комиссия расследовала инциденты на чешско-немецких границах. К. Крофта ответил, что Чехословакия не имела бы против подобной комиссии никаких возражений,

но последующий письменный ответ ограничивал ее состав лишь англо-французскими представителями; такое ограничение мотивировалось тем, что нейтральные государства боятся Германии и не могли бы быть беспристрастными [37]. Как обычно, Бенеш и Крофта стали жертвами собственных иллюзий. Они наивно верили, что такая комиссия могла бы оказать Чехословакии услугу, потому что она разоблачила бы нацистов как зачинщиков инцидентов и провокаций. Однако британская политика преследовала другую цель: чехословацкое правительство следовало постепенно подготовить к тому, чтобы оно свыклось с мыслью, что чехословацкие дела решаются не чехословацким государством. Беседа У. Стрэнга с Б. Ньютоном ясно свидетельствовала об этом. Если чехословацкие правящие круги не были готовы сами пойти на капитуляцию перед Генлейном и Германией, решение за них должны принять другие.

X

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕ МАЙСКОГО КРИЗИСА (ИЮНЬ)

После майского кризиса англо-германские отношения развивались в прежнем направлении. Британские политики старались убедить Германию, что их влияние в Праге является гораздо более сильным, чем когда-либо в прошлом. Э. Галифакс указывал, что благодаря нажиму удалось заставить правительство в Праге демобилизовать 50 000 солдат и что подготовлено дальнейшее сокращение чехословацких вооруженных сил. Он доказывал, что британским дипломатам удалось заставить Э. Бенеша сделать судетонемецкой партии далеко идущие предложения, которые послужат основой для компромисса [1]. Английские политики продолжали убеждать Германию, что для нее было бы в высшей степени роковым, если бы она обрушилась на Чехословакию силой. Англия по-прежнему исключала военное решение, опасаясь, что не удастся локализовать конфликт. Большую трудность для английской политики создавало то обстоятельство, что Германия воздерживалась от сколько-нибудь определенных формулировок своих требований.

Н. Чемберлен тщетно пытался выяснить, удовольствовалась бы Германия автономией для судетских немцев и нейтрализацией Чехословакии. Он напоминал, что, согласно сведениям, полученным им еще перед аншлюсом Австрии, автономия и нейтрализация удовлетворили бы Гитлера. Однако он добавлял, что Англия

ни в коем случае не должна обещать Чехословакии гарантий — после ее нейтрализации такие гарантии слишком свяжут Англию и не позволят ей принимать решения в соответствии с ситуацией[2]. В дипломатическом корпусе Лондона возобладало мнение: Англия в определенной мере переходит к политике изоляционизма и намерена считаться с германским требованием «жизненного пространства» в Центральной и Восточной Европе в надежде отвлечь внимание Гитлера от колониального вопроса, от проблем, затрагивающих собственно британские интересы. Как полагали правящие круги Лондона, Гитлер не сформулировал окончательно свои планы и в конечном итоге он пойдет так далеко, как ему это позволят остальные великие державы[3]. Журнал «Спектейтор» иронически замечал: «Великие державы, столь чувствительные к несправедливостям, которые Чехословакия будто бы причинила Германии, сами, однако, не проявляют готовности возвратить той же Германии кое-что из собственной военной добычи»[4].

Сторонники политики «умиротворения» на все нападки отвечали, что у них нет иной причины принимать участие в чехословацких делах, кроме желания предотвратить конфликт, в который Англию могла бы втянуть Франция. Такие дипломаты, как Н. Гендерсон, и не скрывали, что они не имеют никаких иллюзий относительно будущности Чехословакии и что они предрекают скорый распад этого государства, если не произойдет его перестройка на началах федерации[5]. Несмотря на большую активность английской дипломатии в Чехословакии, с германской стороны несколько раз давали понять, что Гитлер разочарован британской политикой, проводимой после посещения Берхтесгадена Э. Галифаксом. Гитлер считал, что своим выступлением после аншлюса Австрии Н. Чемберлен «прикрыл двери» для переговоров между двумя странами, и высказывал пожелание, чтобы эти двери снова раскрылись. В подобных же фразах мнение Гитлера излагал, например, Дж. Астор, владелец газеты «Таймс» и видный член «клайвденской клики»[6]. Гитлер требовал, чтобы обе западные великие державы открыто отказались от каких-либо интересов в Центральной Европе и предоставили здесь Германии прямо и безоговорочно полную

свободу рук. Гитлер не понимал, что английское общественное мнение должно быть прежде подготовлено к принятию идеи полного оставления Центральной Европы, не понимал и того, что Н. Чемберлен был лишь торговцем, который ставил вопрос quid pro quo * — что получит Англия от Германии взамен за оставление Центральной Европы. В английском понимании выдача Чехословакии Гитлеру не была бы честной сделкой, если бы Англия за это не получила бы возмещения, например в виде обязательства ограничить военно-воздушные силы, согласия проводить консультации о дальнейших германских действиях на востоке Европы, отказа от притязаний на колонии, заверения уважать целостность Британской империи и т. п. Английская дипломатия требовала определенных компенсаций и не скрывала этого.

10 июня газета «Таймс», являвшаяся фактически официозом Форин оффиса, опубликовала статью, которая требовала от Чехословакии отказаться от своих союзнических договоров и провозгласить себя нейтральным государством; внутреннее устройство такой «нейтрализованной» Чехословакии следовало бы, по мнению «Таймс», организовать по образцу швейцарской кантональной системы. Было ясно, что посредством печати здесь зондировалась позиция Германии в отношении британского проекта плебисцита и нейтрализации Чехословакии, который разрабатывался в Форин оффисе. Очевидно, не случайно, что документ о нейтрализации Чехословакии, составленный в этом учреждении, был датирован 9 июня и уже на следующий день появилась статья в «Таймс». Невралгическим пунктом английского плана по вопросу Чехословакии были французские союзнические обязательства, из-за которых Англия в конце концов могла быть втянута во всеобщую европейскую войну. Во время майского кризиса Англия предпринимала демарши не только в Берлине и Праге, но и в Париже. Э. Фиппс добился тогда от Ж. Бонне обещания, что Франция не предпримет ничего в отношении Чехословакии, не посоветовавшись предварительно с Англией. Франко-чехословацкий союзнический договор, а тем самым и договор Франции с Советским Со-

* Quid pro quo *(лат.)* — одно взамен другого.— *Прим. ред.*

юзом был таким образом поставлен под английскую опеку. Франция отказалась от проведения самостоятельной политики в отношении Чехословакии. Посланник Ш. Осуский писал тогда Э. Бенешу: «Я утверждаю, что под тяжестью условий и обстоятельств, о которых я говорил, Франция будет и далее сползать по наклонной плоскости, которую ей уготовила Англия» [7]. После майского кризиса Э. Бенеш, как он говорил позже, понял, что Франция предаст. Он и тогда откровенно просил французского посла в Праге: «Если Франция не намерена выполнить взятые обязательства, скажите об этом прямо, чтобы мы поступили сообразно с этим... Мы не требуем ничего, кроме возможности ясно смотреть в будущее» [8]. Но признаться в открытой измене Франция, разумеется, не желала, ибо это могло помешать сделке с Гитлером. Э. Бенеш неоднократно давал понять, что его правительство само стало бы вести переговоры с Гитлером и, возможно, добилось бы лучших условий, чем его западные союзники. Э. Бенеш, впрочем, не собирался в случае измены западного союзника обращаться за помощью к Советскому Союзу. Или идти с Западом, или возвратиться под германское господство — такова линия, которой он придерживался.

Французская дипломатия Боннэ также рассматривала различные варианты действий на случай, если переговоры с судетонемецкой партией в Праге не приведут к соглашению. А. Франсуа-Понсе предлагал начать переговоры с Гитлером о созыве международной конференции, на которой бы Франция, Англия и Германия сообща решили судьбу Чехословакии. Он тоже присоединился к идее «нейтрализации» Чехословакии [9]. Такая конференция, очевидно, была бы хорошим местом для намечаемого торга с Гитлером. Во французской политике приходилось считаться и с иными факторами, одним из них был военный. Но, как выяснилось, и он не должен был беспокоить англичан. В середине июня на совещании военных атташе генерал Гамелен доложил собравшимся как, по его мнению, будет вестись война с Германией. Французским ответом на германское нападение на Чехословакию будет проведение мобилизации, размещение войск на линии Мажино и бомбардировка объектов в Германии. Но в войну Франция вступила бы только при условии, что к ней

присоединится также и Англия. С этим условием, по словам Гамелена, был согласен и чехословацкий генеральный штаб. Такая война, конечно, переросла бы в войну европейскую, в которой Германия в конце концов потерпит поражение. Чехословакия в ходе войны, вероятно, будет оккупирована гитлеровцами, но после победы союзников снова восстановлена. Командование французской армии полагает, заявлял Гамелен, что проведение Францией одной лишь мобилизации уже побудит Англию присоединиться к ней. Но несмотря на это, оно считало желательным заблаговременно выяснить британскую позицию на случай войны [10].

Лондон из доклада генерала Гамелена сделал тотчас же вывод: необходимо поставить Францию в такие условия, чтобы она не могла провести мобилизацию без предварительного британского согласия. С помощью категорического заявления о неучастии Британии в войне можно было удерживать Францию от оказания помощи подвергнувшейся нападению Чехословакии. К тому же майский кризис показал, что планы британской политики по отношению к Чехословакии являются весьма неопределенными. Н. Чемберлен был готов приспосабливаться к развитию ситуации и в конечном счете спокойно забыть о принципах, которые он сам провозглашал в парламентской речи после аншлюса Австрии.

Главной идеей, разработкой которой занималась британская политика в июне, была «нейтрализация» Чехословакии. По существу, дело шло о ликвидации договора с СССР, потому что Франция своими действиями уже давно обесценила свой союзнический договор. Ликвидация чехословацко-советского договора не была, разумеется, для британского правительства простым делом. Вопрос был еще и в том, в какой момент следует провести такую ликвидацию. Британский Форин оффис решал, является ли договор фактором мира в ситуации, когда Германия проявляет склонность к насильственным действиям против Чехословакии. Форин оффис уклонялся от четкого ответа на эти вопросы, выясняя лишь обстановку через свои посольства [11].

Британская дипломатия весьма настойчиво пыталась выяснить, какую позицию занял Советский Союз по отношению к Чехословакии во время майского кри-

зиса. Чехословацкий посланник в Москве Зденек Фирлингер разочаровал английского посла лорда Чилстона, сообщив ему, что на секретных совещаниях в Кремле было решено прийти на помощь Чехословакии. Военный атташе Англии Р. Файрбрюс еще раз перепроверил все у других представителей чехословацкого посольства. Ему было сказано, что командование чехословацкой армии рассчитывало на то, что Чехословакия выстоит как минимум три месяца; Красная Армия сосредоточивает крупные силы в районе Киева, к концу года здесь будет 110 пехотных дивизий, производство самолетов составляет 450 штук в месяц. Файрбрюс пытался подорвать доверие к советской помощи, но с чехословацкой стороны все его аргументы были отведены, как он сам признается в донесении [12]. Так как англичане предполагали, что советская помощь наземными силами могла быть действенной только в случае, если бы войскам удалось пройти в Чехословакию через южную Польшу, то они зондировали в Варшаве, как бы к этому проходу отнесся польский генеральный штаб. Начальник штаба генерал Стахевич заверил их, что польское правительство никогда этого не разрешит и что Румыния в этом случае будет действовать совместно с Польшей. По мнению польского командования, Советский Союз, скорее всего, окажет помощь Чехословакии авиацией [13].

В свое время Э. Галифакс сам дал Я. Масарику совет не привлекать излишнего внимания к договору с Советским Союзом, но пока и не расторгать его, ибо он может представлять собой средство шантажа Германии. В Лондоне вызывало беспокойство, как бы курс Н. Чемберлена против принципов коллективной безопасности не привел к распаду существовавшей системы договоров раньше, чем Британия достигнет урегулирования своих отношений с Германией. В секретариат Чемберлена стекались сведения, свидетельствующие, что сама Германия связывает свои расчеты с новой расстановкой сил в Европе, отличающейся от той, которая возникла в результате заключения пакта между Францией и Советским Союзом [14]. Тщательно следя за советской политикой, в Лондоне особое внимание уделяли тому, не проявляются ли в ней признаки отказа от принципов коллективной безопасности.

Автором идеи «нейтрализации» Чехословакии был, по всей вероятности, Н. Гендерсон. В своих донесениях он подробно сообщал о критике, которой постоянно подвергали нацисты чехословацко-советский договор. В июне британские дипломаты, находившиеся в других европейских столицах, стали также распространяться о необходимости нейтрализации Чехословакии[15]. Об этом стало известно чехословацкому министерству иностранных дел, но было решено на это не реагировать, пока Чехословакии не будет сделано конкретное предложение[16]. Конечно, это было очень неразумно, ибо смысл британской кампании заключался как раз в том, чтобы европейская общественность свыклась с этой идеей и в соответствующий момент восприняла ее как факт, появление которого было уже давно возвещено.

Такую же цель преследовала и кампания, поднятая британской печатью. В газете «Таймс», кроме проекта нейтрализации, открыто обсуждалась также и идея плебисцита. Признавалось, что плебисцит, возможно, был бы жестокой операцией, однако благодаря ему Чехословакия только выиграла бы, так как у нее осталось бы «однородное население все еще в большем количестве, чем население Голландии или Бельгии, и превосходящее в два раза численность населения Дании и Швейцарии»[17]. Эта идея производила большое впечатление, ибо малоинформированный читатель таким образом подводился к выводу, что Чехословакия и в урезанном виде была бы жизнеспособной, раз у нее оставалось больше жителей, чем в некоторых европейских государствах.

Сохранилась переписка между Э. Галифаксом и главным редактором газеты «Таймс» Д. Даусоном. О статье, посвященной плебисциту, Э. Галифакс говорил, что она может неблагоприятно воздействовать на ход переговоров в Праге. К. Генлейн хочет прийти к соглашению, однако таким образом он может оказаться под давлением экстремистских элементов, которые будут повторять требование о проведении плебисцита. Точно так же и у Э. Бенеша могут вновь появиться сомнения, следует ли делать судетонемецкой партии далеко идущие предложения, если он увидит, что все, собственно говоря, завершится плебисцитом. Э. Гали-

факс рекомендовал держать идею плебисцита в запасе до того момента, когда переговоры потерпят неудачу и нужно будет предотвратить военную катастрофу [18].

Хотя Д. Даусон и согласился с необходимостью действовать тактично, однако в то же время он считал: «Таймс» может позволить себе нечто такое, чего в данный момент не может сделать сам Форин оффис, а именно показать, что британское общественное мнение не исключает решения, которое было бы достигнуто путем народного голосования, а не путем силы. «Таймс», мол, выдвигала вопрос о плебисците в качестве альтернативы, с помощью которой можно было бы достичь «мирного решения». Д. Даусон сам удивился, что статья не вызвала никакой негативной реакции. Вместе с тем он согласен с Э. Галифаксом, что плебисцит может стать неотложным, как только Э. Бенеш предложит свой проект ограниченной автономии [19].

В середине июня британское правительство рассматривало проблему нейтрализации Чехословакии. Форин оффис представил меморандум, в котором рассматривались возможности изменений чехословацких союзнических соглашений [20]. Меморандум исходил из предположения, что Германия не удовольствуется решением лишь проблемы судетских немцев, а потребует, чтобы Чехословакия расторгла соглашения со своими союзниками. Франция охотно избавится от договора, заключенного ею в иных обстоятельствах. Вопрос лишь в том, на какую компенсацию за союзнические договоры согласилась бы Чехословакия. Например, можно было бы подумать о гарантированном нейтралитете швейцарского типа. Статус такого нейтрального государства не мог бы позволить другому государству использовать его территорию для нападения на третье государство. Однако по сравнению с Швейцарией здесь есть несомненное различие. Нейтралитета желают сама Швейцария и ее соседи. Но Чехословакия не желает нейтралитета, и она считала бы его прочным орудием своей безопасности только тогда, когда получила бы какие-то надежные гарантии. К тому же ее соседи являются потенциальными агрессорами, совсем не заинтересованными в ее целостности. Вряд ли существует система гарантий чехословацкого суверенитета, которая бы удовлетворила Германию. Она наверняка возражала бы против таких

гарантов, как Франция и СССР. Для Англии было бы трудно отказаться от участия в гарантиях, поскольку она гарантирует нейтралитет других государств. Пока трудно разработать реальную схему и не остается ничего другого, как только признать такой гарантированный нейтралитет возможным. Следует внимательно изучить систему отношений Чехословакии с ее союзниками и попытаться уменьшить возможность того, чтобы в случае германской агрессии Франция захотела бы выполнить свои обязательства. Может быть, следует призвать Чехословакию, чтобы она ограничила свои соглашения с Францией и СССР таким же образом, как в свое время сделала это Бельгия.

Вопрос о нейтрализации Чехословакии обсуждал также внешнеполитический комитет. Э. Галифакс повторил предупреждения Б. Ньютона, что самым трудным пунктом переговоров с судетонемецкой партией будут союзнические договоры с Францией и СССР, ибо именно против них возражает Германия. Поэтому необходимо своевременно подготовить возможные модификации чехословацкой системы договоров. Практически есть два предложения: или гарантированный нейтралитет, или перестройка отношений Чехословакии с союзниками по образцу Бельгии. Германия, конечно, скорее всего, была бы за полную нейтрализацию. Но в этом случае при коллективных гарантиях Чехословакия будет застрахована лишь до тех пор, пока Германия признает эти гарантии. Если же Германия откажется присоединиться к таким коллективным гарантиям, тогда и другие участники будут освобождены от своих обязательств. По мнению Э. Галифакса, приемлем и бельгийский вариант, иными словами более узкая схема «нейтрализации», он также лишил бы Германию возможности ссылаться на то, что советская армия может использовать чехословацкую территорию для нападения на Германию. Н. Чемберлен поинтересовался, как бы в действительности обстояло дело с чехословацкой территорией в случае советско-германской войны, исключал бы нейтралитет возможность использования этой территории для военных операций. Видимо, Н. Чемберлен имел в виду ту возможность, когда Германия, подчинив Чехословакию, начнет развивать свою экспансию дальше на восток.

Внешнеполитический комитет обсуждал также проект, представленный Э. Галифаксом, предусматривающий в случае неудачи чешско-немецких переговоров направление в Чехословакию миссии, которая выступила бы посредником между обеими сторонами [21]. Спустя неделю советник Н. Чемберлена Гораций Вильсон представил Э. Галифаксу список кандидатов на пост арбитра и посредника в Чехословакии. На первом месте стояло имя лорда Уолтера Ренсимена [22].

Н. Гендерсон в Берлине не скрывал, что, если переговоры с Генлейном потерпят крах, ответственность за эту неудачу будет возложена только на чехословацкую сторону [23]. Ликвидация Чехословакии была целью, поставленной заранее, и, если чехословацкое правительство вступило в игру, инсценированную британскими «умиротворителями», для Чехословакии не оставалось никакой надежды на спасение. Результаты этой политической операции были предопределены ее режиссерами, и всех ее актеров заставляли с помощью неразборчивых средств действовать в согласии с заранее данной схемой и конечной целью.

В Праге британское правительство оказывало сильное давление, которое должно было заставить правительство уступить Генлейну. Еще до того как были начаты переговоры, британская дипломатия попыталась склонить чехословацкое правительство положить в их основу требования Генлейна, известные как Карловарская программа [24]. В Лондоне пришли к заключению, что Я. Масарик имеет возможность оказывать влияние на Э. Бенеша, поэтому Э. Галифакс решил использовать этот канал. Свидетельством тому служит корреспонденция Я. Масарика, относящаяся к началу июня 1938 г.: «Безусловно, необходимо, чтобы Генлейну предложили очень многое — все, что допускает суверенитет нашего государства. В этом направлении я осуществляю нажим на правительство, и, полагаю, все министры, за малым исключением, осознают чрезвычайную серьезность положения и ответственность, которая на них возложена... Если соглашение не будет достигнуто во время этой парламентской сессии, я опасаюсь самых худших последствий. Что касается Англии, дело обстоит приблизительно так: англичане нас не любят, мы для них только обуза, и они прокли-

нают день, когда было основано наше государство. Можно сказать, что отношение Англии к нам полностью отрицательное... Я сформулировал англичанам нашу точку зрения следующим образом: если Англия считает допустимым передать Гитлеру Европу вплоть до Черного моря, то пусть они нам это сообщат, и мы сами договоримся с Берлином... Однако, по моему личному мнению, речь идет о том, чтобы выиграть время, до того как Англия и Франция сумеют лучше подготовиться»[25].

Постепенно реализовывалось все, о чем шла речь во время визита английского дипломата Стрэнга в Прагу. Б. Ньютон добился приема двух британских наблюдателей, которые фактически контролировали деятельность чехословацких властей в пограничных районах. Э. Бенеш отдавал себе отчет, что это является вмешательством во внутренние дела Чехословакии. Он даже признался Б. Ньютону, что это может быть истолковано как утрата чехословацкого суверенитета, но в конце концов дал согласие. Дипломатам союзнических стран он объяснял это стремлением вовлечь Англию в чешско-немецкий спор в надежде, что тем самым будет облегчено положение Чехословакии[26]. Наблюдателями стали английский консул в Либерце Эллиот, о котором было известно, что он находится под влиянием Генлейна, и майор Сеттон-Пратт, офицер генерального штаба, который выдавал себя за сотрудника военного атташе в Праге. Э. Бенеш пообещал, что он не распустит парламент на каникулы, пока не будет проведено голосование о соглашении с судетонемецкой партией; К. Крофта сообщил, что парламент будет созван 19 июня[27]. Каков будет результат заседаний парламента, трудно было предсказать, пока же Э. Бенеш тщательно следил за настроением общественности, особенно за падением доверия к правительству. От него не укрылось, что «люди весьма серьезно опасаются, чтобы теперь не были допущены послабления, особенно в точном соблюдении закона»[28]. Общественность не понимала, почему нужно идти на уступки судетонемецкой партии, когда не существовало ни малейших сомнений, что она является нацистской пятой колонной.

После майского кризиса британский посланник настаивал, чтобы как можно скорее были отменены воен-

ные мероприятия. 20 мая была проведена мобилизация 175 000 человек, но под британским нажимом постепенно осуществлена демобилизация; уже 28 мая армия была отведена от границ и запрещены полеты в пограничной зоне. 3 июня было демобилизовано 49 000 человек, дальнейшее уменьшение численности войск было обещано к 20 июня. Слухи об увеличении срока военной службы до 3 лет проникли в Германию, и с ее стороны раздалась новая серия угроз. Английский посол Н. Гендерсон также выступил с предостережением, что такое продление срока военной службы Германия могла бы использовать в качестве предлога к интервенции[29]. Начальник генерального штаба Чехословакии Л. Крейчи просил английское посольство не настаивать на дальнейшем уменьшении численности чехословацкой армии и не требовать в дипломатическом порядке разъяснений по поводу каждого шага чехословацкого командования. Эти мероприятия необходимы, ибо есть все основания предполагать, что Германия в благоприятный для себя момент намерена начать войну против Чехословакии. Летом германская армия будет сконцентрирована для проведения маневров, она почти достигнет численности военного времени, а в случае всеобщей мобилизации сможет в течение одного часа встать в полной готовности на чехословацких границах. Л. Крейчи дал обязательство, что чехословацкое командование будет руководствоваться британскими советами и информировать Англию о каждом своем шаге. Впрочем, сейчас нет никаких оснований для претензий, так как армия далека от численного состава военного времени и ввиду этого не в состоянии даже обеспечить оборону весьма протяженных границ Чехословакии. Генеральный штаб хочет застраховаться от внезапности нападения. Законопроект о продлении срока военной службы будет поэтому передан в парламент. Чтобы пережить опасный летний период, чехословацкое командование хочет 19 июня призвать в армию 40 000 человек[30].

На британский запрос, имели ли место совещания чехословацкого и советского штабов, Л. Крейчи ответил отрицательно. По его словам, проводились только регулярные беседы с французским генеральным штабом, как это принято во всех армиях Малой Антанты[31]. О проекте продления срока военной службы до 3 лет Н. Ген-

дерсон высказал мнение, что такое мероприятие лишь усилит неуступчивость чехов Генлейну. Вместо демобилизации, проведения которой Н. Гендерсон настойчиво требовал в течение трех недель, численность чехословацкой армии возрастает [32]. Германский посол в Лондоне Дирксен явился к Н. Чемберлену, чтобы демагогически заявить протест против британской защиты Праги. Н. Чемберлен заверил его, что британское правительство продолжает осуществлять нажим на Прагу, требуя предоставления автономии судетским немцам. Чешской стороне было четко сказано, что она не может рассчитывать на французскую помощь. Н. Чемберлен обещал в течение 6—8 недель выяснить, возможно ли окончательное примирение или попытка достичь компромисс потерпела неудачу [33].

Это было не что иное, как предложение, чтобы Германия подождала до середины сентября. Британской дипломатии уже было ясно, что будет предпринято после неудачи переговоров между чехословацким правительством и судетонемецкой партией. Это будет либо плебисцит, либо международная конференция. Даже лондонские консерваторы не питали иллюзий, чем кончатся переговоры с судетонемецкой партией, им лишь требовались доказательства, что все возможности решить чехословацкую проблему путем переговоров с Генлейном были исчерпаны. Необходимо было считаться с британским общественным мнением.

Общественное мнение Англии, хотя на него и оказывала сильное воздействие печать, захваченная газетными концернами, представляло собой такой политический фактор, что с ним вынуждены были считаться и «умиротворители». Чемберлен в целом точно определил, что срок в 6—8 недель необходим для того, чтобы британское общественное мнение надлежащим образом «созрело». Кроме того, надо было считаться и с планами нацистов. По тогдашним представлениям, успешно вести военные операции можно было еще в осенний период, но не зимой. Шантаж нацистов, опиравшийся на мощь отмобилизованной армии, мог быть действенным лишь до окончания осеннего периода. По сути, это означало, что существование Чехословакии как самостоятельного и суверенного государства должно было прекратиться самое позднее осенью 1938 г. С такими расче-

тами корреспондировались разъяснения Н. Чемберлена послу Дирксену, что чешско-немецкие переговоры не продлятся более 6—8 недель.

8 июня 1938 г. партия Генлейна предъявила свои требования чехословацкому правительству. Наконец были начаты переговоры, к которым, впрочем, генлейновцы никогда не относились всерьез и относительно которых правительство также не питало иллюзий. Об их бесполезности германская дипломатия высказывалась совершенно откровенно и цинично. В Лондоне «умиротворители» также предполагали, что эти переговоры являются лишь неизбежной прелюдией к следующей фазе постепенной ликвидации Чехословакии.

Чехословацкий премьер-министр М. Годжа сначала был настроен оптимистично, думая, что соглашение можно будет заключить в течение двух недель. Окружение Э. Бенеша было настроено гораздо более скептически, но и оно считало, что если соглашение и не будет заключено, то можно будет в одностороннем порядке просто осуществить намечаемые уступки даже вопреки желанию судетонемецкой партии. Переговоры были начаты под нажимом британской дипломатии, и Э. Галифакс выяснял у Я. Масарика, не встречает ли британский нажим сопротивления в Праге. «Я ответил,— писал Я. Масарик,— что мы выдержим очень многое, если будем знать, что, когда будет необходимо, они выступят на нашей стороне» [34]. Неизвестной оставалась, однако, реакция чешской политической общественности. Даже генлейновцы считались с тем, что постепенное нарастание их требований может в конце концов привести к падению правительства М. Годжи и созданию вместо него чиновничьего кабинета или даже военной диктатуры. Сообщения о реакции широкой общественности были довольно тревожными: «Люди думают, что сильная политическая партия [то есть аграрная.— *Прим. автора*] совершенно сознательно подготавливала отделение части территории, населенной немцами. Они судят так потому, что власти оставляли без внимания сигналы о наличии у немцев складов оружия и не принимали никаких мер» [35]. Б. Ньютона беспокоили результаты, которых КПЧ добилась на выборах, особенно в чешских землях. Он постоянно задавал вопрос, не помешает ли сильная позиция КПЧ соглашению

с судетонемецкой партией, точнее говоря, насколько КПЧ в состоянии выступить против капитуляции перед Генлейном. Его беспокойство основывалось на том, что КПЧ защищала программу широкого народного фронта, в который входила бы также часть буржуазии, готовая к защите республики. Беседы с представителями правительственной коалиции вылились в договоренность, что в случае войны уполномоченный КПЧ станет членом так называемой военной шестерки, которая будет предрешать все вопросы, рассматриваемые правительством[36]. Однако обещания представителей правительственной коалиции надо было принимать с большой оговоркой, потому что выполнение их всегда было весьма проблематично.

В середине июня Э. Бенеш вызвал к себе представителей левого крыла правительственной коалиции и резко критиковал манеру, в которой газеты пишут о переговорах с судетонемецкой партией. Он предложил, чтобы в течение ближайших двух недель пресса изменила свой тон. Он выразил недовольство публикацией сообщений о маневрах советских войск на польских границах, возбуждающих в народе надежды на советскую помощь; в данной ситуации, требовал Э. Бенеш, писать следует так, чтобы общественность пришла к выводу, что судетонемецкой партии надо сделать максимальные уступки[37]. И если на партии правительственной коалиции воздействовали увещеванием, то КПЧ угрожали применением насильственных мер. «Руде право» получила уведомление, что издание газеты в любой момент может быть запрещено на трехмесячный срок. В то время как ей угрожают запрещением, писала «Руде право», судетонемецкая партия беспрепятственно может публиковать свои высказывания против республики. «Напоминаем, что переговоры с Генлейном достигли кульминации, а общественность не информирована»[38].

Английская дипломатия не скрывала, что ей удалось заставить Э. Бенеша стать на путь максимальных уступок, но она сомневалась, что судетонемецкая партия готова пойти на соглашение. Предметом разногласий было требование Генлейна о создании своего сейма и участии в правительстве. Член руководства судетонемецкой партии К. Г. Франк не скрывал: соглашение, очевидно, не будет достигнуто, и после безуспешных

переговоров будет выдвинуто требование плебисцита. Английский посланник Б. Ньютон высказывал предположение, что переговоры закончатся или прервутся самое позднее в августе [39].

Большие заботы доставляла британской дипломатии политика, проводимая СССР. Советская печать резко осуждала британское давление на Чехословакию и характеризовала правительство Чемберлена как пособника агрессоров. Британский нажим на Чехословакию был осужден М. М. Литвиновым в выступлениях перед избирателями [40]. Британская дипломатия систематически следила за развитием чехословацко-советских отношений, особенно стремясь выяснить, не ведутся ли переговоры о военной помощи Чехословакии [41]. Британское правительство боялось, что позиция советской стороны могла существенно ослабить готовность чехословацкого правительства к компромиссу с Генлейном.

28 июня Б. Ньютон передал Э. Бенешу послание Э. Галифакса, в котором высказывалось пожелание, чтобы чехословацкая печать помогла общественности понять необходимость фундаментальных уступок и чтобы правительство существенным образом ускорило переговоры с судетонемецкой партией [42]. Также и через Я. Масарика Э. Галифакс выражал разочарование медленным ходом переговоров и требовал, чтобы печать и общественные деятели призывали к компромиссу [43]. На заседании британского правительства Н. Чемберлен демагогически обвинял чехословацкую сторону в нежелании пойти на компромисс, и Я. Масарик предостерегал свое правительство, что Н. Чемберлен, стремясь любой ценой достичь соглашения с Германией, может предпринять попытку дискредитировать Чехословакию в глазах британской общественности [44]. Э. Бенеш, К. Крофта и Я. Масарик пытались убедить англичан, что готовность чехословацкого правительства пойти на компромисс имеет свои пределы, обусловленные суверенитетом государства [45]. Разумеется, это не был аргумент, способный воздействовать на Н. Чемберлена, полного решимости принести в жертву именно этот суверенитет.

Э. Бенеш пытался выяснить, насколько линия Н. Чемберлена принимается или отвергается в среде британских политиков. В конце июня он послал в Анг-

лию Губерта Рипку, который имел несколько бесед с ведущими британскими деятелями. Выводы из его поездки ни в коей мере не были утешительными. Даже У. Черчилль предупреждал, чтобы в Праге не слишком надеялись на британскую помощь. «Сам он хотя и критикует Н. Чемберлена, однако не знает, не вел ли бы он себя таким же образом, если бы сам возглавлял правительство» [46]. У. Черчилль сомневался, должна ли Англия вступать в войну за Чехословакию, и выспрашивал, не согласилась ли бы Прага на «нейтрализацию»; к этому он добавлял, что сам бы он согласился с гарантированным нейтралитетом. Нельзя было не видеть, что английская политика не предлагает Чехословакии ничего иного, как встать на колени перед нацистской Германией.

XI

ПЕРЕГОВОРЫ С СУДЕТОНЕМЕЦКОЙ ПАРТИЕЙ И БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА (ИЮЛЬ)

Германская дипломатия утверждала, что Чехословакия умышленно затягивает переговоры с Генлейном, что правительство не хочет соглашения и что из-за этих проволочек в конце концов мир будет втянут в войну. Вместе с тем германская дипломатия знала, что Н. Чемберлен в кругу своих друзей снова подтвердил, что кризис должен быть преодолен в течение двух месяцев [1]. Справедливую советскую критику действий западных держав, поощряющих агрессора, нацисты изображали как конец того этапа советской внешней политики, характерной чертой которого был франко-советский договор. Британская дипломатия не поддерживала такую интерпретацию, понимая, что за этим кроется желание Германии оказать давление на обе западные державы, чтобы они скорее согласились на ревизию версальской системы [2]. Полной ревизии уже совершенно открыто требовал министр иностранных дел И. Риббентроп, давая при этом понять, что Германия оставляет за собой свободу рук в Юго-Восточной Европе. Британский посол Н. Гендерсон на это отвечал, что англо-германское соглашение по многим вопросам может быть достигнуто, если чехословацкий кризис будет разрешен путем мирных переговоров, следовательно, без войны [3].

Английская сторона постоянно ставила вопрос: что Германия намерена дать Англии взамен уступок в че-

хословацком вопросе? Чехословакия была товаром, который Англия хотела продать Германии и намерена была прежде выяснить, какую цену готова заплатить Германия за эту сделку. О принципе quid pro quo снова напомнила «Таймс» в начале июля [4]. Несмотря на этот циничный подход, коалиционное правительство Чехословакии собиралось руководствоваться британскими советами, иными словами, взять на себя роль объекта в этом неблаговидном англо-германском сговоре. Министр железных дорог Рудольф Бехине на заседании президиума социал-демократической партии, которую он представлял в правительстве, заявил: «Политика Англии является для нас директивной, мы должны решить национальные вопросы» [5]. Еще больше подчинялись английской политике такие главари реакции, как генеральный директор Живностенского банка Я. Прейсс и аграрий Р. Беран. Я. Прейсс постоянно критиковал позицию правительства в переговорах с судетонемецкой партией и в кулуарах настаивал, чтобы оно пошло навстречу требованиям Германии.

Однако нацистская Германия не желала торга, в котором ей пришлось бы чем-то расплачиваться. Она полагала, что достаточно усилить угрозы и военные приготовления — и обе западные державы в конце концов уступят. Тем не менее среди германских дипломатов и генералов начали раздаваться голоса, призывающие к сдержанности и доказывающие, что Германия не может пойти на риск всеобщей войны в Европе, так как у нее нет надежды на военный успех. Особенно призывали к более осторожным действиям статс-секретарь МИД Э. Вейцзекер и начальник генерального штаба Людвиг Бек [6]. Они доказывали, что Германия все сможет получить без войны, если примет английскую тактику. Как бы там ни было, но германские военные угрозы стимулировали дальнейший нажим западных держав на Чехословакию. Французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе убеждал, что Германия нападет на Чехословакию уже в середине августа, если до этого времени не будет достигнуто соглашение с Генлейном [7]. Министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс также мотивировал необходимость дальнейшего британского нажима на Прагу ссылками на сообщения о готовящемся в конце августа германском ударе [8].

Э. Бенеш уступал британскому нажиму в надежде, что если соглашение с судетонемецкой партией окажется невозможным, то он выносет на рассмотрение парламента проект национального статута и без согласия Генлейна. И если бы парламент проголосовал за такой закон, то можно было бы убедить по крайней мере часть мирового общественного мнения в том, что у судетских немцев, в сущности, нет никаких причин для жалоб. Дипломатическая игра вокруг Чехословакии должна была бы закончиться, и Германии в качестве средства для овладения Чехословакией оставалась бы только война. Учитывая это, Германия начала настойчиво требовать от Англии, чтобы та оказала нажим на Прагу и не допустила голосования национального статута в чехословацком парламенте. Э. Галифакс поначалу советовал Э. Бенешу, чтобы в парламенте проводилось голосование только таких статей законопроекта, с которыми была согласна судетонемецкая партия, все остальные следовало отложить на будущее [9]. Н. Чемберлен выступал более резко. В замысле чехов октроировать национальный статут * он видел повод для германского нападения и начала войны, избежать которой он хотел любой ценой [10].

Национальный статут был творением М. Годжи и министра внутренних дел Й. Черного. Правительство этот документ как целое не обсуждало и не высказало своего согласия с ним. Э. Галифакс начал делать намеки посланнику Я. Масарику, что, если компромисс с Генлейном не будет достигнут, необходимо думать о плебисците, причем британское общественное мнение, мол, выскажется за принцип самоопределения судетских немцев. Это был почти ультиматум. Несмотря на это, Я. Масарик сохранял надежду, что если бы Франция выступила на стороне Чехословакии, то то же самое должна была бы сделать и Англия. «Но с какой неохотой она бы это сделала, с каким внутренним сопротивлением и только в последний момент, использовав все уловки, чтобы ускользнуть от выполнения обязательств»,— писал Масарик [11]. Впрочем, оснований для таких надежд не было — английский посол в Берлине

* Октроированный статут — конституционный закон, введенный сверху распоряжением правительства без принятия его парламентом.— *Прим. ред.*

Н. Гендерсон совершенно категорически заявил о нежелании Англии оказать помощь Чехословакии. В. Мастны писал об этом в одном из своих донесений: «Гендерсон решительно предупреждает, что в случае конфликта французская акция, которую ожидают, на самом деле не могла бы оказать действенной помощи Чехословакии, он указывает на огромную силу германской армии, которая свалила бы Чехословакию раньше, чем могла бы прийти реальная помощь. При этом он намекает, что, несмотря на симпатии, которые Англия якобы питает к Чехословакии, последняя не могла бы в случае конфликта рассчитывать на ее прямое вмешательство» [12].

Между тем подобные заявления воспринимались в Праге как тактический нажим, который должен был склонить правительство к бо́льшим уступкам. Но сходные заявления будут повторены в сентябре, особенно в момент, когда правительство должно будет решить, пойдет ли оно на полную капитуляцию перед Гитлером. Пока аналогичные ультимативные заявления высказывались только в дипломатических разговорах, но Германия требовала, чтобы они были сделаны публично. Однако английская сторона ответила, что такой образ действий британской политики только побуждал бы судетонемецкую партию к неуступчивости при переговорах с чехословацким правительством.

В середине июля Германия прибегла к провокации, которая должна была создать впечатление, что готовится нападение на Чехословакию. Германское агентство ДНБ распространило ложное сообщение, что Чехословакия снова провела мобилизацию. Однако английские наблюдатели скоро удостоверились, что эти сведения не соответствуют действительности. Несмотря на это, английский посланник Б. Ньютон использовал создавшуюся обстановку и заявил Э. Бенешу, что если Генлейн будет требовать плебисцита, то английское общественное мнение не сочтет это неблагоразумным [13]. Заявление Б. Ньютона никоим образом не было случайным. В тот же день посол Н. Гендерсон в Берлине сделал В. Мастному подобное же заявление [14]. И чтобы у Праги не оставалось никаких сомнений, в тот же день газета «Репюблик», считавшаяся выразителем взглядов Ж. Боннэ, опубликовала статью, в которой доказывалось, что так называемую судетскую проблему можно

разрешить путем передачи пограничной территории Германии или путем «нейтрализации» Чехословакии [15].

Все эти выступления показывали, что английская и французская политика дошли до новой, «высшей стадии» в решении чехословацкого вопроса. Пока англо-французские действия в чехословацком вопросе опирались на соглашение, достигнутое на совместных апрельских совещаниях в Лондоне; теперь нужна была новая координация политики обеих держав. Это должно было произойти во время визита английского короля в Париж, назначенного на 19 июля. Однако за два дня до этого в Лондоне появился адъютант Гитлера Ф. Видеман, капитан, в роте которого Гитлер служил во время первой мировой войны.

Поездку Ф. Видемана в Англию подготавливала принцесса Гогенлоэ. Дворянский род Гогенлоэ сыграл видную роль в качестве посредника между судетонемецкой партией и английскими консерваторами. В подготовке поездки Видемана принимал участие также и Оливер Хор, брат Сэмюэля Хора, министра внутренних дел в правительстве Н. Чемберлена [16].

При встрече с Э. Галифаксом Ф. Видеман сказал, что он прибыл с ведома Гитлера и уполномочен заявить, что Г. Геринг охотно приехал бы в Англию для прямых переговоров. Гитлер был, по его словам, разочарован позицией Англии, так как в связи с визитом Э. Галифакса ожидал более конкретных британских предложений. Н. Гендерсон также будто бы обещал, что последуют конкретные предложения. На это Э. Галифакс ответил, что вина на стороне Германии, так как напряженность в чехословацком вопросе ослабляет доверие английской общественности. Германия должна была бы дать гарантии, что не применит силы. Ф. Видеман заявил, что он может дать «самые твердые заверения», что Германия не планирует агрессивной акции, однако такое состояние не может продолжаться вечно. Чехословацкий вопрос решается с большими проволочками, затяжные переговоры могут привести к инцидентам, которые Германия как великая держава не могла бы оставить незамеченными. По сути, он лишь повторил бесконечные заявления И. Риббентропа. Гитлер, мол, полагает, что Англия могла бы сделать больше. Германия прибегнет к силе только в случае возникновения серь-

сэных инцидентов. К концу этого краткого визита была достигнута договоренность, что Г. Геринг в соответствии с обещанием Э. Галифакса в ноябре прошлого года должен быть приглашен в Англию [17].

Из визита Ф. Видемана правительство Н. Чемберлена могло сделать вывод: Гитлер охотно выслушает более конкретные и более определенные британские предложения относительно решения чехословацкого вопроса. Вместе с тем при встрече Э. Галифакс повторил то, что уже раньше писал Астору: немцы не в состоянии полностью оценить значение британского общественного мнения, с которым должно считаться правительство Н. Чемберлена [18]. После аншлюса Австрии оно должно было дать возможность изгладиться шоковому впечатлению, какое вызвал аншлюс среди британской общественности. Это не тот путь, который может привести к англо-германскому соглашению. Двери будут снова открыты, как только рассеется неблагоприятное впечатление, созданное германскими угрозами применить силу. Германия должна была бы дать гарантию, что впредь она не будет прибегать к применению силы. Именно в таких выражениях Н. Чемберлен и Э. Галифакс докладывали о визите Видемана и на заседании британского правительства [19].

Из других источников выясняется, что Ф. Видеман привез письмо Гитлера, в котором говорилось, что было бы желательно, чтобы Англия выступила против намерений чехословацкого правительства октроировать национальный статут.

Непосредственно после отъезда Видемана состоялась встреча английских и французских министров в Париже. Из многочисленных сообщений печати о парижской встрече было видно, что Франция согласилась на направление в Чехословакию английского посредника с широкими полномочиями, включая возможность вносить собственные предложения по решению чехословацкого кризиса. В то время уже все знали, что таким посредником должен быть лорд Ренсимен [20]. Взамен этого Франция получила обещание английской помощи, впрочем лишь для того, чтобы в Берлине знали, что французы не одиноки; вместе с тем это обещание было ограничено условием, что Франция каждое свое решение заблаговременно будет согласовывать с Англией

так, чтобы у английской стороны было время обдумать свою позицию. Э. Галифакс разъяснил французским министрам, что британское общественное мнение поддерживает принцип самоопределения судетских немцев и что нельзя исключать даже возможность проведения плебисцита. Французское правительство дало согласие на посылку Ренсимена в Прагу с условием, что будет уважаться целостность и независимость чехословацкого государства [21].

С английской стороны часто повторялось, что действия президента Э. Бенеша в Праге создают препятствия для достижения соглашения с судетонемецкой партией, в то время как глава правительства М. Годжа, дескать, проявляет большее понимание ситуации [22]. Однако если Э. Галифакс просил, чтобы Германия с пониманием относилась к тому, что британское правительство должно считаться с общественным мнением своей страны, то сам он игнорировал, что в отличие от лидеров аграрной партии Э. Бенеш также приспосабливает свою тактику к настроению общественного мнения. С этой ситуацией в конечном итоге должна была считаться также и пресса партий правительственной коалиции, и она не могла молчать о действительном характере требований Генлейна, направленных против существования государства [23]. В своих расчетах Э. Бенеш все еще полагался на французскую помощь и не принимал всерьез донесения своих посольств о нежелании западных держав вступиться за Чехословакию. В своих расчетах он брал во внимание и советскую помощь, которая была бы для него приемлема в том случае, если бы Франция вступила в войну [24].

Однако английский посол в Берлине Н. Гендерсон все более настойчиво возвращался к идее плебисцита, а посол Франции А. Франсуа-Понсе распространял идею созыва международной конференции. Оба эти проекта далеко выходили за рамки внутриполитического решения чехословацкого вопроса. Британское правительство сильно тревожила также систематически повторяемая угроза германской дипломатии, что Германия не будет безучастно смотреть, если в чехословацких пограничных районах произойдут новые инциденты.

21 июля английский посланник Б. Ньютон явился к президенту Бенешу и попросил его дать согласие при-

пять лорда Ренсимена в качестве посредника. Э. Бенеш не решился возражать, зная, что союзническая Франция согласилась с новым британским маневром. Министр иностранных дел К. Крофта зашел даже настолько далеко, что назвал будущую деятельность Ренсимена в Чехословакии «благотворной». На другой день Н. Чемберлен пояснил германскому послу фон Дирксену, что если попытка компромисса с судетонемецкой партией окажется неудачной, то у британского правительства есть в запасе новый ход, который приведет к решению этой проблемы [25]. Для него было важно, чтобы Германия не решила, что неудача маневра с Генлейном означает одновременно конец попыток овладеть Чехословакией без войны. Германия должна была заблаговременно знать, что и на этот случай у Н. Чемберлена подготовлен следующий вариант, который ее удовлетворит. Давалось понять, что провал переговоров с судетонемецкой партией подготовит британское общественное мнение к «высшей фазе» политики уступок, которая может иметь различные формы. В тот же день, когда Н. Чемберлен информировал Дирксена о своем проекте, Н. Гендерсон в письме советовал Э. Галифаксу реально подумать о конференции четырех держав, которая покончила бы с чехословацким делом [26].

В письме заместителю министра иностранных дел Англии А. Кадогану Н. Гендерсон написал, что «умиротворение» в Европе требует, чтобы Чехословакия отказалась от своего враждебного отношения к Германии и особенно от своего договора с СССР [27].

В связи с посылкой посредника существовало несколько возможных вариантов: лорд Ренсимен мог предложить свой «собственный» проект, который полностью удовлетворил бы Генлейна; чехословацкое правительство и Э. Бенеш должны были считаться с такой угрозой. Ренсимен мог предложить или прямую уступку территории, или плебисцит; другой возможностью была территориальная автономия с собственным парламентом, который в любой момент мог проголосовать за присоединение пограничных районов к Германии. Следующей возможностью был плебисцит, который состоялся бы спустя некоторое время, в течение которого судетонемецкая партия правила бы немецкими областями. И наконец, плебисцит, который состоялся бы под конт-

ролем какой-нибудь «нейтральной» комиссии. Все эти возможности британская дипломатия резервировала на случай, если правительство в Праге вовремя не капитулирует перед Генлейном. Ни один из этих вариантов не оставлял надежды на сохранение суверенитета и целостности чехословацкого государства. Э. Бенеш предполагал, что провал попытки компромисса с Генлейном освободит Чехословакию от нажима западных держав, поскольку в таком случае судетонемецкая партия будет скомпрометирована морально. Эта бенешевская иллюзия исходила из предположения, что у правительств Франции и Англии вообще есть еще какие-то моральные принципы. Но это была совершенно ложная предпосылка. Ведь Чехословакия давно была обречена, и сейчас речь шла лишь о том, как привести в исполнение вынесенный ей приговор, чтобы господа Чемберлен и компания хотя бы немного сохранили свое лицо. Каждое политическое решение требует своего времени. Своего времени требовало также и исполнение приговора над Чехословакией. Переговоры с судетонемецкой партией были составной частью целой операции, подготовительным периодом всей драмы, в течение которого общественное мнение на Западе должно было созреть настолько, чтобы в конце концов принять ликвидацию Чехословакии. Поэтому участие чехословацкого правительства в таком политическом маневре целиком и полностью было принципиальной политической ошибкой.

Германская дипломатия также маневрировала, чтобы добиться публичного признания от чехословацких политических представителей, что они не имеют возражений против британских проектов так называемой нейтрализации. После визита Ф. Видемана было опубликовано сообщение, что Германия была бы готова заключить с Чехословакией пакт о ненападении, разумеется при условии, что Чехословакия будет нейтрализована, точнее говоря, если она откажется от своих договоров с Францией и СССР [28].

Представители чехословацкого финансового капитала выступали за прямые переговоры с Германией. «Если мы сами не договоримся с немцами,— писал Я. Прейсс Р. Берану,— то дорого заплатим за это... Еще сегодня можно было бы найти выход, правда, нужно было бы говорить с Берлином...» [29]. Мнение этой финансовой

олигархии было в конечном итоге решающим для правительственной коалиции. Ее печать откровенно писала, что коалиционное правительство было бы не против подобного пакта с Германией [30]. Министр иностранных дел К. Крофта прямо сказал, что Чехословакия готова заключить пакт о ненападении и согласится на нейтрализацию, если будут гарантированы ее границы. В этом случае она отказалась бы от союза с Францией и СССР [31]. И хотя К. Крофта добавил, что правительство намерено обменять союз на гарантии и что оно не примет никакой ненсной формулировки о нейтрализации и не обменяет пакты на нечто неопределенное, результатом этого маневра было то, что Чехословакия сама согласилась на нейтрализацию, и в среде международной общественности эта идея пустила корни именно с помощью чехословацкого правительства.

В конце июля Э. Бенеш встретился с германским посланником Э. Эйзенлором. Он зондировал, насколько готова Германия пойти на прямые переговоры. Э. Бенеш предложил, чтобы дело было продолжено там, где оно остановилось полтора года назад [32]. Имелись в виду известные переговоры с уполномоченными Гитлера, во время которых обсуждалась возможность двустороннего пакта. Предложение Э. Бенеша о возобновлении переговоров показывало готовность отойти от проводимой ранее внешней политики. Это была новая, принципиальная ошибка.

XII

МИССИЯ РЕНСИМЕНА В ЧЕХОСЛОВАКИИ (АВГУСТ)

Какова бы ни была готовность Годжи или Бенеша к уступкам судетонемецкой партии, в конце концов она имела свои границы; последние определялись степенью противодействия чехословацкой общественности компромиссу с нацизмом. В таком случае согласно планам британской дипломатии суверенитет Чехословакии в решении собственных дел должен был быть ликвидирован, чтобы она могла быть включена в «сферу германских интересов». Само существование государства, его свобода и независимость при подобной постановке вопроса переставали быть делом правительства, ответственного перед парламентом. Решение переходило к иностранной миссии. Формально и после прибытия лорда Ренсимена в Прагу чехословацкое правительство продолжало переговоры с судетонемецкой партией, но ожидалось, что Ренсимен произведет на правящие круги Чехословакии более действенный нажим, чем посланник Ньютон.

Э. Галифакс уже 1 июля изложил Ренсимену его задачу. Миссия должна быть официальной и публичной, ее деятельность должна осуществляться с согласия чехословацкого правительства и судетонемецкой партии. Германское правительство будет проинформировано о ее назначении. Однако при этом Ренсимен должен был выступать только «от своего лица», а не от имени британского правительства. У него якобы нет официаль-

ных инструкций, по крайней мере это должно так выглядеть. В то время Э. Галифакс еще надеялся избежать ситуации, в которой британское правительство было бы вынуждено открыто предложить свое посредничество [1]. Спустя неделю он информировал британское правительство о своем плане: посредник должен был стать как бы предохранительным клапаном, страховкой на случай, если провалятся переговоры с судетонемецкой партией. Он обратил внимание на предостережение Б. Ньютона, что чехословацкое правительство может отклонить посредника, когда окажется, что его рекомендации ни к чему не обязывают британское правительство [2]. Положение Ренсимена было весьма необычным. Он должен был выступать как частное лицо, хотя было известно, что он представляет британское правительство и действует по его инструкциям. В действительности это означало лишь одно: британское правительство вмешивается во внутренние чехословацкие дела, но внешне не берет на себя никакой ответственности за то, что происходит или что случится.

В какой неблагоприятной для Чехословакии атмосфере принималось решение о миссии Ренсимена, показывает корреспонденция Э. Галифакса, относящаяся к тем дням. Как писал в одном из своих писем Н. Гендерсон, за четыре месяца до аншлюса Австрии он предупреждал, что канцлер Шушниг рискует независимостью своей страны, и его предсказание сбылось; теперь Э. Бенеш делает то же самое. А. Франсуа-Понсе будто бы заверил Гендерсона, что французское правительство уже готово выкинуть Э. Бенеша за борт. Н. Гендерсон не верит, что решение может быть найдено внутри Чехословакии [3]. Буквально тем же днем датировано письмо лорда Лондондерри Э. Галифаксу, в котором он с раздражением пишет, что Чехословакия, являющаяся неудачным произведением дьявольских козней Э. Бенеша и Т. Масарика, стала источником нескончаемых затруднений [4].

Германия приняла к сведению сообщение о миссии Ренсимена. Председатель парламентской фракции судетонемецкой партии Эрнст Кундт от имени своей партии выразил согласие с приездом Ренсимена. Генлейновцам гарантировали, что судетонемецкая партия будет и впредь считаться равноценным партнером чехо-

словацкого правительства. Генлейн получил директиву подготовить Ренсимена к единственному «решению», а именно к аннексии Германией чехословацких пограничных районов.

Для британской политики главная проблема заключалась в том, чтобы получить от чехословацкого правительства согласие на особый статус миссии Ренсимена, означавший, в сущности, ограничение чехословацкого суверенитета. 18 июля Б. Ньютон представил Э. Бенешу предложение о миссии, сделав оговорку: если не будет получено согласие на приезд Ренсимена, то все дело вместе с чехословацким отказом будет предано гласности. Э. Бенеш может представить, добавил английский посланник, какое впечатление это произведет на британское общественное мнение. Первый ответ Э. Бенеша был отрицательным: миссия представляла бы ограничение чехословацкого суверенитета. Правительство не может принимать любые рекомендации миссии и в своих уступках переходить определенные границы; так, оно не может дать согласие на территориальную автономию. Однако после консультации с правительством отношение Бенеша к британскому требованию перестало быть столь непримиримым, и 23 июля М. Годжа сообщил об официальном согласии с миссией Ренсимена [5]. Э. Бенеш уже стал утверждать, что приезд миссии имеет и полезную сторону, так как британское правительство начнет принимать участие в чехословацком деле [6]. Эта иллюзия была просто самоубийственной, ибо для Чехословакии не могло быть ничего худшего, чем британское вмешательство в ее внутренние дела.

Чехословацкий посланник Ш. Осуский прямо сказал тогда Ж. Бонпэ: если Чехословакия примет предложение о миссии Ренсимена, «то это будет означать, в сущности, принятие арбитража, хотя вслух и будет говориться лишь о том, что лорд Ренсимен только дает советы. Политическая ситуация такова, что на деле никакие слова ничего не могут изменить» [7]. Правительство должно было отвергнуть миссию Ренсимена, ибо, дав однажды согласие на фактический арбитраж, оно теряло уже возможность отклонить позднее арбитражный проект Ренсимена.

Действительный характер миссии Ренсимена преднамеренно скрывался от чехословацкой общественности.

Из парламентской речи Н. Чемберлена, в которой он сообщал о направлении миссии, в чешской печати при изложении были выпущены два пункта; в одном из них говорилось: британское правительство удовлетворило чешскую просьбу о посреднике, поскольку в Лондоне пришли к заключению, что чешское правительство уже не способно сохранить в стране порядок и достигнуть мира с немцами. Было опущено также заявление Чемберлена о том, что решение чехословацкого вопроса откроет путь к полному взаимопониманию между Англией и Германией. Из этой речи не трудно было сделать вывод, что британская миссия в Праге является новой фазой в ее политике по отношению к Чехословакии.

Нередко судят об этой миссии исходя из личных качеств лорда Ренсимена. Ренсимен — председатель тайного королевского совета, а в прошлом министр торговли Англии — ничего не знал о Чехословакии, не знал даже, где, собственно, расположена эта страна. Он был ленив и недоверчив. Его резко антикоммунистические взгляды позволяли предположить, что он будет настаивать на ликвидации чехословацко-советского договора. В Праге весьма неправильно было понято замечание Я. Масарика, что цель миссии Ренсимена состоит в том, чтобы выиграть время, по меньшей мере до 1 октября [5]. Конечно, даже Н. Чемберлен надеялся на то, что, пока Ренсимен будет в Праге, Гитлер не решится прибегнуть к насилию. Миссия должна была стать как бы гарантией против вызывающих шок нацистских ударов, которых так боялась Англия. Чехов следовало, по мнению Чемберлена, придушить, но так, чтобы при этом они сильно не кричали. Британское правительство полагало, что, пока Ренсимен в Праге, чехословацкий вопрос будет решаться политическими средствами, а не с помощью силы. Однако сама миссия Ренсимена открывала путь к последней фазе всей операции. Лишь наивные люди могли думать, что Н. Чемберлен выигрывает время для вооружения Англии, чтобы иметь возможность позднее отвергнуть шантаж нацистов.

В Праге, как признался министр иностранных дел К. Крофта, многие надеялись, что Ренсимен в конце концов внесет такие предложения, принять которые правительство окажется не в состоянии. Вплоть до последнего времени оно уступало британскому нажиму и

вило против мнения массы рядовых членов коалиционных партий. Ссылками на британский нажим чехословацкое правительство, в сущности, перекладывало на Англию ответственность за свою катастрофическую политику. Но где была гарантия, что оно и в будущем не использует аналогичные отговорки? Э. Бенеш дал втянуть себя в британскую игру, которая вела в тупик. Даже аграрии понимали, что миссия Ренсимена представляет собой западню. Они полагали, что если обратиться непосредственно к Гитлеру, то соглашение с Германией будет достигнуто с меньшими потерями для Чехословакии. В Праге понимали, что лорд Ренсимен, возможно, будет настаивать на необходимости плебисцита либо конференции четырех держав. По прибытии в Прагу миссия постаралась выяснить, не может ли оппозиция сместить М. Годжу и Э. Бенеша, в состоянии ли существующее правительство претворить в жизнь радикальное решение — выполнить требование судетонемецкой партии, открывающее путь к ликвидации государства [9]. Отношение КПЧ к миссии Ренсимена было полностью отрицательное. Декларация коммунистической фракции Национального собрания подчеркивала, что Чехословакия не колония или доминион, судьбу которой должны решать английские арбитры [10].

СССР как союзник Чехословакии выступил также с осуждением миссии Ренсимена; советская пресса указывала, что правительство Н. Чемберлена, стремясь к соглашению с Германией за счет Чехословакии, в сущности, играет па руку фашистам *[11]. Советский полпред в Праге С. С. Александровский в беседе с главным редактором газеты «Лидове новины» Губертом Рипкой подчеркнул, что принятие миссии Ренсимена было большой и непоправимой ошибкой. С Советским правительством о миссии не были проведены консультации, хотя оно и было союзническим **[12]. Э. Бенеш попытался как-то исправить положение и изложил С. С. Александровскому свои предположения. Он надеется-де, что Ренсимен не посоветует ничего неприемлемого и сам убедится, что судетонемецкая партия действует по при-

* «Правда», 1938, 5 августа.— *Прим. ред.*

** См. также донесение полпреда СССР в Чехословакии С. Александровского, опубликованное в: Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 402—406.— *Прим. ред.*

казу Берлина. Если не представится возможности достичь соглашения с судетонемецкой партией, Франция и Англия выступят на стороне Чехословакии, ибо они получат доказательства ее невиновности. Во время беседы Э. Бенеш отрицал, что когда-либо велись переговоры о нейтрализации Чехословакии, точнее говоря, о замене пактов с СССР и Францией гарантированным нейтралитетом [13]. Если первую идею можно было считать в лучшем случае иллюзией наивного игрока, который свою партию с шулером оправдывает надеждой на выигрыш, то второе утверждение было заведомой неправдой. Я. Масарик обсуждал с Э. Галифаксом вопрос о так называемой нейтрализации уже после майского кризиса, и Э. Бенеш сам в конце июля говорил с немецким посланником Э. Эйзенлором об этой проблеме в целом. Наконец, в августе Э. Бенеш снова обсуждал этот сомнительный проект непосредственно с делегацией судетонемецкой партии.

Переговоры с судетонемецкой партией не двигались с места. Генлейновцы три недели не давали никакого ответа на последний проект национального статута, врученный им правительством. Однако британский нажим на Бенеша не прекращался. Англичане при этом указывали, что нацистский съезд в Нюрнберге, назначенный на первую половину сентября, является критическим рубежом. Британское правительство подчеркивало, что до начала этого съезда с так называемым чехословацким вопросом должно быть покончено. Иначе грозит опасность, что сразу же после съезда Гитлер нападет на Чехословакию. К этой аргументации особенно прибегали Н. Гендерсон и А. Франсуа-Понсе. И тот и другой подчеркивали, что миссия Ренсимена является последней надеждой на спасение мира и чехословацкое правительство обязано пойти ей навстречу [14]. Новый британский нажим вызвал разногласия в правительстве, и теперь уже сам Э. Бенеш призывал министров к уступкам [15]. М. Годжа стал подвергаться нападкам, инспирированным Э. Бенешем; обсуждалась возможность создания делегации, которая бы вместо правительства вела переговоры с судетонемецкой партией. Проявились расхождения и внутри делегации судетонемецкой партии, некоторые члены которой осознали, что они ведут азартную игру, которая может привести к войне [16].

Однако конец всем этим разногласиям положили британские консерваторы. В середине августа в Прагу прибыл лорд Аллен оф Хартвуд, который сообщил руководству судетонемецкой партии, что, если миссия Ренсимена не увенчается успехом, чехословацкая проблема будет решена на конференции четырех держав [17]. Такая перспектива, безусловно, побудила руководство судетонемецкой партии к неуступчивости. К. Г. Франк и его экстремистское крыло судетонемецкой партии получили благодаря этому зеленый свет и могли позволить себе действовать как заблагорассудится.

Истинный смысл миссии Ренсимена следует искать в первую очередь в сфере англо-германских отношений. Переписка между Н. Гендерсоном и Э. Галифаксом, относящаяся к тому времени, проливает свет на многие закулисные стороны миссии Ренсимена.

Первое сообщение Ренсимена из Праги утверждало, что Э. Бенеш не проявляет должного внимания к требованиям судетских немцев. В следующем письме Ренсимен также сообщал, что он не слишком доволен Э. Бенешем и его министрами, хотя тот и прилагает усилия по-своему помочь ему в его миссии [18].

Н. Гендерсона беспокоили германские военные мероприятия, запланированные на сентябрь. Военные круги якобы убедили Гитлера в том, что нет смысла ждать уступок Э. Бенеша и результатов британского нажима в Праге. Германию, дескать, уже нельзя удержать от военных приготовлений [19]. В ответе Э. Галифакс сообщает о своем убеждении, что Германия сильно блефует, чтобы создать впечатление о готовности начать войну. Тем не менее британское правительство должно продолжать настаивать в Праге на соглашении с судетонемецкой партией. Хорошо, если соглашение будет достигнуто с помощью Ренсимена. Если же соглашения не будет, у британского правительства остаются четыре возможности: а) Ренсимен может выразить сожаление и уехать; б) Ренсимен может сам предложить проект соглашения, посчитав виновной судетонемецкую партию; в) он может представить проект соглашения, назвав виновной чешскую сторону; г) он может сделать шаг вперед и заявить, что ввиду неспособности сторон прийти к соглашению и малой вероятности того, что можно решить проблему путем переговоров, было бы желательно

провести плебисцит. Впрочем, Э. Галифакс добавляет, что объявление виновной судетонемецкой партии нежелательно, так как Германия заявила бы, что Ренсимен подпал под влияние Э. Бенеша и ей остается лишь путь войны. Конечно, плебисцит также представляет собой сложную процедуру, проведение которой сопряжено с большими трудностями. Кто был бы организатором такого плебисцита? Кто наблюдал бы за его проведением? Международные воинские части? Все это нерешенные вопросы, но британская дипломатия может использовать плебисцит в качестве угрозы Э. Бенешу. Трудно сказать, чем закончится миссия Ренсимена, но только мировая война воспрепятствовала бы изменению существующего положения. Однако, снова повторил Э. Галифакс, не имеет смысла сохранять или восстанавливать такое чехословацкое государство, которое невозможно сохранить или позже воссоздать. Поэтому британское правительство должно придерживаться в своей политике той линии, которую наметил Чемберлен в парламентской речи 24 марта 1938 г. Он согласен, чтобы Ренсимен своевременно информировал непосредственно Н. Гендерсона [20]. Это письмо Э. Галифакса практически раскрывает всю тактику британского правительства, цели, которые оно преследовало, направляя в Прагу миссию Ренсимена.

Принципиальный вопрос состоял в том, как Англия должна реагировать на германские военные приготовления. Следует ли снова повторить демарш от 21 мая? Считала ли британская политика развитие после майского кризиса благоприятным или, наоборот, размышляла о иных путях? Н. Гендерсон отреагировал на толкование Э. Галифаксом смысла миссии Ренсимена несколькими письмами, в которых он доказывал, что Гитлер не все время блефует и что британской политике не следует повторять свои действия периода майского кризиса. Это была бы пиррова победа, так как решение чехословацкого вопроса было бы лишь отложено на более поздний срок и в конце концов неминуемо началась бы война. Н. Гендерсон считал, что аннексия Судет неизбежна. По его мнению, лишь 5% вероятности за то, что этого не случится. Уменьшения напряженности в Чехии можно было бы достигнуть только путем признания за немцами права на самоопределение. В Праге

К. Крофта распространяет мысль, что от миссии Ренсимена надо ожидать самого худшего. Н. Гендерсон верит, что Ренсимен не поддастся аргументам, выдвигаемым чехословацкими политическими деятелями о необходимости сохранить стратегические и экономические границы Чехословакии. Он верит, что британская игра закончилась бы неудачно, если бы она не исходила из принципа самоопределения судетских немцев. Всякий другой совет или рекомендация миссии Ренсимена имели бы ужасные последствия. Если Ренсимен добьется успеха, то для британской политики открываются новые широкие возможности. Если его постигнет неудача, то Англия возвратится к прежнему тяжелому положению. По мнению Н. Гендерсона, чрезвычайно важно, чтобы Ренсимен сделал свои предложения о решении чехословацкого вопроса раньше, чем в Нюрнберге соберется съезд нацистов. Германия, видимо, не хочет начинать войну в этом году. Таково убеждение Н. Гендерсона. Из этого следует, что Англия должна вести с Германией переговоры, а не угрожать ей, как это было в мае. Но в сентябре наступит критический момент, когда мир может оказаться под угрозой [21].

Два дня спустя Н. Гендерсон заверял Э. Галифакса, что Гитлер хочет мирного решения чехословацкой проблемы, но он не желает ждать бесконечно. Англия не может втягиваться в дискуссию о стратегических и экономических границах Чехословакии, ибо «проблема в действительности по своему характеру является расовой и национальной». О стратегических границах велась дискуссия и в 1919 г., и это кончилось плохо. Нежелание Э. Бенеша склониться перед Генлейном помогает только экстремистам Гиммлеру, Риббентропу и, возможно, Герингу. Н. Гендерсон полагает, что именно они заставили Гитлера установить предельный срок, в течение которого судетский вопрос может быть еще решен мирным путем. Этим предельным сроком является нюрнбергский съезд нацистской партии. Из этого следует, что Ренсимен должен сделать официальное заявление об основных чертах такого решения еще до нюрнбергского съезда. Э. Бенеш, по всей вероятности, сможет убедить мир в своих честных намерениях, но он никогда не убедит Германию. Англии нельзя терять времени, поэтому Ренсимен должен наметить принци-

ципиальную линию решения, а детали могут быть уточнены позднее [22]. Было очевидно, что нюрнбергский съезд служит лишь новым аргументом в нажиме на Чехословакию.

Впрочем, точку зрения Н. Гендерсона разделял не весь Форин оффис. Например, Р. Ванситтарт, заместитель министра иностранных дел, представил 9 августа меморандум, в котором рекомендовал, чтобы по отношению к Гитлеру проводилась более твердая политика, потому что только в этом случае у Германии не будет сомнений в британской позиции и она не будет шутить с идеей войны [23]. В противоположность этому мнению Н. Гендерсон неоднократно высказывался против повторения какого-либо английского демарша Германии.

Н. Гендерсон пытался оказывать также и непосредственное влияние на проходящие в Праге переговоры. 11 августа в письме, адресованном Б. Ньютону, он писал, что немцы никогда не верили, что Э. Бенеш сможет пойти навстречу требованиям генлейновцев так далеко, чтобы соглашение стало возможным. Однако Германия готова подождать еще месяц, но в сентябре все равно ей придется принимать решительные меры. На западной границе немцы быстро заканчивают линию Зигфрида и в сентябре призывают военнослужащих запаса. Если до конца первой недели сентября Ренсимен не добьется успеха, Гитлер заявит в Нюрнберге, что британское посредничество себя не оправдало. Он скажет, что был прав, когда утверждал, что Э. Бенеш не хочет соглашения или что чешские экстремисты не позволяют ему заключить такое соглашение. Гитлер заявит, что Германия не может допустить, чтобы такое положение сохранялось до зимы. Германию обвиняли в том, что в мае она готовила свои вооруженные силы к нападению. Тогда это была ложь, однако сейчас, в сентябре, это правда. Мы готовы к войне, скажет Гитлер в Нюрнберге. Германия будет обороняться на западе, но освободит своих судетских немцев. Так будут развиваться события, если Ренсимен до нюрнбергского съезда не добьется решения судетского вопроса [24].

На следующий день Н. Гендерсон снова пишет Э. Галифаксу. Англия ни в коем случае не должна угрожать Гитлеру вступлением в войну на стороне Чехословакии. Британская империя не может противиться

осуществлению принципа самоопределения. Она не может помешать судетским немцам присоединиться к германской империи. Это тот же самый случай, как и с Австрией, и поэтому Англия должна поступать так же. Германия планирует присоединение Судет к империи, однако в руководстве империи есть и умеренные, которые согласны, чтобы немцы оставались там, где они находятся. Гитлер в интересах сохранения мира якобы также готов согласиться с этим временным решением. Он удовольствовался бы автономией по швейцарскому образцу, основанной на равенстве прав всех наций. Решение проблемы войны и мира зависит от рекомендаций Ренсимена, которые должны быть близкими к точке зрения Гитлера. Судетские немцы должны получить автономию, а договор с СССР следует расторгнуть. Ничто, даже война и победа Англии, не может заставить чехов и немцев жить вместе в одном государстве. Война всего лишь обострила бы старую ненависть. Во время плебисцита большинство проголосовало бы за присоединение Судет к Германии. Однако угроза плебисцита могла бы заставить Бенеша преодолеть военную и политическую оппозицию. Разумеется, может произойти самое худшее — дело дойдет до войны. Франция провела бы мобилизацию, однако Гендерсон не верит, чтобы она напала на линию Зигфрида. Точно так же вела бы себя на западе и Германия. Следовательно, будет достаточно времени, чтобы Англия вместе с Италией попыталась осуществить посредничество. А подобное посредничество должно было бы опять исходить из итогов плебисцита. Итак, Англия в любом случае возвращается к плебисциту как к последнему средству. Немцы верят, что, если они не нападут на Францию, Англия останется вне конфликта. А если Англия не вмешается в конфликт, то Германии не грозит поражение [25].

Лорд Ренсимен пока еще изучал положение. 12 августа он докладывал Э. Галифаксу, что, по его мнению, успех его миссии зависит от того, хочет ли Гитлер войны или мира. Если он хочет войны, то он всегда найдет для нее предлог. Бенеш и правительство не проявляют признаков боязни или нервозности. Однако 14 миллионов в Чехословакии не смогут всегда сдерживать 70 миллионов в Германии. Генлейна не видно, хотя он находится в стране. Бенеш обещал Ренсимену заявить

о готовности принимать немцев на административные должности, например на почте [26].

Партия Генлейна сначала заняла позицию, свидетельствовавшую, что она игнорирует миссию Ренсимена. Она хотела доказать, что миссия не способна ничего достичь. Как только неудача Ренсимена стала бы очевидной, она выступила бы с требованием плебисцита, точнее говоря, присоединения к Германии. Эту линию особенно поддерживал К. Г. Франк, в то время как Э. Кундт склонялся к контактам с Ренсименом. Всю эту закулисную сторону положения в партии Генлейна раскрыл Ренсимену князь Макс Гогенлоэ, который в конце концов договорился о встрече Генлейна и Ренсимена 18 августа в Червеном Градке. На встречу следовало, по его мнению, пригласить также председателя парламентской фракции судетонемецкой партии Э. Кундта, но ни в коем случае не К. Г. Франка. После встречи Генлейн должен был бы отправиться к Гитлеру. Гогенлоэ считал, что все будет зависеть от впечатления, какое произведет Ренсимен на Генлейна. Такие представители немецкого дворянства, как Кинские, Клари, Вестфален, Куэн, Гогенлоэ и тому подобные, поддерживали Генлейна, хотя в некоторых вопросах и были не согласны с Гитлером. Они одобрили аншлюс Австрии, однако не поддерживали идею аннексии Судет Германией. Немецкие аристократы презирали чехов и боялись большевизма, который, по их мнению, угрожает Чехословакии. Они восхищались Англией и англичанами и верили, что англо-германская дружба может спасти мир [27]. По мнению Ф. Эштон-Гуэткина *, эти люди — необыкновенно ценный союзник английской политики в Чехословакии.

За день перед встречей в Червеном Градке Генлейн объявил, что не приемлет национальный статут в том виде, в каком он был предложен правительством 28 июля. Начался следующий этап в переговорах о чешско-немецком урегулировании.

* Ф. Эштон-Гуэткин — советник МИД Англии, прикомандированный к миссии Ренсимена.— *Прим. ред.*

XIII

ДАВЛЕНИЕ НА ЧЕХОСЛОВАКИЮ УСИЛИВАЕТСЯ (КОНЕЦ АВГУСТА)

Чем ближе был конец августа и время созыва нюрнбергского съезда, тем больше росло нетерпение «умиротворителей». Н. Гендерсон и А. Франсуа-Понсе в Берлине все сильнее нажимали на посланника В. Мастного с тем, чтобы правительство в конце концов решилось сделать далеко идущие уступки, приняв Карловарскую программу. Немецкие военачальники Кейтель и Браухич зондировали в Лондоне, какую позицию займет Англия в случае немецкого нападения на Чехословакию. Подобные действия еще больше усиливали страх «умиротворителей» перед войной, и их давление на Чехословакию росло. И. Риббентроп лично определил, что 15 октября будет решающим сроком для войны и мира. Если к этому времени вопрос о судетских немцах не будет решен так, как того желает Гитлер, на Чехословакию будет совершено нападение [1]. Французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе считал, что Гитлер нападет на Чехословакию уже в сентябре или в начале октября. Экономическая и политическая ситуация в Германии крайне неблагоприятна для нацистского режима, и поэтому нападение на Чехословакию должно отвлечь внимание народа от внутренних проблем [2].

Английская дипломатия знала о противоречиях в нацистском руководстве, знала, что военное командование Германии крайне скептически относится к возмож-

ности быстрой победы над Чехословакией. Критическим пунктом в нацистских планах была неуверенность в позиции Англии. Если бы Англия дала понять, что в случае войны она вступится за Чехословакию, Гитлер не отважился бы совершить нападение, но Н. Гендерсон упрямо советовал не делать подобного заявления и дождаться результатов миссии Ренсимена. Тем временем Гитлер разрабатывал свой военный план, направленный против Чехословакии, и обрабатывал союзников. Во время визита М. Хорти в Германию в конце августа Гитлер совершенно открыто заявил о своем намерении напасть на Чехословакию, разрушить Прагу, учредить чешский протекторат и организовать в Словакии сателлитное государство [3].

Доверенные люди Н. Чемберлена заверяли германских дипломатов, что британское правительство полностью принимает немецкие возражения против чехословацкой внешней политики, особенно против пакта с СССР, и что оно готово договориться с Германией на антибольшевистской основе. Англия с пониманием относится к немецким интересам на востоке Европы, Германия сможет получить здесь свободу рук, если сумеет договориться с Англией по торговым и другим экономическим вопросам, так же как договорились по этим вопросам Англия и Япония в Китае [4]. Германии давали понять, что лорд Ренсимен мог бы посетить Гитлера, чтобы осведомиться об условиях, приемлемых для Германии. Намеками также давалось понять, что Германия не должна воспринимать трагически возможную неудачу миссии Ренсимена в Чехословакии, так как Н. Чемберлен в ближайшем будущем намерен начать переговоры непосредственно с Гитлером. Указывали и на возможность участия в этих переговорах представителей Италии и Франции [5]. Снова речь шла о конференции четырех держав, идея которой появилась в планах «умиротворителей» уже весной 1938 г.

Военные угрозы Гитлера были несерьезными, но, для того чтобы этому блефу на Западе действительно поверили, немецкая армия приводилась в состояние боевой готовности. Согласие западных «умиротворителей» на уступки было слишком очевидно, и можно было не сомневаться, что Германия сможет добиться осуществления своих целей в Чехословакии и без войны, поэто-

му число немецких генералов и дипломатов, считавших военные угрозы Гитлера ненужным риском, все более возрастало.

Представитель этих кругов Пауль фон Клейст сообщил при встрече 19 августа Уинстону Черчиллю, что Германия нападет на Чехословакию в период между нюрнбергским съездом и концом сентября. Но верховное командование настроено против войны, и генералы воспротивились бы этому, если бы получили определенную поддержку Англии. Они считают, что нападение на Чехословакию приведет Германию к войне с западными державами. Необходим только определенный жест со стороны Великобритании — и в Германии набрали бы силу антивоенные настроения. Депутатам британского парламента следовало бы написать письмо своим друзьям в Германии, чтобы подбодрить немецких генералов. При таком развитии событий Гитлера можно было бы свергнуть в течение 24 часов и создать в Германии монархическое правительство, которое было бы залогом стабильности в Европе и положило бы конец военным угрозам. Но необходимо пообещать генералам «польский коридор» [6].

В ответном письме У. Черчилля П. Клейсту сказано, что пересечение чехословацкой границы немецкой армией приведет к мировой войне. Он уверен, что Англия тогда выступит вместе с Францией; США настроены антинацистски. Германское нападение на малое государство вызовет бурю в британском обществе. По мнению У. Черчилля, подобная война приобрела бы ожесточенный характер. В начале войны Англия, возможно, потерпит ряд поражений, но в конце концов победа будет за ней. В заключение своего письма У. Черчилль заявил, что британская позиция в чехословацком вопросе была изложена в парламентской речи Н. Чемберлена 24 марта, мирное и дружеское решение чехословацкого вопроса расчистило бы дорогу для взаимопонимания Англии и Германии [7]. Этим заявлением У. Черчилль полностью признал политическую линию британского правительства. Информируя Э. Галифакса об этой переписке, он добавлял: немецкие генералы считают, что в случае войны ресурсы Германии не позволят ей сражаться более трех месяцев, после этого — неминуемо поражение [8].

Таким образом, британское правительство достоверно знало, что Гитлер блефует, что Германия не может отважиться начать настоящую войну и что политика уступок в конце концов всего лишь спасает гитлеровский режим. Британские «умиротворители» совершенно точно знали, что они жертвуют Чехословакией только ради спасения Гитлера.

Чехословацкая сторона не могла не отреагировать на военные приготовления Гитлера. Во время майского кризиса чехословацкое правительство обязалось консультироваться в Лондоне о военных приготовлениях. Поэтому лондонские материалы являются более надежным свидетельством по этим вопросам, чем чехословацкие. В период майского кризиса в чехословацкой армии было 195 000 человек, после частичной мобилизации численность ее возросла до 371 000 человек. В конце июня армия была сокращена, но в середине июля ее численность вновь достигла 195 000. К середине августа она увеличилась до 227 500 человек [9]. В начале августа было принято решение о национальном составе подразделений: гарнизоны легких пограничных укреплений могли иметь 25% солдат неславянских национальностей, из них половину немцев. Остальные боевые подразделения могли иметь 30% солдат неславянских национальностей. Исключение было сделано для артиллерийских и инженерных частей, в которых немцев могло быть больше. Тыловые части могли иметь до 50% солдат неславянских национальностей, рабочие подразделения — 90%. Недокомплект в составе боевых подразделений, который возник в результате исключения немцев и венгров, должен быть возмещен чешскими и словацкими резервистами старших возрастов [10].

Автономия, требуемая партией Генлейна, несомненно, отразилась бы и на армии. Британский военный атташе в Праге изучал возможные последствия подобной автономии. В своем донесении он писал: чехи считают, что автономия была бы первым шагом к аншлюсу, воспрепятствовать которому вряд ли смогла бы армия. В Чехии укрепления построены в районах с преобладанием чешского населения, но независимость государства могла бы оказаться под угрозой, если бы немцы были допущены в генеральный штаб или же на ключевые посты в других государственных органах. По мне-

нию британского военного атташе, генеральный штаб примет уступки, на которые пойдет Э. Бенеш, но он будет настаивать на том, чтобы была сохранена целостность государства. На северо-востоке укрепления построены на территории, населенной немцами. Военный атташе считает, что, конечно, полная автономия — это минимум того, что должны получить немцы. Но, учитывая риск для чехов, он советует, чтобы миссия Ренсимена, когда речь идет об отношении к чехословацкому правительству, еще больше подчеркивала свою независимость от политики Англии [11]. У британского правительства не было иллюзий: автономия в том виде, как ее требовала судетонемецкая партия, фактически ликвидировала бы Чехословакию как военный фактор в Центральной Европе. В это время заместитель министра иностранных дел Р. Ванситтарт подготовил в Форин оффисе справку, в которой ясно говорилось, что Германию совершенно не заботят судьбы судетских немцев. Она использует судетский вопрос в качестве инструмента для уничтожения и разделения Чехословакии, которая является препятствием в осуществлении политики «дранг нах остен» [12].

Британские представители проявляли большой интерес к вопросам военного взаимодействия чехословацкой армии с ее союзниками. В беседе с командующим чехословацкой авиацией генералом А. Файфром британский военный атташе узнал, что была проведена подготовка к принятию военно-воздушных сил Франции и Советского Союза. Предполагалось прибытие бомбардировщиков, поэтому была усилена собственная истребительная авиация. Ожидалось 450—675 французских и советских бомбардировщиков. Подготовлено достаточно аэродромов и горючего. Из Франции прибудут бомбардировщики типа Блох-200, а из Советского Союза — Б-71. Оба типа самолетов состоят на вооружении и в чехословацкой авиации. Поэтому имеется достаточное количество запасных частей, достаточно обученного персонала, который хорошо знает оба типа самолетов. В разных местах уже подготовлен французский и советский авиационный персонал, который будет обеспечивать прием ожидаемых авиационных сил.

В заключение военный атташе Стронг советовал, чтобы его меморандум был доступен лишь ограничен-

ному кругу лиц, так как он содержит секретные сведения [13]. Таким образом, Чехословакия готовилась к войне. Сводка разведывательных данных о Германии, полученных в июле и августе, констатирует, что «все военные приготовления в Германии резко усиливаются» [14].

В этой обостренной ситуации делегация судетонемецкой партии заявила, что она отвергает правительственный проект национального статута, но согласна вести дальнейшие переговоры, если в их основу будут положены карловарские требования. Это заявление было сделано за день до предполагаемой встречи Ренсимена с Генлейном в Червеном Градке у князя Гогенлоэ. Э. Бенеш незамедлительно предложил Э. Кундту вести переговоры лично с ним, поскольку он признает, что предложения М. Годжи были недостаточны. И. Риббентроп дал указания, чтобы судетонемецкая партия, постоянно увеличивая требования, добивалась осуществления Карловарской программы [15]. Так как даже печать коалиционных партий открыто критиковала шантаж Генлейна, правительство приняло меры, направленные на то, чтобы заставить замолчать непокорные голоса. Неудача М. Годжи в переговорах вызвала слухи о кризисе его кабинета, впервые стали говорить о правительстве, которое было бы составлено из генералов [16].

Встреча лорда Ренсимена с К. Генлейном в Червеном Градке не принесла ничего нового. Генлейн лишь повторял то, что ему приказали в Берлине. Немцы и чехи не могут жить вместе, единственное решение — их разделение, а этого можно достичь либо автономией для немцев, либо плебисцитом. Он сам якобы выступает за автономию, в то время как его люди уже требуют плебисцита, и он вынужден их сдерживать. Но пока что переговоры с правительством ни к чему не привели, время проходит, и, если не будут достигнуты успокаивающие результаты, неизбежно небывалое нарастание радикальных настроений. Это была открытая угроза инцидентами, которых так боялись англичане. Генлейн рекомендовал отозвать государственную полицию из пограничных районов, что якобы уменьшит опасность инцидентов.

У Ренсимена от встречи осталось впечатление, что Генлейн хочет вести переговоры, что он не стремится изменить чехословацкую границу и удовлетворился бы

широкой автономией для немцев[17]. Однако это было очень наивное заключение. Оно соответствовало бы действительности только в том случае, если бы нацистская Германия пришла к выводу, что британская позиция в чехословацком вопросе ясная и твердая и Германия уже не может увеличивать свои претензии. Но ничего подобного о британской позиции нельзя было сказать.

Непосредственно перед встречей в Червеном Градке Э. Галифакс прислал лорду Ренсимену письмо, в котором ознакомил его с развитием ситуации. До отъезда Ренсимена в Прагу, говорилось в письме, не считалось необходимым, чтобы он подготовил свой собственный проект решения вопроса, ибо предполагалось, что его миссия ограничится ролью арбитра; однако сейчас, как полагает Э. Галифакс, Ренсимен мог бы выдвинуть собственное компромиссное предложение, которое обе стороны могли бы принять или отвергнуть со всеми вытекающими последствиями. Возможно и другое: Ренсимен вместо подобного проекта представил бы «генеральный» доклад о ситуации. Если миссия потерпит неудачу, Ренсимен может просто констатировать: она не достигла успеха и окончена. Но такой оборот событий невыгоден, ибо Германия немедленно начала бы активные действия. Ренсимен пока еще может настаивать на частичных соглашениях и оставлять двери открытыми для позднейшей попытки заключить договор. Спорные вопросы, по которым нельзя достичь договоренности, могла бы решить позже конференция великих держав. В конце концов, остается возможность проведения плебисцита. Однако плебисцит сам по себе явится источником затруднений, он может стать прологом к кризису.

Э. Галифакс обращается к Ренсимену с вопросом, каково его мнение о ситуации, есть ли надежда с помощью переговоров достичь таких результатов, которые удержали бы Гитлера от искушения сделать на съезде партии в Нюрнберге неприемлемые заявления. Э. Галифакс напоминает, что действия миссии должны определяться событиями предшествующих недель. Было бы полезно провести хоть какие-то меры, пусть меньшего масштаба, которые хотя бы частично удовлетворили немцев. Вполне возможно, что Гитлер в Нюрнберге выступит так резко, что станет невозможным осуществление миссии Ренсимена и его дальнейшее пребывание в

Чехословакии. Э. Галифакс сообщал, что, поскольку Германия решила провести мобилизацию, Н. Гендерсону было поручено передать Гитлеру послание по этому поводу. Однако этот шаг держится в секрете от Франции [16]. Гитлер должен быть предупрежден, но в частном порядке, ни в коем случае не публично, как это имело место во время майского кризиса.

Сам Ренсимен очень скептически оценивал возможности своей миссии. Он не скрывал, что его миссия потерпит неудачу и дело в конце концов закончится международной конференцией, которая решит судьбу Чехословакии. Он допускал, что подобная конференция примет решение предоставить широкую автономию судетским немцам, причем отказ от союзнического договора с СССР будет одним из категорических требований, которые Чехословакии придется выполнить [19]. Неясным оставалось, удовлетворится ли Германия автономией или же она в своих требованиях пойдет еще дальше по пути, ведущему к полному уничтожению Чехословакии.

Тем временем Гендерсон развил прямо-таки лихорадочную деятельность, пытаясь воспрепятствовать всему, что могло бы угрожать достижению компромисса с Германией. В письме Галифаксу он вновь настаивает, чтобы в Лондоне отказались от каких-либо помышлений о войне против Германии. И хотя перспектива британской победы в подобной войне имеется, судетский вопрос все равно останется нерешенным, а это означает новые войны в будущем, а в таких бесконечных конфликтах когда-нибудь Англия может потерпеть поражение. Славяне и немцы не терпят друг друга, утверждает Н. Гендерсон, так же как англичане и славяне. По мнению Н. Гендерсона, все зависит от Ренсимена. Чехословацкая армия якобы уже сейчас хочет войны, но Гитлер надеется достичь своей цели только мирными путями. Он согласен на кантональную систему по швейцарскому образцу и верит, что это даст судетским немцам возможность рано или поздно самим принять решение о присоединении к Германии. Если Э. Бенеш не предоставит автономию немедленно, он потеряет все. На последних спортивных играх Гитлер ничего не сказал о судетских немцах, но нет никакого сомнения, что он обратится к ним на нюрнбергском съезде.

В будущем Англия, подчеркивает Н. Гендерсон, может вести с Германией войну за дело, которое будет того стоить, но она не должна вести ее по такому поводу, как Судетская область. Германия хочет, чтобы ее армия находилась в полной готовности уже к середине сентября, но это еще не значит, что она хочет войны, просто Гитлер не верит Э. Бенешу и чехословацкому генштабу. Гитлер, по мнению Н. Гендерсона, еще не решил, как он будет действовать. Все, дескать, зависит от Ренсимена. Гитлер намерен выступить в Нюрнберге, и, если Англия не хочет потерять инициативу, Ренсимен должен внести свои собственные предложения еще до речи Гитлера в Нюрнберге. Н. Гендерсон, кроме того, считает, что Гитлер будет игнорировать британский меморандум о немецких военных приготовлениях. Британское правительство должно избегать каких-либо демаршей перед Гитлером до тех пор, пока не станет ясна концепция решения чехословацкого кризиса [20].

Н. Гендерсон, этот поборник политики «умиротворения», знал, что Гитлер еще не решил, как действовать в дальнейшем. Однако, по мнению Н. Гендерсона, заявление британского правительства, что оно не допустит нападения на Чехословакию, могло лишь побудить Гитлера начать военные действия. Несомненно, после этого не оставалось бы ничего иного, как нанести Гитлеру поражение, которое могло бы завершиться социалистической революцией. Гитлеровская Германия была барьером против коммунизма, как это открыто признавали английские «умиротворители». В действительности «умиротворение» для них было не альтернативой войны, а альтернативой возможности ликвидировать нацистскую систему.

Таким образом, миссия Ренсимена продолжала действовать, добиваясь компромисса между чехословацким правительством и Генлейном. На встрече в Марианских Лазнях английский представитель Ф. Эштон-Гуэткин объяснял К. Генлейну выгоды плана Э. Бенеша, который состоял из семи пунктов и предоставлял немцам, помимо прочего, финансовые и экономические выгоды. К. Генлейн, не скрывая своего недоверия, спросил, не хочет ли Э. Бенеш торпедировать миссию Ренсимена; сам же он лично хочет продолжать переговоры. Гитлер, по его мнению, напал бы на Чехословакию только в том

случае, если бы здесь возникли серьезные, кровавые беспорядки. В противовес плану Бенеша он выдвинул собственные требования, прежде всего гарантии свободной деятельности в нацистском духе. На вопрос, где будет расположен центр нового судетонемецкого «государства», он ответил, что думает о Либерце или Теплицах. Для успокоения английских консерваторов он заявил, что его партия якобы против террора, против подавления оппозиции и против преследования евреев. Он хочет-де внести свой вклад в улучшение отношений между Англией и Германией. Вновь было выдвинуто требование, чтобы из чешского пограничья была отозвана чехословацкая государственная полиция, дискутировалась возможность поддержания порядка с помощью международного полицейского корпуса [21].

Об итогах этой встречи К. Генлейн докладывал Берлину, а Ф. Эштон-Гуэткин — Лондону. Как информировал Н. Чемберлена Гораций Вильсон, Эштон-Гуэткин возвратился из Чехословакии с новой надеждой на то, что почва для компромисса подготовлена, включая и крайне трудный вопрос о международных отношениях Чехословакии, прежде всего о чехословацко-советском договоре [22].

Кажется, что британские предложения в отношении Чехословакии в это время разрабатывались еще на основе идеи нейтрализации в том виде, в каком она была сформулирована после майского кризиса. Свидетельством тому служит информационный материал, представленный тогда Э. Галифаксу миссией Ренсимена. В нем говорится, что нейтралитет Чехословакии возможен как с гарантиями, так и без них. Предпосылкой явился бы отказ Чехословакии от своих военных обязательств. Э. Бенеш как раз эти варианты и обсуждает с делегацией судетонемецкой партии. Германия не настроена против конференции четырех держав, и подобная конференция могла бы принять решение о нейтрализации Чехословакии. Генлейн предложил свои услуги в деле улучшения англо-немецких отношений, он готов поехать непосредственно к Гитлеру. Миссия Ренсимена не исключает даже возможности таможенной унии между Чехословакией и Германией или же торгового договора на принципах наибольшего благоприятствования, который бы подготовил подобную унию [23].

Лорд Ренсимен в Праге еще не терял надежды добиться компромисса между чехословацким правительством и Генлейном, Н. Гендерсон, однако, придерживался иного мнения. В письме Б. Ньютону он вновь подчеркивал: если Ренсимен не сделает принципиального заявления о своей позиции еще до нюрнбергского съезда, то Гитлер сам определит, что́ следует положить в основу компромисса. При определенных условиях Гитлер смог бы оценить британскую добрую волю и непредвзятость Ренсимена, но Н. Гендерсону известна убежденность Гитлера в том, что британское правительство и миссия Ренсимена не прикажут чехам делать «то-то и то-то», поэтому нет сомнений, что это сделает он сам [24].

В беседе с Э. Кундтом 24 августа президент Бенеш дал понять о своем желании достигнуть компромисса с судетонемецкой партией, на пути к которому предстоит пройти два или три этапа. В дискуссии не был обойден даже вопрос о договоре с СССР. Если будет достигнуто соглашение с Германией, вполне определенно сказал Э. Бенеш, этот договор станет неактуальным. Э. Бенеш и раньше не раз высказывал эту мысль, в частности в 1936 г. во время переговоров с представителями Гитлера графом Траутмансдорфом и Карлом Гаусгофером. Зная о настойчивом стремлении обеих западных великих держав к компромиссу с Германией, Э. Бенеш был готов согласиться с условиями такого компромисса [25].

Э. Кундт доверительно сообщил миссии Ренсимена, что его партия не пойдет на заключение договора до тех пор, пока Чехословакия будет оставаться в сфере союзнических отношений Париж — Москва. Он выразил желание, чтобы новая внешнеполитическая позиция Чехословакии была определена конференцией четырех держав и ориентировалась на нейтрализацию [26]. Судетонемецкая партия точно придерживалась инструкций, полученных в конце марта в Берлине: если чехословацкое правительство будет уступать ее требованиям, партия должна поставить вопрос о чехословацкой внешней политике.

Такой ход событий не радовал Э. Галифакса. Он предупреждал Б. Ньютона: в свое время в Лондоне Генлейн обещал не связывать внутренние проблемы с

внешними. По его мнению, это могло бы помешать быстрому решению внутренних проблем[27]. Э. Галифаксу было ясно, что если чехословацкое правительство удовлетворит требования судетонемецкой партии, то это автоматически изменит международные позиции Чехословакии и она фактически перейдет в «сферу немецких интересов». Кроме того, договоренность по вопросу о так называемой нейтрализации Чехословакии, как предусматривалось в британских планах, могла бы быть достигнута на конференции четырех держав и попросту продиктована Чехословакии. Это было бы более простым решением, чем затянувшиеся переговоры с судетонемецкой партией. По тактическим соображениям правительство Н. Чемберлена предпочло бы, чтобы между К. Генлейном и Э. Бенешем была достигнута лишь частичная договоренность по некоторым вопросам. После этого созыв международной конференции легко мог быть оправдан ссылкой на то, что ряд проблем остался нерешенным и переговоры между чехословацким правительством и судетонемецкой партией уже не дают надежды на достижение результатов. Подобную аргументацию британское и в целом западное общественное мнение восприняло бы лучше, чем непосредственно созыв международной конференции, которая без соответствующей прелюдии в Праге могла бы выглядеть как диктат великих держав.

По мнению Н. Гендерсона, у Гитлера в Нюрнберге были три возможности. Он мог сказать, что примет нейтрализацию Чехословакии, если будут удовлетворены требования судетских немцев. Он мог потребовать плебисцита для судетских немцев. И наконец, третий вариант исходил из факта, что миссия Ренсимена не достигла своих целей, Э. Бенеш не поумнел и поэтому Германия оставляет за собой свободу действий.

Гендерсон вновь и вновь предостерегал британское правительство от повторения заявления, которое было сделано Гитлеру 21 мая. Такой демарш возможен только после того, как станет известно, что́ предлагает Ренсимен и что́ одобряет британское правительство. Короче говоря, Гитлер должен иметь ясное представление: он может получить все в качестве дара от британского правительства, и поэтому нет необходимости развязывать войну из-за Чехословакии. Гендерсон сделал более кон-

кретное предложение: миссия Ренсимена должна порекомендовать предоставить судетским немцам кантональную автономию по швейцарскому образцу; такое предложение британскому правительству следовало бы официально внести на рассмотрение правительств Германии и Франции, попросив их помочь убедить чехословацкие власти принять такой проект. До сведения Франции необходимо довести следующее: если Прага отвергнет такой проект, то будет предложено провести плебисцит и Чехословакия будет просто-напросто предоставлена своей судьбе. Если же Германия откажется принять британский план и прибегнет к насилию, то это послужит поводом к войне. Что касается чехословаков, то им следует заявить: если они и впредь будут ссылаться на то, что предоставление автономии судетским немцам ослабит обороноспособность страны, то великие державы могут предоставить гарантии, оказать финансовую помощь и т. п.[28]. Подобная тактика могла бы побудить Прагу пойти на компромисс и в то же время успокоить британскую совесть.

Н. Гендерсон всего лишь выражал мнение, преобладавшее в кругах, поддерживавших политику «умиротворения» в Лондоне и Париже. Например, Ж. Боннэ в конце августа заявил американскому послу, что если Прага не примет предложения Ренсимена, то Англия и Франция откажут Чехословакии в вооруженной поддержке[29]. Правительство Н. Чемберлена, рассмотрев сообщение Ф. Эштон-Гуэткина, поручило Ренсимену и в дальнейшем оказывать давление на чехословацкое правительство, настаивая на предоставлении судетским немцам полной автономии[30]. Дж. Саймон сделал публичное заявление, которое должно было дать понять: Германия сможет все получить без войны, если пойдет на компромисс. Ванситтарт предупреждал Э. Галифакса, что чешские предложения достаточно широки и британская миссия должна содействовать их принятию. Гитлер полностью находится в руках экстремистской клики, настаивающей на немедленных действиях против Чехословакии. Возможно, судетские немцы и согласились бы с компромиссным предложением, разреши им Гитлер, но в данной ситуации это маловероятно[31].

В английских политических кругах, впрочем, никто не питал иллюзий о положении в Германии. Было наве-

стно, что внутриполитическая и экономическая ситуация здесь очень серьезная, финансы в бедственном состоянии, кредитная система развалена. На внутреннем рынке повсеместно не хватало жизненно важных товаров, общественность была охвачена страхом, что нацистская партия втянет страну в войну. Для Лондона не было секретом, что Гитлер полностью осознает всю трудность сложившейся ситуации [32]. Однако, предостерегал Я. Масарик, опасно иметь иллюзии о политике Н. Чемберлена, цель которой — мир любой ценой [33].

В Праге лорд Ренсимен продолжал настаивать на уступках Генлейну; Э. Бенеш говорил, что у него все подготовлено к соглашению, но он не уверен, примет ли его судетонемецкая партия [34].

28 августа состоялась новая встреча представителей миссии Ренсимена с К. Генлейном в Червеном Градке. Незадолго перед тем К. Г. Франк передал делегации судетонемецкой партии директиву Гитлера во время переговоров с Э. Бенешем не идти на компромисс и настаивать на восьми пунктах Карловарской программы. К. Генлейн требовал, чтобы британское правительство также публично поддержало Карловарскую программу. Ренсимен обещал такую поддержку. Ф. Эштон-Гуэткин, правда, просил передать Гитлеру, чтобы речь в Нюрнберге была выдержана в мирных тонах. Он от имени миссии обещал, что судетский вопрос будет решен в течение восьми дней [35]. В обмен на эти британские услуги К. Генлейн проявил готовность посетить Гитлера и замолвить слово в пользу улучшения англо-германских отношений [36]. Эта встреча произвела плохое впечатление на Ренсимена. Делегация судетонемецкой партии во главе с Э. Кундтом в этот критический момент была отодвинута в сторону. Отныне главное слово принадлежало К. Г. Франку. Сам К. Генлейн показался Ренсимену малозначительной личностью, а надежда на достижение соглашения с наиболее экстремистской группой, возглавляемой К. Г. Франком, была призрачной [37].

Немецкая тактика была определена в конце марта, после аншлюса Австрии. В основу ее положен шантаж, постоянное повышение требований. Если чехословацкое правительство в чем-либо пойдет на уступки, судетонемецкая партия должна незамедлительно увеличивать свои претензии и ни в коем случае не высказывать

согласия с предложениями Праги. Вымогательская тактика проявлялась и в инструкциях немецкой прессе. Шеф германской печати Фриче категорически запретил немецким газетам хотя бы одним словом упоминать о характере предложений чехословацкого правительства. Разрешалось лишь писать в общих чертах о смягчении атмосферы, в которой проходили переговоры. Перед печатью была поставлена основная задача: постоянно писать о преследовании судетских немцев в Чехословакии. О предложениях правительства надлежало молчать до тех пор, пока о них не выскажется руководство судетонемецкой партии [38].

29 августа президент Бенеш передал делегации судетонемецкой партии новые предложения, которые, как он сам сказал, шли навстречу карловарским требованиям. Делегация судетонемецкой партии разошлась в их оценке. К. Г. Франк полагал, что хотя эти предложения и являются далеко идущими, но остаются неприемлемыми, отклонить их, однако, будет совсем не просто. По мнению же Э. Кундта, новые предложения удовлетворяли карловарским требованиям. Э. Бенеш требовал ответа в течение трех дней, то есть до 2 сентября, когда он намеревался передать их официально от имени чехословацкого правительства [39]. М. Годжа не скрывал от дипломатического корпуса, что коалиционные партии дали согласие на проект Э. Бенеша, предоставляющий судетским немцам фактическую автономию. Однако правительство учитывало возможность того, что экстремисты из группировки К. Г. Франка отвергнут и эти предложения. В этом случае Бенеш был готов обратиться к Ренсимену с просьбой о посредничестве [40]. Иначе говоря, Э. Бенеш намерен был сделать шаг, запланированный британскими «умиротворителями».

В бенешевском окружении считали, что эти предложения в значительной мере удовлетворяют английское требование пойти на радикальные уступки судетонемецкой партии перед нюрнбергским съездом, чтобы отнять у Гитлера повод к воинственным призывам. О том же свидетельствует депеша министра иностранных дел К. Крофты от 31 августа. «Предложения Бенеша,— сказано в ней,— будут опубликованы в любом случае, чтобы общественное мнение знало подлинное положе-

ние, чтобы в Англии видели, что они справедливо стали на нашу сторону, и чтобы на нюрнбергском съезде, учитывая продолжающиеся переговоры, вели себя хотя бы несколько более сдержанно» [41]. Однако это были неоправданные иллюзии. Э. Бенеш не смог понять сути политической игры британских «умиротворителей». Его роль в этой игре была точно определена и должна была кончиться в тот момент, когда было намечено начать новый акт чехословацкой драмы.

XIV

«ПЛАН ЗЕТ» РОЖДАЕТСЯ (ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АВГУСТА)

Прагматическая британская политика не отказывалась от надежды, что миссия Ренсимена выполнит свою задачу — заставит правительство Чехословакии пойти на компромисс с Генлейном. В резерве имелось и другое решение, очередь которого настала бы, если бы миссия Ренсимена потерпела неудачу. Когда Э. Бенеш взял в свои руки переговоры с судетонемецкой партией, Ренсимен получил две телеграммы, они содержали рекомендацию посетить Гитлера и самому выяснить точные требования Германии. Однако лорд Ренсимен не рискнул взять на себя столь одиозную миссию. Поэтому Н. Чемберлен и Э. Галифакс решили вызвать в Лондон посла Н. Гендерсона. Все происходящее сохранялось в абсолютной тайне. В понедельник, 29 августа, Н. Гендерсон должен был встретиться с Э. Галифаксом, а во вторник, 30 августа, британское правительство намеревалось обсудить вопрос о Чехословакии[1]. Рождался пресловутый «план Зет» как альтернатива миссии Ренсимена.

29 августа постоянный заместитель министра иностранных дел и главный дипломатический советник Форин оффиса Р. Ванситтарт сообщил Э. Галифаксу, что доверенное лицо К. Генлейна в Лондоне д-р Бранд крайне скептически смотрит на дальнейшее развитие ситуации, поскольку Гитлер, по его мнению, стремится к войне и поэтому будет саботировать продолжение пе-

реговоров в Праге. В качестве предлога для нападения на Чехословакию имеется в виду использовать невыполнение карловарских требований [2]. В Лондоне понимали: наступают критические дни, когда будет решаться вопрос о войне и мире, о том, получит ли Чехословакия еще несколько месяцев жизни или же без промедления будет выдана на растерзание Гитлеру.

В этой критической ситуации большую активность проявил советский полпред в Англии И. М. Майский *. В беседах с британскими политиками он стремился объяснить советскую позицию в чехословацком вопросе, подчеркивая, что, если Запад будет защищать Чехословакию от Гитлера, Советский Союз выполнит свои союзнические обязательства. И. М. Майский остро критиковал британскую политику, которая явно пыталась отстранить Советский Союз от участия в европейских делах. Советское правительство не получает информации, с ним не консультируется и французский союзник. И. М. Майский предупреждал британских политиков, что подобные действия могут нанести большой ущерб интересам Англии и Франции в Европе [3].

Утром 30 августа Н. Чемберлен принял Н. Гендерсона и изложил ему свой план, который получил кодовое обозначение «Зет». Все связанное с ним должно было сохраняться в полном секрете. План был известен только Н. Чемберлену, Дж. Саймону, Э. Галифаксу и доверенному лицу Чемберлена экономическому советнику Горацию Вильсону. В подходящий момент Н. Чемберлен хотел лично прибыть в Берлин для прямых переговоров с Гитлером. Залогом успеха была «неожиданность», и потому все должно было держаться в тайне. Когда ситуация созреет, Н. Гендерсон получит предупреждение, а именно условное сообщение по телефону от Горация Вильсона: время «плана Зет» настало. По получении такого сигнала Н. Гендерсону надлежит без промедления выяснить местонахождение Гитлера, не раскрывая, однако, почему он этим интересуется. Если позволит время, Н. Гендерсон еще и посланием будет оповещен о сроке визита Н. Чемберлена и поставит об этом в известность И. Риббентропа, при-

---

* См.: Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 458—461.

чем до того, как в Лондоне объявят, что Н. Чемберлен намерен прибыть в Берлин [4].

Поскольку лорд Ренсимен уклонился от встречи с Гитлером, Н. Чемберлен брал на себя это поручение. Однако британский премьер-министр мог снизойти до посещения «плебейского демагога» в рейхсканцелярии только при условии, что будут обеспечены надлежащие условия, приемлемые для общественного мнения в Англии. Н. Чемберлен верил, что в доверительных переговорах с глазу на глаз он сможет разрешить с Гитлером все спорные вопросы, разделяющие Англию и Германию, в том числе трудный чехословацкий вопрос.

Примечательно, что «план Зет» родился еще до того, как были закончены переговоры между чехословацким правительством и делегацией судетонемецкой партии. Данное обстоятельство само по себе свидетельствует, что этим переговорам в Лондоне придавалось весьма малое значение. Переговоры судетонемецкой партии с чехословацким правительством должны были служить всего лишь прелюдией к последующей встрече Н. Чемберлена и Гитлера. Несомненно, премьер-министр не мог позволить себе приехать к Гитлеру раньше, чем британскому общественному мнению будет внушено, что возможности достижения компромисса между чехословацким правительством и Генлейном исчерпаны и что остается только одна альтернатива — война. Как только британское общественное мнение воспримет этот вывод, Н. Чемберлен сможет отважиться на вояж к Гитлеру, который в таком случае будет выглядеть как последняя, отчаянная попытка спасти находящийся под угрозой мир. Таким образом, «план Зет» является примером политического маневра, цель которого — заставить общественное мнение согласиться с операцией, спасающей Гитлера и фашистскую систему, а также открыть Германии дорогу к новой войне. Характерной чертой мюнхенской политики было втягивание мира в войну у всех на глазах и под мнимым контролем общественного мнения на Западе.

Заседание 30 августа открыло длинную серию дальнейших совещаний британского правительства, посвященных исключительно чехословацкому вопросу [5].

Сообщение о ситуации сделал Э. Галифакс. Он говорил, что Германия вооружается, готовится к войне, а

британские попытки остановить такое развитие дипломатическими средствами оказываются безрезультатными. В середине августа переговоры в Праге были прерваны, но благодаря усилиям Ренсимена возобновлены 24 августа. Во время визита французского генерала Вюлемина Г. Геринг дал понять, что Германия хочет получить свободу рук в Центральной Европе. Немецкие дипломаты угрожали войной. 25 августа прикомандированный к миссии Ренсимена советник министерства иностранных дел Ф. Эштон-Гуэткин сообщил о согласии чехословацкого правительства пойти на большие уступки немцам. Ф. Эштон-Гуэткин прибыл в Лондон и обсудил с Э. Галифаксом и Дж. Саймоном предложение о визите к Гитлеру какого-нибудь известного британского деятеля с целью побудить немецкую сторону согласиться с чешскими предложениями. Первоначально имелся в виду Ренсимен, но тот не проявлял желания ехать к Гитлеру.

Выступил Н. Гендерсон, который утверждал, что немцы считают невозможным достижение соглашения с Э. Бенешем. Тогда Э. Галифакс предложил обязать Э. Бенеша незамедлительно обнародовать свои последние предложения и тем взять обязательство не уклоняться от их выполнения. Немцам также следует показать, что Ренсимен все-таки добился кое-каких результатов. После этого Германии труднее будет решиться на интервенцию.

По мнению Э. Галифакса, существуют два возможных варианта поведения немцев. Либо Гитлер уже принял решение напасть на Чехословакию, либо он хотя и решил покончить с судетской проблемой еще в этом году, но не готов прибегнуть к силе и лишь шантажирует, хотя его армия практически находится в состоянии боевой готовности. Такого же мнения придерживается и Н. Гендерсон.

Э. Галифакс рекомендовал изучить оба варианта. Если Гитлер решил начать войну, то тогда достаточно сказанного Дж. Саймоном в его выступлении в Ланарке. Это было более подробное изложение положений, содержащихся в парламентской речи Н. Чемберлена 24 марта. Если бы правительство заявило, что Англия в случае нападения на Чехословакию вступит в войну, английская общественность раскололась бы на два ла-

геря и единство Британской империи оказалось бы под угрозой. Неизвестно также, как вело бы себя после подобного заявления чехословацкое правительство. По мнению Э. Галифакса, нельзя угрожать войной, не будучи уверенным в осуществимости подобной угрозы. Англия даже совместно с другими державами не в состоянии помешать Германии оккупировать Чехословакию. Затем Галифакс вновь повторил навязчивый рефрен английских политических утверждений: даже если бы западная коалиция победила Германию, Чехословакия не могла бы быть восстановлена в своем нынешнем виде. Бессмысленно вести войну за объект, существование которого нельзя обеспечить даже военными средствами. Э. Галифакс признает, что речь идет не просто об обороне Чехословацкой Республики, Англия находится лицом к лицу с фашистскими режимами, которые хотят силой добиться своих целей.

Как только Франция будет втянута в войну, ситуация изменится. Англия не сможет остаться в роли пассивного наблюдателя. На вопрос Э. Галифакса, что предпримет Франция в случае нападения на Чехословакию, поверенный в делах Франции ответил: французская армия займет позиции на линии Мажино, а правительство будет консультироваться с Лондоном. Э. Галифакс считает, что в таком случае Англия смогла бы оказать на Францию сдерживающее воздействие.

В этом месте Н. Гендерсон заметил, что Германия боится Франции и постарается избежать войны с ней. Тысячи рабочих заняты сейчас на строительстве линии Зигфрида, которая, как говорят, имеет только оборонительное значение. Из этого факта Н. Гендерсон делает вывод: Германия не собирается нападать на Францию.

Затем Э. Галифакс вновь стал анализировать тот вариант, при котором предполагалось, что Германия еще не решила, прибегать ли к насилию. Если это так, то английскому правительству не остается ничего иного, как следовать линии, намеченной Н. Чемберленом в его парламентской речи 24 марта. Э. Галифакс признает, что уже рассматривался вопрос о военной демонстрации с использованием военного флота или о созыве чрезвычайной сессии парламента. Но оба варианта были отвергнуты, ибо они создавали бы впечатление, что английское правительство признает возможность войны.

Вместо этого в Прагу была послана телеграмма, призывающая опубликовать еще до нюрнбергского съезда новые предложения судетонемецкой партии.

Э. Галифакс сообщил о своих беседах с У. Черчиллем на предыдущей неделе. У. Черчилль высказался за оказание помощи Франции, за совместную ноту нескольких держав, которая была бы направлена Германии. Но Э. Галифакс думает, что, если британское правительство призовет некоторые государства присоединиться к подобной ноте, те вправе поинтересоваться: какую позицию Англия займет в случае нападения Германии на Чехословакию. Бывший премьер-министр Д. Ллойд-Джордж также подтвердил, что Англия не может вступить в войну. В Германии имеются некоторые умеренные деятели, которые настаивают, чтобы Англия шла дальше тех пределов, которые определены в парламентской речи Н. Чемберлена 24 марта; они дают понять, что если Англия займет более твердую позицию, то не исключено падение гитлеровского режима. Однако Э. Галифакс думает, что к подобным заявлениям следует относиться скептически. Он не верит в возможность разрушить гитлеровский режим с помощью какой-то внешней акции. Он считает, что британское правительство должно действовать по двум направлениям: а) воздействовать на Германию с тем, чтобы она с должным пониманием воспринимала цели британской политики; б) содействовать успеху миссии Ренсимена в Праге. Нет никаких гарантий, что такая политика увенчается успехом, но единственная альтернатива по отношению к ней — это угрозы войной, адресованные Германии. У правительства должна быть отвага противостоять хаосу, и Э. Галифакс не считает правомерными критические замечания, обвиняющие правительство в отходе от принципов коллективной безопасности.

Слово взял Н. Чемберлен. Это заседание правительства должно определить, в какой степени Англия готова к войне. Многие считают, что если правительство ясно заявит о помощи Чехословакии в случае нападения на нее, то война станет невозможной. Немало и таких, кто полагает, что подобное заявление привело бы к перевороту в Германии, который устранил бы Гитлера. Н. Чемберлен процитировал письмо члена парла-

мента Р. Бутби, типичного представителя подобных взглядов. Бутби считает, что если Англия не сделает публичного заявления о поддержке Франции, то события достигнут кульминационной точки во время нюрнбергского съезда; развязанные к этому моменту инциденты послужат поводом к вторжению; немцам необходим быстрый успех в борьбе против Чехословакии; победоносная война укрепит власть экстремистских элементов в Германии.

Тем не менее Чемберлен придерживается мнения, что Англии не следует угрожать Германии войной. У него нет уверенности, что подобные угрозы Гитлер не посчитает серьезными. После этого у Англии не останется иного выбора, как действительно начать войну. Иначе она предстала бы перед всем миром в роли державы, прибегающей к угрозам, которые не в состоянии подкрепить силой. Печать пока что поддерживает позицию правительства. Угроза войны могла бы нарушить единство между Англией и доминионами. И наконец, если бы заявление Англии вступить в войну удержало бы Германию от интервенции, то привело бы это к решению всей проблемы? Опыт 21 мая, по его словам, напротив, доказал, что это не так. Лорд-канцлер Моэм заметил в свою очередь, что Англия находится в трудном положении. Япония на Дальнем Востоке напала бы на британские владения, так же поступила бы и Италия. Империя может развалиться, поэтому правительство должно действовать осмотрительно.

Министр внутренних дел Сэмюэль Хор подчеркнул, что Франция, прежде чем предпринимать какие-либо шаги, должна консультироваться с Лондоном. Остальные министры в той или иной мере согласились с Галифаксом. Н. Гендерсон выступил в роли адвоката Гитлера. Он вновь указал, что недруги Гитлера распространяют слухи, будто Германия уже решилась на войну, но он сам считает, что этого с уверенностью сказать нельзя. По его мнению, Гитлер действительно решил кончить с судетской проблемой еще до наступления зимы, но неизвестно, какие шаги для этого он предпримет. Если Э. Бенеш не выступит до нюрнбергского съезда с решительными уступками, Гитлер произнесет речь, в которой будет требовать плебисцита и угрожать применить силу. Инициатива перейдет к Гитлеру, и

миссия Ренсимена утратит всякое значение. Э. Бенеш должен сделать свои предложения в письменной форме. И сделать это раньше, чем Ренсимен поедет в Берлин. Состоится ли визит Ренсимена в Берлин, это зависит от немецкой реакции на предложения Э. Бенеша. Британское заявление о готовности вступить в войну на стороне Чехословакии, по мнению Н. Гендерсона, только укрепило бы позиции нацистских экстремистов и ослабило бы влияние умеренных. Гитлер, по его мнению, выступил бы и против коалиции Англии, Франции и России.

Только немногие министры критиковали предложенную Н. Чемберленом концепцию. Первый лорд адмиралтейства А. Дафф Купер просил обратить внимание на мнение немецких генералов, которые считают, что Германия сейчас не готова к войне; если Англия не предпримет действий в поддержку Чехословакии, то США также не будут вмешиваться. Начавшись, война примет общеевропейский характер, и Англия все равно не сможет остаться в стороне. Лорд — хранитель печати Де ла Уарр присоединился к этому мнению. Министр торговли О. Стенли выразил удивление по поводу предложения Э. Галифакса и лорда Моэма оказать давление на Францию и таким образом локализировать конфликт. И хотя оборона Англии действительно страдает недостатками, но ведь и немецкие генералы хотели бы отложить войну. Через год Германия станет сильнее и будет готова к более длительной войне. О. Стенли согласен, что необходимо искать мирное решение, но это не означает, что в случае войны Англия должна оказывать давление на Францию с целью удерживать ее от участия в военных действиях.

Как выяснилось, в правительстве Н. Чемберлена не было пока полного единства по стратегическим вопросам. Это явилось одной из причин, почему «план Зет» скрывали от большинства министров. Тем не менее Н. Чемберлен, подводя итоги обсуждения, позволил себе утверждать, что имеется якобы единый взгляд на действия по отношению к Германии и конкретно по вопросу о британской угрозе войной. Таким образом, Англия, продолжал Н. Чемберлен, не должна повторять таких действий, как во время майского кризиса, то есть не следует заявлять германскому правительству, что если

оно прибегнет к войне в целях урегулирования судетского вопроса, то правительство его величества объявит ему войну. Н. Чемберлен подчеркнул, что это решение следует сохранять в полной тайне. Если бы в конце концов Гитлер отдал предпочтение войне, британское правительство вернулось бы к этому вопросу.

В заключение заседания были сформулированы решения, имевшие ключевое значение: 1) Германии не будет вручено какого-либо заявления о готовности вступить в войну на стороне Чехословакии; 2) правительство продолжит политику, очерченную в парламенте 24 марта; 3) правительство будет стараться, чтобы переговоры в Праге увенчались компромиссом; 4) Бенеш должен опубликовать свои предложения не позже 5 сентября, до начала гитлеровского съезда в Нюрнберге; 5) впоследствии правительство вновь вернется к рассмотрению вопроса, какую позицию занять по отношению к Франции в том случае, если она вступит в войну на стороне Чехословакии; 6) правительство будет настаивать, чтобы Франция консультировалась с Лондоном перед каждой акцией, которая может втянуть ее в войну; 7) не будет предпринято ничего, что могло бы обострить отношения между Германией и Англией; 8) о маневрах немецкого флота следует собрать дополнительную информацию; 9) будет опубликовано коммюнике, в котором будет указано, что министры британского правительства едины в оценке прошлых действий и согласны относительно будущей политики, однако не будет сообщено ничего более конкретного; телеграммы такого же содержания будут посланы и доминионам. Не будут устанавливаться контакты с оппозицией и созываться парламент.

В решениях британского правительства, принятых 30 августа, имеются некоторые новые моменты. Германии не следует угрожать войной, а лишь подчеркивать, что путем компромиссов она может получить все, чего добилась бы с помощью войны. Но если бы война все же началась, главная задача Чемберлена, Галифакса и других — не допустить участия Франции в военных действиях, предоставив Чехословакию своей судьбе.

Что скрывалось за британской идеей локализации германо-чехословацкого конфликта? Почему следовало бы позволить Франции провести мобилизацию и поста-

вить войска у линии Мажино и лишь после этого оказать на Париж сдерживающее воздействие? Видимо, за этим таилось желание втянуть Советский Союз в германо-чехословацкий конфликт. Работник чехословацкого посольства в Англии Б. Бенеш 1 сентября записал в своем дневнике: «Лондон, наверное, остался бы в роли зрителя в случае местного конфликта Германии с Чехословакией, а, возможно, также и с Россией. Впрочем, еще вопрос: возможен ли вообще такой локальный конфликт? В этом случае агрессия нацистской Германии, вероятно, не была бы направлена на Запад, не грозила бы колониям, Эльзасу и так далее, зато Россия была бы втянута в безнадежную войну» [6].

Итоги критического заседания британского правительства утаивались от чехословацкого посольства в Лондоне. Р. Ванситтарт передал лишь рекомендации опубликовать последние предложения Э. Бенеша до речи Гитлера в Нюрнберге, что соответствовало одному из пунктов решения, принятого 30 августа [7]. О пребывании Н. Гендерсона в Лондоне Я. Масарик узнал с большим опозданием, полученные сведения к тому же были весьма неточными.

Германская дипломатия также не располагала надежными сведениями о результатах заседания британского правительства во вторник. Только немецкий разведчик Абхаген сумел получить довольно точные данные о решении Н. Чемберлена информировать Гитлера относительно британской позиции способом, «не унижающим его перед собственным народом» [8]. Эту задачу выполнил Н. Гендерсон во время неофициального визита к И. Риббентропу.

Н. Чемберлен лично ознакомил американского посла Джозефа Кеннеди с решением не прибегать к угрозам войной для воздействия на Германию. Ему было сказано, что британское правительство попытается предупредить войну с помощью переговоров. Н. Чемберлен не считает, что Гитлер хочет овладеть Чехословакией лишь для того, чтобы открыть дорогу к господству над Европой. Дж. Кеннеди согласился с таким мнением. На вопрос, как должны поступить США в данной ситуации, Н. Чемберлен попросил, чтобы американские деятели воздержались от каких-либо высказываний, направленных против Германии. Дж. Кеннеди обещал это [9]. В бе-

седах с британскими деятелями Дж. Кеннеди не скрывал своего мнения, что, хотя американская общественность и была бы шокирована немецкой агрессией против Чехословакии, она не считала бы обязательным или справедливым, чтобы Европа из-за этого была втянута в войну [10]. Спустя несколько дней Дж. Кеннеди сообщил: Т. Рузвельт будет поддерживать любой курс, проводимый Н. Чемберленом [11].

По возвращении в Берлин Н. Гендерсон в первую очередь посетил статс-секретаря МИД Германии Вейцзекера. В соответствии с полученными инструкциями Н. Гендерсон в этой беседе заявил, что британское правительство будет и в дальнейшем оказывать давление на Прагу, однако желательно, чтобы К. Генлейн принял чешские предложения, а Гитлеру не следовало бы слишком резко выступать в Нюрнберге. После этого Н. Гендерсон попросил приема у И. Риббентропа [12]. В своем сообщении в Лондоне он счел нужным привести заявление И. Риббентропа о том, что британский демарш 21 мая разъярил Гитлера и если бы такой демарш повторился, то нельзя ручаться за последствия [13]. Н. Гендерсон лишний раз подтверждал убеждение Э. Галифакса в нежелательности британского демарша в Берлине.

Франция создавала английской дипломатии хлопот гораздо меньше, чем ожидал британский кабинет. Министр иностранных дел Ж. Боннэ и другие французские политики давали понять, что Франция охотно примет британское руководство и поддержит любое предложение лорда Ренсимена, открывающее выход из сложившейся ситуации. Ж. Боннэ даже сказал немецкому послу в Париже И. Вельчеку, что если Чехословакия откажется подчиняться арбитражному решению Ренсимена, то Франция сочла бы это достаточным основанием для аннулирования своих союзнических обязательств [14]. Ж. Боннэ и американский посол Буллит дружно повторяли утверждение: войны хотят только коммунисты и Советский Союз, ибо они верят, что война перерастет в мировую революцию [15]. Нерешительная позиция французского правительства была хорошо известна в Берлине. Когда Н. Гендерсон начал было говорить И. Риббентропу, что в игре затронута честь Франции, нацистский министр посоветовал британскому правительству ока-

зать сдерживающее влияние на Францию и не рисковать напрасно существованием империи ради глупого понимания чести французами [16]. Этот совет вполне сходился с решением британского кабинета от 30 августа.

В эти критические дни активно действовала советская дипломатия. «Клайвденская клика» пыталась оправдать свою политику по отношению к гитлеровскому режиму утверждением, что Чехословакию нельзя спасти без России, а на последнюю нельзя полагаться. У. Черчилль в начале сентября встретился с И. М. Майским и изложил ему свой план совместного демарша трех великих держав в Берлине *. По его убеждению, это положило бы начало англо-франко-советской коалиции, однако И. М. Майский сомневался, что Н. Чемберлен выступит совместно с СССР против Германии [17]. Он обратился к У. Черчиллю 2 сентября с предложением вынести чехословацкий вопрос на обсуждение Совета Лиги наций, который должен был собраться 9 сентября. Если бы Совет установил наличие опасности агрессии, Чехословакии была бы обеспечена поддержка ряда государств. У. Черчилль представил это предложение Э. Галифаксу, но получил отрицательный ответ [18].

При рассмотрении чехословацкого вопроса в Женеве советский делегат выступил бы в поддержку Чехословакии. Однако обсуждение в Лиге наций перечеркнуло бы все попытки Англии и Франции отстранить Советский Союз от участия в решении европейских проблем, поэтому британское правительство не было заинтересовано в обсуждении в Женеве. Ведь «план Зет» предусматривал решение чехословацкого вопроса путем прямых переговоров между Гитлером и Чемберленом.

В Париже советская дипломатия также настаивала на принятии мер в пользу Чехословакии. Советский полпред Я. З. Суриц требовал от Ж. Бонпэ, чтобы Франция проявила больше решимости в чехословацких делах и энергичнее воздействовала на Англию. Советское правительство сожалеет, заявил Я. З. Суриц, что Франция консультируется только с Лондоном. Ж. Боннэ ответил грубым выпадом, обвинив Советский Союз в желании развязать войну для того, чтобы ловить рыбу в мутной

---

* Подробнее см.: Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 464—465.

воде[19]. Подобное обвинение ставило под сомнение верность Франции союзническому договору. Сторонники политики уступок давно похоронили идею коллективной безопасности и, считая, что соглашение с Гитлером уже почти достигнуто, с раздражением отвергали любое упоминание о союзнической системе Париж — Прага — Москва. Британская дипломатия не прекращала попыток обесценить любое проявление готовности Советского Союза оказать помощь Чехословакии. Особенно выделялся в этом отношении британский посол в Москве лорд Чилстон. Британская политика не была заинтересована в том, чтобы Прага полагалась на советскую помощь, ибо в таком случае нажим Лондона на Прагу был бы малоэффективным.

XV

КАПИТУЛЯЦИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПЕРЕД ГЕНЛЕЙНОМ (ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ СЕНТЯБРЯ)

Согласно решению британского кабинета, Ренсимену следовало продолжать нажим на чехословацкое правительство и еще до нюрнбергского съезда добиться таких уступок Генлейну, которые лишили бы Гитлера предлога для военных угроз.

29 августа в Праге состоялось последнее совещание правительственной делегации (так называемого комитета А. Мейснера), ведущей переговоры с судетонемецкой партией. После этого переговоры велись только на основе договоренности между Э. Бенешем и Э. Кундтом от 24 августа. Вечером Э. Бенеш принял Ренсимена и вручил ему новый проект (так называемые семь пунктов) в качестве основы соглашения с Генлейном. Ренсимен не скрывал своего скепсиса: проект Бенеша показался ему слишком академичным. На следующий день член миссии Ренсимена Стопфорд подготовил проект новой чехословацкой конституции. Помимо прочего, в нем содержалось предложение создать два парламента, что отвечало желаниям судетонемецкой партии. Этот проект должен был оставаться в резерве до того момента, когда миссии Ренсимена предстояло внести собственные предложения [1].

В новом проекте Бенеша предусматривалось создание трех самоуправляющихся областей в районах с немецким населением; особый бюджет для этих областей; предоставление им займов; соответствующие изменения

в конституции; прекращение полемики между обеими сторонами в пропаганде и печати; отзыв полиции из этих областей, но все это при условии восстановления спокойствия. Однако эти уступки показались лорду Ренсимену недостаточными. Бенеш, сообщал он в Лондон, отступил от своих первоначальных намерений [2]. Сообщение Ренсимена вызвало новый нажим на Прагу непосредственно из Лондона и Парижа и со стороны берлинских послов обеих держав. При этом уже открыто угрожали: если Чехословакия не капитулирует перед Генлейном и из-за ее неуступчивости начнется война, то обе державы не окажут ей помощи. Н. Гендерсон со своей стороны угрожал плебисцитом в случае, если судетским немцам не будет предоставлена территориальная автономия [3].

Некоторые английские министры высказывали мнение, что Гитлер оставил бы в покое Чехословакию, если бы в свое время в страну была запрещена немецкая антифашистская эмиграция, распущена коммунистическая партия, значительно ограничена деятельность остальных левых партий и расторгнут договор с СССР [4].

31 августа член миссии Ф. Эштон-Гуэткин в Марианских Лазнях в отеле «Карлтон» три часа вел переговоры с К. Генлейном о предстоящем визите последнего к Гитлеру. Во встрече участвовал князь Гогенлоэ. Генлейн, который уже получил от Гитлера звание штатгальтера в Чехословакии, сделал вид, что опасается, как бы чехословацкое правительство не использовало этот визит в качестве доказательства, что судетонемецкая партия находится на службе у Гитлера. Он требовал ясного заявления, что визит осуществляется по просьбе миссии Ренсимена. Ему было обещано: Ренсимен объяснит Бенешу, что судетонемецкая партия желает добиться мира, что Генлейн может добиться, чтобы Гитлер одобрил и поддержал переговоры между чехословацким правительством и судетскими немцами. Миссия обратится к Э. Бенешу также с призывом соответствующим образом повлиять на чехословацкую печать. К. Генлейн настаивал на Карловарской программе, и Ф. Эштон-Гуэткин признал, что именно эта программа является дорогой, ведущей к миру. Миссия Ренсимена продолжала считать, что Генлейн — простой и честный человек, что он критически воспринимает гитлеровскую партию и, более

того, способен оказать сдерживающее влияние на Гитлера[5].

Стремясь убедить К. Генлейна в «искреннем желании Великобритании достичь быстрого взаимопонимания», Ренсимен обещал до 15 сентября представить собственный план, если обе стороны не придут к соглашению. Этот план, изложенный в послании Ренсимена Гитлеру, должен был бы послужить призывом к всестороннему соглашению между Германией и Англией[6]. Требование принять Карловарскую программу, собственно говоря, ни к чему не обязывало Генлейна. В то же время обещание Ренсимена представить дело таким образом, что визит к Гитлеру Генлейн совершает по просьбе англичан, избавляло его от обвинения в послушании приказам Гитлера.

Что происходило на встрече в Оберзальцберге? Гитлер сказал Генлейну, что англичане уже согласились с тем, чтобы чехословацкий вопрос был решен международной конференцией. Чем кончится эта конференция, однако, не известно, поэтому судетонемецкой партии следует продолжать свои переговоры об автономии, это будет запасным вариантом на тот случай, если действия Гитлера не увенчаются успехом[7]. Тактика Гитлера была вымогательской, он был готов повышать свои требования все время, пока англичане будут уступать.

Эта шантажистская тактика, как всегда, находила свое проявление и в инструкциях для немецкой печати. Пресса по-прежнему не смела публиковать ни слова одобрения тем проектам, которые Э. Бенеш постепенно предлагал судетонемецкой партии. К. Генлейну было приказано постоянно увеличивать свои требования, никогда не выражая своего удовлетворения чешскими уступками. Немецкой печати на служебных совещаниях объяснялось: Генлейн должен, излагая свои требования, неустанно наращивать претензии, но вместе с тем действовать так, чтобы ответственность за срыв переговоров можно было возложить на чешскую сторону[8]. Немецкая сторона уверена, что миссия Ренсимена в конце концов выдвинет собственные предложения, которые окажутся гораздо более выгодными, чем любые уступки Э. Бенеша. Немецкая печать получила указание во что бы то ни стало всю ответственность за неудачи в переговорах возлагать на чехов[9]. Журналисты были проинформиро-

ваны о том, что и Карловарская программа не является конечным решением вопроса; от мысли, что Германия могла бы гарантировать целостность территории Чехословакии как зависимого государства, пришлось отказаться ввиду резкого обострения разногласий между чехами и немцами.

В резерве у Гитлера имелось несколько вариантов, он был готов продолжать шантажировать, чтобы затем принять наиболее осуществимое в данной ситуации решение. Основным инструментом шантажа были отмобилизованная армия и угроза начать войну. Однако Геббельс запрещал открыто писать о немецкой решимости перейти грань между миром и войной. Было необходимо поддерживать у английских «умиротворителей» надежду на возможность компромисса.

В то время как Генлейн выслушивал инструкции Гитлера, 2 сентября состоялась очередная встреча Э. Бенеша и Э. Кундта. Судетонемецкая партия подтвердила свои карловарские требования. Встреча окончилась в 14.30, а через два часа Кундт явился в английское посольство, где оставался до полуночи. После этого В. Ренсимен и Б. Ньютон повторили Э. Бенешу, что судетонемецкая партия должна получить положительный ответ на карловарские требования, иначе Англия снимет с себя всякую ответственность за судьбу Чехословакии. Если Англия будет поставлена перед выбором: война или выполнение Карловарской программы,— не может быть никаких сомнений в том, что она выберет программу судетонемецкой партии [10]. Б. Ньютон втолковывал Э. Бенешу: даже если бы Англия и вела войну за Чехословакию и такая война завершилась бы поражением Германии, чехословацкое государство все равно не могло быть восстановлено в своих нынешних границах. Э. Бенеш жаловался, что его толкают к капитуляции перед судетскими немцами, если же в своих уступках он зайдет слишком далеко, то возникнет угроза внутренних беспорядков, а принятие Карловарской программы приведет к распаду государства. На эти возражения английский посланник вновь повторил, что Англия отдает предпочтение не войне, а Карловарской программе [11].

Английская миссия использовала различные каналы для оказания достаточно действенного давления. Ренси-

мен посетил кардинала Каппара и изложил ему проект, который, по его словам, поддерживают некоторые чешские политические партии, посольство Германии, судетонемецкая партия. Он просил церковь оказать воздействие на президента и заставить его согласиться с этим проектом [12]. В субботу, 3 сентября, и в воскресенье, 4 сентября, переговоры с Э. Бенешем вел и Ярослав Прейсс, который поддерживал постоянную связь с немецким посланником Э. Эйзенлором. Ренсимен тайно встретился с лидерами аграрной партии и национального объединения с тем, чтобы склонить их к капитуляции перед Карловарской программой. Одна только КПЧ выдвинула лозунг «Против капитуляции перед Генлейном!» [13].

В воскресенье, 4 сентября, Ф. Эштон-Гуэткин посетил К. Генлейна в его доме в городе Аше. Генлейн заявил, что судетонемецкая партия требует либо автономии, либо прямого присоединения немецких областей к Германии. Сам он, мол, предпочитает автономию. На вопрос, определил ли Гитлер конечную дату решения чехословацкого вопроса, он ответил: все должно быть закончено не позже 30 сентября. Он созывает съезд своей партии 15—16 октября и хотел бы сообщить на нем, что судетонемецкие требования удовлетворены. Нацисты, несомненно, поняли, что сроки проведения их съездов являются средством нажима на Англию. Поскольку стало очевидным, что требования Генлейна не будут выполнены до нюрнбергского съезда, незамедлительно устанавливается время созыва следующего съезда — середина октября. Как считал Гогенлоэ, вопрос о съезде судетонемецкой партии был обсужден в Берхтесгадене [14].

Встреча Ф. Эштон-Гуэткина с К. Генлейном проходила в теплой атмосфере, поднимались тосты за счастливое будущее. Генлейн производил на англичанина впечатление солидного учителя сельской школы, так же как и его жена, дочь мясника из Аша [15]. Это впечатление деревенской идиллии было обманчиво, «взбесившаяся немецкая мелкая буржуазия» спустя десять дней показала, что способна на самые жестокие преступления, что она является покорным инструментом фашистской политики.

На следующий день Ф. Эштон-Гуэткин проинформировал главу правительства М. Годжу о своей беседе с Генлейном и подтвердил, что судетонемецкая партия готова продолжить переговоры. Ренсимен встречался с Э. Бенешем каждый день, а Б. Ньютон без устали повторял, что если Англия будет поставлена перед выбором между войной и Карловарской программой, то предпочтение будет отдано, скорее всего, капитуляции Чехословакии перед судетонемецкой партией.

В понедельник, 5 сентября, во второй половине дня состоялось заседание чехословацкого правительства. Председательствовал президент Бенеш. Министры Шрамек и Бехине возражали против предложения принять за основу переговоров Карловарскую программу. Но Э. Бенешу удалось сломить сопротивление. Я. Прейсс мог сообщить выехавшему в Нюрнберг немецкому посланнику Э. Эйзенлору: Карловарская программа принята, Бенеш и Годжа стремятся незамедлительно заключить соглашение с Германией [16].

Это была полная капитуляция — в тот момент, когда главные действующие силы «умиротворения» сделали новый шаг. Главный редактор «Таймс» Д. Даусон подготовил меморандум о переходе чехословацких пограничных областей к Германии, а Э. Галифакс и Н. Гендерсон вновь занялись идеей плебисцита [17]. Уступки, сделанные Прагой, лишь усиливали шантаж нацистов и давление британских «умиротворителей».

После принятия решения о капитуляции перед Генлейном чехословацкое правительство 6 сентября в течение всего дня с участием представителей миссии Ренсимена разрабатывало так называемый четвертый план. Он предусматривал создание кантональной системы, систему курий при формировании парламента, составление национального кадастра и осуществление принципа национального паритета в государственном аппарате. В ведение местных органов власти в пограничье, возглавляемых генлейновцами, должно было перейти все, что можно было изъять из компетенции центрального правительства, хотя и там генлейновцы имели бы своих представителей. В тот же день Конрад Генлейн уехал в Нюрнберг на нацистский съезд.

Э. Бенеш стремился подписать четвертый план вместе с Ренсименом, но Э. Галифакс распорядился, чтобы

миссия осталась в стороне. Если бы Гитлер не принял четвертый план, Англия оказалась бы в неприятной ситуации. Ведь британская политика уже подготовила «план Зет» на случай неудачи переговоров в Праге. Оказывая сильное давление на Прагу, Англия вместе с тем вовсе не собиралась связывать себе руки обещаниями Э. Бенешу.

Э. Галифакс писал Ренсимену, что, если британская миссия в Праге окончится неудачей, на повестке дня появится вопрос о плебисците. Он якобы предупредил Яна Масарика, что британское общественное мнение не увидело бы в подобном требовании ничего страшного. Если бы Бенеш отверг плебисцит, Англия оказалась бы в тяжелой и запутанной ситуации [18]. В этот же день французская газета «Републик» написала: «Раз чехи и немцы не могут жить в одном государстве, необходимо эти две национальности отделить друг от друга» [19]. Такие взгляды воспринимались как выражение позиции французского правительства, ибо многим были известны близкие отношения между главным редактором газеты Е. Роше, министром Ж. Боннэ и главой правительства Э. Даладье. На следующий день те же мысли повторила газета «Таймс», связи которой с британским правительством не вызывали никаких сомнений. В статье говорилось буквально следующее: «В любом случае чехословацкому правительству, может быть, стоит продумать, нужно ли вообще отвергать проект, получивший признание в некоторых кругах, то есть план превращения Чехословакии в более однородное государство путем отделения той части иностранного населения, национальность которой одинакова с жителями соседнего государства» [20].

Передовая «Таймс» была обсуждена в замке Клайвден и заранее проконсультирована с Э. Галифаксом и Н. Чемберленом. Вечером того же дня появилось довольно неопределенное официальное заявление, смысл которого сводился к тому, что означенная передовая не отражает мнения британского правительства. Однако И. Риббентроп знал, что «Таймс» выражает взгляды «клайвденской клики». Британские дипломатические документы свидетельствуют, что на протяжении нескольких месяцев прямая аннексия чехословацких пограничных областей считалась одним из возможных вариан-

тов. Речь шла только о том, в какой момент дать понять Германии, что идея аншлюса чехословацкой территории пользуется поддержкой британского правительства. Еще за неделю до этого Гитлеру не было ясно, каким образом он достигнет господства над Чехословакией. Он оставлял в резерве требование предоставить автономию судетским немцам на тот случай, если прямые переговоры с Англией не открыли бы для него лучших возможностей. Теперь и в Берлине поняли, что Англия согласится на прямую аннексию. Немецкая печать получила инструкцию широко освещать статью лондонской «Таймс» [21]. В тот же день московская «Правда» резко осудила предательскую роль Англии по отношению к Чехословакии и подчеркнула, что британское правительство своими действиями в чехословацком кризисе берет на себя тяжелую ответственность за развязывание войны [22].

Политбюро ЦК КПЧ в тот же день приняло решение направить делегацию в правительство с целью предостеречь его от капитуляции. Правительство, заявляли коммунисты, обязано уважать независимость и целостность государства, союзнические отношения с Францией и СССР, должно обеспечить защиту чешского народа и немецких демократов в пограничных районах, решительно противостоять генлейновскому террору и предательским проискам судетонемецкой партии [23].

Одновременно заседали и руководящие органы коалиционных партий, которые под давлением авторитета президента Бенеша смирились с капитуляцией перед Генлейном. Хотя в мелкобуржуазных партиях иногда и проявлялось сопротивление капитуляции, Бенеш всегда мог одолеть его и подчинить действия этих партий интересам правящих классов и соответственно интересам капиталистических держав.

Утром 7 сентября М. Годжа передал Э. Кундту четвертый план. Э. Бенеш сказал Ренсимену, что это полная капитуляция и западные державы впоследствии будут сожалеть о таком шаге [24]. В ряде дипломатических документов Э. Бенеш открыто признавал, что он уступил нажиму двух великих держав. Коалиционная печать защищала четвертый план ссылками на настоятельные советы британской миссии [25]. «Руде право» отвергла этот план как диктат Генлейна [26]. Комитет, вы-

ступивший весной 1938 г. с петицией, озаглавленной «Останемся верными», и получивший по ней свое название, вручил правительству протест, в котором, помимо прочего, подчеркивалось, что правительство вступает в конфликт с собственным народом [27].

Немецкая печать получила приказ умалять ценность чешских предложений, дискредитировать их и отвергать как чешско-французскую пропаганду. Комментарии должны внушать, что речь пока идет о теоретических принципах, а вовсе не о практических мерах. Прага якобы стремится преодолеть лишь нынешний кризис и оставляет за собой право в любой момент использовать силу для ограничения немецкой автономии [28]. Эти инструкции для печати показали, что нацистскому шантажу не будет конца и уступки лишь стимулируют дерзость агрессора.

Английская и французская печать, однако, четвертый план комментировала как широкие уступки, поэтому руководству судетонемецкой партии было не так легко его отвергнуть. Оно вынуждено было опубликовать сообщение, что этот план можно считать основой для дальнейших переговоров с чехословацким правительством.

В то же утро нацистские депутаты Национального собрания Мэй и Кельнер спровоцировали инцидент в Моравской Остраве, на который полиция ответила арестом нацистских провокаторов. В 18.30 Э. Кундт и депутат Роше явились к М. Годже и заявили ему, что судетонемецкая партия не может больше продолжать переговоры именно из-за остравского инцидента. Спустя час в Берлине состоялась пресс-конференция, на которой печать получила указание возможно больше раздуть инцидент в Остраве и особенно выделить тот факт, что руководство судетонемецкой партии прервало переговоры [29].

Без сомнения, речь шла о политическом маневре. Четвертый план, предложенный чехословацким правительством, фактически легализовал нацистские требования в глазах мировой общественности. Именно в этом был политический выигрыш нацистов. Однако продолжение переговоров с чехословацким правительством и дальнейшее повышение требований могли привести к утрате этого полученного преимущества. Нацистскому

руководству было известно, сколько усилий стоило приложить Ренсимену, чтобы заставить чехословацкое правительство и Бенеша решиться на четвертый план. Было неправдоподобно, чтобы правительство пошло еще раз на уступки в переговорах с Генлейном. Гитлер знал: Англия и Франция согласятся с аншлюсом чехословацких пограничных областей. Ведь статья, опубликованная 7 сентября «Таймс», свидетельствовала о согласии британского правительства с такими действиями. После этого уже не было необходимости продолжать в Праге переговоры о судьбе Чехословакии, их можно перенести на конференцию, которая решила бы судьбу Чехословакии без нее. Эта конференция могла исходить из того, что само чехословацкое правительство своим четвертым планом признало законность требований Генлейна.

Оказались несостоятельными расчеты Э. Бенеша, который первоначально надеялся самим фактом переговоров с делегацией судетонемецкой партии создать положение, при котором нацисты разоблачат себя своим нежеланием заключить соглашение и стремлением развязать войну. Вместо этого сам Э. Бенеш стал жертвой нацистского политического маневра. Разумеется, встает вопрос: была ли у правительства возможность отвергнуть эту игру, точнее говоря, англо-французское давление, принуждавшее его участвовать в этой политической махинации?

Какими аргументами оперировали обе западные державы, требуя, чтобы правительство Чехословакии удовлетворило требования судетонемецкой партии? Они подчеркивали, что иначе не могли бы взять на себя ответственность за безопасность Чехословакии. Они бросили на чашу весов свой авторитет гарантов европейского порядка, авторитет держав, которые вместе с тем гарантировали существование Чехословакии как суверенного государства, его целостность и независимость.

Единственно правильным ответом на такое вызывающее поведение западных держав было бы твердое напоминание чехословацкого правительства, что Чехословакия опирается также на союз с СССР. Такого шага, однако, было трудно ожидать от старой коалиции, в которой аграрная партия уже с 1935 г. находилась в скрытой оппозиции к союзническому договору с СССР. Впрочем, и бенешевская внешнеполитическая концепция

исключала использование советско-чехословацких договорных отношений в качестве противовеса чехословацким связям с Западом. Напротив, Бенеш всегда подчеркивал, что у Чехословакии нет собственной политики в отношении Советского Союза, что она лишь пассивно следует за Францией, копируя каждый ее шаг. Когда после гитлеровской оккупации Рейнской области в политике Англии и Франции стала преобладать тенденция к соглашению с Германией, Э. Бенеш приспособился и к ней.

В сентябре 1938 г. Чехословакия стала жертвой англо-немецкого сговора, это был крах всей внешнеполитической концепции Бенеша и буржуазного государства.

Английская политика давно выразила свою готовность подвергнуть ревизии версальскую систему в угоду Германии. Практически это означало, что уже спустя двадцать лет после первой мировой войны будут пересмотрены ее итоги. Чехословакия могла сопротивляться этой ревизии только решительным изменением своей политики. Старая правительственная коалиция, однако, была неспособна осуществить подобные изменения. Несомненно, и сам Э. Бенеш не совсем ясно представлял суть политики Запада. Позднейшая оценка Э. Бенешем ситуации (например, в его «Воспоминаниях») сделана с учетом опыта 1938—1941 годов, но его собственные документы предмюнхенского периода неопровержимо свидетельствуют, что он смотрел на международное положение того времени, исходя из иллюзорных схем, характерных для идеологии правящих кругов и весьма далеких от понимания объективной действительности.

На радикальные перемены во внутренней и внешней политике Чехословакии было бы способно только правительство народного фронта. Лишь в таком случае правительственная политика была бы избавлена от той тайной параллельной линии, от сепаратных переговоров аграриев с эйзенлорами, генлейнами, ренсименами, от закулисных переговоров, в ходе которых аграрии брали на себя обязательства, а затем упрямо навязывали их всей правительственной коалиции. Лишь в этом случае от государственных дел были бы отстранены деятели типа Прейсса, который присвоил себе право самостоятельно вести переговоры по вопросам, непосредственно

затрагивающим самы основы существования чехословацкого государства. Да, правительство народного фронта неизбежно пришло бы в столкновение с прейссами и беранами, но ему бы не грозил конфликт с собственным народом, как это случилось с правительством М. Годжи в период четвертого плана. Правительство народного фронта смогло бы действенно влиять на Э. Бенеша, заставляя его занять твердую позицию в вопросах внешней политики, отвергнуть англо-французский нажим и попытаться сорвать весь англо-немецкий маневр, основанный на обмане и шантаже.

Однако фактом остается, что именно президент Бенеш всегда в критический момент отговаривал социалистических лидеров от политики народного фронта. С полным основанием можно утверждать: Чехословакия уже проиграла борьбу за свое существование в тот момент, когда сопротивление социалистических лидеров помешало созданию народного фронта. Развитие событий в сентябре 1938 г. наглядно показало отличие пролетарской линии обороны от буржуазной или же социал-реформистской линии, которая из-за своей непоследовательности или в силу прямой связи с империалистической политикой открывает дорогу фашистской агрессии и втягивает мир в войну.

XVI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕТВЕРТОГО ПЛАНА (ВТОРАЯ НЕДЕЛЯ СЕНТЯБРЯ)

Каков был результат полной капитуляции чехословацкого правительства перед генлейновцами? Правительство направило в свои посольства в Париже и Лондоне инструкции, в которых указывалось, что вина за провал переговоров лежит на судетонемецкой партии. Экстремистские элементы в этой партии умышленно затягивали переговоры с тем, чтобы к нюрнбергскому съезду ни в чем не было договоренности и ничто не было завершено[1]. В правительственных кругах все еще наивно верили: Запад поддержит Чехословакию, если будут даны доказательства, что в неуспехе переговоров виновна целиком и полностью судетонемецкая партия. Но на Западе уже знали, что Генлейн послал предложения Бенеша Гитлеру, а последний их отверг. Журналист Уорд Прайс, которого Гитлер использовал в качестве рупора своих взглядов на Западе, написал в «Дейли мейл», что после всего происшедшего остается лишь плебисцит, если же чехословацкое правительство откажется уступить пограничную территорию, возникнут инциденты и Гитлер вторгнется в Чехословакию[2].

Миссия Ренсимена пыталась добиться возобновления переговоров и принудила правительство Годжи закончить инциденты в Остраве в пользу генлейновцев. Начальник управления полиции был освобожден от занимаемого поста, а четверо других полицейских чинов были разжалованы и отданы под суд[3]. Чехословакия под

властью правительства Годжи докатилась до того, что к судебной ответственности привлекли не нацистских убийц и преступников, а полицейских чиновников, которые их преследовали. Чего не сумела сделать прогнившая чехословацкая юстиция, докончили потом во время оккупации гестаповцы.

Целью нацистов было полное уничтожение чехословацкого государства. Поскольку в данной ситуации казалось малоправдоподобным, чтобы Гитлеру удалось добиться этого с помощью войны, нацисты сделали ставку на сотрудничество с сепаратистскими кругами словацкой, венгерской и другой национальной буржуазии Чехословакии. 8 сентября состоялось совместное заседание руководств судетонемецкой и других националистических партий, согласившихся с Карловарской программой. В заседании, которым руководил К. Г. Франк, участвовали Тисо, Гашпик, Эстергази, Ярош, Вольф, Петерс, Сандер, Кюнцел, Рихтер, Себековский и Шикетанц [4].

Четвертый план поставил руководство судетонемецкой партии в щекотливое положение. Как признал сотрудник немецкого посольства в Праге Генке, этот чешский план нельзя просто так, безо всего отвергнуть. Ф. Эштон-Гуэткин обещал, что правительства Франции и Англии не позволят, чтобы чехи создавали трудности в выполнении четвертого плана, провал переговоров вызвал бы у Ренсимена нервный шок, хотя Ренсимен сознавал, что четвертый план — это не его личная заслуга, а прежде всего результат немецкого военного нажима [5]. В правительственных кругах Чехословакии поведение Ренсимена вызывало явную неприязнь. Б. Ньютон докладывал в Лондон, что поведение Англии воспринимается как стремление заключить сделку, которая должна спасти британские колонии за счет Чехословакии [6].

Председатель административного совета Аграрного банка жаловался, что из-за чешских коммунистов англичане отвернулись от Чехословакии и поддерживают нацистов [7].

Ренсимен был весьма скептически настроен в отношении дальнейших переговоров между судетонемецкой партией и правительством, он не исключал, что в подходящий момент мог бы предложить собственные про-

екты. 9 сентября Ф. Эштон-Гуэткин доносил, что было достигнуто соглашение покончить с инцидентом в Остраве, на следующий день к М. Годже явились Э. Кундт и Роще, чтобы от имени судетонемецкой партии сообщить о принятии четвертого плана. Переговоры, однако, должны возобновиться только 13 сентября, то есть после нюрнбергского съезда. Этот шаг судетонемецкая партия сделала явно по настоянию политического советника д-ра Кира, который рекомендовал принять четвертый план в расчете, что это внесет раскол между чешскими политическими партиями и неизбежно приведет к распаду коалиционной системы [8].

Нацистам было весьма важно сохранить раскол в чешском политическом лагере. Четвертый план и капитуляция правительства вызвали сильное сопротивление общественности, и положение правительства М. Годжи было крайне шатким. Правительство стремилось сколотить в парламенте большинство, которое одобрило бы изменения в конституции. Для достижения цели не пренебрегали прямым подкупом. Правительство явно рассчитывало, как проговорился К. Крофта, покрыть за счет британских займов финансовую поддержку, обещанную Бенешем Генлейну [9].

Серьезное значение имело сопротивление чехословацкой общественности, которое явилось реакцией на капитуляцию правительства перед Генлейном под британским нажимом. Недоверие общественности росло с каждым месяцем. Переговоры с Генлейном правительство вело втайне от народа. Местные органы власти в пограничных областях не могли функционировать, поскольку министерство внутренних дел умышленно воздерживалось от распоряжений, которые могли бы притормозить провокации генлейновской партии. В сентябре, когда правительство уже сомневалось, что его авторитет достаточен для достижения компромисса с Генлейном, переговоры взял на себя Э. Бенеш. Его авторитет должен был заставить умолкнуть всех, кто ставил под сомнение правильность пути, ведущего к капитуляции перед нацистской Германией.

Волна народного возмущения поднялась еще выше, когда стал известным так называемый четвертый план. Во главе этого движения стояла Коммунистическая партия Чехословакии. Ренсимен, открыто ищущий контак-

тов с немецкой реакцией, стал предметом всеобщей ненависти. Британские наблюдатели не могли не заметить, что дальнейшие переговоры с судетонемецкой партией не обеспечат осуществления британских замыслов, поскольку чешская общественность встала на путь сопротивления дальнейшим уступкам Генлейну [10]. КПЧ выдвинула лозунг «Попытки компромисса с Генлейном в обход парламента незаконны, парламент еще скажет свое слово» [11]. Коммунистические ораторы требовали, чтобы правительство не уступало, чтобы было твердым, ибо только так можно завоевать поддержку союзников Чехословакии [12]. Член ЦК КПЧ Б. Шмераль рекомендовал не выдвигать лозунгов, направленных против правительства, а оказывать на него давление снизу. В таком случае правительство сможет оперировать перед Англией аргументом, что оно должно считаться с волей народа не идти на уступки нацизму [13]. Дальнейшее развитие показало, что вряд ли можно было ожидать твердости от правительства, которое при принятии решений руководствовалось взглядами капитулянтов и пораженцев.

Однако и правительственная коалиция не бездействовала. Так, например, социал-демократический сенатор Мацек заявлял в Свинове: «Англия послала к нам посредника в лице лорда Ренсимена, к нему у нас сначала не было особого доверия, однако мы убедились, что он решает дела справедливо» [14]. На сцену выступил и Э. Бенеш. 10 сентября он произнес по радио речь, которая была предназначена не только для чехословацкой общественности; она была обращена также к Англии, Франции и в конце концов к Гитлеру, который должен был выступить двумя днями позднее. Бенеш заявил буквально следующее: «Я верю, что предлагаемые новые меры будут благотворными для дальнейшего развития государства, для его будущего, и я верю, что при возобновлении сотрудничества всех национальностей государству ничто не грозит — и в нынешнее тяжелое время ничто не угрожает ни его единству, ни безопасности, ни его целостности... Мы хотим дать доказательства Европе и Америке, и особенно Англии и Франции, что свои обязанности, которые на нас налагает участие в совместном сотрудничестве, мы понимаем и выполним их в той мере, в какой нам это позволят

государственные интересы»[15]. Это был прямой призыв к чехословацкой общественности принять четвертый план, то есть капитуляцию перед нацистской Германией. Э. Бенеш исполнил свое обещание, которое за день до того он дал Парижу и Лондону,— смягчить негодование общественности, возмущенной последними правительственными уступками[16].

Протест против капитуляции раздался и из армейской среды: начальник генерального штаба генерал Л. Крейчи вручил Э. Бенешу меморандум с протестом против капитуляции[17]. Авторитет Э. Бенеша в армии, однако, был достаточен для того, чтобы заставить повиноваться и такие силы.

Какой отклик четвертый план получил на Западе? В Блэкпуле проходил конгресс лейбористской партии, который принял резолюцию, требующую решительных действий против гитлеровской Германии. Правительство, говорилось в резолюции, должно предупредить Германию: если она осмелится напасть на Чехословакию, то будет иметь дело с коалицией Англии, Франции и СССР. Но такая резолюция не отражала действительное положение, сложившееся уже к тому времени, и это было типично для социалистических партий II Интернационала. Ведь и чехословацкая социал-демократическая партия тоже принимала сходные постановления (например, резолюцию о том, что четвертый план означает крайний предел уступок). Возникла новая ситуация, когда речь шла уже не о том, чтобы предостерегать Германию от развязывания войны; основная опасность теперь состояла в том, что Чехословакия будет выдана без войны. Эта резолюция лишь помогала осуществлению англо-французского плана.

Главную опасность представлял британский проект, его 7 сентября изложила газета «Таймс», написав, что Чехословакия должна добровольно уступить Германии свою пограничную территорию. Советский полпред И. М. Майский потребовал от Э. Галифакса, чтобы правительство категорически опровергло эту статью[18]. Советская газета «Красная звезда» тогда писала: «Выступление «Таймс» в защиту захватнических планов Гитлера еще раз свидетельствует о том, что реакционные английские круги, видимо, твердо решили осуществить до конца предательство в отношении Чехословакии»[19].

Британский проект передачи пограничной территории фактически похоронил четвертый план. Оставалось решить один вопрос: какую процедуру применить для осуществления такой передачи. Вновь появилась идея плебисцита. В Париже вначале пытались комбинировать четвертый план и британский проект, предлагая сперва предоставить судетским немцам требуемое самоуправление, а затем, спустя два года, провести плебисцит, который решил бы, хотят ли немцы и в дальнейшем оставаться в составе чехословацкого государства [20].

Сама идея плебисцита породила целый ряд вопросов. Кто будет наблюдать за проведением плебисцита? Согласится ли Гитлер, чтобы плебисцит проходил под надзором чехословацких органов? Не возникнут ли при его подготовке или в его ходе инциденты, которые могла бы использовать Германия? Мог бы плебисцит состояться под надзором международной полиции?

Статья «Таймс» привлекла к себе такое внимание потому, что газета считалась выразителем мнения правительства. Ведь несколькими днями раньше такой же проект изложил на своих страницах журнал «Нью стейтсмен», и никто этого не заметил. Форин оффис, правда, опубликовал опровержение, в котором было заявлено, что передовая «Таймс» не выражает мнения правительства, но опровержение умышленно носило столь неопределенный характер, что не произвело никакого впечатления в Берлине. Мало того, «Таймс» на своих страницах развернула дискуссию читателей, чтобы показать — в Англии имеется много сторонников идеи передачи чехословацких территорий. Эта серия публикаций подорвала английский престиж больше, чем могла бы сделать проигранная военная битва. Для нацистского руководства из всего этого напрашивался только один вывод: можно без всякой опаски наращивать свои требования к Чехословакии. И лишь коалиционная печать всю эту демонстрацию британского лицемерия могла преподносить как свидетельство того, что «Англия не допустит угрозы независимости Чехословакии» [21]. На следующий день английский «Экономист» опубликовал статью, в которой говорилось: «Мы не можем ожидать от чехов, чтобы они пожертвовали своим национальным существованием ради нескольких недель британской безопасности. А если мы хотим, чтобы они

сдались без борьбы, то прекратим тогда лицемерное посредничество и попросим лорда Ренсимена украсить себя фашистской свастикой»[22].

Для чешского мелкого буржуа типично тяготение к фальшивым иллюзиям, мешающим видеть действительность такой, какая она есть, и не дающим проникнуть в суть вещей. Однако распространять фальшивые иллюзии о британской политике и делать это примитивнее, чем английская буржуазная печать, значило идти по пути к национальному самоубийству.

Нацистская Германия отрицательно отнеслась к четвертому плану. И. Риббентроп не переставал всюду твердить о скорой войне, в которой Чехословакия будет раздавлена, как гнилой орех. Гитлер продолжал военные совещания со своими генералами, на которых разбирались детали предстоящего похода против Чехословакии. Немецкая разведка выяснила, что инициаторами статьи в «Таймс» являются круги, близкие Асторам. Именно они убедили Чемберлена, что удобнее прямая уступка Германии чехословацкой территории. Н. Чемберлен даже намекнул на это в одном из разговоров с немецким послом Дирксеном. Но Ренсимен к этому времени принудил Э. Бенеша к четвертому плану, и Чемберлен-де опасается, что общественное мнение обвинит его в отходе от этого плана под влиянием военных угроз со стороны Германии[23].

Статья в «Таймс» создала новую ситуацию, и немецкая печать получила указание не распространяться о четвертом плане: нет, мол, никаких резонов возобновлять чехословацко-немецкие переговоры[24]. Настоящие переговоры проходили между Англией и Германией за кулисами нюрнбергского съезда. Гитлер должен был дать ответ в своей речи в день закрытия съезда, то есть 12 сентября. За два дня перед его выступлением генлейновские организации получили секретную директиву — немедленно после речи Гитлера спровоцировать новые инциденты. Такая директива сама по себе служила свидетельством того, что Германия и впредь намерена заниматься вымогательством и усиливать свои требования. Как подействовала на Францию чехословацкая капитуляция перед Генлейном? Временный поверенный в делах Франции в СССР в начале сентября 1938 г. выяснял у М. М. Литвинова, какую позицию в

отношении Чехословакии займет Советское правительство. Ему был дан ответ: Советское правительство выполнит свои обязательства, оно рекомендует Бенешу обратиться в Женеву в связи с угрозой агрессии и предлагает трем державам совместно выступить против Германии в поддержку Чехословакии *. Ж. Бонно в принципе отвергал подобные предложения и давал ясно понять, что французское правительство намерено следовать линии Н. Чемберлена и вместе с Лондоном добиваться соглашения с Германией. Однако Германия все более бесцеремонно прибегала к давлению (например, с помощью воинственных угроз), и у французского правительства не было уверенности, что такое вымогательство в конце концов не перерастет в военный конфликт. Оно опасалось оказаться втянутым в этот конфликт против своей воли. Франция поэтому давала понять Германии, что если последняя будет усиливать свой воинственный нажим на Чехословакию, то вынудит французов прибегнуть к аналогичным мерам. Франция настаивала перед лондонским правительством, чтобы было сделано заявление: Запад поддержит Чехословакию, если она подвергнется нападению.

Смысл подобной декларации французское правительство видело в том, что Гитлер после такого заявления не решится вызвать военный конфликт. Лондон, однако, отвечал уклончиво. Э. Галифакс полагал, что такое заявление способно побудить чехословацкое правительство оказать сопротивление и отказаться от дальнейших уступок. Британское же правительство нуждалось как раз в противоположном — в максимальной готовности Праги к капитуляции. Вместе с тем Э. Галифакс считал, что известное предостерегающее заявление могло помешать подготовляемому «плану Зет». Нельзя было предугадать, как будет на это реагировать Гитлер и согласится ли он вообще на встречу с Н. Чемберленом. Франция в итоге получала лишь советы каждый свой шаг предварительно консультировать с Лондоном [25].

Действуя таким образом, британское правительство фактически обеспечивало контроль над мероприятиями французского кабинета, этим Великобритания рассчи-

---

* Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 470.— *Прим. ред.*

тывала удержать Францию от выполнения своих союзнических обязательств и в том случае, если Чехословакия подвергнется нападению. На прямой вопрос Ж. Боннэ, что предпримет Англия, если на Чехословакию будет совершено нападение и Франция проведет мобилизацию, английский посол Э. Фиппс дал уклончивый ответ: все будет зависеть от характера немецкой агрессии. Притом Ж. Боннэ постоянно подчеркивал: французское правительство примет любой английский план, который удовлетворит Германию. Э. Фиппс знал, что Э. Даладье и Ж. Боннэ в отчаянии ищут выхода из тупика и готовы на все, лишь бы не сражаться за Чехословакию [26].

Нервозность французского правительства усиливали сообщения, поступавшие от разведки, среди них было, например, и донесение, что нападение на Чехословакию назначено на 24 сентября. Французская разведка узнала кое-что о намерениях нацистов инсценировать покушения в Чехословакии. В такой ситуации из окружения Ж. Боннэ передали британскому правительству рекомендацию выступить с предложением о созыве конференции четырех держав, которая без дальнейших проволочек решительным вердиктом покончила бы с чехословацким кризисом. Э. Даладье говорил, что из страха перед французскими левыми сам он якобы не может выступить с таким предложением. Но если такое предложение поступит от британской стороны, то Э. Даладье добьется его принятия французским правительством [27]. В чехословацких делах для Франции было приемлемо все что угодно, только не война.

Высказано много соображений, почему обе западные державы опасались войны. Об одном из них западные дипломаты говорили совершенно откровенно: война открыла бы дорогу большевизму [28]. Буржуазные правительства ряда государств приводило в ужас воспоминание о гражданских войнах, в которые вылилась первая мировая война. Они боялись, что трудящиеся, получив оружие, обратят его против своих эксплуататоров. Сторонники политики уступок агрессору стремились к соглашению с Гитлером, чтобы укрепить фронт мировой контрреволюции, и рассчитывали с помощью фашизма покончить с международным революционным движением. Как ни были соблазнительны для них такие расче-

ты, они были лишены реальности, ибо кризис капиталистической системы надвигался неотвратимо. Политика уступок вела лишь к войне.

Для всеобщего мира было особенно трагично, что «умиротворителям» удалось с помощью послушной им печати внушить представление, что их политика является единственной альтернативой войне и что именно сторонники коллективной безопасности толкают мир прямо в пропасть войны. Советский Союз, коммунистические партии и всех защитников Чехословакии они обвиняли в стремлении разжечь военный пожар. Чемберлена же и остальных гитлеровских пособников изображали апостолами мира, которые путем переговоров, уступок и компромиссов хотят избежать войны. Такие характеристики имели принципиальное значение, особенно в борьбе за завоевание общественности. «Умиротворители» были ловкими политиками, им удалось осуществить свой сговор с Гитлером на глазах западноевропейской общественности, более того, в конечном счете при ее бурном одобрении.

Чемберленовский «план Зет» учитывал потребность политического воздействия на английскую общественность. Зашифрованный сигнал «Время «плана Зет» пришло» был приурочен к тому моменту, когда должна была развернуться решающая борьба за общественное мнение на Западе. «План Зет» был хорошо продуманной программой рафинированного манипулирования общественным мнением. Его реализация представила бы решающую победу «умиротворителей» над противниками сговора с фашизмом; английской, французской и американской мелкой буржуазии это казалось «миром для нашего поколения», и она его с энтузиазмом приветствовала.

Английская политика с самого начала была полностью направлена против концепции коллективной безопасности. Она никогда не соглашалась с советско-французским пактом. Правительство Чемберлена неизменно боролось против всех мер коллективной безопасности. Его линия на сговор с Гитлером была прямой противоположностью коллективной безопасности.

Известную роль в поддержании коллективной безопасности могла сыграть в ту пору Лига наций. Однако по вине Англии и Франции Лига наций уже в тече-

ние ряда лет демонстрировала полное бессилие перед фашистской агрессией. В середине сентября в Женеве должно было состояться пленарное заседание Лиги наций.

М. М. Литвинов уже в начале сентября рекомендовал, чтобы Совет Лиги наций включил в повестку своих заседаний вопрос о нацистских вымогательствах и угрозах войны против Чехословакии. То же самое И. М. Майский предлагал Э. Галифаксу. Особое значение имела позиция самой Чехословакии, однако ее правительство не отважилось выступить с протестом против угрозы нацистской агрессии. Франция и Англия не хотели, чтобы вопрос о Чехословакии был перенесен на женевский форум. Ведь Германия не была членом Лиги наций, а Н. Чемберлен переговоры о Чехословакии хотел вести именно с Гитлером, а вовсе не с представителями СССР, Франции и т. п. Чтобы не допустить включения чехословацкого вопроса в повестку дня заседаний в Женеве, Э. Галифакс, Ж. Бонпэ и остальные демонстративно игнорировали заседания Лиги наций, хотя первоначально заявляли о намерении принять в них участие. Их примеру следовал и К. Крофта. В исторической литературе это расценивается как жестокая ошибка, которую допустил Э. Бенеш, ослепленный своей верой в Запад [29].

Включению чехословацкого вопроса в повестку женевских заседаний создавало бы серьезные помехи для переговоров Чемберлена по тому же вопросу с глазу на глаз с Гитлером в Берхтесгадене и Годесберге. Еще 11 сентября французская делегация доносила из Женевы: у Ж. Боннэ из разговора с М. М. Литвиновым сложилось впечатление, что тот намерен внести чехословацкий вопрос на рассмотрение Особого комитета с тем, чтобы он был обсужден затем в Совете и на пленуме Лиги наций [30]. Ж. Боннэ и британская делегация придерживались того взгляда, что такое развитие дел нежелательно. По словам Ж. Боннэ, война равнозначна прыжку с Эйфелевой башни, и он не намерен совершать что-либо подобное [31].

М. М. Литвинов предлагая начать переговоры между штабами французской и советской армий, он не скрывал, что Советский Союз выполнит свои договорные обязательства; чехословацкий вопрос должен быть

внесен на рассмотрение Лиги наций именно для того, чтобы мобилизовать мировое общественное мнение и обеспечить благоприятную позицию ряда государств в отношении военных акций в помощь Чехословакии. Но Н. Чемберлен хотел дискуссий не в Женеве, а в Берхтесгадене, Годесберге и Мюнхене. Пленарное заседание Лиги наций началось в понедельник 12 сентября — в тот же день, когда в Нюрнберге выступил Гитлер. Первоначально Н. Чемберлен хотел встретиться с Гитлером несколькими днями позже, примерно 17 сентября. Но опасение, что в Женеве начнется дискуссия по чехословацкому вопросу, заставило его поспешить. И если Н. Чемберлену удалось в конце концов получить преимущество во времени, то в том виновен прежде всего Э. Бенеш, который, как признают и его друзья, допустил грубую ошибку. Министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта без всяких разумных оснований присоединился к тем, кто демонстративно бойкотировал пленум Лиги наций.

Английская делегация не удовлетворилась тем, что чехословацкий вопрос не стал предметом обсуждений Лиги наций. Более того, она внесла предложение вообще аннулировать статью Устава, обязывающую членов Лиги наций оказывать сопротивление агрессору. Против английского предложения выступили делегаты СССР, Китая и Испании. Франция его поддерживала, чехословацкий делегат молчал. Британское предложение в конце концов было принято. М. М. Литвинов подверг критике поведение английской делегации *; если обязательность и автоматичность санкций будет отменена, доказывал он, то агрессору уже нечего будет бояться, подготовка войны для него перестанет быть связана с каким-либо риском [32]. С этого момента Лига наций утратила значение инструмента поддержания всеобщего мира, отход от ее Устава явился составной частью политики разжигания мировой войны.

* См.: Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 504—505.— *Прим. ред.*

XVII

АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В НЮРНБЕРГЕ (ВТОРАЯ НЕДЕЛЯ СЕНТЯБРЯ)

После того как судетонемецкая партия прервала переговоры с чехословацким правительством, обсуждение вопросов было продолжено в Нюрнберге, куда съехались фашистские главари. С английской стороны переговоры вел посол Н. Гендерсон. Он допускал возможность того, что Гитлер может решиться начать войну непосредственно перед съездом нацистской партии, чтобы отвлечь внимание от бедственного состояния страны, до которого ее довели фашисты своей политикой вооружений и военных приготовлений. После нападения на Чехословацкую Республику Германия, по его предположениям, могла бы предложить переговоры о мире и обещать гарантии урезанной Чехословакии. По убеждению Н. Гендерсона, Англия и в этом случае не вступила бы в войну.

Предотвратить такой ход событий мог бы проект Ренсимена, пишет Н. Гендерсон Э. Галифаксу 4 сентября, то есть еще в то время, когда в Праге велись переговоры о так называемом четвертом плане. Ренсимен мог бы предложить, чтобы четыре державы обсудили вопрос о ревизии версальской системы; именно так следовало определить тему переговоров, писал Н. Гендерсон, ибо тогда Россия исключалась бы из переговоров, поскольку она не была участником Версальского договора. Свое длинное письмо Н. Гендерсон заключил

новым предостережением против британского демарша Гитлеру [1].

Однако Германию следовало бы, по мнению Гендерсона, в какой-то форме предостеречь от открытого конфликта с Чехословакией. Н. Гендерсон начиная с 6 сентября так и поступал в неофициальных разговорах с нацистскими главарями. И все же, чтобы «не задеть самолюбия Гитлера такими предостережениями», Н. Гендерсон рекомендовал Форин оффису дать указание английской печати писать о Гитлере как об апостоле мира [2]. Все это, однако, не оказывало никакого воздействия на Гитлера, он был уверен, что от западных держав можно чего-либо добиться только с помощью шантажа.

Новым средством в его вымогательской тактике стало назначение сроков вступления германской армии в Чехословакию. Такие сообщения умышленно в порядке дезинформации подбрасывались британской разведке, которая сообщала в Лондон, что если до конца сентября Чехословакия не даст добровольного согласия на собственную ликвидацию, то в октябре германская армия предпримет наступление с тем, чтобы одновременно овладеть также Венгрией и Румынией [3]. Английское правительство, однако, расценивало такие сообщения как явный блеф, неотъемлемую часть гитлеровского вымогательства. Э. Галифакс поэтому считал ненужным, как он писал Н. Чемберлену 8 сентября, чтобы Н. Гендерсон в Нюрнберге предпринял демарш, предостерегая Германию от нападения на Чехословакию. Если же Германия в конце концов откажется решить вопрос путем соглашения, то, считал Э. Галифакс, останется еще достаточно времени предупредить Гитлера, что Англия не допустит разгрома Франции [4].

9 сентября британская разведка вновь получила сведения, что немецкие войска стягиваются к чехословацким границам [5]. Обеспокоенные такой информацией, Н. Чемберлен, Э. Галифакс и Дж. Саймон советовались, не следует ли все же направить Германии формальное заявление, предостерегающее ее от развязывания войны. И хотя на заседании 30 августа было решено не предпринимать демарша в Берлине, но, по мнению Э. Галифакса, теперь обстоятельства изменились: правительство тогда еще не располагало сообщениями о на-

мерении Гитлера напасть на Чехословакию между 18 и 20 сентября. Результатом совещания был текст телеграммы, направленной в Берлин Н. Гендерсону. В телеграмме констатируется, что британское правительство обеспокоено развитием ситуации. Оно оказывало сильное давление на Прагу, и последняя пошла на известные уступки. Новый проект чехословацкого правительства может быть основой для дальнейших переговоров. Если Германия решилась бы развязать войну, то Франции выполнила бы свои союзнические обязательства и Англия не могла бы остаться в стороне. Заявление лейбористской партии о совместных действиях с Францией и СССР отражает настроение широких кругов английской общественности. Война была бы несчастьем для всех, поэтому британское правительство обращается к германскому правительству с призывом сделать все для предотвращения грозящей катастрофы[6]. Совещание трех министров вместе с тем приняло решение, что Н. Гендерсон предпримет этот демарш только после получения дополнительных указаний. Таких указаний, однако, не было дано. Э. Галифакс убедил правительство воздержаться от демарша, ссылаясь на длительный разговор Н. Гендерсона с Гитлером. Как выяснилось позже, информация эта была ложной. Э. Галифакс просто ввел в заблуждение свое правительство[7].

Одновременно доверенные лица Н. Чемберлена вели с Н. Гендерсоном переписку о «плане Зет». Как в тот же день Г. Вильсон писал Н. Гендерсону, в Лондоне склоняются к мнению, что пришло время проведения в жизнь «плана Зет». В связи с этим рассматривался и вопрос: не следовало ли заранее сообщить Гитлеру о готовности Н. Чемберлена приехать в Германию для переговоров. Такое предварительное оповещение, вероятно, могло бы оказать влияние на речь Гитлера, намеченную на понедельник. Однако при этом, как отмечал Г. Вильсон, возникают и сомнения: Гитлер мог бы дать приказ И. Риббентропу на письменное оповещение подготовить письменный же ответ. Тем самым, возможно, был бы сорван весь план, а британское правительство, кроме этого, ничего не имело в резерве. Гитлер мог бы отказаться от встречи с Н. Чемберленом, например, под предлогом болезни. Что об этом думает Н. Гендерсон? Как ответит Гитлер на запрос, примет ли он Н. Чем-

берлена в Берхтесгадене и в какое время? В случае отказа, пишет Г. Вильсон, был бы потерян последний шанс на спасение мира. Предварительное оповещение может снизить и эффект неожиданности, которому в плане придается такое значение. Н. Гендерсону надлежало дать срочный ответ на поставленные вопросы [8].

В течение 9—10 сентября Н. Гендерсон направил три послания, которые обсуждались на сепаратном совещании особо доверенных министров. В первом письме он сообщал, что время для осуществления визита Чемберлена еще не пришло. Сейчас он делает все для того, чтобы предотвратить непродуманное выступление Гитлера в понедельник. Так, у него состоялись длительные разговоры с Герингом, Геббельсом, Риббентропом и Нейратом. Он стремился им внушить: ничто не потеряно, еще можно вести переговоры. Однако он считал недопустимым какой-либо демарш, подобный тому, который был предпринят 21 мая. В беседе с Геббельсом Н. Гендерсон дал понять, какое направление было бы желательным в речи Гитлера в понедельник. Он указал, что следовало бы отдать должное британским усилиям в Праге, проявить желание совместно с британским правительством искать выход из сложившегося положения. Геринг заверил Н. Гендерсона, что Германия не помышляет об агрессии, но Чехословакия своей неуступчивостью способна спровоцировать Гитлера начать войну. Что касается «плана Зет», то Н. Гендерсон рекомендовал, чтобы в этом вопросе была достигнута договоренность с Гитлером, и притом немедленно. Он верит, что Гитлер своей предстоящей речью не закроет двери для дальнейших переговоров. Однако переговоры окажутся невозможными в случае демарша типа 21 мая. Н. Гендерсон не опасается получить отказ на британское предложение о встрече Гитлера с Чемберленом. Геринг ему повторял, что встреча эта должна состояться. «План Зет» нужно связать с ревизией версальской системы, поскольку последняя является ошибкой, которую необходимо исправить. Версальская система будет изменена или путем войны, или с помощью мирных переговоров. Геринг говорил Н. Гендерсону, что нужно скорее найти решение, ибо Гитлер сам определил сроки. Будет решение найдено в Праге — хорошо. В противном случае решение должно быть найдено помимо Праги. Э. Бенеш

не может без конца отвергать немецкие претензии, которые Геринг считал «оправданными». Нейрат полагает, что в понедельник Гитлер выступит весьма умеренно. Обещаниям Э. Бенеша здесь не верят, повторял Риббентроп, для Германии убедительными могут быть только действия. В заключение своего письма Н. Гендерсон рекомендовал подождать до понедельника, до выступления Гитлера. Пока Ренсимен остается в Праге, нет опасности, что Гитлер начнет наступление [9].

10 сентября Н. Гендерсон обращается в Форин оффис с депешей, повторно предостерегая от демарша, подобного демаршу 21 мая. Он не верит, что Гитлер сейчас намерен прибегнуть к применению силы. Не исключено, что его речь в понедельник будет разнузданной, однако новый демарш его бы еще больше разъярил, а уж если Гитлер примет решение, то, полагает Н. Гендерсон, потом вряд ли его изменит. Н. Гендерсон отказывался предпринять демарш в соответствии с поручением, которое получено накануне [10]. Вечером Форин оффис направил телеграмму Н. Гендерсону; учитывая, что Н. Гендерсон, указывалось в телеграмме, собственно говоря, уже все сказал Риббентропу и Гитлеру, нет нужды в демарше [11].

В другом своем письме Н. Гендерсон рассказывает о впечатлениях из Нюрнберга. Во время официального приема дипломатов Гитлер отказался говорить о политике и на вопрос А. Франсуа-Понсе, может ли он дать благоприятный прогноз, заметил, что речь, вероятно, идет о прогнозе погоды. Вейцзекер и другие немецкие дипломаты неустанно повторяют, что ситуация весьма и весьма серьезная, решение находится в Праге и еще один демарш типа 21 мая лишь ухудшил бы положение. Н. Гендерсон, как он писал, с Герингом говорил «с грубой откровенностью». Тот вновь заверял, что Германия не хочет нападать на Чехословакию, но чехи могут спровоцировать Гитлера. Генлейн рассказывал Гитлеру, что чешская армия скорее свергнет правительство М. Годжи и совершит государственный переворот, чем согласится на компромисс с судетонемецкой партией. Не исключено, что армейские круги могли бы потребовать возвращения Ренсимена в Англию и, более того, убить Генлейна. Геббельс совершенно откровенно сказал, что проекты Бенеша, его так называемый четвертый план,

совершенно неприемлемы. Геринг повторял слова Гитлера: если окажется возможным совместно с Англией решить судетский вопрос, то британцы будут удивлены умеренностью выдвигаемых им требований. Вместе с тем Геринг хотел произвести на Гендерсона впечатление, ссылаясь на мощь вооруженных сил и экономики Германии. Но Гендерсон полагает, что Германия не склоняется к войне, по крайней мере в сентябре война исключена. Письмо Н. Гендерсона завершается прогнозом, что может быть сказано Гитлером в понедельник, однако, считает он, если миссия Ренсимена не найдет удовлетворительного решения судетонемецкого вопроса, то он будет решен самим Гитлером [12].

В резиденции британского премьера на Даунингстрит 10 сентября состоялось совещание, в котором приняли участие Н. Чемберлен, Э. Галифакс, Дж. Саймон, С. Хор, А. Кадоган, Р. Ванситтарт и Г. Вильсон. Обсуждались донесения Н. Гендерсона из Нюрнберга. Было решено отказаться от демарша, о котором говорилось 9 сентября. Обсуждались предложения Н. Гендерсона о проведении «плана Зет», Г. Вильсон после этого совещания сообщил Н. Гендерсону, что следует «наблюдать и ждать», как будут складываться обстоятельства, в зависимости от которых необходимо будет принять решение [13].

Совещание явно согласилось с мнением Н. Гендерсона подождать до понедельника, до речи Гитлера в Нюрнберге.

Когда министры выходили из зала заседания, их ожидал У. Черчилль, он требовал, чтобы Германию предостерегли от развязывания войны, послав ультиматум, содержащий заявление о поддержке Чехословакии. Он доказывал, что Франция и СССР готовы выступить против Германии. С. Хор в воспоминаниях сообщает, что, по его мнению, критике политики Чемберлена содействовала позиция Советского Союза, который, как постоянно подчеркивал И. М. Майский, лишь ожидает призыва западных держав, чтобы принять участие в совместных действиях против Германии. Однако у правительства Н. Чемберлена ни в коем случае не было намерения создавать общий фронт с СССР против фашизма, напротив, оно стремилось создать общий фронт с фашизмом против СССР. 10 сентября Гораций Вильсон

направил А. Кадогану в Форин оффис письмо о франко-советском пакте. Это письмо включено в досье «план Зет», которое готовилось к переговорам Чемберлена с Гитлером.

При улучшении европейской ситуации, полагал Г. Вильсон, можно покончить с франко-советским пактом. Англия и Германия — это два опорных столба, на которых зиждется оборона «цивилизации» от натиска большевизма. Г. Вильсон подчеркивал, что полностью разделяет мнение А. Кадогана: «Ничто не должно ослаблять сопротивление, которое мы можем совместно оказывать всем, кто угрожает нашей цивилизации»[15]. Это были те же антикоммунистические установки, которые Э. Галифакс уже излагал Гитлеру во время встречи с ним в ноябре 1937 г. Именно антикоммунизм был исходной базой политики «умиротворения».

В субботу, 10 сентября, Н. Гендерсон уехал из Нюрнберга. В нацистских кругах знали о его отказе предпринять новый британский демарш. Это породило весьма оптимистические настроения у гитлеровского руководства, которое пришло к заключению, что посредством британского нажима на Прагу можно без войны добиться уступки чехословацких пограничных областей. Не исключался плебисцит. В воскресенье утром оптимистические настроения усилились под влиянием сообщения из Женевы о британских стараниях ликвидировать те положения 16-й статьи Устава Лиги наций, которые обязывали ее членов оказывать помощь государству, подвергнувшемуся нападению. Знали и о заявлении английского дипломата Р. Батлера * М. М. Литвинову, что Англия не допустит, чтобы Москва втянула ее в войну. Как клеветнически утверждал Батлер, ссылаясь на Рейсимена, инциденты в чехословацком пограничье вызывают якобы не нацисты, а «агенты Коминтерна». Он не скрывал, что Англия и впредь будет оказывать давление на чехов, принуждая их к уступкам, а если они не проявят такого желания, то открыто заявит об утрате своей заинтересованности в чехословацких делах.

Поступали сообщения и из Праги. Сам Э. Бенеш — и это показала его речь 10 сентября — вовсе не считал

* Батлер Р. О.— парламентский заместитель министра иностранных дел Англии в 1938—1941 гг.— *Прим. ред.*

предложенный план последним словом, он готов к дальнейшим уступкам, если Англия и Франция дадут гарантию помощи урезанной Чехословакии после отделения от нее пограничной территории [16]. В такой атмосфере в Берлине шла подготовка к выступлению Гитлера, которое должно было состояться в понедельник. Неожиданное осложнение вызвало заявление Н. Чемберлена, который 11 сентября совершенно откровенно сказал представителям печати, что Германия может получить без войны все, что она требует [17]. Подобное заявление было воспринято в Берлине как попытка оказать нажим на Гитлера накануне съезда и вместе с тем побудить Бенеша к сопротивлению, к чему призывали и чехословацкие круги, настроенные оппозиционно к правительству М. Годжи.

Министерство иностранных дел Германии еще в воскресенье, 11 сентября, получило информацию, согласно которой Э. Галифакс и французский посол в Англии Ш. Корбэн договорились, что обе державы не будут возражать против проекта, чтобы судетские немцы путем плебисцита сами определили свою судьбу [18]. В тот же день «Таймс» писала: «Гитлер располагает небывалой возможностью упрочить мир и справедливость». Для этого, по мнению газеты, было бы достаточно, чтобы речь в Нюрнберге была произнесена с учетом того, что «чувствуют в Лондоне» [19]. Гитлер прекрасно понимал, что имеют в виду в Лондоне: речь шла о передаче Германии чехословацкой пограничной территории.

Я. Масарик в донесениях из Лондона уже 10 сентября обращал внимание на то, что Э. Галифакс постоянно возвращается к мысли о проведении плебисцита. Я. Масарик рекомендовал, чтобы в Праге основательно разъяснили английскому посланнику Ньютону причины, по которым плебисцит неприемлем [20]. К. Крофта взял на себя эту задачу, он указывал, что для плебисцита нет конституционных оснований; кроме того, не существует сплошной немецкой территории, поэтому весьма трудно определить границы районов, в которых следовало бы проводить плебисцит; ампутация пограничных районов поставила бы Чехословакию в невыносимое положение и выдала бы страну на милость Германии; нельзя обеспечить нормальные условия для голосования в пограничных районах, где господствует

террор; плебисцит усилил бы опасность войны: чехи готовы скорее умереть, чем допустить расчленение родины. Учитывая все это, правительство не может принять идею плебисцита. Б. Ньютон не выносил, чтобы его переубеждали, и в отместку говорил с Э. Бенешем так, что Р. Ванситтарт заметил: еще ни один посланник не позволял себе такого поведения в отношении главы государства. Но Э. Бенеш был готов стерпеть что угодно от своих «западных друзей». Я. Масарик получил указание вручить Форин оффису меморандум, возражающий против плебисцита. Вручение меморандума было предварительно согласовано с Францией. Содержание меморандума повторяло то, что было уже сказано К. Крофтой Б. Ньютону. Этим чехословацкое правительство допустило еще одну серьезную тактическую ошибку: оно было обязано заявить принципиальный протест против самого расчленения государства, а не ограничиваться высказываниями по поводу того, в какой форме это произойдет. «Умиротворители» понимали, что плебисцит на деле представлял собой сложную и опасную процедуру, таившую в себе тысячи возможностей новых инцидентов, и каждый из них Германия могла использовать как повод к войне. Потому западные политики в конце концов приняли решение о прямой передаче чехословацкой пограничной территории Германии без всякого плебисцита. И эта прямая передача была обоснована именно чехословацким протестом против плебисцита. Галифакс и Бонпэ принадлежали к числу тех коварных политиков, любой разговор с которыми опасен для партнера: что бы ни было сказано, все будет использовано против вас!

XVIII

РЕЧЬ ГИТЛЕРА (12 СЕНТЯБРЯ)

Когда Гитлер наконец произнес свою речь в Нюрнберге, то и непосвященным наблюдателям стало ясно, что британские советы быть умеренным были приняты во внимание. Германия, однако, готовилась к войне, и печать получила инструкции широко комментировать военные приготовления [1]. Вновь призывались в армию резервисты, на вокзалах происходили бурные сцены при проводах, стычки с полицией [2]. Немецкую общественность отнюдь не воодушевляла перспектива войны, и Гитлер не скрывал, что его речь была направлена против пораженческих настроений среди гражданского населения и в армии [3]. То, что было сказано о Чехословакии, не было неожиданностью для Н. Гендерсона. Гитлер заявил: если судетским немцам никто не поможет, то помощь им окажет Германия, которая не будет бесконечно наблюдать, как тиранят ее единоплеменников [4]. Подобные заявления Гитлером делались и прежде. Было очевидно, что двери оставлены открытыми для дальнейших переговоров.

Н. Гендерсон в тот же день выслал оперативное донесение. Гитлер, подчеркивалось в нем, еще не принял решения о войне, однако если он увидит, что переговоры с Англией не дают результатов, то он решится начать военные действия. Далее Гендерсон высказывал мнение, что Н. Чемберлену следовало бы направить Гитлеру личное письмо и изложить британскую пози-

цию в создавшейся ситуации. Н. Гендерсон передал мнения гитлеровских главарей, с которыми он был ознакомлен в Нюрнберге. Геринг заявил, что Германия не может примириться с враждебной Чехословакией в центре Европы. Это государство в дальнейшем может существовать лишь как составная часть германской политической и экономической сферы, но ни в коем случае не как страна, входящая в франко-советскую систему. Согласно Нейрату, Генлейн был якобы весьма умеренно настроен, но опасался, что в его партии быстро возобладают крайние элементы, если вскоре не будет принято окончательное решение. Геббельс в беседе с Гендерсоном не скрывал, что последняя речь Бенеша неудовлетворительна и ничего не меняет. Вейцзекер не переставал повторять, что ситуация серьезна и не терпит проволочек. Гитлер сохраняет уверенность, что Англия останется в стороне от немецко-чешского конфликта. Все нацистские главари твердили, что чехи уже давно уступили бы, если бы Москва не подстрекала к сопротивлению [5].

12 сентября, еще до получения известий из Нюрнберга, состоялось заседание британского кабинета министров. Открывая его, Н. Чемберлен заявил, что необходимо обсудить возможные ситуации, которые возникнут после речи Гитлера.

Э. Галифакс доложил обстановку. Он считал, что можно принять гипотезу, что Гитлер уже решил совершить нападение на Чехословакию. Если это так, то британское правительство не в силах его остановить. Некоторые полагают необходимым предъявить Гитлеру ультиматум. Но Э. Галифакс думает, что это ошибочный взгляд, ибо надежда на «здравый выход из создавшегося положения» могла бы безвозвратно исчезнуть в результате британской акции, которая нанесла бы Гитлеру публичное оскорбление. К такому заключению, по словам Э. Галифакса, приходят подлинные знатоки положения. Что касается заявлений о помощи Чехословакии, то Англия не может их делать всерьез, ибо пока ее правительство не знает, как выполнить подобные обязательства. Э. Галифакс не считает себя вправе заявить, что Англия вступит в войну ради Чехословакии, поскольку никто не может предугадать, как такая война могла бы развиваться. Если бы правительство сделало

заявление о вступлении в войну из-за Чехословакии, то «решение вопроса о войне и мире для Англии этим было бы передано в чужие руки».

Другая гипотеза, продолжал Э. Галифакс, исходит из предположения, что Гитлер еще не решился начать войну. В таком случае новый британский демарш, носящий характер ультиматума, наделал бы много шума и мог бы заставить Гитлера перейти критическую черту. Что же, таким образом, следует предпринять британскому правительству? Э. Галифакс рекомендует дождаться речи Гитлера, в которой, как он надеется, не будет никаких неожиданностей. После этого правительство могло бы обсудить ряд проектов. Одним из них является конференция четырех держав, что также рекомендует А. Леже, генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции. Французское правительство, судя по его заявлению, готово принять проект решения судетского вопроса, который был бы предложен Ренсименом или правительством его величества. Ренсимен сможет представить свой проект в течение двух-трех дней. Детали всех этих проектов британское правительство могло бы рассмотреть на своем ближайшем заседании.

По существу, Э. Галифакс защищал полную бездеятельность британского правительства, отстаивая его прежнее решение не направлять Германии ультиматума. Н. Чемберлен признал, что К. Эттли от имени оппозиции требовал созыва парламента. Премьер ему разъяснил нежелательность открытых дебатов при столь деликатном положении вещей. С Гитлером, бесспорно, лучше вести переговоры с глазу на глаз, без контроля общественности. Н. Чемберлен обещал созвать парламент, если того потребуют обстоятельства. Он хотел бы его созвать уже в тот момент, когда мог бы предстать перед общественностью как спаситель мира и когда уже ничто не могло бы угрожать осуществлению его соглашения с Гитлером. К. Эттли от имени оппозиции требовал ответа на два вопроса: 1) в достаточной ли степени Германия информирована о позиции Англии; 2) почему объектом английского давления является Прага, а не Берлин. Касаясь первого вопроса, Н. Чемберлен процитировал сообщения Н. Гендерсона, из чего вытекало, что все было объяснено нацистским деятелям в кулуа-

рах нюрнбергского съезда. На второй вопрос было сказано: правительство делает что может. К. Эттли был удовлетворен данными объяснениями.

Министр финансов Дж. Саймон напомнил, что заключение начальников штабов, составленное 28 марта, констатировало: военное поражение Чехословакии нельзя предотвратить. Это следует принимать во внимание при решении вопроса: предпринимать ли новый демарш в Берлине. Было решено поручить начальникам штабов представить правительству новый анализ ситуации.

Предложения о демарше в Берлине в последнее время исходили и от Франции. Э. Фиппсу поручалось объяснить в Париже, что британское правительство не допустит, чтобы безопасность Франции была поставлена под угрозу, но сейчас оно не в состоянии сказать что-либо точно о характере своей будущей акции и о времени, когда она могла бы быть проведена, поскольку всего этого пока нельзя предвидеть. В любом случае следует дать понять Франции, что британское правительство для принятия решения нуждается в определенном времени, чтобы проконсультироваться со своими доминионами.

Отдельные британские доминионы оказали значительную поддержку Н. Чемберлену в ходе сентябрьского кризиса. Так, австралийское правительство настаивало, чтобы Лондон рекомендовал Праге сделать «великодушный жест в отношении судетских немцев», который позволил бы британскому правительству умыть руки. Канадское правительство также рекомендовало Англии уклоняться от любой акции, которая могла бы втянуть ее в войну.

Главный лорд адмиралтейства Дафф Купер обратил внимание на то, что Германия могла бы организовать убийство Ренсимена или Генлейна и тем спровоцировать войну. Чешская полиция, пояснил министр внутренних дел С. Хор, обеспечивает достаточную охрану Ренсимена, и присутствие британской полиции было бы нежелательным ввиду неизбежных политических последствий.

Э. Галифакс потребовал, чтобы министры в своих публичных выступлениях точно следовали линии, которую обозначил Н. Чемберлен 11 сентября на пресс-конференции: переговоры достигли стадии, когда есть все основания полагать, что может быть осуществлено «мир-

ное решение» без использования насилия. Поскольку в Женеве начиналось пленарное заседание Лиги наций, было решено направить туда лорда — хранителя печати Де ла Уарра в качестве представителя правительства с тем, чтобы он был готов вернуться по первому зову. Оговорка явно имела в виду тот случай, если в Женеве возникнет опасность, что чехословацкий вопрос окажется включенным в повестку заседания.

В заключение было принято решение, что следующее заседание кабинета состоится, вероятно, в ближайшие дни и будет посвящено рассмотрению общей ситуации. До этого не должны приниматься принципиальные решения по важным политическим вопросам [6].

Постановление кабинета было, однако, сразу же нарушено. Внешнеполитический комитет, в который входили Н. Чемберлен, Дж. Саймон, С. Хор, Э. Галифакс и некоторые руководящие чиновники Форин оффиса, решил на следующий день обсудить проект конференции четырех держав и возможность проведения плебисцита в Чехословакии [7]. Оба вопроса имели принципиальное политическое значение. Но этим дело не ограничилось. Запись, сделанная в секретариате Чемберлена, свидетельствует, что было принято конкретное решение о «плане Зет» [8]. Каково содержание этой записи?

Подготовка должна проводиться так, чтобы реализация «плана Зет» могла начаться немедленно. Первым шагом будет послание, которое Н. Гендерсон получит по телеграфу и передаст Гитлеру. Его содержание будет зависеть от гитлеровской речи в Нюрнберге.

Если речь будет слишком резкой, то Н. Чемберлен в своем послании с чувством огорчения отметит, что Гитлер, видимо, утратил веру в мирное решение, но вместе с тем выразит уверенность, что мирное решение еще достижимо. Путь к этому можно найти при прямом обмене мнениями. Н. Чемберлен предложит, что сам приедет в Берлин. Время не терпит, и поэтому он верит, что Гитлер его примет.

Если выступление Гитлера в Нюрнберге будет умеренным, то Н. Чемберлен скажет в своем послании, что речь воодушевляет его, ибо позволяет сделать вывод: усилия, направленные к достижению мирного решения, увенчаются успехом. И в этом случае будет предложе-

но, что Чемберлен готов без промедления приехать в Германию.

Здесь стоит отметить, что, согласно этой записи, «план Зет» должен был быть осуществлен независимо от того, каким бы ни был тон речи Гитлера в Нюрнберге.

В записи далее говорится: Гендерсон должен будет без промедления передать Гитлеру послание Н. Чемберлена. Действуя в зависимости от обстоятельств, он добьется немедленной аудиенции и сразу же сообщит в Лондон о реакции Гитлера. Отказ Гитлера встретиться помешал бы осуществлению «плана Зет». Оставалось бы подумать о самостоятельной публикации переписки. Но в таком случае следовало бы предупредить Гитлера за 24 часа до того, как будет принято какое-либо решение по этому вопросу.

Прибыв в Берлин, Н. Чемберлен хотел бы прежде всего переговорить с Н. Гендерсоном. Отправляться следует самолетом, ибо, только действуя быстро, можно обеспечить нужный «сценический эффект».

12 сентября Н. Чемберлен, решив посвятить в свой план Ренсимена, послал ему следующее письмо [9]: «Правительство получило ряд сообщений о том, что Гитлер решил напасть на Чехословакию до 20 сентября и тем поставить Англию и Францию перед свершившимся фактом. Однако Н. Гендерсон нас заверяет, что Гитлер еще не принял решения о насильственной акции, и если в этом месяце ему будет предложено устраивающее его решение, то все уладится. Итак, перед нами весьма различные мнения. Мы должны быть готовы к резкому повороту к худшему, и нам следовало бы иметь ясность, что в таком случае делать. В этой ситуации я решил сделать неожиданный и драматический шаг, который изменил бы все положение. Так возник план, который здесь известен под шифром «Зет». С ним ознакомлен Н. Гендерсон, и я его обсудил с Э. Галифаксом и некоторыми министрами. Я хочу сохранить его в тайне от кабинета до последней минуты, ибо его ценность состоит именно в неожиданности, и потому важно, чтобы о нем знали лишь немногие.

Основа плана состоит в том, что я хочу информировать Гитлера о желании лично встретиться с ним в Германии. Если он согласится, а ему отказаться будет труд-

но, я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности. Порекомендую ему, чтобы обе стороны вынесли свой спор на Ваше решение в качестве окончательного арбитра. Не могу поручиться, что Э. Бенеш примет такое решение, но буду оказывать нарастающее давление, чтобы он согласился с этим. Франция обещала, что примет все, что предложим мы или Вы. Если будет одобрен мой проект, будем обсуждать и другие политические вопросы. Один из них будет касаться, вероятно, системы договоров между Францией, Чехословакией и Россией. Здесь я не в состоянии, пожалуй, дать полную гарантию, но, наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России. Это и есть «план Зет». Вы, конечно, заметили, на заключительном этапе Вам предстоит решить задачу, которую никто иной не сможет выполнить, и я верю, что Вы готовы ее взять на себя и тем завершить все дело. Буду Вам благодарен, если Вы сохраните эту информацию в полной тайне вплоть до часа «Икс». Но когда пошлем Вам сообщение, имеющее отношение к «Зет», Вы уже будете знать, что это значит».

Письмо Н. Чемберлена показывает, какое значение британское правительство придавало миссии Ренсимена в борьбе за общественное мнение Англии. И хотя позднее роль Ренсимена интерпретировалась несколько иначе, тем не менее этот незадачливый британский посредник принял участие и в реализации плана Н. Чемберлена, выступая главным свидетелем, который присягал перед британской политической общественностью: действия Н. Чемберлена представляли собой единственно возможный выход.

Из протокола заседания британского правительства 12 сентября видно, что протест чехословацкого правительства был оставлен без внимания. Единственным британским официальным лицом, которое выразило сомнение в плебисците, был английский король Георг VI. Э. Галифакс в то утро информировал его об идее кон-

ференции четырех держав и о плебисците. Георг VI высказал мнение, что такой проект, вероятно, вызовет волнения, которые сметут Э. Бенеша и облегчат вторжение Гитлера в Чехословакию. Это был бы немецкий триумф, ибо Франция и Англия слабы, а Италия перестала бы колебаться и присоединилась к Германии. Плебисцит был бы фарсом, и уступка Судет стала бы неотвратимой. Война ужасна, но ужасно и решение, когда справедливость приносят в жертву злу [10]. Мнение короля не оказало влияния на позицию британского правительства. Н. Чемберлен лишь счел необходимым на другой день ознакомить и британского короля со своим «планом Зет».

Казалось, что Н. Чемберлен всех убедил. К. Эттли, А. Иден и У. Черчилль прекратили критику и приняли политику правительства [11]. «Таймс» стала публиковать статьи, рекомендующие уступку чешских пограничных районов. Выглядело так, как будто редакция действует с согласия британского правительства [12].

Союзники Англии также не создавали трудностей. По сообщениям английского посольства в Вашингтоне, американское общественное мнение было охвачено желанием избежать войны. Но оно вовсе не питало симпатий к немецкой агрессивной политике, и компромисс Англии с Германией мог ослабить проанглийские настроения [13].

Французское правительство обсудило ситуацию, возникшую после речи Гитлера. Семь министров во главе с Ж. Боннэ высказались за достижение соглашения с Германией любой ценой (имея в виду «нейтрализацию» Чехословакии и плебисцит). Ситуацию в Чехословакии расценивали как крайне опасную, и Ж. Боннэ поддерживал идею созыва совещания глав правительств, которое вынесло бы приговор Чехословакии [14]. Пытаясь завоевать на свою сторону большинство правительства, он утверждал, что М. М. Литвинов в Женеве ему якобы не дал ясного ответа на вопрос, что предпримет Советский Союз в случае, если Чехословакия подвергнется нападению. Как известно, М. М. Литвинов на такие вопросы неизменно отвечал, что Советский Союз выполнит свои союзнические обязанности бок о бок с Францией. Ж. Боннэ такие ответы не удовлетворили. Он и его друзья неустанно твердили, что Советский Союз хочет

спровоцировать войну. В том случае, если кто-либо из советских представителей заявлял, что Советский Союз выполнит свои обязательства, невзирая на Францию, сторонники уступок перед фашистским агрессором истолковывали такое заявление как свидетельство желания Советского Союза спровоцировать войну, но если бы вдруг советские представители заявили, что СССР выполнит свои обязательства лишь в соответствии с буквой союзнических договоров, то «умиротворители» увидели бы в том доказательство намерения остаться в стороне от конфликта.

Защитники компромисса с фашистской Германией, злобные антикоммунисты позже пытались доказать, что, кроме «умиротворения», у них не было иного выбора, ибо СССР якобы хотел уклониться от участия в конфликте. В последнее время этот тезис повторяет бывший заместитель министра иностранных дел Англии Батлер. Стоит напомнить, что в сентябре 1938 г. тот же Батлер обвинял в Женеве М. М. Литвинова в противоположном — в том, что СССР желает войны и что «агенты Коминтерна якобы вызывают в Чехословакии инциденты». К большой радости нацистских главарей в Нюрнберге, он тогда заявил, что Англия не позволит Москве разжечь войну. Сегодня этот достопочтенный лорд в воспоминаниях пишет, что мюнхенская капитуляция была единственной альтернативой для британского правительства, которое не было уверено в позиции Советского Союза [15]. Может быть, Н. Чемберлен не верил сам себе, когда в своих частных письмах говорил об Англии и Германии как о двух «столпах европейской цивилизации», которую нужно защищать от «разрушительного большевизма»? Антикоммунизм британских господствующих кругов был и остается подлинным объяснением политики «умиротворения».

Что происходило в Чехословакии после речи Гитлера в Нюрнберге? Генлейновцы начали ряд провокаций, которые во многих местах вылились в попытку путча. Они нападали на государственные учреждения и полицейские участки, почты и вокзалы, чешские школы и таможенные заставы. Генлейновцы стремились обострить ситуацию настолько, чтобы Гитлер мог заявить, что он уже не может сложа руки наблюдать за происходящим. Это было продолжением вымогательской так-

тики, питаемой надеждой, что правительства в Париже и Лондоне наконец решатся радикально покончить с кризисом. Чехословацкое правительство, хотя и имело в своих руках доказательства, что нацистские боевые группы действуют по приказу Гитлера, не решалось, однако, использовать этот материал. Министр внутренних дел просил судетонемецкую партию отменить демонстрации, ибо он не может без конца удерживать полицию от действий против этих антизаконных выступлений [16]. На ряде пражских заводов рабочие начали стачки в знак протеста против такой правительственной политики, которую справедливо считали изменой республике [17].

Коалиционная печать продолжала кампанию по обработке общественного мнения, изображая дело таким образом, будто Англия прочно поддерживает Чехословакию. В заявлении британского правительства, сделанном вечером 11 сентября, подчеркивались те положения, которые предостерегали Гитлера от использования насилия. Замалчивалось, однако, существо этого заявления, а именно то, что Гитлер все может получить без войны [18]. «Мирное решение» составляло основу плана Н. Чемберлена, в данной ситуации это требование представляло собой главную опасность для Чехословакии. Однако чехословацкая общественность смутно представляла себе эту опасность. Когда участники этого империалистического заговора нанесут решающий удар по Чехословакии, она окажется неподготовленной и потеряет драгоценное время.

XIX

ВРЕМЯ «ПЛАНА ЗЕТ» НАСТАЛО (13 СЕНТЯБРЯ)

В то время как мировая общественность с тревогой следила за нарастающими нацистскими провокациями, Ренсимен проводил свободное время в замках Чехии, принадлежащих немецкому дворянству. В субботу и воскресенье, накануне речи Гитлера, он был гостем помещика Черника в замке «Петроград» около Карловых Вар. Сюда собралась толпа генлейновцев, которые провокационно кричали: «Дорогой лорд, вызволь нас из Чехословакии!» [1] На следующий день в ответ на речь Гитлера последовала попытка осуществить путч.

Во вторник, 13 сентября, Ф. Эштон-Гуэткин подготовил для секретариата Чемберлена записку, в которой подводились итоги деятельности миссии Ренсимена [2]. В ней указывалось: первой задачей миссии было ознакомиться с историей вопроса, с главными заинтересованными лицами и с предложениями о разрешении вопроса; это выполнено. Второй задачей было найти основу для переговоров и путем давления на чехов создать базу для соглашения; это также выполнено. Третьей задачей было содействовать переговорам на этой основе. В данный момент именно эту задачу миссия и выполняет. Последней задачей миссии, по мнению Ф. Эштон-Гуэткина, будет осуществление контроля за тем, как выполняется договоренность, если таковая будет достигнута.

В то время как Ф. Эштон-Гуэткин составлял справку, приходили все новые известия о путче генлейновцев. Эштон-Гуэткин признавал, что пресловутый инцидент в Моравской Остраве закончился победой судетонемецкой партии и что генлейновцы стали вести себя еще более дерзко. В течение 13 сентября множились инциденты, спровоцированные по приказу Берлина, как это признает и Эштон-Гуэткин. Все беспорядки были делом местных групп, которые не поддавались контролю. Путч изменил в корне ситуацию, перспективы теперь неясны, не видно никакого выхода. Гитлер хорошо знал, что англичане больше всего боятся инцидентов, потому что они могли бы послужить Германии предлогом для войны. Он рассчитывал, что такие провокации подтолкнут развитие событий в желательном для него направлении. Первоначально в Лондоне предполагали, что если в Праге и будут прерваны переговоры с генлейновцами, то Ренсимен сможет предложить собственный проект решения. Однако 13 сентября Ренсимен получил из Лондона инструкцию о нецелесообразности предлагать какой-либо собственный план, поскольку такой шаг мог бы стать помехой для осуществления «других возможностей» [3]. В порядок дня теперь выдвинулся «план Зет», и была нежелательна любая инициатива, которая могла бы ему помешать. Ренсимен согласился с этим, ибо в данной ситуации вообще не было уверенности, что судетонемецкая партия примет какие-либо британские предложения. Миссия стремилась лишь к тому, чтобы в пограничных районах было восстановлено спокойствие [4].

Однако миссия, так же как и британское посольство, давала понять, что виновником была не судетонемецкая партия, которая вызвала беспорядки, а чехословацкое правительство. Беспорядки, согласно британским рекомендациям, следовало бы ликвидировать таким образом, чтобы гитлеровская Германия не могла счесть себя задетой. Чехословацкое правительство издало распоряжение о запрещении всех митингов, манифестаций и демонстраций. По настоянию генерального штаба в западных районах Чехии было введено осадное положение [5]. Правительство считало, что путч является делом экстремистского крыла судетонемецкой партии во главе с К. Г. Франком. К. Крофта информировал Б. Ньютона,

что армейская разведка располагает данными о нелегальной переброске оружия в Чехословакию и подготовке вооруженного вторжения в страну. Если это подтвердится, то правительству не остается ничего иного, как принять меры, аналогичные тем, которые были осуществлены 21 мая. Б. Ньютон предостерегал от упоминания о 21 мая, ибо Гитлер не стерпел бы его повторения. Он настаивал на крайне осторожном поведении, призывал к терпимому отношению к нацистским путчистам; офицеры и полиция не должны, по его убеждению, терять голову и стрелять в нацистов, как это произошло в Хебе [6]. Сообщения армейского командования несколько успокоили Б. Ньютона. Германия, по его сведениям, не подготовлена к нападению, но надежная информация показывает, что между 8 и 16 октября должно быть призвано 20 новых возрастов резервистов, и тогда ситуация станет критической [7].

Однако и генлейновский путч ничего не изменил в политической линии Англии в отношении Чехословакии. Англия и впредь продолжала оказывать покровительство нацистской агентуре. Англичане заботились прежде всего о том, чтобы не допустить проведения в Чехословакии мобилизации, хотя бы и частичной. По мнению английской дипломатии, запугивать Гитлера не следует, напротив, нужно склонить его к совместным действиям с Н. Чемберленом. М. Годжа заверил Б. Ньютона, что мобилизации не будет, что достаточно введения осадного положения и что, по мнению министерства внутренних дел, волнения в пограничных районах не были акцией, руководимой из единого центра. Однако такие сведения противоречили фактам, установленным самим министерством: оно располагало секретными нацистскими документами, изобличающими Германию в подготовке провокаций и путча. М. Годжа пытался склонить судетонемецкую партию к совместному заявлению, содержащему призыв к восстановлению спокойствия. Он просил Б. Ньютона через миссию Ренсимена побудить судетонемецкую партию к новым переговорам с правительством. Премьер-министр все еще надеялся, что соглашение с нацистами возможно [8]. К. Крофта заверил Б. Ньютона, что полиция получила приказ не стрелять в демонстрантов и не применять оружия при освобождении общественных зданий, захваченных путчистами. Под-

черкивалось, что полиция руководствуется лишь инструкциями времен австро-венгерской монархии [9]. Эта боязливость правительства была продолжением прежней линии беспомощности и беспринципности. Но теленок не может спасти свою жизнь, подлизываясь к мяснику.

Генлейн тем временем оставался в Нюрнберге и получал гитлеровские инструкции. Вечером он покинул город и отправился в Аш. В 18.00 К. Г. Франк передал М. Годже следующий ультиматум: «Руководство судетонемецкой партии возобновит переговоры, если правительство до полуночи отзовет из пограничных районов армию и подкрепления, присланные полиции, отменит осадное положение и подчинит местную полицию старостам судетонемецкой партии» [10]. Ультиматум, ответил М. Годжа, можно обсудить только в Праге и при условии, что руководство судетонемецкой партии обратится с призывом к спокойствию. Ф. Эштон-Гуэткин немедленно направился к Генлейну в Аш. Французский посланник получил от Ж. Боннэ инструкцию потребовать от М. Годжи, чтобы чехословацкое правительство немедленно и безоговорочно приняло ультиматум судетонемецкой партии [11]. Давление обеих западных держав практически не имело пределов. Уже тогда правительству и Э. Бенешу должно было быть ясным, что западные державы ни перед чем не остановятся, будут оказывать нажим так долго, пока Гитлер не достигнет своей цели.

По сведениям, полученным нацистской разведкой из Франции, в Париже и Лондоне полны решимости принудить чехословацкое правительство согласиться с плебисцитом. Ренсимен Э. Бенешу, а Э. Галифакс Я. Масарику уже советовали, чтобы правительство тщательно взвесило вопрос о плебисците [12]. Польский посланник в Праге К. Папэ полагал, что правительство внутренне уже готово к дальнейшим уступкам и что так называемое «самоопределение» не исключено, хотя по-прежнему выдвигаются возражения против плебисцита [13]. Б. Ньютон, как сообщало югославское посольство в Праге, захвачен идеей плебисцита и видит в нем единственный способ выхода из сложной ситуации [14]. Я. Масарику в Лондоне было откровенно сказано: если Гитлер вторгнется в Чехословакию, захватит пограничные области и провозгласит «вечный мир», Англия будет побуждать

Чехословакию смириться с этим. По мнению Я. Масарика, во многом повинно само чехословацкое правительство, его трусливое поведение. «Необходимо,— писал он теперь,— чтобы ответственные деятели приняли решительные меры и разоблачали генлейновцев. Трусливое хныканье нам здесь вредит...» [15] Основным девизом бенешевской политики были, однако, совместные действия с Западом, несмотря на то что такой путь вел к гибели республики.

Как действовала нацистская Германия в такой критической ситуации, возникновению которой она сама содействовала? Сообщения из Берлина говорили о том, что аншлюс судетонемецких районов считается единственно приемлемым решением. Германия до крайнего предела будет воздерживаться от насилия, но вместе с тем хочет, чтобы Англия и Франция использовали все возможности добиться аннексии Судетской области [16]. Немецкая печать получила инструкцию широко комментировать инциденты в Чехословакии. Следовало представлять дело таким образом, будто немцы лишь выражали свою радость, вызванную речью Гитлера, а злые чехи ответили на это введением осадного положения. Судетонемецкая партия хотя и предъявила правительству ультиматум, но немецкая печать не должна это называть своим именем. Ультиматум якобы вызван стремлением не позволять чешским провокаторам злоупотреблять немецкой радостью по поводу речи Гитлера. Главной темой немецкой печати должна была быть речь Гитлера в Нюрнберге. Гитлер в ней требовал «права на самоопределение», и немецкая печать получила указание не подменять это понятиями «голосование» или «плебисцит». Германия вовсе не была заинтересована в подобной процедуре. Меры правительства Чехословакии, особенно осадное положение, должны интерпретироваться как доказательства того, что судетские немцы не могут больше оставаться внутри Чехословацкой Республики и имеют право на создание собственного государства [17].

Немецкая печать начала писать, что прежние методы решения судетонемецкой проблемы не оправдали себя и что теперь необходимо прибегнуть к иным, более действенным средствам, ибо проволочка грозит опасностью [18]. Это был прямой призыв к британскому пра-

вительству взять на себя инициативу. Немецкие агенты в Лондоне в тот день распространили информацию, что лучшим выходом из создавшейся ситуации была бы встреча Н. Чемберлена с Гитлером [19]. Как сообщало немецкое посольство из Лондона, Н. Чемберлен готов и впредь идти навстречу Германии, если будет предоставлено достаточно времени для проведения его акции и если немцы в Чехословакии воздержатся от непродуманных действий [20].

Германия хотя и продолжала военные приготовления, но в ходе нюрнбергских совещаний выяснилось, что генералы не верят в возможность успешной войны против Чехословакии и ее союзников. Как отмечал Йодль в своем дневнике, генералы видели в Гитлере не величайшего со времен Бисмарка государственного деятеля, а всего лишь капрала времен первой мировой войны [21]. Надежды на победу в войне против коалиции держав были практически мизерными. Гитлер после совещаний явно склонялся к выводу, что ему не удастся осуществить «общее решение, то есть ликвидировать Чехословакию целиком, и что для начала придется удовлетвориться захватом пограничных областей» [22].

В арсенале вымогательской тактики гитлеровцев было и такое обычное средство, как дезинформация. Было известно, что Н. Чемберлен боится войны и стремится избежать ее любой ценой. Ночью 13 сентября британская служба получила от гитлеровских агентов сообщение, что на следующий день Германия намеревается вторгнуться в Чехословакию. Подобные известия приходили также из Праги [23]. Из немецких представительств «просочились» сведения, что Гитлер собирается напасть на Чехословакию 25 сентября [24]. Такие сигналы воспринимались как вполне достоверные. Немецкая армия находилась в состоянии полной боеготовности и в любое время могла вторгнуться в Чехословакию. К тому же нацисты уже несколько месяцев подряд трубили, что придут на помощь своим соплеменникам в Чехословакии, если их не перестанут подвергать невыносимой тирании. Последний раз это повторил Гитлер в нюрнбергской речи. Осадное положение интерпретировалось немецкой печатью как тирания, которой нужно решительно положить конец. Мог ли в таких условиях Н. Чемберлен сомневаться, что война стоит за дверями,

что она — вопрос ближайших часов? Цель нацистских интриг состояла в том, чтобы спровоцировать новую британскую инициативу, которая явилась бы дальнейшим шагом по пути реализации программы захвата Чехословакии. Подобные интриги немцы вели и во Франции, правительство которой боялось войны еще больше, чем правительство Лондона.

По сообщениям немецкого посольства в Париже, французский генеральный штаб, Национальное собрание и министерство иностранных дел согласились с прямой передачей Германии чехословацкой пограничной территории, лишь бы избежать войны [25]. Ж. Бонпэ сказал польскому послу Ю. Лукасевичу, что войны желает только большевизм и ее нужно избежать любой ценой. Чехи обязаны принять любой проект, который будет им предложен. На следующий день министерство иностранных дел Франции уже не скрывало своего мнения, что судетонемецкую область следует передать Германии [26]. Румынский посланник считал, что Лондон и Париж будут оказывать давление на чехов с целью принудить их пойти на крайние уступки, заставить принять любой проект, который позволил бы избежать войны, не считаясь с тем, какой ценой это может быть достигнуто. Идея плебисцита стояла на повестке дня независимо от того, что по этому поводу думала Прага [27]. Такова была позиция Франции, решающего союзника, который считался гарантом существования чехословацкой государственности.

13 сентября вновь собралось французское правительство, чтобы обсудить положение. Правительство дало согласие на объявление мобилизации, если бы появилась неотложная потребность в таком шаге. Ж. Боннэ настаивал на прямых переговорах с Гитлером совместно с Англией. Некоторые министры видели выход из положения в созыве конференции четырех держав.

Ж. Боннэ поддерживал непрерывную связь с английским послом Э. Фиппсом в надежде, что Лондон окажет поддержку против французских левых, которые требовали проведения мобилизации. Он со своей стороны предлагал ряд различных акций. Например, можно было бы рекомендовать Праге согласиться с плебисцитом; если бы такая рекомендация была отвергнута, обе державы должны бы заявить, что их больше не интере-

сует судьба Чехословакии[28]. Иную возможность Ж. Боннэ усматривал в инициативе Ренсимена, который мог бы внести приемлемое для Гитлера предложение. По свидетельству Э. Фиппса, Ж. Боннэ совершенно потерял самообладание и был готов принять любой проект, который позволил бы Франции отказаться от выполнения союзнических обязательств перед Чехословакией[29]. Э. Фиппс повторял Ж. Боннэ, что Англия вовсе не имеет в виду браться за оружие в любом случае, если Франция окажет сопротивление немецкой агрессии против Чехословакии. Этому заявлению Ж. Боннэ был очень рад, учитывая, что среди французских министров есть горячие головы. Он вновь и вновь повторял свое прежнее мнение о желательности созыва конференции четырех держав для принятия решения о Чехословакии[30]. То же писал Роше в своей «Републик», утверждая, что это лучший выход из тупика. Во французском общественном мнении, по утверждению Э. Фиппса, можно отметить нарастающее желание предотвратить войну путем плебисцита или предоставления судетским немцам широкой автономии[31]. Если верить паническим разговорам Ж. Боннэ по телефону с английским посольством, вопрос о войне или мире должен был решиться буквально в несколько ближайших минут. Такую панику у Ж. Боннэ вызвали сообщения о немецком путче в Чехословакии, о кровавых инцидентах и осадном положении[32].

Подобным же образом реагировал и Э. Даладье. Получив сообщение об ультиматуме судетонемецкой партии, он немедленно позвонил Н. Чемберлену, предлагая встречу с Гитлером, хотя бы и втроем. После десяти часов вечера пришло и его послание в Лондон. Э. Даладье предлагал, чтобы Ренсимен без промедления выступил с собственным планом и тем избавил Францию от необходимости выполнять союзнический долг перед Чехословакией. Если план Ренсимена окажется неподходящим, то будет созвана конференция трех держав, то есть Германии, Франции и Англии[33]. Н. Чемберлен в своем ответе сообщал, что он изучил предложения Э. Даладье и нашел их полезными. Однако в течение ночи он использовал иные возможности для подготовки прямой акции в Берлине, о чем он проинформирует Даладье на следующий день[34]. Э. Даладье был весьма разочарован,

когда узнал, что Н. Чемберлен поедет один вести переговоры с Гитлером. Странное разочарование: ведь до последнего момента французское правительство и не делало ничего иного, как только пыталось переложить всю ответственность на Англию.

На другой день Я. Масарик в Лондоне узнал о предательстве Ж. Бонна, о его заявлении, что «необходимо сохранить мир хотя бы ценой Чехословакии, что Франция не подготовлена и не хочет за чехов воевать». С этого момента в Праге не могло оставаться сомнений в позиции Франции. Вопрос был только в том, как защититься от французской измены. Я. Масарик пишет, что от своих друзей он получил совет: «Немедленно провести все военные приготовления. Только так нам удастся получить помощь. Если мы сами сумеем быть твердыми, то выступят Англия и Франция»[35]. Однако решения об обороне против фашистской агрессии едва ли можно было ожидать от людей, которые в политике следовали только за западными державами.

13 сентября Н. Чемберлен, таким образом, обрел уверенность, что Париж и Прага не могут осложнить осуществление его «плана Зет». Однако в самом Лондоне, как оказалось, не было единства взглядов на дальнейшие действия в отношении Германии. Нарастало давление оппозиции. А. Иден и У. Черчилль потребовали, чтобы правительство заняло ясную позицию по отношению к Германии и ее воинственным угрозам.

Н. Гендерсон направил в Форин оффис оценку выступления Гитлера на нюрнбергском съезде. По его мнению, это была довольно умеренная речь, тем не менее Англия оказалась в том же положении, как и 21 мая, с тем, однако, различием, что теперь нет времени на исследование ситуации и дебаты. Необходимо предпринять немедленные действия, чтобы помешать Германии прибегнуть к силе. И. Риббентроп сказал Н. Гендерсону, что они не поверят никаким проектам, если за ними не последуют дела. Судетонемецкая партия предъявила чехам ультиматум, и если он не будет удовлетворен, то будет война. Какова может быть в такой ситуации позиция Англии, ставил вопрос Н. Гендерсон. Существуют три возможных варианта: а) чехи немедленно предоставляют немцам полную автономию; б) чехи откажутся удовлетворить требования немцев, тогда воз-

никнут инциденты и все окажутся втянутыми в конфликт; в) немцы нападают на Чехословакию, но Англия и Франция остаются нейтральными. Это означало бы стимулирование агрессивных сил в Германии и предательство тех умеренных элементов, которые там имеются. Ни одну из этих трех возможностей нельзя считать слишком привлекательной, но первая из них больше всего отвечает интересам мира и самой Чехословакии. Н. Гендерсон надеется, что Э. Бенеш пойдет на уступки, и рекомендует британскому правительству сказать Праге: если предложения Ренсимена будут отвергнуты, то Англия не сможет нести ответственность за последствия такого отказа[36].

В тот же день британское правительство получило новую важную информацию. Были добыты сведения о содержании соглашения между Гитлером и Хорти. Они договорились, что в случае если Польша или Румыния разрешат проход Красной Армии в Чехословакию, то Венгрия пропустит немецкую армию через свою территорию. Эта информация позволяла понять смысл немецких угроз последнего времени о том, что через пять дней после начала войны германская армия будет в Бухаресте[37]. Поступили сообщения о координации действий Гитлера и Муссолини. Как только Гитлер ударит по Праге, Муссолини выступит с проектом созыва международной конференции для решения так называемой судетонемецкой проблемы. Гитлер примет это предложение при условии, что немецкая армия оккупирует Чехословакию в качестве гарантии против дальнейших террористических актов чехов. Он даст обещание, что его армия покинет Чехословакию, как только будут выполнены решения конференции, прежде всего о плебисците[38].

Поскольку британский правительственный внешнеполитический комитет должен был принять в тот день решение о «плане Зет», а он предполагал обязательное исключение Советского Союза из участия в решении вопросов европейской политики, Р. Ванситтарт посчитал необходимым обратить внимание на возможные последствия такого шага. Он откровенно высказался против идеи конференции четырех держав без России. Есть больше доводов за участие в конференции России, чем Италии. Три четверти населения Чехословакии — славя-

не. Если Россия не будет приглашена на конференцию, тем более нет оснований для присутствия на ней Италии. В конце концов, пока что Германия, а вовсе не Россия угрожает другим странам. Именно Германия требует исключения России из Европы. Если Англия это допустит, то Россия, считал Ванситтарт, окажется в изоляции, а позже может пойти по пути бисмарковских традиций немецко-русских связей. По мнению Р. Ванситтарта, у британского правительства нет никаких оснований следовать таким курсом, даже если бы имелась уверенность, что удастся преодолеть нынешнюю опасность. Однако такой уверенности, считал Р. Ванситтарт, не существует, и созыв конференции четырех держав — это ошибочный путь [39]. Главный дипломатический советник Форин оффиса Ванситтарт смог лучше других увидеть угрозу, которую политика уступок создавала интересам Англии, но господствующие круги Англии, Франции, США отдавали предпочтение тем политикам, которые игнорировали противоречия между капиталистическими державами и стремились обратить агрессивность фашизма против СССР.

Британский внешнеполитический комитет начал заседание в три часа пополудни [40]. В ходе заседания были обсуждены отдельные проекты, содержащиеся в поступившей дипломатической почте. Предложение Ж. Боннэ, чтобы Ренсимен подготовил свой план, Э. Галифакс назвал неприемлемым. Напротив, следует предупредить Ренсимена соблюдать осторожность в этом деле, поскольку любой его план рассматривался бы как британский проект. К тому же накануне поступило письмо от Ренсимена, который с явным нежеланием отнесся к предложению Н. Чемберлена выступить в качестве арбитра. В дискуссии было высказано сомнение, согласятся ли чехи с арбитром, который предложит прямую передачу пограничной территории.

Обсуждалась возможность плебисцита. Констатировалось, что он стал бы источником многих неясностей и трудностей. В каких областях он должен был бы состояться, кто бы контролировал его проведение? Чехи считали бы плебисцит средством расчленения их государства. На согласие с плебисцитом можно было бы надеяться, если бы Англия могла дать гарантии чехословацкому государству в его урезанном виде. Но такая га-

рантия вряд ли была бы принята, если бы ее давали на ограниченное время. Министров, как выявила дискуссия, не слишком воодушевляла перспектива того, что Англия должна взять на себя новые обязательства, которые позже вновь создадут опасность втянуть ее в войну. Плебисцит мог, вероятно, рассматриваться лишь как альтернатива иных решений. Было постановлено не предпринимать ничего, что открывало бы дискуссию о плебисците. И если тем не менее плебисцит станет предметом обсуждения, британской стороне следует подчеркивать трудности его проведения.

Необходимо отметить, что британское сопротивление плебисциту вовсе не означало возражений против уступки чехословацкой территории. Просто процедура плебисцита считалась затяжной и рискованной, уступка, в конце концов, могла быть осуществлена и без плебисцита.

Правительственный комитет рассматривал и вопрос о конференции четырех держав. Было высказано мнение, что такая идея малоприемлема для Германии даже при условии исключения России.

В 22 часа было принято решение приступить к реализации «плана Зет». По телефону связались с Н. Гендерсоном, которому было поручено срочно прозондировать настроения в окружении Риббентропа; Н. Гендерсон еще до того, в половине седьмого вечера, сообщил, что И. Риббентроп и Э. Вейцзекер находятся в Нюрнберге и с ними он увидится только на следующий день. Комитет принял к сведению предлагаемое послание, которое будет направлено в Берлин, но Н. Гендерсон попытается установить связь с Риббентропом (впрочем, это возможно не раньше утра 14 сентября).

В течение дня Н. Чемберлен направил два письма королю Георгу VI [41]. В первом письме он информировал о существе «плана Зет».

«Британское правительство,— говорилось в письме,— получило сообщение о намерении Гитлера напасть на Чехословакию после 20 сентября. Н. Гендерсон думает, что Гитлера еще можно умиротворить. Мы разделяем его взгляд. Я продумал возможность быстрого, хотя и драматического, шага, который мог бы изменить всю ситуацию. Имею в виду информировать Гитлера о желании встретиться с ним в Германии. Гитлер не смо-

жет отвергнуть такое предложение. Я сумею убедить его, что имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого соглашения, и притом путем решения чехословацкого вопроса. Раскрою перед ним перспективы, которые открываются перед Англией и Германией как двумя столпами европейского мира, как основными опорами в борьбе против коммунизма; предложу ему, чтобы предварительным условием стало мирное решение трудностей, имеющихся во взаимоотношениях между ними. Гитлер, как можно предположить, заявит, что он уже не может больше ждать и что решение должно быть найдено немедленно. Предложу ему, чтобы обе стороны уполномочили лорда Ренсимена действовать в качестве арбитра, имеющего право принимать окончательное решение. Не могу гарантировать, что Э. Бенеш согласится с таким решением, но мы можем оказать на него давление и заставить принять это. Французское правительство неустанно нам повторяет, что примет любой план, который мы предложим. Этот проект мы обсудили с Э. Галифаксом и завтра ознакомим с ним и кабинет».

Во втором письме премьер-министр информировал короля, что «план Зет» уже осуществляется. «Ситуация,— писал Н. Чемберлен,— развивается столь быстро и критически, что я направил Гитлеру личное послание с предложением прилететь в Германию завтра. Прошу его сообщить, когда он хочет меня видеть. Надеюсь на согласие с Вашей стороны».

Это были критические моменты. Европа вступила на опасный путь. Идея коллективной безопасности была отброшена. Самолет в Гестоне стоял в готовности уже шесть дней. Н. Чемберлен выжидал подходящего момента. Н. Гендерсон в Нюрнберге имел достаточно времени, чтобы подготовить встречу. Гитлер, соглашаясь на нее, ничем не рисковал, потому что располагал вполне надежными сведениями, что Англия и Франция согласятся с передачей чехословацких пограничных районов.

При выборе момента Н. Чемберлен учитывал и настроения британской общественности. После заявления Гитлера о том, что он не допустит, чтобы судетские немцы подвергались притеснениям, Чехословакия решилась — хотя и с колебаниями — подавить генлейновский путч. В Париже и Лондоне создалось впечатление, что

война — вопрос ближайших минут. Массы людей еще помнили ужасы окопной войны и вовсе не были воодушевлены перспективой новой бойни. В пору мучительного напряжения, тревоги и страха, когда люди теряют разум, Н. Чемберлен выступил с предложением о личной встрече с Гитлером. В любой иной ситуации его решение вызвало бы острую критику и было бы осуждено англичанами. Потребовалось особое стечение обстоятельств, чтобы премьер-министр первой державы тогдашнего мира унизился до встречи с Гитлером. Необходимо было ситуации обостриться до крайней степени, чтобы общественность готова была принять любое средство, лишь бы продлить дни мира, хотя бы и весьма ненадежного. Общественность должна была проникнуться убеждением, что ситуация является буквально безнадежной, чтобы Чемберлен мог предстать как апостол мира. Н. Чемберлен в таких делах был расчетливым игроком. Неделей позже он писал в одном из своих писем, что две вещи имели существенное значение для успеха его плана: во-первых, положение должно выглядеть возможно более опасным; во-вторых, его проект должен быть неожиданностью [42].

Британские архивы, недавно ставшие доступными для исследователей, содержат документы, которые позволяют заглянуть за кулисы подготовки плана Чемберлена. При его реализации стремились исключить случайности, все вовремя продумать и подготовить. План демагогически преподносился как «мирное решение», хотя для его инициаторов не было секретом, что он, собственно, открывает путь к войне. Но они питали иллюзии, что сами останутся в стороне от пожара, что гитлеровскую агрессию удастся направить на восток Европы.

Н. Чемберлен и его сообщники показали себя опытными манипуляторами общественного мнения. Они сумели осуществить свой позорный компромисс с Гитлером на глазах у всех, находясь якобы «под контролем свободной печати», когда общественность могла «свободно» выражать свои взгляды по вопросам войны и мира. Неопровержимые факты, однако, безжалостно разоблачают несостоятельность этой либеральной фразеологии. История плана Чемберлена наглядно подтверждает, что в капиталистическом мире даже общество с

давними традициями парламентской и буржуазной демократии не способно помешать политическим дельцам втянуть человечество в пучину войны. Лозунг спасения мира от большевизма был призван оправдать в глазах буржуазной общественности неблаговидное поведение правительства Чемберлена.

С того момента, как был приведен в действие план Н. Чемберлена, подлинные сторонники мира и борцы против фашизма оказались в состоянии обороны. Их обвиняли в том, что они провоцируют войну и срывают дело «миротворцев». Н. Чемберлен тщательно выбрал время для выступления со своим планом, чтобы предстать в качестве апостола мира. С этого времени подготовка новой мировой войны получила демагогическое обозначение «мирного решения».

XX

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВСТРЕЧЕ В БЕРХТЕСГАДЕНЕ (14 СЕНТЯБРЯ)

Гитлеровское руководство продолжало тактику вымогательства. Ультиматум судетонемецкой партии был воспринят в Париже и Лондоне как увертюра к войне. Французский и британский кабинеты рассматривали даже вопрос о мобилизации. В окружении Гитлера поняли, что зашли слишком далеко: чтобы контроль над ситуацией остался в руках Ж. Бонне и Н. Чемберлена, умерить тон нужно было и немецкой стороне. Об ультиматуме перестали говорить и писать, в прессе упоминались лишь «требования» судетонемецкой партии [1]. Немецкая разведка доносила из Лондона, что в британском парламенте нет единства взглядов по вопросу о плебисците. Группа А. Идена против плебисцита, Э. Галифакс подчас проявляет нерешительность, Н. Чемберлен, Дж. Саймон и С. Хор за плебисцит, но ждут от Германии доказательств доброй воли. Они считают, что следовало бы подчеркивать право судетских немцев на самоопределение, но избегать всего вызывающего подозрение, что Гитлер преследует захватнические цели. Эта группа приветствовала бы демобилизацию в Германии и умеренный тон немецкой печати. Тогда мог быть открыто поставлен и вопрос о плебисците. Однако нацисты полагали, что их военные угрозы и вымогательства скорее приведут к цели. Они верили, что шок, вызванный в Париже и Лондоне ультиматумом судетонемецкой партии, и поспешность, с которой британская сто-

ропа готовится к переговорам, служат верным свидетельством того, что «все развивается по плану»[2].

14 сентября в 9 часов утра Н. Гендерсон передал статс-секретарю Э. Вейцзекеру послание Н. Чемберлена. И. Риббентроп был еще в Мюнхене, Г. Геринг хотя и находился в Берлине, но еще не принимал. Н. Гендерсон сопроводил послание краткими дополнительными пояснениями. Послание, говорил Н. Гендерсон, служит показателем того, до какой степени британский премьер преисполнен решимости сохранить мир и предотвратить войну между Германией и Великобританией. Предложение о встрече с Гитлером — это шаг, который взвешивался уже длительное время. Э. Вейцзекер спросил, не принял ли Н. Чемберлен свое решение еще до сообщения об ультиматуме К. Генлейна. Н. Гендерсон подтвердил это и добавил, что первое сообщение он получил из Лондона вчера в семь часов вечера, то есть раньше, чем истек срок генлейновского ультиматума[3].

Э. Вейцзекер видел, что британская сторона не выдвигала никаких предварительных условий для начала дискуссии и не присовокупила никаких предостережений относительно войны. Он позвонил И. Риббентропу в Мюнхен и сообщил, что речь идет о прежнем плане, который Н. Гендерсон уже обсуждал в Лондоне две недели назад. Гитлер и Риббентроп видели в британском предложении о встрече полную капитуляцию Запада и безоговорочную выдачу Чехословакии на милость Германии[4].

После посещения Э. Вейцзекера Н. Гендерсон позвонил Г. Герингу и напомнил, что тот в Нюрнберге сам рекомендовал устроить встречу Гитлера с Чемберленом. Спрашивая его, продолжает ли он придерживаться прежнего мнения. Получив положительный ответ, попросил выяснить, согласен ли Гитлер на встречу[5]. Позже Г. Геринг позвонил и передал согласие Гитлера.

Утренняя немецкая печать в этот день публиковала сообщения о том, что в Чехословакии якобы идет гражданская война, в ходе которой было убито тринадцать немцев. Давалось понять, что эти события серьезно угрожают миру[6]. Немецкая печать действовала строго по полученным инструкциям, подчеркивая, что дальнейшее нахождение чехов и немцев в одном государстве невозможно, намекалось на желательность плебисцита.

При этом немецкая печать тщательно избегала заявлений о том, что плебисцит является немецким требованием. Напротив, печать должна была подчеркивать, что речь идет исключительно об английской и французской инициативе, о которой уже писали газеты «Таймс» и «Матэн» [7]. Нацистское руководство уклонялось от точной формулировки собственных требований; такая неопределенность позволяла ему продолжать вымогательскую тактику и неуклонно увеличивать свои требования.

Относительно чемберленовского предложения о встрече с Гитлером немецкая печать получила приказ сообщить о нем, но без каких-либо комментариев. Что касается Чехословакии, то и впредь делать упор на «кровавом терроре» и «преследовании немцев». Не допустить, чтобы создалось впечатление, будто предложение Н. Чемберлена снижает напряженность [8]. Пресса должна была поддерживать убеждение на Западе, что опасность войны остается по-прежнему острой.

О возможности войны сообщал в этот день и Н. Гендерсон. Г. Геринг, правда, пообещал ему, что если Германия предприняла бы нападение на Чехословакию, то на французском фронте она осталась бы пассивной. Н. Гендерсон из этого делал вывод: Германия хотела бы локализовать войну и закончить ее присоединением судетонемецкой территории [9]. Это была хорошо продуманная тактика, которая шла навстречу британским усилиям оказать на Францию давление, чтобы она воздержалась от вмешательства. Если бы не удалось предотвратить войну против Чехословакии, то, как считали в окружении Чемберлена, Германия смогла бы добиться победы в течение одной недели. А тем временем французская армия отсиживалась бы пассивно за линией Мажино. Потом конфликт мог бы быстро завершиться перемирием, которое гарантировало бы Германии плоды ее победы.

В окружении Чемберлена утверждали, что встреча с Гитлером окажет поддержку умеренным элементам в Германии. Это явно противоречило действительности; уступки Запада, напротив, усиливали убежденность нацистов в том, что только военные угрозы и вымогательства являются действенным и наиболее эффективным средством политики. Некоторые авторы указывают, что

именно 14 сентября немецкие генералы якобы намеревались совершить переворот, чтобы предотвратить войну, заранее обреченную, по их мнению, на поражение, но сообщение о визите Н. Чемберлена сорвало их планы и спасло Гитлера [10].

Как развивались события в Праге после получения известий о готовящемся визите Н. Чемберлена к Гитлеру? Правительство сознавало серьезность ситуации, созданной путчем генлейновцев. Ожидалось, что в ближайшие часы Гитлер может начать войну. Капитулянтские круги в среде аграриев не скрывали, что если Запад прямо и ясно не выступит в защиту Чехословакии, то необходимо договариваться непосредственно с Германией, отдать ей пограничье и расторгнуть союзнические договоры. Их беспокоило только одно: как все это встретит народ Чехословакии [11].

Э. Бенеш не мог ничего противопоставить пораженчеству аграриев. Ему оставалось лишь вновь развивать перед Б. Ньютоном проникнутые безнадежностью соображения об агрессивной политике Гитлера, о нарастании угрозы чехословацкому государству. Он был готов вести и дальше переговоры с делегацией судетонемецкой партии, не имея ничего против включения части Западной Чехии, например района Хеба, в состав Германии. Такое решение, по его словам, не угрожало существованию Чехословакии. Эти предложения он сообщил Парижу, однако они не были приняты. Э. Бенеш после этого без промедления отмежевался от собственных слов, утверждая, что отделение этих районов от чехословацкого государства не было бы приемлемым решением, отвечающим данной ситуации. Парламент и общественное мнение будут принципиально настаивать на целостности государства. Обо всем этом Б. Ньютон немедленно сообщил в Лондон [12].

Нет нужды подчеркивать, что высказывание Э. Бенеша накануне встречи Н. Чемберлена с Гитлером о возможности передать Германии часть чехословацкой территории было принципиальной политической ошибкой. Нельзя же всерьез возражать против британского проекта о передаче чехословацких пограничных районов, если сам глава государства выступает с аналогичными предложениями. Это донесение британского посланника проливает дополнительный свет и на вопрос,

вокруг которого давно велись споры. Их возникновение связано с телеграммой французского посланника де Лакруа, в которой содержалось изложение аналогичного разговора с Э. Бенешем. Впоследствии Э. Бенеш всячески стремился, опираясь и на своих французских друзей, доказать, что Ж. Боннэ фальсифицировал эту депешу де Лакруа. Согласно телеграмме французского дипломата, Э. Бенеш допускал возможность уступки Германии части пограничной территории и напоминал о своих проектах, которые он вносил на рассмотрение парижской мирной конференции. Документы британских дипломатических архивов подтверждают, что Э. Бенеш действительно совершил серьезную ошибку, которую позже смогли использовать сторонники «умиротворения» в Париже и Лондоне для доказательства того, что ампутация пограничных районов основывается, собственно, на предварительном согласии правительства Чехословакии и ее президента.

Все это вовсе не означает, что правительство и президент признавали обоснованным требование присоединить пограничные области Чехословакии к Германии. На Прагу оказывали воздействие гитлеровские воинственные угрозы, и Э. Бенеш, проявляя колебания под давлением политики западных держав, высказал предложение, как можно было бы избежать войны. Это были опасные заблуждения, события скоро показали: все, чего добился Гитлер путем вымогательства и военных угроз, лишь способствовало развязыванию всеобщего конфликта.

Непосредственно перед визитом Н. Чемберлена в Германию вообще не было ясно, на какой основе состоятся переговоры. Британская дипломатия производила зондаж и в Праге, интересуясь, возможен ли плебисцит. Предполагалось, что, если бы Франция присоединилась к британскому нажиму, чехословацкое правительство не отвергло бы плебисцита. Но Б. Ньютон предупреждал, что имеется угроза военного переворота, который смел бы правительство, решившееся на плебисцит. Возникшее при этом кровопролитие дало бы Германии повод для войны. Б. Ньютон рекомендовал лучше исходить из результатов последних общинных выборов и отказаться от проведения плебисцита [13]. Это соответствовало тому, что накануне было сказано на

заседании британского внешнеполитического комитета. Н. Чемберлен, судя по всему, сумеет договориться с Гитлером скорее о прямой уступке чехословацкой территории, чем о плебисците.

Переговоры были окончательно сорваны судетонемецкой партией. На призыв чехословацкого правительства возобновить переговоры и содействовать спокойствию в пограничных районах Генлейн ответил роспуском делегации во главе с Э. Кундтом. Французский посланник, выполняя указания Э. Даладье, оказывал нажим на М. Годжу, требуя, чтобы правительство безоговорочно приняло ультиматум К. Г. Франка. Случилось, однако, то, чего меньше всего ожидали нацистские провокаторы: в пограничных районах наступило спокойствие и генлейновский штаб в Аше оказался в полной изоляции. Этот факт должно было признать и немецкое посольство в Праге [14]. Такое развитие событий вновь подтвердило, какие возможности упустило чехословацкое правительство; располагая убедительными доказательствами о гитлеровских приказах вызывать инциденты, оно позволило запугать себя и последовало британским и французским рекомендациям не раздражать Гитлера. Между тем вымогательство гитлеровцев прекращалось только там и тогда, когда наталкивалось на твердый отпор.

После роспуска делегации Э. Кундта руководство судетонемецкой партии сообщило, что оно впредь намерено вести переговоры только о плебисците, то есть о присоединении пограничных областей к Германии, и решение об этом должно быть принято в ближайшие 48 часов. Все зависело, по мнению руководства судетонемецкой партии, от Англии. Если она окажет достаточно сильный нажим, Прага уступит. В противном случае судетонемецкая партия призовет к новому путчу, который будет поддержан вторжением немецкой армии в Чехословакию [15].

Незадолго перед полуднем 14 сентября Ф. Эштон-Гуэткин встретился с К. Генлейном в Аше. Если чехословацкое правительство немедленно и безоговорочно примет ультиматум К. Г. Франка, заявил К. Генлейн, то он назначит новую делегацию для переговоров о плебисците. Дальнейшее пребывание чехов и немцев в одном государстве невозможно. Карловарская про-

грамма изжила себя, и на ее основе больше нельзя вести переговоры [16]. Руководство судетонемецкой партии действовало строго по инструкциям, полученным в Берлине; еще в марте 1938 г. ей было сказано: как только чехословацкое правительство согласится с требованиями судетонемецкой партии, их надлежит немедленно усилить. Если чехословацкое правительство согласилось бы с Карловарской програмой, следовало немедленно потребовать проведения плебисцита, то есть отторжения пограничных районов.

Вина коалиционного правительства состояла в том, что генлейновской агентуре было позволено выступать в качестве единственного представителя судетских немцев. Принципиальной ошибкой коалиционного правительства было то, что оно вообще вступило в переговоры с этой преступной организацией, ставившей перед собой единственную задачу — помочь Гитлеру развернуть подготовку агрессивной войны. С середины тридцатых годов британская политика придерживалась принципа: агрессивность гитлеровской Германии следует сдерживать не заключением пактов коллективной безопасности, а путем прямых переговоров с ней, путем достижения компромиссов, которые удовлетворяли бы немецкие требования. Такая политика только помогала маскировать агрессивный характер нацистских планов и вызывала смятение в среде европейской общественности. Переговоры правительства Чехословацкой Республики с судетонемецкой партией также содействовали созданию ситуации, позволившей Чемберлену направиться к Гитлеру с предложением об ампутации чехословацкого пограничья.

14 сентября Э. Галифакс информировал французское правительство о решении Н. Чемберлена вести переговоры непосредственно с Гитлером, видя в этом единственную возможность помешать насильственным действиям нацистов и стимулировать умеренные элементы в Германии [17]. В Париже это встретили со вздохом облегчения, более того, прямо с энтузиазмом. Было очевидно, что французское правительство примет что угодно, о чем Н. Чемберлен договорится с Гитлером. На заседании правительства Ж. Бонэ и Э. Даладье высказались за ревизию Версальского договора, который, по их словам, был преступной ошибкой Клемансо

и его друзей. Распространялись иллюзии о предстоящем дружеском сотрудничестве четырех держав в Европе, которое, мол, устранит все недоразумения. Считалось, что визит Н. Чемберлена положит начало «новой эре» [18].

Насколько точно был выбран момент для реализации чемберленовского «плана Зет», особенно видно по реакции французской общественности. В сообщении чехословацкого посланника можно было прочитать следующее: «Визит Н. Чемберлена вызвал необычайную симпатию у французского народа... Люди восприняли поездку с таким энтузиазмом, что политики и журналисты, которые видят сопряженный с нею риск, не смеют высказать свое мнение из опасения, что их неправильно поймут» [19].

Сторонники «умиротворения», бесспорно, получали большой выигрыш. Таким деятелям, как Боннэ, Колло, Монзи, Помарэ, Бержере и другим, этот поворот придал новую отвагу; они стали угрожать Чехословакии расторжением союзнического договора, если она осмелится провести мобилизацию без предварительного французского согласия или не будет следовать англо-французским рекомендациям [20]. Это явно свидетельствовало о разложении правящей верхушки страны, о моральном падении ее политиков. Даже такой деятель, как Э. Эррио, отказался в Женеве поддержать настоятельное требование М. М. Литвинова вынести чехословацкий вопрос на обсуждение Лиги наций в соответствии с 11 статьей ее Устава; при этом Э. Эррио ссылался на всеобщий упадок и разложение во Франции [21]. Чехословацкой делегации он даже сообщил, что единственной надеждой остается его личная встреча с Гитлером [22]. Удобная ссылка на внутренние неурядицы во Франции в любое время могла быть усилена аргументом, что британское правительство отказывается поддержать Францию в случае, если бы французская армия начала операции против Германии в помощь подвергшейся нападению Чехословакии. Когда немецкая армия в начале 1936 г. вступила в Рейнскую область и Гитлер расторгнул Локарнские договоры, Франция смирилась с таким шагом, подчинившись британскому руководству. Ныне наступил момент, когда ей предстояло публично продемонстрировать, что она утрачивает позицию европейской державы первого ранга.

В течение 14 сентября в Праге и Париже не произошло ничего такого, что принуждало бы Чемберлена изменить свое решение о встрече с Гитлером. Не случилось также ничего, что заставило бы его четко определить свои позиции в переговорах с Гитлером. Французское правительство предоставило ему полную свободу в принятии решения о Чехословакии. Ж. Бонне хотя и заявлял Э. Фиппсу, что Франция отдала бы предпочтение федерализованной и нейтральной Чехословакии с автономной Судетской областью, но соглашался и с плебисцитом, и с отделением Судетской области, лишь бы избежать войны[23]. Такие заявления Бонпэ ни к чему не обязывали Н. Чемберлена и давали ему свободу действий.

14 сентября собрался британский кабинет, чтобы обсудить предстоящую встречу Чемберлена с Гитлером[24]. Комитет обороны империи представил заключение начальников штабов, содержавшее анализ ситуации с военной точки зрения[25].

В начале заседания Н. Чемберлен изложил историю «плана Зет». В судетонемецкой области в любое время может возникнуть инцидент, который, по выражению Чемберлена, спровоцирует Германию напасть на Чехословакию. Чемберлен сообщал, что еще до 30 августа был разработан план, который можно было осуществить в течение короткого времени и с его помощью «в последний момент спасти мир». Он обсуждал этот план с одним-двумя министрами и послом Н. Гендерсоном. Существенной чертой плана, повторял Чемберлен, является неожиданность, и поэтому он сохранялся в тайне до последней возможности. План состоит в том, что Н. Чемберлен лично отправится к Гитлеру, как только станет ясно, что иного решения нет. Первоначально предполагалось, что сообщение о визите Н. Чемберлена появится лишь после его приезда в Германию. Такая процедура должна была помешать Гитлеру отказаться от встречи. Позже, однако, от этого пришлось отказаться. Гитлер мог бы, например, сослаться на болезнь и не принять Чемберлена. Это унизило бы британского премьера и могло бы создать серьезную ситуацию. Н. Гендерсон счел подобную процедуру весьма рискованной, он отдавал предпочтение тому, чтобы Гитлер был своевременно информирован о задуманном визите

Н. Чемберлена. Успех зависит от точного расчета во времени. Если план стал бы осуществляться слишком рано, мог бы возникнуть вопрос, почему эта акция предпринимается прежде, чем Ренсимен завершил свою миссию. Если бы, с другой стороны, выжидали слишком долго, Гитлер мог бы начать какие-либо действия, носящие необратимый характер. Еще вчера премьер полагал, что «план Зет» можно осуществить в конце текущей недели, то есть 17 сентября. Однако в первой половине этого дня в Судетской области произошли инциденты.

Поступила также заслуживающая внимания информация о встрече Ж. Бонно с Э. Фиппсом. Ж. Бонно был очень испуган и убежден, что столицы Англии и Франции будут обращены в руины. Французы были приведены в ужас сообщением Линдберга о том, что Германия имеет восемь тысяч самолетов и может производить их полторы тысячи в месяц.

Несколько позднее Э. Даладье передал о своем желании переговорить с британским премьером. Н. Чемберлен пришел к заключению, что это могло создать какие-либо осложнения, и Э. Фиппсу было дано поручение посетить Э. Даладье. Э. Фиппс, как он информировал Лондон, уже посетил Э. Даладье, и последний произвел на него совершенно иное впечатление, чем 8 сентября, когда он еще говорил о французской мобилизации. На этот раз Э. Даладье говорил только о необходимости любой ценой предотвратить вторжение Германии в Чехословакию, ибо в противном случае Франция будет поставлена перед необходимостью определить свое отношение к союзническим обязательствам. Слова эти Н. Чемберлен счел весьма примечательными.

Позже вечером стало известно, что судетонемецкая партия предъявила ультиматум чехословацкому правительству. Правда, правительство отвергло ультиматум, но оставило двери открытыми для дальнейших переговоров. К. Генлейн, однако, заявил о прекращении переговоров. При таких обстоятельствах Н. Чемберлен, Э. Галифакс, Дж. Саймон и С. Хор решили немедленно приступить к осуществлению «плана Зет». Н. Гендерсону тотчас была послана соответствующая телеграмма.

Н. Чемберлен надеялся, что кабинет отвергнет оба проекта Э. Даладье. В первом из них Э. Даладье пред-

лагал, чтобы Ренсимен выступил со своим собственным планом. Однако нет никакой уверенности, что Ренсимен вообще захочет подготовить такой план, и нельзя его к этому принуждать. Инициатива Ренсимена могла вызвать самые различные возражения. Она могла оказаться неприемлемой для обеих сторон, и, кроме того, к ней отнесутся как к британскому плану. Н. Чемберлен не рекомендует правительству брать на себя такую ответственность.

Второе предложение Э. Даладье касалось конференции трех держав, которая обсудила бы предложенный проект. По мнению премьера, нельзя, однако, заставить Германию согласиться с планом конференции трех. Это также может вызвать многочисленные возражения. Россия, Польша и другие страны потребовали бы, чтобы их допустили на такую конференцию. Германия же двусторонним обязательствам отдаст предпочтение перед многосторонними. Конференция четырех была бы столь же малопривлекательной для Германии. «План Зет» во всех отношениях более перспективен.

Н. Чемберлен, как он изложил это членам кабинета, предпринимая визит в Германию, рассчитывает использовать тщеславие Гитлера, который, как известно, любит принимать руководителей иностранных государств. В разговоре с ним можно изложить британскую позицию, внушить, чтобы он не прибегал к использованию силы и не прерывал тем самым дискуссию между Англией и Германией. Англия не настроена прочешски, но не стоит и за судетских немцев. Она хочет сохранить мир и найти правильное решение. Под давлением Англии и Франции Э. Бенеш пошел значительно дальше, чем ожидалось. Гитлер, вероятно, в ответ разразится тирадой против Бенеша, заявит, что его обещаниям нельзя доверять. Н. Чемберлен тогда предложит, чтобы обе стороны вынесли спор на суд Ренсимена, и он в качестве верховного арбитра примет окончательное решение. Разумеется, заметил при этом Н. Чемберлен, он не может обещать, что Бенеш согласится с этим, но он окажет сильное давление на чехов, и то же сделает Франция. Такова идея, которая с самого начала была заложена в плане. Не исключено, что Гитлер может заявить: такое решение было бы приемлемым неделю назад, однако теперь единственным выходом является

плебисцит. Н. Чемберлен просит кабинет взвесить, как следовало бы ответить на подобное требование Гитлера. Плебисцит нельзя отвергнуть — так думает он сам, и того же мнения придерживается Э. Галифакс. Судетские немцы отнюдь не служат источником силы Чехословакии. Но плебисцит сопряжен с большими трудностями. Как выделить районы для плебисцита, если чешское и немецкое население живет вперемежку, как учесть стратегические и экономические интересы? Мир в Чехословакии, полагает Н. Чемберлен, не будет восстановлен, пока судетские немцы будут оставаться в составе этого государства. Вместе с тем британская сторона, как он считает, вовсе не должна утверждать, что она категорически против плебисцита.

Можно было бы рассмотреть и такой вариант: судетские немцы сейчас получили бы широкую автономию, а спустя определенное время им была бы предоставлена возможность определить свою дальнейшую судьбу путем плебисцита. Но вряд ли можно предполагать, что потом плебисцит проходил бы в лучшей атмосфере. Что станет с урезанной Чехословакией после передачи части ее территории Германии? Могут сказать, что это будет небольшой кусок страны, обреченный на поглощение Германией в любое время. Чехи могут разделять такие взгляды и предпочесть борьбу решению, по которому их государство лишится теперешних границ. Н. Чемберлену очень не хочется думать о британских гарантиях для Чехословакии после ее расчленения. Это было бы новое обязательство в Центральной Европе; Англия не в состоянии спасти Чехословакию, если бы Германия захотела ее поглотить. Ценность гарантий была бы лишь в их «устрашающем» воздействии. Чехословакия могла бы получить гарантии лишь как нейтральное государство, и нейтрализация сделала бы более ясным положение в Центральной Европе. Гарантами могли быть, вероятно, Франция, Англия, Германия и Советский Союз.

Переговоры Н. Чемберлена с Гитлером должны бы привести к улучшению англо-германских отношений. Премьер скажет, что после того, как будет найдено решение для преодоления нынешних трудностей, можно будет обсудить проблемы, непосредственно касающиеся обеих стран. Он не забывает о словах Г. Геринга, ска-

ванных Н. Гендерсону: если будет найдено решение современных проблем, то Англия будет удивлена умеренностью немецких требований.

Н. Чемберлен добавил, что он уже ознакомил Ренсимена со своим планом и получил его согласие. Это означало бы конец его миссии в Чехословакии. Он намерен попросить Ренсимена также приехать в Берхтесгаден. В речи Гитлера в Нюрнберге не было сказано ничего, что имело бы окончательный и бесповоротный характер. В ней не содержится прямого требования плебисцита. Но если такое требование и было бы высказано, Англии и Франции трудно решиться вести войну лишь ради того, чтобы помешать судетским немцам добиться такого правления, которое они считают желательным для себя.

В ходе дискуссии остальные министры высказывали самые различные взгляды, которые, однако, никоим образом не были направлены против существа плана Чемберлена. Э. Галифакс рекомендовал выяснить, какую позицию займет чехословацкое правительство. Главная задача теперь — достичь согласия с Германией относительно принципиальной линии; Англия и Германия должны сохранить контакты и на будущее, чтобы иметь возможность устранить трудности, которые могут появиться.

Военный министр Л. Хор-Белиша подчеркнул, что Гитлер может потребовать прямого включения судетонемецкой области. Как будет реагировать в таком случае британское правительство?

Министр по делам доминионов М. Макдональд заявил, что общественность поддержала бы идею плебисцита, если бы он был единственной альтернативой войне. Правительства доминионов также разделяют такое мнение. Первый лорд адмиралтейства Дафф Купер возразил против того, что плебисцит является альтернативой войне; принципиальный вопрос состоит, однако, не в том, будет ли война или нет, а в том, будет ли она теперь или несколько позже. Если Англия начнет войну, то она в конечном счете победит. Первоначально он хотел предложить в ответ на немецкие приготовления мобилизацию флота, но сейчас отдает предпочтение «плану Зет». Но этот план также таит в себе двойной риск. Если Англия предложит проект и Германия

его примет, то Чехословакия может его отвергнуть, и тем будет сильно осложнен вопрос. Англию могут также обвинить в том, что она действует за спиной Франции. Лорд — председатель Совета Хэйлшэм заявил, что согласен с предложением выбрать Ренсимена арбитром, но имеет замечания относительно плебисцита. Он сомневается, чтобы чехословацкое правительство согласилось его провести. Если встанет вопрос о плебисците, Н. Чемберлен должен поступать так, чтобы выиграть время и обеспечить возможность для обсуждения вопроса с Францией и Чехословакией. Министр торговли Оливер Стэнли согласился, что план премьера — это единственная возможность спасти мир, но следует тщательно следить за тем, чтобы не допустить при переговорах полного поражения Англии. Выслушав выступавших, Н. Чемберлен ответил: что касается плебисцита, он не возьмет на себя никаких определенных обязательств, а лишь допустит возможность при известных обстоятельствах продискутировать этот вопрос. Плебисцит — это одна из возможностей, он мог бы состояться не сейчас, а через шесть месяцев, когда вернулись бы демобилизованные резервисты и была бы создана международная комиссия для наблюдения за его проведением.

Министр финансов Дж. Саймон остановился на полномочиях Ренсимена как арбитра, имеющего право принимать окончательное решение. Э. Бенеш, вероятно, не признал бы за арбитром права ставить вопрос о передаче чехословацкой территории другому государству. При таком повороте дел снова актуальным стал бы вопрос о плебисците. Дж. Саймон предложил кабинету одобрить идею визита Н. Чемберлена к Гитлеру.

Министр координации обороны Т. Инскип предложил высказать Гитлеру ясно и прямо: у Англии нет желания мешать Германии установить гегемонию в определенной части мира, поскольку она сама «владеет другой его частью». Нет возражений и против того, чтобы Гитлер владел частью Европы, но имеются возражения против использования при этом угроз и насилия. Война ради защиты Чехословакии — недопустимая авантюра, но она станет неизбежной, когда дело пойдет о спасении Франции. Англия не может помешать Германии, если она решит оккупировать Чехословакию, это

ясно. И если бы Чехословакия однажды уже оказалась оккупированной, то, по убеждению Инскипа, никогда не была бы восстановлена в ее нынешнем виде.

Н. Чемберлен попросил министров сохранить в секрете его план до тех пор, пока не поступит ответ от немцев. Э. Галифакс дополнительно добавил, что прессе дано указание писать о «плане Зет» корректно и подчеркивать, что план свидетельствует вовсе не о слабости Великобритании, а о ее силе. Многие из министров, участвовавшие в дискуссии, вновь обращали внимание на риск, связанный с плебисцитом. Обсуждение так и не внесло ясности, что же Н. Чемберлен, собственно говоря, предложит Гитлеру. Премьера лишь предупредили, чтобы его переговоры не создали ситуацию, которая явно свидетельствовала бы о поражении Великобритании, утрате ею престижа и т. п. Решение, принятое кабинетом, было самым общим и неопределенным. Если Гитлер примет предложение Н. Чемберлена, то конференция пройдет в духе, обозначенном в ходе дискуссии. Если Гитлер откажется от переговоров, то кабинет вновь соберется и обсудит ситуацию. Парламент будет созван лишь после возвращения Н. Чемберлена из Германии. Акция будет сохранена в секрете; когда настанет время, в печати будет опубликовано особое коммюнике.

Э. Галифакс сделал кабинету два сообщения об инициативе У. Черчилля и А. Идена: они требовали, чтобы Гитлеру была вручена совместная нота трех держав, предостерегающая от насилия. В Женеве нужно создать особый комитет, задачей которого было бы принятие мер по предотвращению войны. Эти шаги воодушевили бы все элементы в Европе, выступающие против Гитлера и ожидающие лишь решительного и сильного руководства [26].

Проекты У. Черчилля и А. Идена были выражением той политической линии, которую Н. Чемберлен как раз и хотел окончательно похоронить с помощью «плана Зет».

Министры располагали также заключением начальников штабов, представлявшим собой попытку прогноза, как могут развиваться события в случае, если Германия начнет войну. Генералы писали: если Франция придет на помощь Чехословакии, в войну будет втянута

и Англия. Италия первое время будет занимать нерешительную позицию. Япония завязла в Китае, но может попытаться расширить экспансию за счет английских владений. США стоят в стороне. Начальники штабов утверждали, что о позиции СССР якобы нельзя сказать ничего определенного. Испания симпатизирует Германии. Германия попытается оккупировать Чехословакию, на западном же фронте будет держать оборону. Перевес сил на суше за Германией, и она его сохранит даже с учетом чехословацкой армии. Свое превосходство на суше и в воздухе немцы используют для быстрейшего разгрома Чехословакии. Германские укрепления на западной границе в состоянии лишить эффекта французские наступательные операции. Участие Италии в войне могло бы еще более ухудшить позиции Великобритании.

Германия уже мобилизовала большую часть своих вооруженных сил. Проведены мероприятия по противовоздушной обороне, наличие значительного количества аэродромов позволяет легко осуществлять переброску немецких самолетов. Германия может преследовать в отношении Чехословакии такие цели: а) ограничится оккупацией Судетской области; б) может удовлетвориться оккупацией Чехии и Моравии; в) будет стремиться к уничтожению армии Чехословакии. Германия может без труда достичь первых двух целей. В конце концов она осуществит и третью цель.

На чехословацких границах, по примерной оценке, сосредоточено 20 немецких дивизий, в том числе 8 бронетанковых и моторизованных, подготовка ведется полным ходом, подтягиваются резервные дивизии. Следует считаться с вероятностью участия всей немецкой авиации в действиях против Чехословакии. Перед лицом немецкой угрозы Чехословакия располагает 21 дивизией, эти силы в течение нескольких дней могут быть удвоены за счет резервных дивизий. В распоряжении Чехословакии имеется 600 самолетов, из них примерно 200 бомбардировщиков и 250 истребителей. Наземные силы Чехословакии будут весьма разбросаны в силу конфигурации ее границ. Прагу и Пльзень не удастся долго удерживать. Главные оборонительные бои развернутся в моравском четырехугольнике. Хотя для строительства укреплений сделано поразительно много, сооруже-

ние оборонительных линий еще не завершено. На некоторых направлениях поставлены специальные противотанковые препятствия. Как можно судить по информации из коммерческих кругов, рассматривается вопрос об использовании отравляющих газов.

Англия и Франция могут принять против Германии следующие меры: а) начать совместную блокаду (но нельзя ожидать, что это даст немедленный и действенный эффект); б) осуществить сухопутные операции силами Франции. Британский штаб пока не знает, намерена ли французская армия остаться на линии Мажино или попытается предпринять наступательные действия против Германии. По мнению британских специалистов, у Германии, однако, имеется достаточно сил, чтобы, опираясь на свои оборонительные сооружения, выстоять против французского наступления. Англия может послать на фронт две не полностью оснащенные дивизии. Германия сосредоточит свою авиацию против Чехословакии и не сможет совершать воздушные налеты на Францию и Англию. Оба эти государства в первое время сохранят за собой инициативу в воздухе. Однако в дальнейшем немецкая авиация в течение двух месяцев в состоянии сбрасывать ежедневно на одну страну до 500—600 тонн бомб. Англия и Франция располагают меньшими возможностями (100 тонн бомб в день у Англии, 200 тонн у Франции, притом в течение ограниченного времени), у Франции и Англии слабее авиация и недостаточна противовоздушная оборона. Британский штаб сдержанно относится к возможности авиационного наступления против Германии.

Франция и Англия явно не способны в воздухе, на море и на суше оказать такое действенное давление на Германию, чтобы помешать немцам нанести решительное поражение чехословацкой армии и овладеть Чехословакией. Вступление в войну Италии и Японии на стороне Германии создало бы ситуацию, которую эксперты характеризовали буквально следующим образом: война одновременно против Японии, Германии и Италии в 1938 г. не может рассматриваться, даже если бы Англия находилась в союзе с Францией и Россией. Это вызвало бы слишком опасное напряжение всех сил Британской империи. Меморандум подписали Неволл, Горт, Бекхауз. Документ датирован 14 сентября 1938 г.

Следует отметить, что авторы этого документа исходили из ситуации, созданной политикой Чемберлена. Англия занимала позицию изоляции, союз с СССР заранее исключался. В действительности коалиция трех держав сплотила бы вокруг себя многочисленные силы, прежде всего силы союзников Франции в Восточной Европе. Нерешительная Италия вряд ли бы отважилась вступить в войну против коалиции трех держав и других государств. Германия могла позволить себе провокации и вымогательства исключительно потому, что Гитлер был уверен в пособничестве Чемберлена.

Меморандум начальников штабов выполнял ясную политическую задачу. В противовес проектам и рекомендациям У. Черчилля, А. Идена и лейбористов, которые требовали совместных действий с СССР против Германии, меморандум начальников штабов должен был доказать, что чемберленовский «план Зет» является единственно возможной альтернативой, единственным выходом из ситуации. Вместе с тем содержавшийся в меморандуме анализ сил обеих западных держав показывал, что именно совместные действия с СССР против нацистской Германии были для них единственным спасением перед лицом гитлеровских вымогательств и угроз.

Н. Чемберлен хотел только, чтобы кабинет одобрил его визит в Германию. Кабинет не вынес решения о том, что́ Чемберлен должен предложить Гитлеру в качестве британского проекта и как далеко он может зайти в своих переговорах в Берхтесгадене. И это было тоже на руку Н. Чемберлену. Он ехал к Гитлеру, имея практически свободу действий в чехословацком вопросе. Политика Чемберлена — хрестоматийный пример отношения империалистической державы к малому государству. Его план был заранее продуман, в том числе учитывался и фактор времени; взвешивалось и то, какой эффект произведет на общественное мнение полет Н. Чемберлена самолетом. И если принять во внимание столь детальную подготовку формальной стороны визита, тем более поражает то обстоятельство, что британский кабинет не счел нужным выяснить, какую же политическую позицию должен был Н. Чемберлен представлять и отстаивать.

XXI

БЕРХТЕСГАДЕН (15 СЕНТЯБРЯ)

Перед отлетом к Гитлеру Н. Чемберлен обратился к народу Великобритании с воззванием, в котором говорилось, что он всегда стремился обеспечить мир. Готовность Гитлера принять предложение о встрече интерпретировалась почти как обещание благоприятного результата [1]. Нараставшее все последние дни напряжение вызвало тревогу у многих людей, и поездка Н. Чемберлена преподносилась им как единственный выход. Людей, прежде далеких от политики, визит Н. Чемберлена заставил задуматься: мир действительно под угрозой, его нужно срочно спасать, если столь пожилой человек отважился на тяжелый перелет самолетом. Как в Париже, так и в Лондоне вздохнули с явным облегчением, с новой надеждой на сохранение мира [2].

И в Германии миллионы людей поверили, что война предотвращена. Нацистская печать, однако, продолжала, выполняя полученные указания, вести разнузданную кампанию о «преследованиях» немцев в Чехословакии, для того чтобы во время визита Н. Чемберлена не создалось впечатления о снижении напряженности. Германия добилась успехов лишь благодаря твердой и настойчивой политике и будет ее продолжать — таков был смысл нацистских инструкций печати. Геббельс отдал приказ писать о том, что Чехословакия готовит новую провокацию, которую Германия не намерена терпеть [3].

Гитлеровское руководство знало, что Н. Чемберлен панически страшится коммунизма. Гестапо получило задание снабжать британское посольство «доказательствами», что коммунизм якобы создал острую угрозу режиму, существовавшему в Германии[4]. Такими средствами укреплялось убеждение британских консерваторов в том, что нацизм представляет собой единственную систему, ограждающую Германию и Западную Европу от социалистической революции. После войны появился ряд мемуаров, авторы которых утверждали, что визит Н. Чемберлена в Берхтесгаден действительно сорвал, правда, не коммунистическое восстание, а подготавливаемый путч немецких генералов против Гитлера[5]. В таких заявлениях сквозит стремление оправдаться задним числом: военные преступления были бы де предотвращены, если бы Н. Чемберлен не спас Гитлера своим визитом в Берхтесгаден. Однако речь идет о свидетельствах особого рода — свидетельствах немецких дипломатов и генералов, которые вместе с Гитлером несут ответственность за военные преступления.

Следует серьезно отнестись к утверждениям некоторых историков, что встреча в Берхтесгадене имела значительно большее значение, чем последующая конференция в Мюнхене[6]. В Берхтесгадене действительно было принято решение, которое мюнхенская конференция всего лишь подтвердила. Берхтесгаден вместе с тем был важным этапом для «умиротворителей» в их усилиях ввести в заблуждение общественное мнение. Как только общественность согласилась с принципом расчленения Чехословакии, любая иная политическая линия утратила всякую надежду на успех, ибо сторонники уступок агрессору с этого момента могли обвинять своих противников в стремлении развязать войну.

Из записей в канцелярии рейхсканцлера следует, что британская делегация прибыла в Бергхоф в 17.10. Н. Чемберлена сопровождали Н. Гендерсон, У. Стрэнг и Г. Вильсон. И. Риббентроп появился в сопровождении Э. Вейцзекера и Дернберга. Разговор между Н. Чемберленом и Гитлером начался в 17.30. Присутствовал при этом лишь переводчик Шмидт. В 20.10 Н. Чемберлен откланялся[7].

Беседа началась взаимными заверениями в желании достичь согласия между Англией и Германией. Н. Чем-

берлен сказал, что он полон уважения к делу Гитлера и не верит в наличие у него каких-то скрытых планов. Гитлер на это заявил, что его желание сводится к воссоединению с немцами Австрии и Чехословакии, а остальные государства он оставит в покое. За судетских немцев он готов вести войну, хотя бы и мировую, но не отступит ни на шаг. Н. Чемберлен спросил, чего добивается Гитлер: лишь присоединения судетских немцев или вообще расчленения Чехословакии? Гитлер уклончиво ответил, что, наверное, заявят о своих правах и другие нации в Чехословакии и выставят территориальные претензии иные ее соседи. Затем он еще раз повторил, что готов вести войну за судетских немцев.

Гитлер знал, что Н. Чемберлен боится войны, хочет любыми средствами избежать ее и ради этого готов пожертвовать Чехословакией. Как быть с урезанной Чехословакией? Как Гитлер будет к ней относиться? Таковы были следующие вопросы. Гитлер повторил трафаретное утверждение немецкой пропаганды: Чехословакия, сохраняющая свои союзнические договора,— это заноза в боку «третьей империи». Удовлетворилась бы Германия ликвидацией союзнического договора с СССР? Гитлер ответил, что и без того Чехословакия в конце концов перестанет существовать, ибо и словаки не желают оставаться в этом государстве. Н. Чемберлен подчеркнул, что судетонемецкий вопрос — это дело чехов и немцев и не затрагивает Англию, которая заинтересована только в сохранении мира. Гитлер настойчиво заявлял, что судетские немцы должны «вернуться» в империю, что их тиранят и убивают и что он этого больше не допустит. Ведь не может же героический немецкий народ в бездействии наблюдать, как такая неполноценная нация, как чехи, истребляет его одноплеменников. Мог бы Н. Чемберлен представить себе, чтобы британцы были порабощены таким неполноценным народом?

Гитлер повторял свои воинственные угрозы с такой тупой настойчивостью, что Н. Чемберлен прервал его вопросом: зачем он, собственно говоря, дал согласие на эту встречу, если не хочет соглашения и без конца грозит насилием?

Гитлер, поняв, что перегнул палку, ответил: он удовлетворился бы британским заявлением, что Судеты должны принадлежать империи. Спокойствие настало

бы немедленно. Н. Чемберлен признал, что наконец перешли к существу дела. Он не может дать ответ от имени своего правительства, по возвращении в Англию он изложит это кабинету, а также спросит мнение Ренсимена и французов. Лично он согласен с принципом присоединения судетских районов к Германии. Гитлер предложил вторую встречу провести в Рейнской области. Вероятно, он не будет предпринимать действия против Чехословакии, но он не понимает, почему Англия и Франция угрожают войной, когда речь идет о таких территориях, где не затрагиваются их интересы.

Н. Чемберлен объяснил, что важно лишь одно — чтобы мир не оказался втянутым в войну, и спросил, что следует предпринять, чтобы мир не был нарушен, пока в Лондоне будут совещаться. Гитлер порекомендовал запретить Чехословакии проводить мобилизацию, иначе будет спровоцирован новый кризис, подобный 21 мая. Гитлер от себя не хочет обращаться с призывом к спокойствию.

В результате встречи было согласовано сообщение для печати, в нем сказано, что Н. Чемберлен возвращается в Лондон посоветоваться со своим кабинетом, а затем состоится новая встреча [8]. Протокольная запись встречи в Берхтесгадене свидетельствует о согласии Н. Чемберлена с ампутацией чехословацких пограничных областей. Во время беседы Гитлер довольно откровенно давал понять, что не намерен гарантировать существование урезанного чехословацкого государства.

В тот же день К. Генлейн выступил по лейпцигскому радио; обращаясь к населению Судет, он заявил, что дальнейшее сосуществование в одном государстве с чехами невозможно и что немцам должны вернуть родину, присоединив их к империи. Генлейн сообщил Гитлеру, что вчера в Аше он вручил английской миссии требование о немедленной передаче всех областей, в которых проживает не менее 50% немцев. Передача территории должна быть проведена в течение 24 часов [9].

Что же происходило в Чехословакии, когда буквально решалось ее существование? В коалиционных кругах понимали, что Англия не выступит в поддержку Чехословакии. Ее предательская политика уже всем была ясна. Депутат от католической партии Светлик на совещании функционеров своей партии в Оломоуце за-

явил буквально следующее: «Англия нас не поддерживает, потому что она боится, что Германия, потерпев поражение в войне, окажется во власти большевизма. Боится, что война вызовет крах капитала во всем мире»[10].

В Праге еще не было сведений о результатах встречи в Берхтесгадене, но уже не оставалось доверия к британскому правительству. Впрочем, это не мешало представителям министерства иностранных дел официально заявлять: чехословацкое правительство приветствует встречу в Берхтесгадене и ожидает, что она разрядит напряженность[11]. Один лишь Я. Масарик в донесениях из Лондона обращал внимание на то, что Н. Чемберлен готов договориться с Гитлером за счет Чехословакии и что сопровождающие его Гораций Вильсон и Н. Гендерсон являются открытыми врагами Чехословакии[12]. К. Крофта не скрывал, что после встречи могут потребовать новых уступок от Чехословакии. Но если правительство сделает это, то следует ожидать взрыва народного негодования, которое сметет кабинет. К. Крофта проговорился румынскому посланнику, что правительство в случае необходимости было бы готово рассмотреть вопрос об отделении Хебского района, если бы это внесло успокоение. Вновь та же мысль, которую Э. Бенеш высказал Б. Ньютону[13]. Как известно, Э. Бенеш к этому вопросу возвращался и во время войны, в 1940—1942 годах. В Лондоне даже разрабатывался проект, предусматривающий существенные коррективы границ в пользу Германии и после восстановления Чехословакии.

Катастрофический провал политики М. Годжи настоятельно требовал создания нового правительства. В среде высшего офицерства зрела идея свержения правительства и создания военного кабинета во главе с генералом Л. Крейчи[14]. КПЧ вела переговоры с представителями правительственных партий; они, хотя и сознавали, что на решающих постах находится уйма предателей и капитулянтов, не имели мужества сами сделать из этого необходимые выводы. После провала переговоров правительства с генлейновской партией были предприняты попытки возродить так называемые активистские немецкие партии. В ночь на 15 сентября М. Годжа подал заявление об отставке. Э. Бенеш по-

пробовал было уговорить Р. Берана или Я. Малипетра * возглавить новое правительство. Р. Беран, однако, отказался поддержать отставку правительства. М. Годжа, по его словам, незаменим, учитывая предстоящие переговоры со словаками, и смена правительства потрясла бы всю страну, которая и без того переживает кризис. К Годже обратились с просьбой и дальше продолжать выполнять обязанности главы правительства [15].

Примечательно, что после краха политики М. Годжи Э. Бенеш обратился именно к Р. Берану, который, как было хорошо известно, являлся капитулянтом. В конце концов именно Р. Беран сказал окончательное слово, как следует решить правительственный кризис. Обострение этого кризиса происходило в обстановке, когда в коалиционных кругах оживленно обсуждалась возможность осуществить принципиальный поворот во всей внутренней и внешней политике в направлении, угодном Германии. Предложение Э. Бенеша, чтобы Р. Беран возглавил правительство, объективно означало согласие на такой поворот. Э. Бенеш уже ранее на протяжении ряда лет в дипломатических беседах настойчиво заявлял: если западные державы покинут Чехословакию на произвол судьбы, то ей не останется ничего иного, как блокироваться с Германией. Теперь создалась именно такая ситуация. В правительстве М. Годжи некоторые министры, например Шрамек и Бехине, хотя бы на словах выступали против капитуляции, но ни одному из них Э. Бенеш не предложил пост главы правительства. Э. Бенеш и не помышлял о создании правительства обороны республики.

В беседах Э. Бенеша с дипломатами не было ни малейших признаков сопротивления капитулянтской политике, триумфом которой была встреча в Берхтесгадене. Напротив, как уже указывалось выше, он допустил грубую ошибку, намекнув в разговоре с де Лакруа на возможность уступить Германии некоторые пограничные районы в Западной Чехии. Ж. Боннэ и его сообщники, разумеется, злоупотребили этим шагом Э. Бенеша, представив дело таким образом, что инициатива

---

* Ян Малипетр — один из лидеров аграрной партии. В 1932—1935 гг.— премьер-министр, в 1935—1938 гг.— председатель палаты депутатов Национального собрания Чехословакии.— *Прим. ред.*

отделения пограничных округов исходила, собственно говоря, от президента Чехословакии [16]. Попытка Ж. Боннэ возложить на Э. Бенеша ответственность за ликвидацию Чехословакии является, бесспорно, мошеннической. Однако ошибка Э. Бенеша состояла в том, что он вместо сопротивления политике уступок приспосабливался к ней, лишь пытаясь ввести ее в сколько-нибудь приемлемые рамки. Позже, во время войны, он прилагал большие усилия, чтобы доказать, что Ж. Боннэ совершил жульничество, намеренно фальсифицировав депешу, которую де Лакруа послал в Париж о роковом разговоре. После войны де Лакруа давал показания французской парламентской комиссии, которая расследовала причины катастрофы, постигшей Францию в 1940 г. [17] Вся эта история была инсценирована лишь для того, чтобы избежать ясной и прямой констатации: западные державы предали Чехословакию и выдали ее Гитлеру, а Э. Бенеш стремился лишь ограничить размеры пограничных областей, подлежащих передаче Германии.

Ведь буквально тот же разговор, какой был у Э. Бенеша с французским посланником, днем раньше состоялся с Б. Ньютоном. К. Крофта говорил то же самое румынскому посланнику Круцеску. Э. Бенеш направил в Париж министра Нечаса с особым поручением, он привез карту с обозначением территории, которая могла быть уступлена Германии. Этот документ был передан Л. Блюму и Э. Даладье [18]. М. Годжа также намекал Б. Ньютону на возможность уступки территории, на которой проживало 800 000—1 000 000 немцев. Остальное немецкое население могло бы, по его словам, получить автономию в соответствии с принципами четвертого плана [19]. В генеральном штабе британскому военному атташе было сказано, что не было бы возражений против уступки немецких районов, не имеющих стратегического значения [20]. При таком положении вещей не выдерживает критики утверждение Э. Бенеша, что де Лакруа неправильно понял его слова. Э. Бенеш просто допустил грубую политическую ошибку, хотя Я. Масарик в тот же день из Лондона предостерегал: «Подготавливается возможность свалить вину на нас и сфабриковать предлог для того, чтобы бросить нас на произвол судьбы» [21]. Ш. Осуский также 19 сентября обращал

внимание Э. Бенеша, какую грубую политическую ошибку он допустил, сказав де Лакруа о возможности уступки некоторой части пограничной территории, а «этот осел сообщил о том в Париж»[22]. Для друзей Чехословакии в Париже это было загадкой, они все время ставили вопрос: почему Э. Бенеш допустил такую ошибку? Ответ содержится в одной из телеграмм Э. Бенеша, направленной 15 сентября в Париж. Э. Бенеш обращался к Франции с призывом не покидать в столь тяжкий момент Чехословакию, «принять во внимание все, что мы делали, проводя политику беспредельной верности Франции тогда, когда другие отходили от нее, когда и она была в весьма тяжелой ситуации и когда нам делали известные предложения»[23]. И именно это раболепие Э. Бенеша перед империалистической державой оказалось самоубийственным.

Подобную ошибку Э. Бенеш допустил и в отношении Ассамблеи Лиги наций. У чехословацкого правительства все еще имелась возможность обратиться в Лигу наций, тем более что уже 15 сентября было ясно: Англия, бесспорно, принесет Чехословакию в жертву Гитлеру. Советская дипломатия в Женеве настойчиво рекомендовала этот шаг[24]. Однако представители Англии и Франции удерживали Э. Бенеша, и он покорно следовал их советам[25].

В то время как Э. Бенеш обращался к Франции с призывом не оставлять Чехословакию, Ж. Бонпэ выражал благодарность Н. Чемберлену, присовокупляя к этому: он будет оказывать давление на французское правительство, чтобы оно согласилось с любым английским проектом, пусть и неприемлемым для чехов[26]. Такое обещание было весьма ценным для Н. Чемберлена, ибо он заверил Гитлера, что их соглашение о расчленении Чехословакии будет одобрено не только британским, но и французским правительствами.

Еще из Берхтесгадена Ренсимену было дано указание на следующий день прибыть в Лондон. Его присутствие было необходимо: как главный свидетель он должен был подтвердить на заседании кабинета, что принятое Н. Чемберленом решение было единственно возможным. Чтобы его отъезд из Праги не был истолкован как преждевременное окончание миссии, Ренсимену надлежало заявить, что он принял приглашение, посту-

пившее из Лондона. Он должен был призвать чехословацкое правительство к сохранению спокойствия [27].

Был ли у британского правительства какой-либо план на тот случай, если бы Н. Чемберлен потерпел неудачу в Берхтесгадене? Такой план имелся, и Сэмюэль Хор изложил его Я. Масарику. План предполагал отделение немецких районов от Чехословакии, а оставшийся кусок государства после нейтрализации получил бы гарантии великих держав. Такой план, по мнению С. Хора, тоже позволял Англии избежать войны. Я. Масарик обещал сообщить своему правительству об этом плане. Предложения и соображения Э. Бенеша, М. Годжи, К. Крофты, генерального штаба, которые непосредственно после этого высказывались в ряде дипломатических бесед, свидетельствовали, что они следовали общей линии плана С. Хора. В отличие от Э. Галифакса С. Хор свои соображения дополнил замечанием: для Англии и Франции было бы выгодным существование нейтрального пояса между Германией и СССР, это освободило бы Англию от необходимости вмешиваться в развитие событий, а Францию избавило от опасности быть втянутой в войну. Что касается взглядов русских на эти вопросы, то они, по словам С. Хора, не имеют никакого значения для Лондона и Парижа [28]. Поскольку хорошо известно, какое содержание британское правительство вкладывало в понятие «нейтрализация» Чехословакии, легко понять, что проектируемый «нейтральный пояс» между Германией и СССР состоял бы в действительности из зависимых стран, составляющих «сферу германских интересов».

Британский внешнеполитический комитет, заседая в отсутствие Н. Чемберлена, продолжал рассматривать чехословацкие дела. Вновь обсуждался вопрос о плебисците. Если бы Гитлер потребовал его проведения, то британскому военному министерству следовало бы, соблюдая полную осторожность и без всякого шума, определить, сколько войск и политических чиновников потребовалось бы для контроля за ходом голосования. Войска могли быть по своему составу международными, контроль же оставался бы за британскими офицерами. Было бы необходимо вновь пересмотреть Версальский мирный договор и определить новые границы Чехословакии. Можно предусмотреть и комбинирован-

ное проведение операции: часть судетонемецкой территории была бы передана немедленно, а в районах со смешанным населением мог бы состояться плебисцит. В отношении «языковых островов» можно было бы прибегнуть к перемещению населения. Если чехи захотели бы сохранить некоторые районы по стратегическим соображениям, то Германии были бы предоставлены компенсации на других участках границы.

Э. Галифакс ознакомил комитет с телеграммой Б. Ньютона, которая в общих чертах излагала предложенный Я. Прейссом план решения кризиса. В разговоре с немецким посланником Э. Эйзенлором Я. Прейсс сказал, что простое отделение судетонемецкой территории не решит всех вопросов. Он спросил посланника, не удовлетворило бы Гитлера расторжение Чехословакией союзнического договора с СССР и запрещение коммунистической партии. Я. Прейсс предложил, что он сам поедет в Берлин и с помощью Я. Шахта будет вести переговоры об этом плане. Э. Эйзенлор заметил, что этот план должна бы поддержать Англия, поскольку все исходящее из Праги для Гитлера подозрительно. Я. Прейсс связался с М. Годжей. Между ними было договорено просить обе западные державы оказать нажим на Э. Бенеша и заставить его принять этот план. Я. Прейсс очень настаивал на британской поддержке его плана, считая при этом, что в распоряжении имеется только три дня мира.

Правительственный внешнеполитический комитет обсудил и этот план, исходивший из Карловарской программы, и пришел к заключению: для Англии весьма трудно быть его гарантом. Было решено даже не передавать этот проект Н. Чемберлену [29]. В данной ситуации перед британским правительством вырисовывалась возможность окончательно освободить Англию от каких-либо обязательств в Центральной Европе. Цель состояла в том, чтобы предоставить Германии «сферу интересов», которая явилась бы компенсацией за колонии. Путь к цели был сопряжен со сложными маневрами, и наибольшие надежды «умиротворители» связывали с реализацией «плана Зет». План Я. Прейсса для них не был привлекательным.

XXII

ЧЕМБЕРЛЕН СЛЕДУЕТ СВОЕМУ ПЛАНУ (16—17 СЕНТЯБРЯ)

В дипломатические представительства Германии была разослана информация о встрече в Берхтесгадене. В ней говорилось: Гитлер потребовал прямой аннексии чехословацкого пограничья, и Чемберлен проявил личное понимание этого требования [1]. Немецкой печати было дано указание не публиковать каких-либо соображений, касающихся встречи в Берхтесгадене. Если Германия будет держаться как сфинкс, то тем нервознее будут ее враги. Это была старая тактика — ничего не сообщать о германских целях в отношении Чехословакии. Немецкой печати Чехословакию следовало изображать государством нищеты, угнетения и разложения, постоянно восклицая: когда же будет положен конец такому невыносимому состоянию! [2] Таким образом, и после встречи в Берхтесгадене давалось понять, что намерение напасть на Чехословакию остается неизменным [3]. Перед отъездом из Берхтесгадена Н. Чемберлен направил Гитлеру послание, в котором сообщил, что он уже созвал заседание своего правительства и вызвал Ренсимена в Лондон. Он просит, пока идут эти заседания, воздержаться от насильственных акций, которые сорвали бы весь план [4]. По сути, такое же пожелание Г. Вильсон высказал послу Дирксену, вместе с которым он ехал в Мюнхен; Дирксен заявил, что дальнейшее развитие дел, бесспорно, находится в руках Н. Чемберлена [5].

В Праге некоторое время не знали точно, о чем же договорились Гитлер и Чемберлен. Но постепенно приходили сообщения, что предстоит плебисцит или, возможно, конференция четырех держав. М. Годжа в разговорах с дипломатами допускал возможность принятия решения об аннексии пограничья и говорил, что это вызовет волнения внутри страны. В изложении румынского посланника ситуация выглядела так: «Ясно, что идея величайшей жертвы с каждым часом прокладывает себе дорогу со скоростью, заданной обстоятельствами. Премьер-министр правительства предвидит в таком случае реакцию общественного мнения, совладать с которой удастся лишь с большим трудом, он боится, что большинство чехословацкого народа, столь болезненно разочарованное в своих иллюзиях относительно западных держав и поставленное под ежедневное воздействие советского радио, которое вдохновляет к сопротивлению и заверяет в советской помощи, легко станет добычей коммунизма» [6]. М. Годжа тем временем старался убедить дипломатический корпус, что результатом капитуляции перед требованиями западных держав будет левый переворот, решающую роль в котором сыграют коммунисты [7]. Вновь появилась мысль об отставке правительства, и М. Годжа обсуждал этот вопрос с Б. Ньютоном [8].

Перспектива народных волнений или левого переворота вызывала тревогу в посольствах обеих западных держав. Французский генерал Фоше считал, что чехи дадут отпор любому предложению о территориальных уступках; если державы будут продолжать оказывать нажим, то это может вылиться в погромы судетских немцев и нападки на иностранцев; армия рассчитывает на французскую поддержку и будет сопротивляться германскому нападению. Проведение плебисцита или территориальные уступки могут привести к всеобщему восстанию. Правительство, которое склонялось бы к принятию таких требований, рискует быть свергнутым. Нарастает ненависть к Англии как стране, создающей угрозу Чехословакии. По мнению Б. Ньютона, радикализацию общественности стимулируют такие события, как растущее число беженцев из пограничья, убийства чехов нацистами и половинчатые меры правительства против судетонемецкой партии [9]. «Руде право» требова-

ла решительно подавить генлейновский мятеж, распустить организации судетонемецкой партии и арестовать нацистских главарей. Газета опубликовала письма, в которых содержалось требование привлечь Генлейна к ответственности в соответствии с уголовным законодательством.

Немецкая печать, действуя согласно полученному указанию, клеймила чехословацкое государство как преступное, призывала европейские государства объединить свои усилия для обеспечения мира, не принимая в расчет Чехословакию [10]. Правительство М. Годжи вплоть до отъезда Ренсимена пыталось восстановить контакты с К. Генлейном и отказалось от своих намерений лишь под сильным давлением чешской общественности. Правительство хотя и решилось принять меры против Генлейна, но старалось не слишком раздражать судетонемецких нацистов [11].

В коалиции шла тяжелая борьба по вопросу дальнейшей ориентации политики правительства. Р. Беран, к которому Э. Бенеш обратился после заявления М. Годжи о готовности уйти в отставку, сообщил по надежному каналу немецкому посольству, что он достиг бы соглашения с Германией в течение нескольких дней [12]. Речь явно шла о плане Я. Прейсса, как он был изложен Лондону. В дипломатическом корпусе отмечалось, что в народе быстро распространяются антианглийские настроения, растет воля к сопротивлению, особенно после успешной ликвидации путча. Провал нацистского путча должно было в конце концов признать и немецкое посольство в Праге [13]. Судетонемецкая партия была правительством распущена, и теперь оно изыскивало возможности восстановить другие немецкие партии, которые приняли бы принципы четвертого плана в качестве основы решения национального вопроса. Однако время для такого поворота было уже упущено.

Доминирующее настроение масс в то время определил министр железных дорог Р. Бехине в своем заявлении редакции газеты «Лидовы новины»: «Плебисцит — это кратчайший путь к войне, ибо в Чехословакии не найдется правительства, которое согласилось бы с плебисцитом. И если бы такое правительство все же нашлось, то оно в течение часа было бы сметено негодованием народа, который предпочел бы смерть, чем видеть

свою родину искалеченной»[14]. Однако дальше слов и пустопорожних заявлений дело не шло. Социал-демократические министры в конечном счете подчинились тому, что диктовали коалиционному правительству Р. Беран, Я. Прейсс и другие.

Прошло два дня после встречи в Берхтесгадене, прежде чем в Праге осознали, что западные державы уже сговорились с Гитлером за счет Чехословакии, и поняли, что конференция четырех держав вынесет роковой приговор. После этого Чехословакия будет поставлена перед выбором: или защищаться, или сдаться, рискуя притом, что весь мир отвернется от нее и забудет о ней.

Незадолго перед отлетом из Праги Ренсимен посетил Э. Бенеша[15]. Бенеш повторял известные аргументы против плебисцита, подчеркивая, что он привел бы в конце концов к революции и войне. Поскольку в Праге распространялись слухи о новом правительстве, Э. Бенеш решительно заверил, что коммунисты не будут допущены в правительство и что не стоит опасаться их сотрудничества с остальными политическими партиями. С Россией также нет никаких специальных соглашений, и желательно, чтобы об этом было доведено до сведения Н. Чемберлена. Э. Бенеш опроверг также слух о возможности создания военного кабинета, который выступил бы против линии сотрудничества с Западом. Подобные заверения означали, что Чемберлену не приходилось опасаться с этой стороны чего-либо, что могло бы сорвать его планы.

16 сентября вечером в Лондоне состоялось заседание внешнеполитического комитета, в котором принял участие и Ренсимен[16]. Н. Чемберлен кратко сообщил, что произошло в Берхтесгадене. Ситуация критическая, сказал он, ибо Гитлер взвешивает возможности начать войну. Он требует аннексии Судет. Если Чехословакия не подчинится требованию, он нападет на нее. Н. Чемберлен убежден, что аннексия является единственным решением. План Дж. Саймона, предусматривающий проведение плебисцита спустя определенное время, не имеет надежд на принятие. Главная трудность сейчас в позиции чехословацкого правительства. Ренсимен мог бы сделать заявление, что плебисцит является выходом из создавшегося положения. Это заявление помогло бы

и чехословацкому правительству поддержать свой престиж в глазах своего народа. Слово взял Ренсимен. Он доложил, что перед отлетом говорил полтора часа с Бенешем. Бенеш хотел выяснить результаты переговоров с Гитлером. Он не исключает, что Чехословакия будет принесена в жертву. Ренсимен ему сказал: если бы он свои последние проекты предложил Генлейну раньше, то Чехословакия не оказалась бы в столь отчаянной ситуации. Э. Бенеш своими колебаниями очень содействовал этому. Партийная система замещения постов в государственных учреждениях причинила также большие осложнения. Во многом виноваты и экономические трудности. Ренсимен возлагал на Э. Бенеша ответственность за проволочки в переговорах. Э. Бенеш ему ответил, что нет такой жертвы, которую он не принес бы, если Ренсимен считает ее необходимой. Однако он подчеркнул, что не может высказаться за плебисцит по конституционным соображениям. Плебисцит потребовал бы принятия нового конституционного закона, а Э. Бенеш не верит, что такой закон прошел бы. У армии свои взгляды на этот счет. Ренсимен подчеркнул, что плебисцит нашел бы широкий отклик у общественного мнения Европы. Бенеш ответил, что плебисцит был бы взрывоопасным средством, возмутил армию, которая не допустила бы голосования. Но если премьер-министр Н. Чемберлен придет к заключению, что плебисцит неизбежен, то Э. Бенеш будет вынужден с этим считаться. Ренсимен пообещал передать разговор британскому правительству, впрочем, это не означает, что таким образом Бенеш мог бы снять с себя ответственность.

Ренсимен затем ознакомил правительственный комитет с четырьмя планами, на основе которых пытались найти соглашение с судетонемецкой партией. Э. Бенеш все делал под давлением и всегда на месяц позже, чем было необходимо. По мнению Ренсимена, Э. Бенеш очень умен, но его не считают честным человеком.

15 сентября в Чехословакии прошло под знаком правительственного кризиса, о котором печать не проронила ни слова. М. Годжа намеревался подать в отставку. У Э. Бенеша это вызвало смятение, и он дал указание М. Годже продолжать выполнение своих обязанностей. Противоречия были временно преодолены. По оценке

Ренсимена, М. Годжа был более подходящим человеком для переговоров с судетонемецкой партией. И если что-либо было достигнуто, то это заслуга М. Годжи. Э. Бенеш проявлял интерес главным образом к отношениям с Германией. И хотя Э. Бенеш иногда оскорбительно отзывался о Гитлере, он, по наблюдениям Ренсимена, «имеет большое уважение к его „гению"». Правительство ныне сохраняет контроль над положением в стране. В течение вчерашнего дня было только четыре смертельных случая. Не лишен значения тот факт, сказал Ренсимен, что в целом чехов было убито больше, чем немцев. С обеих сторон погибло около 70 человек. В заключение Ренсимен повторил предложения Прейсса: осуществить Карловарскую программу, расторгнуть договор с СССР, запретить КПЧ.

После сообщения Ренсимена последовала дискуссия, в центре которой долгое время находился вопрос о плебисците. Как сообщил Ренсимен, французский посланник в Праге де Лакруа информировал Б. Ньютона, что Франция за плебисцит. Для подготовки голосования можно было использовать схему последних общинных выборов.

Ренсимен привел сообщение Э. Бенеша, что под ружьем сейчас находится 400 000 человек и эта армия полностью подчинена ему как главнокомандующему.

Э. Галифакс поставил вопрос: могут ли продолжать жить совместно чехи и немцы? Ренсимен категорически ответил — ни в коем случае. Н. Чемберлен хотел бы знать мнение Ренсимена, что станет с урезанной Чехословакией? Если немцы получат право на самоопределение, то потребуют ли того же поляки и венгры? Ренсимен ответил утвердительно и добавил: и словаки не будут молчать, хотя их требования иные. Э. Галифакс спросил: может ли Чехословакия существовать после отделения территорий с национальными меньшинствами? Ренсимен как «эксперт» ответил, что население сильно перемешано и если бы были отделены все нечешские районы, то осталась бы весьма небольшая территория. Н. Чемберлен в связи с этим заявил, что он несколько раз спрашивал в Берхтесгадене Гитлера: удовлетворится ли он тем, что судетские немцы будут инкорпорированы в империю? На это Гитлер, по утверждению Н. Чемберлена, дал положительный ответ.

(В действительности, однако, в берхтесгаденском протоколе содержится нечто иное: Гитлер весьма презрительно отозвался о возможности существования урезанной Чехословакии.) Э. Галифакс поставил вопрос, как относится Э. Бенеш к перспективе возможной войны с Гитлером. Ренсимен ответил, что Э. Бенеш разделяет мнение молодых офицеров, уверенных, что армия сможет сдерживать немцев от шести недель до двух месяцев. Война для такой небольшой страны, как Чехословакия, действительно была бы очень трудной. В заключение Ренсимен высказал мнение, что дальнейшие переговоры между Чехословакией и Германией бесплодны. Кроме того, он отметил, что если при решении чехословацкого вопроса будет принят принцип самоопределения, то отпадет необходимость в плебисците.

Н. Гендерсон в своих депешах настоятельно рекомендовал совещание британского и французского правительств с участием Ренсимена. Французское правительство нужно заставить сказать чехословацкому правительству, что оно не может рассчитывать на союзническую помощь Франции в случае отказа подчиниться решению, которое будет ему рекомендовано [17]. Внешнеполитический комитет тем не менее принял решение пока ничего не сообщать французскому правительству о результатах встречи в Берхтесгадене, иначе это станет известно всему миру. Если французский посол Ш. Корбен будет добиваться приема у Э. Галифакса, то ему будет сказано: Э. Галифакс весьма занят и сможет его принять позже. Франция по своей вине перестала быть великой державой и должна была смириться с унизительным обращением с ней.

Как явствует из протокола внешнеполитического комитета, присутствие Ренсимена в Лондоне было нужно Н. Чемберлену как подтверждение того, что он поступал правильно, совершая поездку к Гитлеру в Берхтесгаден. Определяющее значение имели слова Ренсимена о том, что возможности дальнейшего сосуществования чехов и немцев в одном государстве уже исчерпаны, что плебисцит был бы источником осложнений, что аннексия чешского пограничья является единственным решением.

Присутствие Ренсимена в Лондоне как «знатока» положения в Чехословакии имело для Н. Чемберлена

значение еще и в связи с активностью новой оппозиции. К. Эттли и Гринвуд уже 16 сентября обратили внимание Э. Галифакса на то, что ситуация в Праге является опасной и дальнейшие уступки немыслимы. Чехи скорее будут воевать, чем уступят. Необходимо покончить с немецкими угрозами и выступить в поддержку Чехословакии. Если Франция окажет ей помощь, то Англия должна бы присоединиться [18]. На следующий день Н. Чемберлен принял лейбористов Дальтона, Моррисона и Ситрина; он рассказал им о своей встрече с Гитлером, но утаил, что уже принял решение о так называемом самоопределении немцев, то есть попросту об аннексии. На вопрос, имеются ли возможности действовать совместно с СССР, Чемберлен попотчевал их вымыслами Ж. Боннэ, который уверял, что в случае войны М. М. Литвинов хотел бы все дело вынести на рассмотрение Лиги наций и только потом сражаться [19]. Лейбористы позволили себя убедить и отказались от оппозиции курсу Чемберлена [20].

Британский кабинет был созван 17 сентября. В Германию поступили сообщения, что заседание может быть очень бурным, что, по сведениям из окружения Идена, возможна отставка нескольких министров, которые протестуют против сговора с Гитлером. Переполох у сторонников «умиротворения» вызвали и сведения о расколе генлейновской партии; возникли сомнения, как вести себя дальше, предлагать плебисцит или требовать аннексию пограничной территории. С. Хор и Э. Галифакс сомневались, смогут ли они успешно поддержать Н. Чемберлена на заседании кабинета [21].

В такой ситуации Н. Чемберлен первое слово поручил Ренсимену, который должен был представить «объективное свидетельство» о положении в Чехословакии. И лишь после этого кабинету было доложено о встрече с Гитлером в Берхтесгадене.

Ренсимен начал с того, что ему было сказано Э. Галифаксом перед его отъездом в Прагу: одна из его задач — выиграть время. По прибытии в Прагу он увидел, что правительство слепо ко всему происходящему вокруг. Генлейн — гениальная личность, имеющая тесные связи с Берлином. К. Г. Франк оказывал плохое влияние на развитие событий, Э. Кундт, наоборот, действовал хорошо.

Последний план, предложенный Э. Бенешем, шел навстречу Карловарской программе, был основой для соглашения и вхождения генлейновцев в правительство. Однако ныне судетонемецкая партия требует уже аннексии Германией пограничной территории. Чехословацкое правительство выступило против такого требования и распорядилось арестовать К. Генлейна. Что касается плебисцита, то Ренсимен полагает, что он породил бы много трудностей. Не ясно, где он должен бы состояться, по каким вопросам голосовать, какие гарантии были бы даны, чтобы устранить запугивание.

Наиболее сильна оппозиция против чехословацкого правительства в районе Хеба. Здесь насчитывается 800 000 немцев, и присоединение этой области к Германии было бы, бесспорно, добрым делом. Однако армия против передачи территории. Армия сильна, но ей недостает опыта.

Другим решением было бы образование отдельного судетонемецкого государства, но это в данной ситуации неосуществимо.

Третьим решением является конференция четырех держав. Такой проект можно связать с плебисцитом.

Б. Ньютон высказывается за вариант федерализации, но признает, что сегодня мало надежд на его принятие. Ренсимен напомнил, что во многих телеграммах ему рекомендовали предложить свой собственный план. Но он всегда сомневался, следует ли ему это делать.

Ренсимен ознакомил кабинет и с планом Ярослава Прейсса: это принятие Карловарской программы, запрещение КПЧ, расторжение договора с СССР. При этом Ренсимен напомнил о замечании Э. Бенеша, что пакт с СССР в действительности означает лишь зависимое от Франции соглашение. Я. Прейсс далее предлагает, чтобы судетские немцы были постоянно представлены в правительстве, чтобы была учреждена паритетная чешско-немецкая комиссия по вопросам осуществления соглашения и чтобы, наконец, был заключен особый торговый договор с Германией. По заявлению Ренсимена, на принятие этого плана равным образом нет никаких надежд.

Ренсимен закончил свое изложение констатацией, что Чехословакия уже не может более существовать в

своем нынешнем виде. Если бы во главе государства не стояли М. Годжа и Э. Бенеш, произошла бы катастрофа. Ренсимен, однако, сомневается, сумеет ли Э. Бенеш убедить армию согласиться с плебисцитом. Думает, что немалая часть судетских немцев также не хочет попасть в Германию. Французский посланник в Праге весьма ясно говорил о позиции Франции в случае войны.

Лишь после того, как Ренсимен закончил выступление, засвидетельствовав как «знаток», что Чехословакия не может больше существовать в своем нынешнем виде и что судетские немцы не примут никакого иного решения, кроме присоединения к империи, слово взял сам Н. Чемберлен для сообщения о переговорах с Гитлером. В основном он воспроизвел то, что известно из берхтесгаденского протокола. Но некоторые выражения Гитлера Н. Чемберлен скорректировал. Он якобы поставил перед Гитлером вопрос, ограничивается ли тот требованиями относительно судетских немцев. В Англии многие полагают, что Германия стремится к разгрому Чехословакии. Гитлер якобы ответил, что империя не нуждается в чехах и что Германия после присоединения Судет не будет выдвигать никаких претензий. Здесь, однако, Чемберлен допустил явное жульничество, ибо Гитлер не раз, и притом весьма негативно, высказывался относительно будущего урезанного чехословацкого государства. Он решительно ничего не сказал, что можно было бы истолковать как обязательство Германии с уважением относиться к существованию чехословацкого государства, лишенного своих пограничных районов. Об этом Н. Чемберлен, разумеется, умолчал. Переговоры, по словам Н. Чемберлена, вылились в договоренность: если Англия согласится с принципом самоопределения для судетских немцев, то потом можно будет обсудить процедуру его осуществления. И здесь Н. Чемберлен был умышленно неточным. В действительности же с Гитлером было достигнуто соглашение, что аннексия должна быть проведена немедленно и без всяких проволочек. Чемберлен дал свою интерпретацию разговора с Гитлером, исходя из своего представления о том, что сначала необходимо принять принцип самоопределения, а потом лишь обсуждать вопрос о процедуре. Британский премьер хотел продвигаться шаг за шагом.

Н. Чемберлен принимает самостоятельно принципиальное решение, а позже передает его на одобрение правительству. Внешне это создает впечатление, будто он является исполнителем воли кабинета, парламента и т. д. В действительности он ставит кабинет, а затем и парламент перед свершившимися фактами. Он принял решение о встрече с Гитлером и только затем внес его на одобрение кабинета. Сговорился с Гитлером об аннексии, а на рассмотрение правительственного комитета внес вопрос о допустимости в принципе встречи с Гитлером, кабинету же предложил одобрить лишь принцип самоопределения. Н. Чемберлен действует шаг за шагом, втягивает кабинет, французское правительство, чехословацкое правительство и британский парламент в свою политику уступок. Его план требует времени, его фазы взаимно связаны друг с другом.

Гитлеру он якобы предложил новую встречу, которая должна последовать только после консультаций с собственным кабинетом и французским правительством. Он признается, что сознательно не сказал Гитлеру ни слова о консультациях с чехословацким правительством.

Заканчивая свою информацию, Н. Чемберлен заметил, что если бы не его встреча с Гитлером, то война была бы уже в полном разгаре. Он убежден, что Гитлер выполнит взятое на себя обязательство и, пока длятся переговоры, не допустит никакой насильственной акции, однако нельзя терять время. Это заявление было сделано вопреки тому, что именно 17 сентября Гитлер публично призвал создавать вооруженные отряды для нападения на чехословацкую территорию.

Н. Чемберлен все же не хотел, чтобы возникло впечатление, что правительство в ходе всего кризиса игнорируют и обходят, поэтому, вероятно, премьер-министр счел нужным подчеркнуть: в Германии он не взял на себя никаких обязательств, не вел переговоров об условиях решения чехословацкого кризиса и ничего не обещал Гитлеру; единственное, что он обещал,— это вновь возобновить переговоры, как только в Лондоне пройдут консультации. Впрочем, ни одно из этих заявлений, разумеется, не отвечало действительности. Н. Чемберлен предложил своему правительству одобрить принцип самоопределения.

В ходе дискуссии министр координации обороны Том Инскип спросил, можно ли склонить чехословацкое правительство к принятию плебисцита? Решение кабинета следовало бы сообщить оппозиции и парламенту до того, как Чемберлен вновь поедет в Германию. Н. Чемберлен возражал. Он будет говорить с оппозицией, но созыв парламента имел бы плохие последствия. Его маневры в Германии не должны стать достоянием общественности раньше, чем у него не будет уверенности в том, что даже парламент будет уже не в состоянии отвергнуть данные им обещания. Министр авиации Кингсли Вуд спросил, имел ли Гитлер в виду под понятием самоопределения именно плебисцит? Чемберлен признался, что слово «плебисцит» не произносилось, но у него создалось впечатление, что Гитлер имел это в виду. При этом он упомянул чехословацко-советский договор. На вопрос Н. Чемберлена, может ли вызывать у Германии опасения урезанная Чехословакия, Гитлер якобы сказал: такие опасения будут сохраняться так долго, пока будет сохраняться договор с СССР. После того как самоопределение будет предоставлено судетским немцам, того же потребуют поляки и венгры. Если все будут удовлетворены, то тем больше спокойствия принесет это оставшимся землям Чехословакии. Здесь Н. Чемберлен вновь умышленно лгал. На самом деле Гитлер сказал: если подобные требования будут удовлетворены, то тем самым отпадут всякие заботы о Чехословакии, которая так или иначе все равно перестанет существовать спустя определенное время. Э. Галифакс заметил, что, по словам польского посланника, поляки в районе Тешина будут также требовать плебисцита.

Де ла Уар подчеркнул, что британское правительство должно потребовать от Гитлера демобилизации его армии, ибо только при таком условии можно принять принцип самоопределения. И что бы ни было сделано английским правительством, но, коль скоро его действия приведут к утрате Чехословакией нынешних границ, оно должно быть готово к тому, чтобы в порядке компенсации гарантировать неприкосновенность новых границ. Германия обязана также пойти на уступки, иначе это соглашение, достигнутое под давлением, означало бы поражение Англии. Следует настаивать на принципе

«quid pro quo». Кингсли Вуд также подчеркнул, что принятие требования о самоопределении следует использовать для того, чтобы принудить Гитлера провести демобилизацию. Н. Чемберлен возражал против этого. Если бы принцип самоопределения связали с демобилизацией немецкой армии, сказал он, то ничего бы не достигли. Если уж был принят принцип самоопределения, то не осталось бы ничего, кроме обсуждения процедуры, то есть как этот принцип осуществить. Об этом правительство должно посоветоваться с французским кабинетом.

Министр торговли Оливер Стэнли заявил: если Англия будет выбирать между поражением и борьбой, пусть она изберет борьбу. Германия не прекратит свои насильственные акции, ее режим без этого не может существовать. Франции нужно сказать, что Англия ее поддержит. Следует решить, что делать в связи с ультиматумом Гитлера. Можно было бы принять плебисцит, но не под угрозой мобилизованной армии, которая насчитывает полтора миллиона человек. Дафф Купер дополнил это выступление дальнейшими соображениями. Политика Англии всегда состояла в том, чтобы не допускать гегемонии одной державы на континенте. Ныне Англия оказалась лицом к лицу с самой огромной мощью за все столетие. Он не верит, что Гитлер удовлетворится захватом Судет. Гитлер много раз заверял, что он не нападет на Австрию и Чехословакию. Сегодня Англия едина. Доминионы поддержали бы войну против диктаторов. И если сейчас и было бы найдено решение кризиса, это не покончило бы с нашими трудностями. Надежд на мир в Европе не будет, пока у власти в Германии находятся нацисты. Он хотел бы верить, что на будущей неделе Н. Чемберлен скажет Гитлеру: Англия могла бы принять плебисцит, но только при определенных условиях. Иначе он опасается, как бы Англия не очутилась в ситуации, равноценной поражению. Сожалеет, что Н. Чемберлен оказался неспособным предложить Гитлеру ряд разумных проектов, например план Дж. Саймона, предусматривающий предоставление автономии Судетам на несколько лет, после чего последовал бы плебисцит. Слова Гитлера о чехословацко-советском договоре свидетельствуют, что он не намерен сохранять независимость Чехословакии. Сам он думает,

заявил Дафф Купер, что Чехословакия предпочтет борьбу.

На этот выпад против Н. Чемберлена ответил Дж. Саймон. Англия всегда вмешивалась лишь там, где непосредственно затрагивались британские интересы. И только в ситуации, когда это можно было сделать, имея перевес сил. В судетонемецкой области британские интересы не затронуты. Ничто не может помешать Гитлеру оккупировать Чехословакию. Франция ведь не начнет войну лишь ради того, чтобы удержать судетских немцев под властью Праги. Война была бы ужасна для единства империи. Оно может быть поколеблено, например, в результате революционного движения индийцев, арабов и прочих. Поэтому Дж. Саймон рекомендует принять чемберленовский план самоопределения. К Саймону присоединился министр по делам Индии Маргесс оф Зетланд, сказав, что война создала бы большие трудности в отношениях метрополии с народами Индии и арабами. Это означало бы уничтожение нынешнего порядка в мире, на поверхность всплыли бы идеи, подобные тем, какие ныне господствуют в России. Т. Инскип поддержал сказанное, заметив, что война могла бы уничтожить Гитлера, но она могла бы уничтожить и многое другое. Результатом могли бы быть такие изменения в Европе, которые не обрадовали бы никого, кроме Москвы и большевиков.

Следует предвидеть трудности, говорил М. Макдональд, связанные с французским правительством и Чехословакией. Эти трудности не были бы столь велики, если бы Англия была готова предоставить гарантии Чехословакии. Э. Галифакс обратил внимание членов кабинета на то, что нельзя допустить, чтобы французское правительство, прибыв в Лондон, было поставлено перед фактом: все, собственно говоря, уже решено. У него нет никакой симпатии к идее гарантий. Дж. Саймон заметил: суть проблемы в том, что не известно, что же должно быть гарантировано, ведь венгры и поляки тоже требуют плебисцита. Это было то же самое возражение, которое против гарантий высказал позже Гитлер.

Итог дискуссии был далеко не однозначным для Н. Чемберлена. Британский премьер-министр встретился с Гитлером и не предложил ему какого-либо британского плана. Н. Чемберлен принял практически то, к

чему принуждал фашистский вымогатель, угрожая войной. Ведь первая часть разговора была заполнена непрерывными угрозами, что Гитлер немедленно начнет войну. Хотя Н. Чемберлен и замалчивал это перед правительством, министры поняли, что Англия идет навстречу самому позорному поражению в своей истории.

Несмотря на это, Н. Чемберлен подвел итоги дискуссии так, как ему хотелось. Он якобы верит, что его коллеги готовы выразить согласие с предложением принять принцип самоопределения. Разумеется, о том не следует делать преждевременных заявлений и сначала необходимо провести совещание с Францией. Вся страна якобы поддерживает усилия премьер-министра сохранить мир, об этом говорится в ряде писем, которые он получил. Принцип самоопределения вовсе не означает поражения. Если бы британское правительство сказало Гитлеру о проведении демобилизации, он немедленно отдал бы приказ о нападении на Чехословакию. Некоторые министры говорили о гарантиях для Чехословакии. Он не любит обязательств в отношении отдаленных стран, особенно тогда, когда такие обязательства не могут быть по-настоящему выполнены. Согласен с тем, что сказал Э. Галифакс. Ценность гарантий была бы скорее в их устрашающем воздействии. Как он полагает, Англия не должна исключать возможность гарантий, но этот вопрос будет обсужден, когда для того настанет время. Он не предлагал Гитлеру никаких проектов по этому поводу. Дело будет продискутировано с французским правительством.

Решение, принятое на заседании британского правительства, было весьма простым. Э. Галифакс пригласит в Лондон представителей французского правительства, и в ходе дискуссии с ними будет найдено совместное решение. Тем самым исключается опасность, что ответственность за решение судетонемецкого кризиса ляжет исключительно на британский кабинет, хотя обязательства перед Чехословакией имеет Франция, а не Англия. Кабинет воздерживается от выводов по сообщению Н. Чемберлена относительно встречи с Гитлером, они будут сделаны после переговоров с французским правительством.

Для Н. Чемберлена такой итог не был особенно благоприятным. Его вояж к Гитлеру встретил открытое

одобрение лишь тех министров, которые, как и он, были убеждены, что война могла бы уничтожить Гитлера, но могла вместе с тем открыть коммунизму двери в Центральную Европу. Они были убеждены: если спасти Гитлера, то будет сохранен и нынешний порядок в мире, отвечающий интересам империалистических держав. Игра стоила свеч. Ради этого стоило закрыть глаза на вымогательства Гитлера, на бесспорный факт британского поражения.

Оппозиция некоторых министров Н. Чемберлену была слишком явной, и потому премьер-министр не смог добиться, чтобы заседание кабинета завершилось принятием решения, которое одобряло бы его обещания, данные Гитлеру. По этим соображениям Н. Чемберлен перенес решающее заседание кабинета на более позднее время, после встречи с французским правительством. Как только у него в распоряжении окажется французское согласие с его планом ампутации — а было бы весьма неправдоподобным, чтобы французское правительство не согласилось с этим,— потом можно будет легко сломить оппозицию отдельных министров британского кабинета, перед глазами которых вырисовывалась перспектива поражения Англии.

XXIII

ВОЗМОЖНОСТИ ОБОРОНЫ ЧЕХОСЛОВАКИИ (ТРЕТЬЯ НЕДЕЛЯ СЕНТЯБРЯ)

Возможности успешной обороны Чехословакии постепенно сводились на нет, и это было обусловлено прежде всего политическими обстоятельствами. Генлейн и его партия были порождением политики правительственной коалиции, которая предпочитала иметь дело с фашизмом, чем рисковать, что массы немецких безработных в Судетской области пойдут за коммунистами. Правительство и Э. Бенеш согласились с роковыми британскими рекомендациями, а позже под нажимом приняли фашистские требования, выполнение которых неизбежно вело к разгрому Чехословакии. Более того, Э. Бенеш в своей преданности Западу допустил ряд грубых политических ошибок, которые упрочили позиции сторонников «умиротворения». Он принципиально отвергал концепцию народного фронта и в тот момент, когда банкротство правительства Годжи становилось очевидным, обращался за советами к правым деятелям, охваченным паникой и капитулянтством. Оставалась еще армия, которая могла сказать свое слово в обстановке кризиса, вызванного вымогательством Гитлера и давлением западных держав. К сожалению, и в армии решающее слово принадлежало Э. Бенешу, и без его согласия нельзя было рассчитывать на политическое выступление военных, которые могли бы покончить с политиканством старой коалиции.

В начале сентября британский военный атташе Стронг дал положительную оценку чехословацкой армии, особенно ее вооружения и морального состояния [1]. Генеральный штаб, писал Стронг, обладает достаточными способностями, чтобы успешно провести быструю мобилизацию и концентрацию армии. Однако командиры крупных соединений, по его наблюдениям, не оставляют хорошего впечатления. Среди старых кадров из легионеров нет хороших командиров. Значительно лучше командный состав полков, но общий уровень офицерского состава более высок в немецкой армии. Чехословацкое вооружение хорошее, ибо опирается на весьма развитую военную промышленность. Но генеральный штаб недостаточно оперативно внедряет новые типы вооружений, и потому армия не в должной мере оснащена тяжелой артиллерией и средствами противовоздушной обороны, а также неудовлетворительно состояние моторизованного транспорта. Производственные мощности промышленности, впрочем, весьма высоки, и имеющиеся недостатки можно быстро преодолеть. По имеющейся у Стронга информации, вооружение чехословацкой армии сопоставимо с вооружением немецкой армии. Чехи даже убеждены, что их вооружение лучше немецкого. Чехи знают, что будут воевать за свое существование, за свою независимость. Соотношение сил двух армий примерно 1 к 4,5. Но у чехов есть укрепления, они будут сражаться на своей территории, которую хорошо знают. Хотя нападение ожидается с разных сторон, но они обладают тем преимуществом, что своими силами могут маневрировать по внутренним линиям. Многое будет зависеть от их морального состояния. Если они не выдержат морально, то война продлится неделю или две. Если бы выстояли, то потом война могла бы продолжаться в течение месяцев. Падение Праги не имело бы решающего значения. Последние события вызвали в генеральном штабе опасения, действительно ли армия достаточно сильна, чтобы быть готовой к любому развороту событий. Примерно 10 сентября генштаб обратился к британскому атташе, жалуясь, что состояние армии не отвечает ситуации, что ее численный состав практически тот же, как и в сентябре 1937 г. Штаб высказывался за мобилизацию, которую следовало бы провести после речи Гитлера в Нюрнберге. Согласно доне-

сению Б. Ньютона в Лондон, вероятность военного переворота невелика, считаться с выступлением армии против правительства следовало бы только в том случае, если бы последнее согласилось с чем-нибудь таким, что ставило бы под угрозу целостность государства (например, с плебисцитом) [2].

Когда судетонемецкая партия предприняла попытку осуществить путч, командование армии потребовало усилить охрану границ, а также занять укрепления. На заседании высшего совета обороны государства начальник генерального штаба сообщил, что немецкая армия насчитывает 1,5 миллиона человек и в случае внезапной опасности не представляется возможным успешно провести мобилизацию. На следующий день генеральный штаб принял решение занять укрепления и привести авиацию в состояние боеготовности. 15 сентября начальник штаба выдвинул требование о мобилизации хотя бы одного года резервистов. Его требование, однако, было отвергнуто со ссылкой, что это помешало бы переговорам между Гитлером и Чемберленом в Берхтесгадене.

По данным британского военного атташе, на 15 сентября силы чехословацкой армии были таковы: постоянные кадры — 30 000, призывники 1936—1937 годов — 145 000, резервисты — 52 000 человек. Накануне генеральный штаб сообщал о необходимости провести некоторые оборонительные мероприятия. Было призвано 60 000 резервистов для занятия малых укреплений, крупные укрепления были укомплектованы полностью. Далее было призвано 12 000 резервистов в части противовоздушной обороны, а также 5000 резервистов для службы наблюдения и оповещения. Подчеркивалось, что эти меры не носят чрезвычайного характера и не являются мобилизацией. Контингенты 1938 г. должны быть призваны для прохождения основной службы только после того, как будут уволены в запас призывники 1936 г. После исполнения всех указанных мер численный состав армии достигнет 304 500 человек.

Серьезную проблему представляли немцы, находившиеся в армии. 16 сентября было принято решение не вооружать призываемых в армию немецких резервистов, а сосредоточить их в специальных лагерях для формирования трудовых частей. Местами сосредоточения были

определены Гуменне, Вишков, Лесть, Плавецке Подграде[3]. На следующий день решение было уточнено: в случае мобилизации лиц немецкой и венгерской национальностей не вооружать их во избежание мятежа. Врачи должны быть проинструктированы так, чтобы максимальное число этих лиц признавали неспособными к строевой службе; их следует направлять в трудовые отряды, в которых офицерами и сержантами должны быть чехи. Солдаты таких отрядов не получат оружия, а может быть, и обмундирования. Трудовые отряды предназначались для строительства укреплений, дорог и т. п.[4]

Проведенные меры вскоре оказались недостаточными, уже 17 сентября британский атташе был информирован, что генеральный штаб рассматривает вопрос о призыве в армию еще трех-четырех возрастов резервистов. Гитлер понял, что его игра с Чемберленом была бы поставлена под угрозу, если бы в Чехословакии была проведена мобилизация и она стала бы способной оказывать сопротивление. Чехословацкий дипломатический представитель был приглашен к Э. Вейцзекеру, который угрожал ответными мерами, если Чехословакия решится провести мобилизацию[5].

Как только стало известно, что Н. Чемберлен предал Чехословакию, генеральный штаб немедленно потребовал проведения всеобщей мобилизации. Правительство под председательством Э. Бенеша решило ее отложить, поскольку могли бы возникнуть помехи для предстоящего англо-французского совещания. Вместо этого в Париж и Лондон была направлена нота, обращающая внимание на рост угрозы со стороны Германии и содержащая просьбу дать согласие на проведение всеобщей мобилизации[6]. Правительство получило сведения о том, что немецкое нападение готовится на 22—23 сентября[7]. В секретной информации, которую Ш. Осуский должен был передать французскому правительству, К. Крофта писал:

«Существует серьезная опасность, что внезапное нападение может помешать проведению нашей мобилизации. Мы должны принять серьезные меры, ибо промедление опасно. Нашей обязанностью сейчас является проведение мобилизации, но ее отложили, признавая, что ход переговоров между Парижем и Лондоном не сле-

дует нарушать. Мы не хотим предпринимать чего-либо, что в Париже и Лондоне могло рассматриваться как помеха усилиям сохранить мир, но весьма настоятельно просим как французское правительство, так и французский генеральный штаб принять во внимание крайне опасное положение, в котором мы находимся, и, сознавая, какую ответственность они берут за нашу и вашу судьбы, возможно быстрее сообщить свое мнение и оказать нам содействие как союзнику и другу»[8]. В письме сообщалось, что на чехословацких границах сосредоточено десять немецких дивизий, ускоренно готовятся полицейские полки для оккупации пограничной территории, а Генлейн формирует банды и концентрирует их на границе.

Это послание поддержал и французский военный представитель в Праге, который обратился к начальнику французского генерального штаба генералу Гамелену. Последний послал в Лондон донесение, подписанное также Э. Даладье, в котором говорилось, что Германия вполне может совершить нападение в течение ближайших трех-четырех дней[9]. Подобную информацию направил в Лондон и Б. Ньютон. Как было подчеркнуто в разговоре с военным атташе Стронгом, никто не имеет права отказывать чехословацкому государству в праве на оборону, однако Гитлер угрожает возмездием Чехословакии, если она еще раз отважится повторить то, что было предпринято 21 мая[10].

Вопрос о мобилизации в Чехословакии был обсужден на совместном англо-французском совещании 18 сентября. По английской рекомендации Э. Даладье согласился направить в Прагу отрицательный ответ. Он написал: согласие на мобилизацию нельзя дать до тех пор, пока идут переговоры с Гитлером. Английское правительство должно было послать в Прагу аналогичный ответ. И для того, чтобы убедить Гитлера в искренности западных держав, Н. Гендерсону поручили информировать министерство иностранных дел Германии, что обе западные державы отвергли чехословацкую просьбу о проведении мобилизации[11].

Н. Чемберлен, Ж. Бонэ и другие понимали, какие последствия имела бы мобилизация в Чехословакии. Несколько последних дней Ж. Бонэ, теряя самообладание, без конца повторял: проведение Чехословакией мо-

билизации без французского согласия было бы достаточным поводом для расторжения союзнического договора. Сторонники «умиротворения» сознавали, что Чехословакия, опираясь на отмобилизованную армию, могла бы решиться отвергнуть предложение об отторжении ее пограничных областей. На последнем заседании английского правительства и так уже высказывались сомнения, останется ли Чехословакия достаточно послушной, когда станут известны результаты встречи Н. Чемберлена с Гитлером. В то же время ни у кого не было возражений против того, что германская армия имела полтора миллиона человек. Соглашались на требования Гитлера, сопровождаемые угрозами войны. А Чехословакии не позволяли провести мобилизацию именно для того, чтобы она не могла оказать сопротивления нацистскому вымогательству.

У чехословацкого правительства 18 сентября была последняя возможность отвергнуть нажим западных держав. Следовало без промедления провести мобилизацию. Советская помощь была гарантирована и в том случае, если бы западные державы отказались поддержать Чехословакию [12]. Ведь даже консерваторы, находившиеся в оппозиции, 14 сентября рекомендовали, чтобы Чехословакия подготовилась оказать сопротивление политике Н. Чемберлена и без промедления провела мобилизацию. Мировое общественное мнение поняло и поддержало бы такой шаг, зная размах немецких военных приготовлений. Как признавался К. Крофта югославскому посланнику, Политический комитет коалиционного правительства располагал уже 18 сентября информацией об острой угрозе республике, и его долгом было принять решение о мобилизации, но он воздержался сделать это, «оправдываясь тем, что необходимо предварительно поставить в известность Париж и Лондон» [13]. Правительство, таким образом, совершенно сознательно переложило на Париж и Лондон ответственность за судьбу республики, хотя хорошо знало, какие последствия будет иметь такой шаг. В этот момент оно вновь капитулировало перед политикой Н. Чемберлена. Поведение правительства представляло собой серию частичных капитуляций, подготовляющих конечную катастрофу.

Прошло пять дней после 18 сентября, и правительства Англии и Франции заявили, что они больше не на-

стаивают на своей рекомендации воздерживаться от мобилизации, но это было уже после того, как чехословацкое правительство публично приняло англо-французские предложения, требующие отторжения пограничья. Нельзя полностью согласиться с часто встречающейся аргументацией, что чехословацкое правительство 21 сентября капитулировало только под неодолимым нажимом западных держав. Ведь оно уже 18 сентября само переложило на Англию и Францию ответственность за судьбу республики. У него не нашлось отваги изменить развитие событий, направить их иначе, чем хотели Гитлер и Н. Чемберлен. Потому-то де Лакруа мог в понедельник, 19 сентября, передать Э. Бенешу следующее указание правительства Э. Даладье: «...Продолжать придерживаться прежней линии и не делать ничего, что могло бы дать повод к войне. Выразив благодарность за все, что было сделано до этого, следует намекнуть по-дружески, но ясно, чтобы не принимали никаких мер (особенно мобилизации), которые могли бы помешать усилиям, направленным на сохранение мира»[14]. Благодарность Ж. Боннэ правительству М. Годжи представляла собой оценку его политических действий с позиции ведущих групп французской и английской буржуазии, которые решили достичь сговора с Гитлером за счет Чехословакии.

Коалиционное правительство совершало одну грубую ошибку за другой. 18 сентября М. Годжа выступил по радио с заявлением, в котором он отверг плебисцит и предложил вернуться к четвертому плану, то есть к Карловарской программе. Его заявление было обращено к судетским немцам и правительствам Англии и Франции. Такие действия не имели никаких надежд на успех в Лондоне и Париже, и правительство М. Годжи это хорошо знало.

Группа представителей бывших активистских немецких партий во главе с В. Якшем обратилась с заявлением, в котором высказалась за соглашение с правительством на основе четвертого плана[15]. Поскольку судетонемецкая партия дезертировала, говорилось в этом заявлении, переговоры с правительством пусть возьмет на себя судетонемецкий национальный совет, который к тому же обещает выйти за рамки четвертого плана. Эта

сомнительная политическая инициатива имела лишь один результат. Если прежде в четвертом плане видели подозрительный документ, продукт нацистского вымогательства и нажима, то заявление так называемого судетонемецкого национального совета претендовало на то, чтобы служить доказательством: за требованиями судетонемецкой партии стоят все немецкие политические партии. Четвертому плану был, таким образом, вновь придан легальный характер.

XXIV

ПРИГОВОР ВЫНЕСЕН (18—19 СЕНТЯБРЯ)

На последнем заседании британского правительства сообщение Н. Чемберлена о переговорах с Гитлером было решено принять к сведению лишь после встречи с французским правительством, а пока обсудить только принцип самоопределения; что касается процедуры, то она будет рассмотрена позже. Невзирая на это решение, Н. Чемберлен намеревался предложить Э. Даладье и Ж. Бонпэ согласиться с прямой уступкой чехословацкой территории, как он сам договорился с Гитлером.

Г. Вильсон в секретариате Н. Чемберлена подготовил перечень вопросов, которые необходимо было выяснить с французской делегацией. Если от Э. Бенеша потребуют уступки территории, а он станет сопротивляться, будет ли французское правительство действовать заодно с английским и заявит ли оно категорически Э. Бенешу, что, кроме предоставления судетским немцам права на самоопределение, нет иной возможности? При положительном ответе французов отпадет необходимость возвращаться к этому вопросу при переговорах с Гитлером. Если чехи откажутся от территориальных уступок и плебисцита, что предложит предпринять французская делегация? [1]

С чем приехала в Лондон французская делегация? Накануне Форин оффис получил из Женевы донесение об инструкциях, которые министерство иностранных дел Франции утвердило на случай войны. Министерство рекомендовало сначала добиваться решения Совета

Лиги наций, ибо такое решение, бесспорно, обладало преимуществами: а) британская помощь Франции была обусловлена Локарнскими соглашениями и, следовательно, Лигой наций; б) принятое решение Совета облегчило бы положение Великобритании в отношении доминионов, выяснило бы позицию Румынии относительно прохода советских войск и перелета авиации в Чехословакию; в) решение Совета оказало бы значительное влияние на мировое общественное мнение и обеспечило бы желательную моральную поддержку антигитлеровской стороне [2]. Свидетельствовала ли эта инструкция о том, что Франция готовится к войне? Это означало лишь, что, в случае если бы Германия уже начала агрессию против Чехословакии, французское правительство обратилось бы сначала в Лигу наций с ее медлительной процедурой, с тем чтобы получить достаточное время для размышления о дальнейших действиях.

Перед отъездом Э. Даладье и Ж. Бонно в Лондон американский посол в Париже У. Буллит высказал абсолютную уверенность в том, что Франция просто примет то, что будет решено английским правительством. Неясным оставалось, как будет реагировать Прага, когда от нее потребуют жертв. В Париже циркулировали сообщения, что «Москва интенсивно сотрудничает с чехословацким правительством, стимулируя чехословацкое сопротивление, это может осложнить все дело, потому что некоторые деятели в Праге рассматривают советскую поддержку как фактор, способный сдерживать Германию, которая должна видеть опасность всеобщего конфликта» [3]. В этих утверждениях содержались и некоторые объективные факты: в Праге советские дипломаты действительно прилагали все усилия, чтобы предостеречь чехословацкое правительство от политики самоубийства. Вместе с тем в этих утверждениях было еще больше демагогии апостолов «умиротворения», которые хотели доказать, что именно они делают все, чтобы сохранить мир, в то время как Советский Союз якобы подстрекает к войне.

Политическая ситуация, в которой оказалось французское правительство, была в изображении югославского посланника в Париже такова: «То, как сегодня английское правительство решит судетский вопрос, Франция, бесспорно, одобрит. Для Франции важно не

остаться изолированной и втянуть англичан в чехословацкий конфликт. Франция будет прикрываться решением Англии. Парижу абсолютно ясно, что Англия не хочет сражаться за Чехословакию и сделает все для того, чтобы уберечь от этого и Францию... Прага будет вынуждена согласиться с теми решениями, которые Лондон и Париж примут за ее счет, ибо иначе она останется одинокой перед лицом Германии» [4].

При встрече с французскими министрами Н. Чемберлен повторил старое заклинание «умиротворителей»: нет смысла вести войну за Чехословакию, которая будет оккупирована Германией и которую мы не смогли бы восстановить, даже если бы победили,— и добавил: «Гитлер уже было решил напасть на Чехословакию, но после Берхтесгадена склоняется к переговорам».

Н. Чемберлен указал, что так называемое самоопределение судетских немцев является единственным решением, которое, как можно надеяться, Гитлер согласится принять. Остается вопрос о форме. После обсуждения присутствовавшие признали, что плебисцит был бы источником осложнений, а Ж. Боннэ напомнил, что чехословацкое правительство уже неоднократно заявляло протест против плебисцита. В конце концов, ведь и сам Э. Бенеш высказывал соображения о территориальных уступках. Англичане предложили прямо передать территории, на которых немцы составляют 50% населения. Французы согласились, что такая передача облегчит положение, ибо иначе плебисцита потребовали бы и остальные национальные меньшинства, а это вызвало бы хаос [5].

Затем Н. Чемберлен сказал о необходимости ликвидировать чехословацко-советский договор, а Чехословакию объявить нейтральной. Э. Даладье согласился и с этим, но заметил, что весь этот «гнилой компромисс» с Гитлером еще нужно отстоять в Париже. Он знал, что все-таки должен что-то предложить Праге взамен, чтобы она приняла их решение. Э. Даладье рекомендовал, чтобы Чехословакии были предложены гарантии, но Н. Чемберлен был полон решимости предоставить Гитлеру полную свободу рук в Восточной Европе, а гарантии противоречили таким намерениям. Возникла долгая дискуссия. Решали, кто возьмет на себя ответственность за уничтожение Чехословакии.

Во время последнего перерыва во франко-английских переговорах состоялось совещание Н. Чемберлена с Дж. Саймоном, С. Хором и Э. Галифаксом, чтобы обсудить некоторые спорные вопросы[6]. Э. Даладье требовал гарантий, но Н. Чемберлен не мог дать такое обязательство без консультации с другими министрами. Кроме того, нужно было решить вопрос о территориальных уступках и о действиях в том случае, если бы Чехословакия отказалась подчиниться англо-французским рекомендациям. Министрам предстояло поспешно принять решения, которые накануне не были приняты британским кабинетом.

Было решено согласиться на совместные гарантии Чехословакии. Однако это не будут гарантии сохранения статус-кво, которое возникнет после передачи судетонемецкой территории, а лишь обещание гарантий против агрессии. Более того, эти гарантии будут обусловлены двумя моментами: а) Чехословакия станет нейтральным государством; б) чехословацкое правительство будет руководствоваться британскими и французскими советами при принятии решений по вопросам войны и мира. Такие ограниченные гарантии, в конце концов, Англию мало к чему обязывали и не могли помешать включению Чехословакии в немецкую сферу интересов.

Вторым вопросом был выбор способа передачи чехословацкой территории. Было решено, что прямая передача территории имеет большие практические преимущества перед плебисцитом; такой взгляд, видимо, разделяет и Э. Бенеш. Но без проведения плебисцита будет значительно труднее оправдать в глазах общественного мнения передачу территории. Нужно будет предпринять практические шаги для переселения людей, которые того захотят. Вопрос о перемещении населения могла бы обсудить международная комиссия. Э. Галифакс напомнил, что чехословацкое правительство резко высказалось против плебисцита, поэтому лучше всего было бы просто определить новую границу и позволить людям выбрать, где они хотят жить.

По мнению Н. Чемберлена, все это можно уже рекомендовать Э. Бенешу. Если он правильно понял сказанное Э. Даладье во время обеда, то Э. Бенеша удастся склонить к согласию.

При рассмотрении вопроса, как определить размер отрезаемой территории, было договорено, что за основу нужно взять районы, 50% населения которых составляют немцы. Э. Галифакс заметил, что возникающие в связи с этим экономические трудности можно было бы преодолеть путем введения в отношениях между Чехословакией и Германией договорной системы, основанной на принципе наибольшего благоприятствования.

В заключение было решено: если еще в тот же день будет достигнута договоренность с французской делегацией, направить Э. Бенешу послание, в котором будет указано два момента: а) судетские немцы — это вопрос особого рода; б) державы дают Чехословакии гарантии. Первый пункт следует понимать таким образом, что признание за судетскими немцами права на самоопределение не означает распространения этого принципа на остальные нацменьшинства.

Э. Галифакс рекомендовал, кроме того, «ясно и резко сказать Э. Бенешу: если он не будет действовать согласно нашим указаниям, то мы умоем руки». Последовала дискуссия по этому вопросу. В конце концов договорились, что действительно в послании Э. Бенешу должно быть ясно указано, что если он немедленно не примет предложения правительств Англии и Франции, то эти правительства не могут нести никакой ответственности за последствия возможного отказа. Время терять нельзя, промедление опасно. Э. Бенеш обязан понять, что единственное решение — передача всей чехословацкой территории, на которой немцы составляют свыше 50% населения.

В 17.00 министры вновь собрались для обсуждения текста послания Э. Бенешу.

В то время как обсуждалась окончательная редакция приговора, который на следующий день должен был быть вручен Чехословакии, Я. Масарик передал сообщение из Праги следующего содержания: никакие решения не должны приниматься без предварительного совета с чехословацким правительством, поскольку в противном случае оно не могло бы взять на себя ответственность за реализацию решений британского и французского правительств[7]. Это была тщетная попытка в последний момент повлиять на результаты рокового совещания в Лондоне.

Позже Э. Даладье признавался в парламентской речи: «Когда мы покидали Лондон, у нас было ощущение, что наш план будет встречен с согласием в Берлине, но вызовет гневные протесты в Праге» [8].

Как раз в это время в Праге вышло вечернее издание социал-демократической газеты «Право лиду» с заголовком «Франция против мира «любой ценой», она верно стоит бок о бок с Чехословакией» [9]. Однако не пройдет и дня, как Прага будет потрясена суровой правдой о неслыханной измене Франции и Англии.

19 сентября было созвано заседание французского правительства, чтобы заслушать отчет о лондонских переговорах. Даладье попытался измену Франции представить победой, даже двойной победой. Делегация якобы добилась того, что отказались от требования проводить плебисцит и будут даны также британские гарантии. Затем обсуждалось послание, которое еще в тот же день должно было быть вручено в Праге. В нем содержались требования ампутации пограничья, ликвидации союзнических договоров, а также были обещаны гарантии. Некоторые министры требовали, чтобы на Прагу не оказывали нажима. План ампутации в конце концов был принят. Немаловажное значение имел тот факт, что план был согласован в Лондоне и был преподнесен правительству как документ, одобренный британским правительством. В действительности лишь спустя час, в 11 утра, в Лондоне началось заседание британского правительства, все происходило в атмосфере спешки, диктуемой воинственными угрозами Гитлера. У ряда министров были возражения против этого англо-французского плана, но Н. Чемберлен сообщил, что французское правительство уже одобрило послание чехословацкому правительству и в Прагу направлены необходимые инструкции посланнику вручить его Э. Бенешу [10]. В конечном счете возражения были сняты во имя сохранения совместных действий с Францией [11]. Как было доложено далее, Гитлера оповестили, что в среду Н. Чемберлен вновь приедет в Германию. Это оповещение было вручено раньше, чем британское правительство приняло какое-либо решение. Н. Чемберлен в принципе ставил кабинет перед свершившимся фактом, поступая в чехословацких вопросах совершенно своеволь-

но и вовсе не руководствуясь решениями, которые принимал кабинет.

Н. Чемберлен подробно доложил о вчерашних переговорах с французской делегацией. Он сказал, что просил Э. Даладье первым высказаться о создавшейся ситуации, поскольку Франция, а не Англия связана договором с Чехословакией. Но французская делегация не захотела открыть дискуссию и передала слово Н. Чемберлену. Переговоры в первой половине дня окончились безрезультатно. Ни одна из сторон, участвовавшая в них, не решалась взять на себя ответственность. Э. Даладье хотел бы при докладе своему правительству иметь возможность сказать, что все дело было решено Н. Чемберленом, аналогичная аргументация была необходима и британскому премьер-министру.

Только во время обеда Э. Даладье прекратил игру в прятки и сказал Н. Чемберлену, что можно было бы заставить Э. Бенеша согласиться с прямой передачей Судет. Ж. Бонна стал говорить о необходимости британских гарантий.

После обеда, как следует из изложения Н. Чемберлена, атмосфера разрядилась и господа Э. Даладье и Ж. Бонна продолжили переговоры. Н. Чемберлену было важно доложить о ходе переговоров таким образом, чтобы у британского кабинета создалось впечатление, будто ведущей была французская инициатива, что в принятых решениях ничего нельзя менять, поскольку в их основе лежат французские предложения, а единство с Францией нельзя нарушать. Н. Чемберлен открещивался от своего авторства. Это был заколдованный круг: один политический деятель перекладывал ответственность на другого. Компромисс с Гитлером был настолько грязным делом, что принять ответственность за него не хотел ни французский, ни английский премьер. Все понимали, что принесение Чехословакии в жертву Гитлеру — это такое дело, которым хвалиться не приходится.

Н. Чемберлен рассказывал с подробностями, как французские министры возражали против проведения плебисцита, который вызвал бы, по их мнению, хаос в Европе. Прямая передача территории проще. Однако такая передача осуществима только при условии, что международная комиссия определит новые границы

Чехословакии. Для определения передаваемых районов будет достаточным учитывать наличие простого большинства немецкого населения.

Далее французские и британские участники обсуждали вопрос о будущем урезанной Чехословакии. Как поступить с остальными национальными меньшинствами? Обе делегации пришли к мнению, что ситуация в Судетах является исключительной, требующей немедленного решения, поэтому принцип самоопределения, признаваемый для судетских немцев, не может быть распространен на остальные меньшинства. Если в Чехословакии возникнут и другие национальные проблемы, то их уже следует решать путем «дружеских переговоров». Столь своеобразное заключение свидетельствует, что принцип самоопределения очень мало в действительности интересовал правительства Англии и Франции. Они лишь повторяли его вслед за нацистской пропагандой, маскировавшей агрессивный характер фашистской политики.

Э. Даладье высказал опасение, что Гитлер намерен овладеть всей Центральной и Юго-Восточной Европой, а для достижения этой цели ему необходимо полностью ликвидировать Чехословакию. Французское правительство поэтому полагает, что Англия должна бы пообещать гарантии. Н. Чемберлен ответил, что гарантии являлись бы дополнительным обязательством для Англии. Такое обязательство Англии было бы трудно выполнить, если бы Чехословакия подверглась нападению. Британское правительство должно тщательно взвесить, что же, собственно говоря, может быть гарантировано. На это Э. Даладье ответил: если от Чехословакии ожидают согласия на отторжение территории, то ей взамен следует обещать гарантии безопасности. Его правительство не могло бы осуществлять нажим на Прагу, не предложив ей гарантий. По мнению же Н. Чемберлена, Чехословакии и Франции следовало ликвидировать систему договоров с СССР и взамен этого провозгласить нейтралитет Чехословакии. Впредь не следует допускать заключения договоров, содержащих обязательства вести войну ради защиты другой страны. Э. Даладье, однако, считал, что ликвидация союзнических договоров ослабила бы безопасность Франции. Если бы Англия дала Чехословакии гарантии, то ме-

жду Германией и СССР мог бы возникнуть нейтральный пояс, который обезопасил бы эту часть Европы от дальнейшей немецкой экспансии. Это была прежняя идея, которой уже с апреля 1938 г. пыталась руководствоваться французская политика. Поскольку французская делегация настаивала на гарантиях, переговоры были отложены, чтобы британские министры могли обсудить предложения.

Вопрос нужно было решить без проволочек, иначе, по словам Н. Чемберлена, переговоры с французами не могли бы быть завершены, а без этого не удалось бы договориться и с чехословацким правительством. Во время перерыва обговорена была и форма послания Э. Бенешу, которое затем обсудили с французами. Французы вносили различные формальные поправки, которые считали необходимыми с учетом французской политической ситуации.

Французская делегация сначала настаивала на предоставлении ей возможности вернуться в Париж и утвердить послание Э. Бенешу на заседании своего правительства. Но затем была достигнута договоренность, что выработанный текст будет немедленно передан посланникам в Праге, то есть Б. Ньютону и де Лакруа, которые вручат его Э. Бенешу, после того как получат указания по телефону. Французская делегация обещала сообщить ответ своего правительства в первой половине 19 сентября.

Н. Чемберлен и Э. Даладье этим перестраховывались, они знали, что английское и французское правительства ничего не будут менять в тексте ультиматума, если текст будет уже находиться в Праге. Это была та же тактика, что и прежде,— ставить правительства, парламенты и общественное мнение перед свершившимися фактами. На возможные возражения, почему не дождались согласия британского и французского правительств, всегда можно было ответить, что промедление чревато опасностью, что срок новой встречи Чемберлена с Гитлером был уже определен и т. п.

После Н. Чемберлена выступил Э. Галифакс, также принимавший участие в переговорах. По его мнению, Э. Даладье сомневался в лояльной позиции двух-трех министров, но тем не менее полагал, что французское правительство одобрит послание. Сам Э. Галифакс

имел возражения против гарантий, но в конце концов он принял французскую точку зрения, ибо Чехословакия должна быть нейтрализована и нельзя было подвергать риску немедленное достижение согласия с Францией. Возможно, позднее возникнут новые затруднения при решении вопроса, какими должны быть гарантии, индивидуальными или коллективными. В случае коллективных гарантий, в которых приняла бы участие и Германия, возникал вопрос: должны ли участники оказывать помощь Чехословакии, если один из гарантов, Германия, совершил бы агрессию? Если гарантии будут носить индивидуальный характер и какая-либо из стран допустит агрессию или откажется выполнить свои обязанности, вытекающие из факта предоставления гарантий, то будет ли Англия обязана оказывать помощь Чехословакии?

Министр финансов Дж. Саймон заявил, что он лично отдал бы предпочтение гарантиям коллективным; если бы произошла агрессия, то гаранты собрались бы и вынесли решение, имеет ли место неспровоцированная агрессия. Министр по делам доминионов Малкольм Макдональд указал, что гарантии имеют и политическое значение. Многие люди будут считать, что уступка чехословацкой территории означает капитуляцию перед Германией, однако гарантии послужат аргументом, что Англия намерена сопротивляться дальнейшей агрессии. При обещании гарантий нужно исходить прежде всего из интересов Англии, но здесь речь идет об исключительном случае. Лорд — председатель Совета Хэйлшем сказал, что, по его мнению, гарантии — это несчастье, потому что Англия либо не будет в состоянии соблюсти свои обязательства, либо окажется втянутой в войну, которую спровоцируют соседи Чехословакии. Тем не менее он также признает, что иначе нельзя было поступить. Военный министр Хор-Белиша имел серьезные возражения против гарантий. После уступки пограничной территории Чехословакия будет государством нестабильным в экономическом отношении. Трудно сказать, переживет ли она ампутацию. В стратегическом смысле ее позиции будут совершенно подорваны. У Англии нет средств выполнить взятые на себя обязательства по гарантиям. Например, как она будет вести войну против Польши или Венг-

рии? Он опасается, что предлагаемое решение является в действительности не решением вопроса, а лишь отсрочкой развязки. Он боится, не собирается ли Англия поставить свою подпись под тем, что ее опозорит. Н. Чемберлен немедленно поспешил объяснить, что гарантии не обяжут Англию сохранять новые чехословацкие границы. Они лишь обязательство на случай неспровоцированной агрессии. Он, разумеется, согласен с тем, что Англии было бы трудно выполнить новые обязательства. Но смысл гарантий прежде всего в их «сдерживающем» воздействии.

Дж. Саймон высказался по шестому параграфу пропозиций, как называли подготовленное послание Бенешу; если этот параграф будет принят, то договор с СССР станет достоянием истории. По существу, параграф предлагает Чехословакии нейтральную позицию, какую занимает, например, Бельгия. Однако в нем имеются некоторые неясности. Н. Чемберлен разъяснил, почему в этом параграфе пока не предусматривается, чтобы Германия стала одним из гарантов нового статуса Чехословакии, хотя французы и помышляли об этом. Формулировка шестого пункта пропозиций умышленно расплывчатая, для того чтобы сохранить возможность для внесения других условий, которые позже могут оказаться желательными. По его мнению, важно точнее определить, что имеется в виду под понятием «неспровоцированная агрессия». Дж. Саймон поинтересовался, распространяются ли гарантии на территории, населенные другими нацменьшинствами. Э. Галифакс ответил, что хотя и распространяются, но это вовсе не исключает уступки таких территорий на основе «мирного решения». Гарантии даются лишь на случай неспровоцированной агрессии. Дж. Саймон предложил дополнить шестой пункт пропозиций положением: предоставление гарантий не означает поручительства за целостность Чехословакии, особенно когда дело касается районов с нацменьшинствами. С. Хор напомнил, что такое дополнение исключило бы достигнутое соглашение с Францией. Колви заметил, что перед общественным мнением прямую передачу территории оправдывать будет труднее, чем плебисцит. Дж. Саймон предложил иначе сформулировать второй параграф пропозиций, в котором говорилось, что, учитывая высказанные Э. Бене-

шем возражения против плебисцита, западные правительства полагают, что он, «вероятно, предпочтет разрешить проблему судетских немцев путем прямой передачи Германии чехословацких пограничных районов». Дж. Саймон хотел прямо указать на ответственность Бенеша за передачу территории.

Министр торговли Оливер Стэнли заявил, что он мог бы согласиться с проектом послания лишь при следующих условиях: а) наличие 50% немецкого населения в качестве критерия пригодно для плебисцита, но это недостаточно при прямой передаче территории. Следует принять во внимание, что часть судетских немцев не желает быть включенной в империю, и потому следовало бы принять критерий более высокий, чем 50% немецкого населения; б) было бы необходимо разрешить перемещение отдельных лиц, и Германия должна бы дать на это согласие; в) как только были бы приняты эти условия и была бы учреждена пограничная комиссия, Германия должна демобилизовать свою армию; г) судетонемецкая партия должна распустить свой добровольческий корпус. Первое условие он считает желательным, но несущественным, три остальные являются безусловно обязательными. Н. Чемберлен, однако, заявил: с чем-либо подобным он не может ехать к Гитлеру, ибо не приходится рассчитывать на успех. Фактически это было признанием британской капитуляции перед Гитлером.

Э. Галифакс наконец подошел к вопросу, могут ли такие пропозиции быть приняты в Праге. Я. Масарик утром ему сказал, что его правительство будет скорее воевать, чем уступит большую часть своей территории. Но Э. Галифакс думает, что такое заявление было сделано без учета обещанных гарантий. Есть, конечно, опасение, что армия установит контроль в стране. Гитлер посчитал бы это катастрофическим событием и отдал бы приказ начать наступление. На вопросы министров, что предпримет Франция, если Э. Бенеш отвергнет предлагаемые условия и Чехословакия возьмется за оружие, было замечено, что Э. Даладье считает такой поворот невозможным. Чемберлен ограничился заявлением, что, если бы Э. Бенеш отверг пропозиции или произошло какое-либо иное резкое изменение ситуации, кабинет был бы вновь созван.

Наконец кабинет принял решение одобрить переговоры Чемберлена с Гитлером, одобрить послание в Прагу и дал согласие, чтобы Н. Чемберлен продолжил переговоры с Гитлером на основе послания, которое передано Э. Бенешу. Печать будет информирована своим порядком. Это была полная победа Н. Чемберлена, большего он и не мог желать. Министры, которые ставили под сомнение результаты англо-французских совещаний, должны были наконец убедиться, что они давно утратили влияние на развитие событий. Пропозиции все равно были уже в Праге, французское правительство их тоже одобрило. Гарантии, как показала дискуссия, были всего лишь приманкой, которая должна была помочь чехословацкому правительству проглотить горькую пилюлю. Гарантии были прикрытием, которое хотя бы временно ограждало британское правительство от обвинений со стороны общественности в том, что Чехословакия позорно продана Гитлеру. И наконец, гарантии были политической ширмой, которой чехословацкое правительство могло при необходимости воспользоваться для защиты от обвинений собственной общественности. О какой ценности гарантий можно говорить, если они позволяли и далее урезать территорию чехословацкого государства. Дискуссия, состоявшаяся на заседании британского кабинета, достаточно четко показала, что Н. Чемберлен, обещая гарантии, при этом даже не имел ясного представления, как бы эти гарантии действовали в случае нападения Германии на Чехословакию. Гарантии были лживым обещанием, которое должно было выманить у чехословацкого правительства согласие с ампутацией пограничных областей и закамуфлировать от британской и французской общественности позор этой операции.

Н. Чемберлен информировал кабинет о своих переговорах с лейбористами. Они заявили ему о желательности выступления Англии совместно с Францией и СССР против политики Германии, о необходимости совместной декларацией предостеречь Германию от нападения на Чехословакию. Н. Чемберлен разубеждал их и доказывал, что его политика личных переговоров с Гитлером лучше. Лейбористы созвали Национальный совет лейбористской партии и пригласили в Лондон французских социалистов. Н. Чемберлен ссылался на

трудное положение правительства Франции, неподготовленность ее армии. По его словам, это сообщение произвело ошеломляющее впечатление на лейбористов. Затем он им внушал, что Советское правительство не в состоянии решиться оказать помощь Чехословакии, если этого же не сделает Франция. Более того, советские представители хотели бы чехословацкий вопрос сначала передать на обсуждение Лиге наций. Лейбористы, по словам Н. Чемберлена, после беседы заявили, что были введены в заблуждение публичными заявлениями французского правительства. Если бы они своевременно были осведомлены о том, что им рассказал Н. Чемберлен, они не согласились бы с манифестом, принятым Национальным советом лейбористской партии. Свое предложение о созыве парламента они взяли обратно. Н. Чемберлену удалось отразить натиск оппозиции, причем тем же самым способом, каким он овладел собственным кабинетом, а именно ссылками на французское правительство и с помощью дезинформации о позиции Советского правительства в отношении Чехословакии. Н. Чемберлен и его правительство своей политикой коренным образом нарушили равновесие сил в Европе. Однако, как только началась критика их политики уступок фашистскому агрессору, Н. Чемберлен стал доказывать, что если принять во внимание объективные обстоятельства и действия Франции, Чехословакии, СССР, то его политика была единственной альтернативой, короче говоря, он сам и его правительство были лишь жертвой, а вовсе не главной движущей силой этого гнусного предательства и капитуляции перед гитлеровским фашизмом.

Еще в то время, когда британский кабинет обсуждал послание Э. Бенешу, Н. Гендерсон получил указание вручить в Берлине письмо Н. Чемберлена. В нем говорилось, что Н. Чемберлен в своих консультациях продвинулся столь далеко, что переговоры с Гитлером могли бы возобновиться уже в среду, 21 сентября. Н. Гендерсон передал это послание в 12.15[12], когда британский кабинет продолжал заседать и еще даже формально не одобрил переговоры Чемберлена в Берхтесгадене, когда еще не принял текст пропозиций и не выразил согласия на продолжение переговоров. Просьба Н. Чемберлена о новой встрече с Гитлером была передана

раньше, чем посланники обеих держав успели вручить Э. Бенешу известный ультиматум — пропозиции. Это была тоже форма давления на Прагу. Она давала возможность требовать от Чехословакии немедленного ответа, поскольку время встречи с Гитлером уже определено и Н. Чемберлен не может поехать в Германию, не получив чехословацкого согласия на ампутацию пограничья. Однако Н. Чемберлен глубоко заблуждался, если полагал, что его уступок достаточно, чтобы удовлетворить Гитлера. Гитлер все еще верил в осуществимость первоначального плана полного уничтожения чехословацкого государства. Ампутация пограничной территории тоже, конечно, давала надежду, что этот план ему удастся осуществить, но лишь со временем. Немецкая печать получила инструкцию не уделять большого внимания лондонским совещаниям двух держав, комментируя их с явным скепсисом. Напротив, следовало усилить кампанию против Чехословакии. Немецкая печать должна была убеждать весь мир в том, что чехи — это варварский народ, а их государство не может больше существовать. Что касается предстоящей встречи в Годесберге, то она не заслуживала особого внимания. Писать можно было о том, что Н. Чемберлен носит с собой зонтик, а отель, в котором он будет жить, имеет 100 номеров, и тому подобное. О встрече будет дано коммюнике, его и опубликует немецкая печать. Главная же ее цель — варварское чешское государство [13]. Кульминацией всей этой разнузданной кампании было интервью Гитлера журналисту Уорду Прайсу, представителю газеты «Дейли мейл». О чехословацком государстве там было сказано дословно следующее: «Это чешское зло должно быть уничтожено раз и навсегда, лучше всего немедленно. Чехословакия — раковая опухоль, которая отравляет весь европейский организм» [14].

Я. Масарик в тот же день написал письмо Э. Галифаксу, в котором обратил его внимание на интервью Гитлера Уорду Прайсу. Достаточно перечитать это интервью, говорилось в письме, чтобы стало ясно: Гитлер во что бы то ни стало хочет уничтожить Чехословакию [15]. Но в то время английские политики были озабочены только одним: как бы Прага не отклонила их ультиматум. О том, что Гитлер стремится уничтожить Чехословакию, они знали давно и совершенно твердо.

В Праге министерство иностранных дел уже в ранние утренние часы узнало, что Н. Чемберлен предложил французской делегации следующий план: аннексия пограничных областей, нейтрализация Чехословакии, расторжение пакта с СССР. Если этот план будет принят Прагой, то Чехословакия получит коллективные гарантии, но Англия в них не примет участия [16]. Информация была относительно надежной и полной. В первой половине дня К. Крофта принял английского и французского посланников. На вопрос, располагают ли они сведениями о результатах лондонских совещаний, они ответили отрицательно. В действительности они уже имели текст послания и дожидались лишь условного сигнала, чтобы вручить его Э. Бенешу.

Правительство опубликовало обращение, в котором говорило, что тщательно изучит англо-французские предложения, но от народа требуются сейчас «строгая дисциплина и достойное поведение всех», «полное доверие к ответственным представителям», имеющим в виду «подлинное благо государства и нации и обеспечение их будущего» [17]. Подобные заявления, не указывая, как правительство ответит Англии и Франции, вместе с тем не предвещали ничего хорошего, напротив, они давали понять, что готовится какая-то новая подлость. В тот же день, 19 сентября, Клемент Готвальд от имени КПЧ решительно заявил в Постоянном комитете Национального собрания: «Рекомендации, которые приняли английское и французское правительства на лондонских совещаниях, мы считаем для Чехословакии неприемлемыми и неосуществимыми» [18].

В 14.00 в Пражский Град прибыли посланники Б. Ньютон и де Лакруа, они вручили ноту, которая представляла собой приговор Чехословакии. Пограничные районы должны быть переданы Германии, и, поскольку у Бенеша имелись возражения против плебисцита, рекомендовалось избрать метод прямой передачи территории. Передаче подлежали все области, в которых 50% населения составляют немцы; демаркационную линию установит международная комиссия. Союзнические договоры Чехословакии подлежат расторжению, взамен ей предлагаются гарантии. Ответ на этот вердикт желательно получить возможно скорее, ибо госпо-

да Чемберлен и Гитлер намерены возобновить переговоры уже в среду.

Э. Бенеш попытался высказать замечания. «Трудно поверить,— сказал он,— что друзья так обращаются с его страной. С Чехословакией не консультировались при составлении этих требований, и поэтому сейчас мы не можем дать ответ. Все, что с этим связано, должно быть внесено на рассмотрение парламента и правительства». Однако оба посланника нажимали, заявляя, что ситуация критическая и ответ не терпит отлагательства. Б. Ньютон обратил внимание на обещание гарантий. Будущее Чехословакии тем самым якобы обеспечено. У чехословацкого правительства только две возможности: либо потерять все, либо сохранить основное, используя британские гарантии. Э. Бенеш пытался говорить, что ампутация пограничных областей — лишь ступень к полному захвату Германией, что нынешние требования Гитлера еще далеко не последние.

Но свою задачу оба посланника видели лишь в том, чтобы заставить Э. Бенеша и его правительство согласиться на требования Гитлера, которые формально приобрели характер англо-французских предложений. Все, что могло быть сказано Э. Бенешем, господа Чемберлен, Галифакс, Даладье и Боннэ знали. Но теперь не было времени для дискуссий. Правительства Англии и Франции требовали, чтобы Чехословакия подчинилась их приговору. Б. Ньютон закончил донесение об этой исторической аудиенции сухой констатацией, что Бенеш, по его убеждению, скорее примет пропозиции, чем их отклонит. Бенеш с радостью ухватился бы за все, что ему помогло бы оправдаться перед своим народом за принятие англо-французских требований [19].

Чемберленовский «план Зет» осуществлялся. Н. Чемберлен избрал для этого подходящий момент и сумел навязать значительной части западной общественности представление, будто его план означает спасение от войны и что нет альтернативы его политике.

Империализм тогда еще мог вершить судьбами народов Европы. Чехословакия стала жертвой грязных махинаций. В империалистической системе для нее не оказалось места. И ее будущее возрождение с того момента оказалось неразрывно связано с победой антиимпериалистических революционных сил.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Так закончилась предыстория мюнхенского соглашения. После вручения англо-французского ультиматума наступили дни, которые буквально потрясли Чехословакию. Ставшие доступными новые архивные документы позволяют проследить эти критические десять дней час за часом. После мюнхенского диктата настала шестимесячная агония Чехословакии. В марте 1939 г. пришел конец. Пришел так, как его предвидели с самого начала режиссеры мюнхенской драмы. Логично, неизбежно и закономерно вслед за Мюнхеном последовала вторая мировая война. Дух Мюнхена и дальше пронизывал политику Англии и Франции, особенно в первые годы войны. Ведь во главе их правительств оставались те же люди, которые были виновниками катастрофы, пережитой Чехословакией. Мюнхен и его последствия — все это будет содержанием другой книги, которая представляет собой продолжение настоящей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AAN-MSZ — Archivum akt nowych. Варшава. Фонд министерства иностранных дел.
AA-PA — Auswärtiges Amt Bonn, Politisches Archiv. Бонн. Министерство иностранных дел. Политический архив.
AMAE — Arhiva ministerului afacerilor externe. Бухарест. Архив министерства иностранных дел.
AMS — Archiv ministerstva spravedlnosti. Прага. Архив министерства юстиции.
AMZV — Archiv ministerstva zahraničních věcí. Прага. Архив министерства иностранных дел.
ANM — Archiv Národního muzea. Прага. Архив Национального музея.
ASB — Archiv Státní banky. Прага. Архив Государственного банка.
AÚML — Archiv Ústavu marxismu-leninismu při ÚV KSČ. Прага. Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ.
АВП СССР — Архив внешней политики СССР. Москва.
BA Koblenz — Bundesarchiv NSR. Кобленц. Государственный архив ФРГ.
ЦДИА-МВР — Централен държавен исторически архив. София. Фонд министерства иностранных дел.
DA Beograd — Diplomatski archiv. Белград. Дипломатический архив.
DBFP — «Documents on british foreign policy 1919—1939». Third series. Vol.I—III (1938—1939). London, 1949—1950.
DDF — «Documents diplomatiques français, 1932—1939». 2-e série (1936—1939), t. I—VIII. Paris, 1963—1973.
DZA-AA — Deutsches Zentralarchiv, Potsdam. Fond Auswärtiges Amt. Потсдам. Центральный архив ГДР. Фонд министерства иностранных дел.
FRUS — «Foreign relations of the United States. Diplomatic papers». Vol.I. General (1929—1939). Washington, 1948—1956. Vol. II. Europe (1929—1939). Washington, 1948—1956.

IMT — (International Military Tribunal). «Proces des grands criminels de Guerre devant le Tribunal Militaire International», Nuremberg, 1947—1949.
KPR — Archiv kanceláře presidenta republiky. Прага. Архив канцелярии президента Чехословацкой Республики.
PISM — Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa.
PRO-FO — Public Records Office. Fond Foreign Office. Лондон. Государственный архив. Фонд министерства иностранных дел.
PRO-Cab.— Там же. Фонд кабинета министров.
PRO-PREM — Там же. Фонд канцелярии премьер-министра.
StA — Státní archiv. Прага. Государственный архив ЧССР.
SÚA-AA — Státní ústřední archiv. Praha. Fond Auswärtiges Amt. Центральный государственный архив. Прага. Фонд министерства иностранных дел.
VHA — Vojenský historický archiv. Praha. Военно-исторический архив. Прага.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ

Глава I

1. «Rudé právo». 16.4.1935.

2. О целях, которые ставили перед собой гитлеровцы в области экономики, свидетельствует, например, заседание экономико-политического комитета имперского правительства от 24 апреля 1933 г. На заседании обсуждался вопрос о подготовке Германии к международной экономической конференции, которая по американской инициативе должна была состояться в Лондоне. На эту конференцию Германия внесла известный меморандум Гугенберга; он содержал требование, чтобы Восточная Европа рассматривалась в качестве сферы интересов Германии.

3. AMZV, Политическое донесение чехословацкого посольства в Лондоне от 27.3.1935.

4. ANM, Фонд Мастного 1-12-062; Запись о визите Идена в Прагу 4.4.1935.

5. PRO-PREM, 1/330; Письмо Идена Болдуину 12.1.1937.

6. DZA-AA, 60 976.

7. PRO-PREM. 1/215; Запись о визите Лотиана к Гитлеру 4.5.1937.

8. Там же; Запись беседы с Герингом 4.5.1937.

9. Там же; Запись беседы с Шахтом 5.5.1937.

10. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 376.

11. PRO-PREM, 1/215; Меморандум Лотиана 11.5.1937.

12. AMZV, Политическое донесение чехословацкого посольства в Берлине от 30.5.1937.

13. Archiv strany čs. soc.; Заседание исполнительного комитета 13.11.1935.

14. AÚML, 20/171; Резолюция о задачах единого фронта 23.3.1935.

15. AMZV, II/278; Предписание министерства национальной обороны от 24.9.1937.

16. AMZV, Политическое донесение чехословацкого посольства в Лондоне от 10.2.1936.

17. ANM, Воспоминания В. Мастного.

18. AMZV, Политическое донесение чехословацкого посольства в Берлине от 30.5.1937.

19. ANM, Воспоминания Мастного; Запись беседы с Бенешем 20.6.1937.

20. AMAE, 71/1937 C_6 vol. 39; Донесение посланника Аурелиана из Праги от 27.4.1937.

Глава II

1. KPR, T 1839/37.

2. Там же.

3. KPR, T 1746/37; Запись Шамала 22.10.1937.

4. На заседании исполнительного комитета национально-социалистической партии 13.11.1935 Бенеш говорил: «Единый фронт — не для нашего государства, для этого у нас нет условий. Создать в Чехословакии левый блок — значит создать и правый блок и этим вызвать неотвратимое столкновение. В условиях серьезной международной ситуации это означает тяжелую угрозу государству». — См.: Archiv strany čs. soc.

5. AMZV, Политическое донесение посольства в Лондоне от 28.6.1937.

6. PRO-PREM, 1/330; Иден — Чемберлену 7.7.1937.

7. AA-PA Bonn, Pol. II Politik 3 Frankreich-Russland, Bd. 1; Донесение немецкого посольства в Лондоне от 3.8.1937.

8. SÚA, Нюрнбергский процесс над германскими дипломатами; допрос Вермана 2.7.1938.

9. ANM, Фонд Мастного; Письмо К. Крофте 13.11.1937.

10. PRO-PREM, 1/330.

11. KPR, D 11237/37; Запись Соботы 19.11.1937.

12. IMT, XXV, PS 386, str. 402—413.

13. PRO-PREM, 1/330; Запись беседы Галифакса с Гитлером 19.11.1937. Немецкая запись этой беседы впервые опубликована в: «Документы и материалы кануна второй мировой войны. Том I. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии». М., 1948. Немецкая запись в основе тождественна протоколу, составленному английской стороной.

14. PRO-PREM, 1/330; Запись беседы Галифакс—Бломберг 21.11.1937.

15. PRO-Cab., 23/90; Заседание кабинета 24.11.1937.

16. Там же.

17. AMZV, Политическое донесение посольства в Лондоне от 6.12.1937.

18. PISM, Сообщение польского посланника Любомирского о беседе с Вейцзекером 2.12.1937.

19. FRUS, 1937, vol. 1, p. 171—177; Запись беседы с Герингом 23.11.1937.

20. PRO-PREM, 1/330; Гендерсон—Идену 15.12.1937.

21. AMZV, Политическое донесение посольства в Лондоне от 30.11.1937.

22. AMAE, 71/1937-40 C_1 vol. 5; Станеску из Праги 23.11.1937.

23. ЦДИА-МВР, 176/7/893; Донесение болгарского посла из Праги от 27.12.1937.

24. SÚA-AA, 9/175099; Эйзенлор из Праги 12.1.1938.

Глава III

1. Majskij I. Mnichovské drama. Moskva, 1972, s. 10.
2. AMZV, Политическое донесение посольства в Лондоне от 24.2.1938.
3. ANM, Рукопись воспоминаний В. Мастного.
4. PRO-PREM, 1/330; Меморандум от 25.1.1938.
5. PRO-FO, 371/22288; Гендерсон—Стрэнгу 26.1.1938.
6. PRO-PREM, 1/330; Кадоган—Гендерсону 12.2.1938.
7. DZA-AA, 60970; Запись беседы Нейрата с Гендерсоном 26.1.1938.
8. AMZV, Политическое донесение посольства в Лондоне от 24.2.1938.
9. PRO-FO, 800/269; Гендерсон — Галифаксу 27.2.1938.
10. DZA-AA, 60970; Гитлер — Гендерсону 3.3.1938.
11. AA-PA Bonn, Pol. II Politik 3 England-Russland, Bd. 1.
12. SÚA-AA, 412768; Донесение посланника Мастного от 15.3. 1938.
13. PRO-PREM, 1/258; Гендерсон — Чемберлену 7.2.1938; Ответ Чемберлена 15.2.1938.
14. AMZV, kab., 878/38.
15. VHA, 1939, hl. št. 32[34]/311.
16. PRO-FO, 371—22903; Отчет английского посольства в Праге за 1938 г.
17. AMZV, Политическое донесение посольства в Лондоне от 24.2.1938.
18. PRO-FO, 371—22288; Чилстон — Колье 24.1.1938; 1.2.1938.
19. Majskij I., Op. cit., s. 20.

Глава IV

1. Gilbert M., Gott R. The appeasers, London, 1963, p. 116—117.
2. ЦДИА-МВР, 176/7/5749; Донесение посланника Антонова из Москвы от 14.4.1938.
3. PRO-FO, 371—21674; Донесение военного атташе из Парижа от 17.3.1938.
4. AMZV, kab., 1265; Письмо Масарика от 12.3.1938.
5. PRO-FO, 880/309; Отчет генерала Спирса 14.3.1938.
6. SÚA, PMR, Заседание правительства 25.3.1938.
7. PRO-FO, 800/309; Хор — Галифаксу 25.3.1938; То же: AMZV, kab., 1465/38; Масарик — Годже 28.3.1938.
8. SÚA-AA, 18498; Сообщение от 2.4.1938.
9. PRO-FO, 800/309; Донесение чехословацкого посольства от 1.4.1938.
10. KPR,T 709/38; Запись от 2.4.1938.
11. DBFP, vol. I, p. 105—107; Меморандум Ньютона от 29.3. 1938.
12. PRO-FO, 371—21578; Донесение Стронга от 29.3.1938.
13. Там же; Запись беседы Стронга с Сыровы и Махником 7.4.1938.

14. Там же; Запись беседы Стронга с Махником, Сыровы, Гайеком 11.4.1938.

15. VHA, 1939, hl. št. 32[34]/3 11.

16. PRO-FO, 371—21578; Ньютон из Праги 17.4.1938.

17. PRO-Cab., 23/93; Заседание правительства 27.4.1938.

Глава V

1. DZA-AA, 60970; Запись Нейрата 14.3.1938.

2. PRO-FO, 371—21674; Протокол заседания правительства 12.3.1938.

3. Там же; Стрэнг — полковнику Кларку 14.3.1938.

4. PRO-FO, 800/269; Гендерсон — Галифаксу 16.3.1938.

5. PRO-FO, 371—21674; Гендерсон — Форин оффис 17.3. 1938.

6. PRO-PREM, 1/265; см. также PRO-FO, 371—21674.

7. PRO-FO, 371—21674.

8. PRO-FO, 371/21743; Гендерсон — Галифаксу 20.3.1938.

9. Reynaud P. Au coeur de la Mêlée 1930—1945. Paris, 1951, p. 259; Reynolds P. A. British Foreign policy in the inter-war years, London, 1954, p. 139.

10. PRO-Cab., 27/627; Меморандум от 21.3.1938.

11. Там же.

12. PRO-FO, 371—21674; Галифакс — Фиппсу 22.3.1938.

13. Majskij I., Op. cit., s. 22.

14. Там же, стр. 21.

15. PRO-FO, 371—21674; Гендерсон 24.3.1938.

Глава VI

1. AMAE, 71/1938/C, vol. 1; Григорча из Лондона 4.4.1938.

Глава VII

1. PRO-FO, 371—22991; Р. Х. Хэдоу — Стрэнгу 1.4.1938.

2. AMZV, kab., 1506; Масарик — Крофте 5.4.1938.

3. PRO-FO, 800—269; Гендерсон — Галифаксу 7.4.1938.

4. PRO-PREM, 1/330; Гендерсон — Галифаксу 13.4.1938.

5. DBFP, vol. 1, p. 139, 153.

6. PRO-FO, 371—21674; Донесение военного атташе из Вены от 13.4.1938.

7. Там же.

8. ANM, Воспоминания В. Мастного; Политическое донесение от 25.4.1938.

9. AMZV, dep. D/415—30.4.1938 из Лондона; D/419—30.4. 1938 из Парижа.

10. «The Times», 29.4.1938.

11. PRO-FO, 800/269; Хэдоу — Гендерсону 11.5.1938.

Глава VIII

1. AAN-MSZ, Warszawa-$P_3W_{104}T_2$; Донесение польского посланника Папэ из Праги от 4.5.1938.

2. Там же; Папэ из Праги 5.5.1938.

3. Там же.
4. PRO-Cab., 23/93; Заседание правительства 4.5.1938.
5. AMZV, dep. D 421/3.5.1938; Депеши из Лондона.
6. DBFP, vol. 1, p. 236.
7. ANM, ф. Мастного. Воспоминания. Политическое донесение посольства в Берлине от 2.5.1938.
8. KPR, T 38/24.
9. «Večerní České slovo», 9.5.1938; «Národní listy», 8.5.1938.
10. AMAE, 71/1938/C_7 vol. 1; Станеску из Праги 9.5.1938.
11. KPR, T 1031/38; Запись Шамала 10.5.1938.
12. AAN-MSZ, PIII 1938 $W_{107}T_2$; Донесение польского посланника Папэ из Праги от 11.5.1938.
13. ЦДИА-МВР, 176/7/893; Донесение Балабанова из Праги от 11.5.1938.
14. AMAE, 71/1938/C_7 vol. 1; Донесение Григорча из Лондона от 12.5.1938.
15. KPR, T 1151/25.
16. SÚA-AA, 183095; Запись Бисмарка 10.5.1938.
17. DZA-AA, 60971; Запись Риббентропа 11.5.1938.
18. «New York Times», 14.5.1938.
19. ЦДИА-МВР, 176/7/531; Донесение Караджова из Женевы от 14.5.1938.
20. ЦДИА-МВР, 176/7/893; Донесение Балабанова из Праги от 11.5.1938.
21. PRO-Cab., 23/93; Заседание правительства 18.5.1938.
22. AMAE, 71/1938/C_7 vol. 1; Донесение Дьювара из Берлина от 10.5.1938.
23. PRO-FO, 418/84; Донесение Файрбрюса из Москвы от 20.5.1938.
24. PRO-FO, 371—22288; Письмо британского посольства из Москвы от 2.5.1938.
25. PRO-FO, 371—21675; Донесение Фиппса из Парижа от 17.5.1938.
26. PRO-FO, 371—22288; Письмо британского посольства из Москвы 16.5.1938.
27. PRO-FO, 800/269; Галифакс — Гендерсону 12.5.1938.
28. DBFP, vol. 1, p. 314—315.
29. AÚML, 71/19/2; Заседание президиума социал-демократической партии 18.5.1938.
30. AAN-MSZ, ambas. Berlin-W_{150}; Донесение Рачинского из Лондона от 31.5.1938.
31. PRO-Cab., 23/93; Заседание правительства 18.5.1938.
32. BA Koblenz, NS 10/92; Notiz für den Führer 18.5.1938.

Глава IX

1. «Lidové listy», 17.5.1938.
2. AMZV, kab., 2073.
3. AMS, Судебный процесс по делу Кундта и сообщников; приложения; Запись руководства судетонемецкой партии 18.5. 1938.
4. PRO-FO, 371—22903; Отчет Ньютона за 1938 г.
5. SÚA-AA, 18176; Донесение Эйзенлора из Праги от 25.5. 1938.

6. VHA, 1938, hl. št. 3231/2₂.
7. PRO-FO, 371—21773; Донесение Ньютона из Праги от 1.6.1938.
8. PRO-FO, 371—21769; Обзор донесений о майском кризисе.
9. AMZV, Политический отчет Масарика из Лондона от 14.7.1938.
10. ANM, ф. Мастного. Воспоминания. Донесение посольства от 21.5.1938.
11. PRO-FO, 371—21768; Донесение военного атташе из Праги от 22.5.1938.
12. ЦДИА-МВР, 176/7/893; Донесение посольства в Праге от 22.5.1938.
13. PRO-Cab., 23/93; Заседание правительства 22.5.1938.
14. PRO-FO, 371—22991; Инструкция Форин оффиса в Париж Фиппсу 22.5.1938.
15. B o n n e t G. Le Quai d'Orsay sous trois républiques. Paris, 1960, p. 197.
16. ANM, ф. Мастного. Воспоминания. Телеграмма от 23.5.1938.
17. PRO-FO, 371—21768; Донесение военного атташе из Праги от 23.5.1938.
18. VHA, hl. št., 1938 32[34]/66; военная канцелярия президента республики — главному штабу 23.5.1938.
19. PRO-FO, 371—21768; Сарже — Гендерсону 25.5.1938.
20. AMZV, Политическое донесение посольства в Берлине от 18.6.1938; то же: AAN-MSZ, Berlin, W 165, t. 1; Донесение Липского из Берлина от 19.6.1938.
21. SÚA-AA, 19142; Форин оффис — посольству в Праге 27.5.1938.
22. PRO-FO, 371—21768; Инструкция Ньютону 27.5.1938.
23. SÚA-AA, 18606; Донесение Эйзенлора от 25.5.1938.
24. IMT, XXVIII, S. 373; Дневник Йодля, запись 30.5.1938.
25. PRO-FO, 800/269; Гендерсон — Галифаксу 24.5.1938.
26. AMZV, kab., 2131/38; Запись беседы Крофты с Ньютоном 24.5.1938.
27. PRO-Cab., 24/277—122.
28. PRO-Cab., 23/93; Заседание правительства 25.5.1938.
29. SÚA-AA, 68248; Вейцзекер — Дирксену 24.5.1938.
30. PRO-Cab., 24/277—134.
31. ЦДИА-МВР, 176/677; Донесение посольства в Берлине от 24.5.1938; SÚA-AA, 19148; Депеша посла Дирксена из Лондона 26.5.1938.
32. AMAE, 71/1938/C₇ vol. 1; Донесение Круцеску из Праги от 26.5.1938.
33. KPR, T 1156/38, T 1159/38; записи Шамала 28.5.1938.
34. PRO-FO, 371—21578; Депеша Ньютона из Лондона от 28.5.1938.
35. AMAE, 71/1938/C₇ vol. 2; Донесение Цезиану из Парижа от 31.5.1938.
36. PRO-FO, 371—21768; Донесение Ньютона из Праги от 28.5.1938.
37. AMZV, kab., 2177/38; Запись беседы Крофты с Ньютоном от 28.5.1938.

Глава X

1. SÚA-AA, 68372; Дирксен о беседе с Галифаксом 9.6.1938.
2. AAN-MSZ, ambas. Berlin, 1938, W_{102};t. 1; Отчет посла Рачинского о беседе с Чемберленом 15.6.1938.
3. Там же; Донесение Рачинского Беку от 16.6.1938.
4. «Spektator», 17.6.1938.
5. AAN-MSZ, ambas. Berlin; Письмо Липского Рачинскому от 23.6.1938.
6. PRO-FO, 800/309; Письмо Астора Галифаксу о беседе с Дирксеном от 22.6.1938.
7. AÚML, f. 39; Осуский — Бенешу 4.6.1938.
8. KPR, Запись Смутного беседы с Бенешем 22.12.1940.
9. DBFP, vol. 1, p. 452.
10. PRO-FO, 371—22991; Запись 27.6.1938.
11. PRO-FO, 371—22288; Веркер — Колье 11.6.1938.
12. PRO-FO, 418/84; Донесение Файрбрюса из Москвы от 30.5.1938.
13. PRO-FO, 418/84; Донесение Кеннарда из Варшавы от 14.6.1938.
14. PRO-PREM, 1/331 A; Отчет Форин оффиса 12.6.1938.
15. AMAE, 71/1938/C, vol. 2; Донесение Кадоре из Белграда от 2.6.1938; Депеша Григорча из Лондона от 4.6.1938.
16. Там же; Донесение Круцеску из Праги от 3.6.1938.
17. «The Times», 3.6.1938.
18. PRO-FO, 800/309; Вильсон — Даусону 15.6.1938.
19. Там же; Даусон — Галифаксу 19.6.1938.
20. PRO-Cab., 27/627; Меморандум 14.6.1938.
21. PRO-Cab., 27/624; FPC, 16.6.1938.
22. PRO-FO, 800/309; Вильсон — Галифаксу 22.6.1938.
23. ANM, ф. Мастного; Запись беседы с Гендерсоном 25.6.1938.
24. AMZV, Политическое донесение посольства в Париже от 7.6.1938.
25. ANM, ф. Мастного; Письмо Масарика от 4.6.1938.
26. PRO-FO, 371—21773; Донесение Ньютона из Праги от 4.6.1938; AMAE, 71/1938/C, vol. II; Донесение Круцеску из Праги от 11.6.1938.
27. PRO-FO, 371—21578; Донесение Ньютона из Праги от 8.6.1938.
28. KPR, T 1215/38; Запись Шамала от 7.6.1938.
29. PRO-FO, 371—21769; Запись от 14.6.1938.
30. PRO-FO, 371—21774; Донесение посольства в Праге от 10.6.1938.
31. PRO-FO, 371—21769; Донесение военного атташе Стронга из Праги от 14.6.1938.
32. PRO-FO, 371—21769; Гендерсон 18.6.1938.
33. SÚA-AA, 68454; Дирксен о своей беседе с Чемберленом 23.6.1938.
34. AMZV, dep. D/556—16.6.1938 из Лондона.
35. KPR, T 1328/38; Запись Шамала от 16.6.1938.
36. StA Brno, ZÚ, K 1938, č. 14256; Донесение о выступлениях Доланского и Климента.
37. AAN-MSZ, P III 1938 $W_{107}T_2$; Донесение Папе из Праги от 22.6.1938.

38. «Rudé právo», 19.6.1938.
39. AAN-MSZ, ambas. Berlin, $W_{169}T_2$; Донесение Папэ из Праги от 20.6.1938.
40. «История внешней политики СССР. 1917—1945». Том I. М., 1976, стр. 343.
41. AMZV, Политическое донесение посольства в Москве от 27.6.1938.
42. PRO-FO, 371—22903; Отчет посольства в Праге за 1938 г.
43. AMZV, D/573/27.6.1938 из Лондона.
44. Там же; D/575/29.6.1938 из Лондона.
45. PRO-FO, 800/309; Письмо Масарика от 30.6.1938.
46. AMZV, kab., 2899/38; Запись беседы Рипки с Черчиллем 21—23.6.1938.

Глава XI

1. ЦДИА-МВР, 176/7/689; Отчет из Варшавы о беседе с германским послом Мольтке 2.7.1938.
2. PRO-FO, 371—22289; Запись Чилстона о беседе с Шуленбургом 2.7.1938.
3. SÚA-AA, 125324; Запись Риббентропа о беседе с Гендерсоном 3.7.1938.
4. «The Times», 6.7.1938.
5. AÚML, 71/19/2; Президиум 7.7.1938.
6. SÚA-AA, 198877; Запись Вейцзекера 12.7.1938. См. также: J a k o b s e n A. A. Der zweite Weltkrieg in Chroniks und Dokumenten, S. 433; Меморандум генерала Л. Бека от 16.7.1938.
7. ANM, ф. Мастного; Политическое донесение Мастного от 12.7.1938.
8. PRO-Cab., 23/94; Заседание правительства 13.7.1938.
9. AMZV, dep. D/596/13.7.1938 из Лондона.
10. SÚA-AA, 19109; Немецкое посольство в Праге; копия донесения Дирксена из Лондона от 12.7.1938.
11. AMZV, Политическое донесение посольства в Лондоне от 14.7.1938.
12. AMZV, Политическое донесение посольства в Берлине от 15.7.1938.
13. PRO-FO, 371—22903; Отчет посольства в Праге за 1938 г.
14. ANM, ф. Мастного; Донесение от 16.7.1938.
15. «La République», 16.7.1938.
16. PRO-FO, 371—21781; Запись 8.7.1938.
17. PRO-FO, 371—21781; Запись Галифакса о визите Видемана 18.7.1938.
18. PRO-FO, 800/309; Галифакс — Астору 23.6.1938.
19. PRO-Cab., 23/94. Заседание правительства 20.7.1938.
20. ЦДИА-МВР, 176/7/653. Донесение Момчилова из Лондона от 26.7.1938.
21. ЦДИА-МВР, 173/7/653; Сообщение посольства из Брюсселя от 30.7.1938.
22. AÚML, 39; Осуский — Бенешу 5.8.1938.
23. «Lidové noviny», 20.7.1938; «České slovo», 20.7.1938; «Právo lidu», 24.7.1938.
24. ANM, ф. Мастного; Запись о посещении Бенеша 18.7.1938.
25. SÚA-AA, 19095; Отчет Дирксена от 22.7.1938.

26. ANM, ф. Мастного; Воспоминания.
27. PRO-FO, 800/269; Гендерсон — Кадогану 22.7.1938.
28. «Rudé právo», 23.7.1938.
29. SÚA, ф. Корреспонденция Я. Прейсса; Письмо Р. Берану от 23.7.1938.
30. «Rudé právo», 24.7.1938.
31. ЦДИА-МВР, 176/7/896; Донесение посольства в Праге от 27.7.1938.
32. AMZV, kab., 2858/38; Запись о переговорах 27.7.1938.

Глава XII

1. PRO-FO, 800/309; Галифакс — Ренсимену 1.7.1938.
2. PRO-Cab., 23/94; Заседание правительства 6.7.1938.
3. PRO-FO, 800/269; Письмо Кадогану 20.7.1938.
4. PRO-FO, 800/309; Лондондерри — Галифаксу 20.7.1938.
5. PRO-FO, 371—22903; Отчет Ньютона за 1938 г.
6. KPR, T 1624/38; Запись Шамала 26.7.1938.
7. AMZV, Политическое донесение посольства в Париже от 28.7.1938.
8. AMZV, Донесение Масарика от 28.7.1938.
9. AMZV, III sekce; Сообщение Геди от 9.8.1938.
10. «Rudé právo», 4.8.1938.
11. PRO-FO, 371—22289; Донесение посольства в Москве от 9.8.1938.
12. AÚML, 39; Запись беседы Рипки с Александровским 11.8.1938.
13. АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 128, д. 168, 1.173-9; Отчет посла Александровского о беседе с Бенешем 16.8.1938.
14. ANM, ф. Мастного; Сообщение для МИД Чехословакии от 3.8.1938.
15. AMAE, 71/1938/C, vol. II; Донесение Дьювара из Берлина о поездке американского посла Вильсона в Прагу; ЦДИА-МВР, 76/7/893; Донесение Балабанова из Праги от 10.8.1938.
16. SÚA-AA, 125493; Донесение Генке из Праги от 12.8.1938.
17. SÚA-AA, 18775; Донесение Генке из Праги от 13.8.1938.
18. PRO-FO, 800/309; Письма Ренсимена Галифаксу.
19. PRO-FO, 371—21743; Гендерсон — Галифаксу 3.8.1938.
20. Там же; Галифакс — Гендерсону 5.8.1938.
21. PRO-FO, 21743; Гендерсон — Галифаксу 6.8.1938.
22. PRO-FO, 371—21743; Гендерсон — Галифаксу 8.8.1938.
23. PRO-FO, 371—21736.
24. PRO-FO, 800/309; Гендерсон — Ньютону 11.8.1938.
25. PRO-FO, 371—21743; Гендерсон — Галифаксу 12.8.1938.
26. PRO-FO, 800/309; Ренсимен — Галифаксу 12.8.1938.
27. PRO-FO, 800/304; Эштон-Гуэткин — Галифаксу 15.8.1938.

Глава XIII

1. SÚA-AA, 198886; Запись беседы Риббентропа с Вейцзекером 19.8.1938.
2. ANM, ф. Мастного; Сообщение в МИД Чехословакии от 24.8.1938.

3. H o r t h y M. Ein Leben für Ungarn, S. 199.

4. SÚA-AA, 125576; Запись Кордта о беседе с Г. Вильсоном 23.8.1938.

5. SÚA-AA, 197310; Дирксен — Вейцзекеру 24.8.1938.

6. PRO-FO, 800/309; Запись переговоров Черчилля с Клейстом 19.8.1938.

7. Там же, Черчилль — Клейсту 19.8.1938.

8. Там же, Черчилль — Галифаксу 20.8.1938.

9. PRO-FO, 371—21770; Информация Форин оффиса военному министерству от 16.8.1938.

10. VHA, 1939, hl. št. 32^{34}/3—11.

11. PRO-FO, 371—21770; Донесения Стронга от 29.8.1938.

12. PRO-FO, 371—21736; Записка Ванситтарта от 25.8.1938.

13. PRO-FO, 371—21770; Донесение Стронга от 30.8.1938.

14. VHA, 1939, hl. št. 95^{3}/4—13.

15. SÚA-AA, 125535; Запись Алтенбурга от 18.8.1938.

16. ЦДИА-МВР, 176/7/893; Донесение посольства в Праге от 20.8.1938.

17. PRO-FO, 800/304; Записка о переговорах в Червеном Градке 19.8.1938.

18. PRO-FO, 800/309; Галифакс — Ренсимену 18.8.1938.

19. AMZV, II sekce, fasc.; Записка Ренсимена от 22.8.1938.

20. PRO-FO, 371—21743; Гендерсон — Галифаксу 22.8.1938.

21. PRO-FO, 371—800/304; Запись переговоров Эштон-Гуэткина с Генлейном 22.8.1938.

22. PRO-PREM, 1/265; Вильсон — Чемберлену 25.8.1938.

23. PRO-FO, 800/304; Записка «Миссия Ренсимена и судетонемецкий вопрос» от 24.8.1938.

24. PRO-FO, 800/309; Гендерсон — Ньютону 24.8.1938.

25. SÚA-AA, 387007; Протокол переговоров Бенеша с Кундтом 24.8.1938.

26. PRO-FO, 800/304; Донесение миссии Ренсимена от 24.8.1938.

27. DBFP, vol. II, p. 166; Галифакс — Гендерсону 26.8.1938.

28. PRO-FO, 800/309; Гендерсон — Галифаксу 25.8.1938.

29. FRUS, 1938, vol. I, p. 555; Донесение Буллита от 26.8.1938.

30. AMAE, 71/1938/C, vol. III; Донесение Григорча из Лондона от 27.8.1938.

31. PRO-FO, 371—21734; Ванситтарт — Галифаксу 27.8.1938.

32. ЦДИА-МВР, 176/7/574а; Донесение Момчилова из Лондона от 28.8.1938.

33. AMZV, Политическое донесение посольства в Лондоне от 29.8.1938.

34. SÚA-AA, 412782; Запись переговоров Ренсимена с Бенешем 27.8.1938.

35. SÚA-AA, 18841; Донесение Генке в МИД Чехословакии от 29.8.1938.

36. PRO-FO, 371—21736; Донесение Эштон-Гуэткина от 29.8.1938.

37. SÚA-AA, 412783; Копии документов МИД Чехословакии; Запись беседы с Ренсименом от 29.8.1938.

38. BA Koblenz, ZSg 102/11; Пресс-конференции 29—31.8.1938.
39. SÚA-AA, 18835; Донесение Генке из Праги от 30.8.1938.
40. AMAE, 71/1938/C, vol. III; Донесение Круцеску из Праги от 29.8.1938.
41. AMZV, dep. O 906—908/31.8.1938.

Глава XIV

1. PRO-FO, 800/309; Х. Милар — Гардингему 26.8.1938.
2. PRO-FO, 371—21734; Ванситтарт — Галифаксу 29.8.1938.
3. PRO-FO, 371—22789; Запись переговоров Майского с Ванситтартом 29.8.1938.
4. PRO-PREM, 1/266; Записи Вильсона 30 и 31 августа 1938.
5. PRO-Cab., 23/94; Заседание правительства 30.8.1938.
6. ANM, 31/1966; Б. Бенеш. Воспоминания.
7. AMZV, dep. D 711/30.8.1938 из Лондона.
8. BA Koblenz, ZSg 101/33; Донесение Абхагена от 2.9.1938.
9. PRO-FO, 371—21734; Запись беседы Вильсона и Чемберлена с Кеннеди 31.8.1938.
10. Там же; Запись беседы Кеннеди с Линдсеем 31.8.1938.
11. Tansill Ch. Back door to war. The Roosevelt foreign policy. 1933—1941. Chicago, 1952, p. 404.
12. SÚA-AA, 198908; Вейцзекер — Гендерсону 30.8.1938.
13. PRO-FO, 371—21734; Гендерсон 1.9.1938.
14. Там же; Донесение Фиппса из Парижа от 2.9.1938.
15. Там же.
16. SÚA-AA, 125797; Риббентроп — Гендерсону 3.9.1938.
17. Majskij I. Op. cit., str. 33.
18. Laffan R. G. D. The crisis over Czechoslovakia. January to september 1938. Oxford, 279; Rothstein A. The Munich agreement, p. 179; Churchill W. S. La deuxiéme guerre mondiale. T. I. Paris, 1948, p. 301.
19. PRO-FO, 371—21734; Донесение Фиппса из Парижа от 2.9.1938.

Глава XV

1. PRO-FO, 800/304; Эштон-Гуэткин — Стрэнгу 6.9.1938.
2. AMZV, dep. O/916/3.9.1938 в Париж.
3. ANM, ф. Мастного. Письмо Крофте от 2.9.1938.
4. ANM, 31/66; Б. Бенеш. Воспоминания, запись от 2.9.1938.
5. PRO-FO, 371—21734; Донесение Ньютона из Праги от 1.9.1938; см. также 800/304; Эштон-Гуэткин — Стрэнгу 6.9.1938.
6. PRO-FO, 371—21736; Текст послания от 1.9.1938.
7. AMS, Процесс по делу К. Г. Франка, допрос 10.10.1945.
8. BA Koblenz, ZSg 102/12; Clossenkonferenz 2.9.1938.
9. BA Koblenz, ZSg 101/33; Оперативное сообщение от 2.9.1938.
10. DBFP, vol. II, p. 221; Донесение Ньютона из Праги от 3.9.1938; см. также Laffan R., op. cit., p. 238.
11. PRO-FO, 371—21734; Ньютон о беседе с Бенешем 3.9.1938.

12. KPR, T 2212/38; Каппар — Бенешу 4.9.1938.
13. SÚA, PP-P 87/22; Жандармск. отд. в Праге 3.9.1938.
14. PRO-FO, 800/304; Сообщение о переговорах с Генлейном 4.9.1938.
15. Там же; Эштон-Гуэткин — Стрэнту 6.9.1938.
16. PRO-FO, 371—21737; Запись беседы Прейсса с Эштон-Гуэткином 6.9.1938.
17. AMZV, dep. D 733/5.9.1938 из Лондона.
18. PRO-FO, 371—21736; Галифакс — Ренсимену 6.9.1938.
19. «La République», 6.9.1938.
20. «The Times», 7.9.1938.
21. BA Koblenz, ZSg 102/12; Пресс-конференция 7.9.1938.
22. «Правда», 7.9.1938.
23. «Rudé právo», 7.9.1938.
24. PRO-FO, 371—21735; Донесение Ньютона из Праги от 7.9.1938.
25. «Národní listy», 7.9.1938.
26. «Rudé právo», 7.9.1938.
27. AMZV, kab., 3193/7.9.1938.
28. BA Koblenz, ZSg 102/12; Пресс-конференция и специальная пресс-конференция 7.9.1938.
29. BA Koblenz, ZSg 102/12; Третья пресс-конференция 7.9.1938.

Глава XVI

1. AMZV, dep. O/927—8/8.9.1938.
2. «Daily Mail», 8.9.1938.
3. Laffan R., Op. cit., p. 257.
4. AMS, Процесс по делу Й. Тисо, протокол допроса.
5. SÚA-AA, 18803; Донесение Генке из Праги от 8.9.1938.
6. DBFP, vol. II, p. 266; Эштон-Гуэткин 8.9.1938.
7. ASB, Аграрный банк, администр. совет 8.9.1938.
8. DBFP, vol. II, p. 273; Эштон-Гуэткин 9.9.1938.
9. FRUS, 1938, vol. I, p. 587; Донесение Кэрра из Праги от 10.9.1938.
10. «News Chronicle», 9.9.1938.
11. «Rudé právo», 9.9.1938.
12. SÚA, PP-P 87/23; Готвальд в Остраве 9.9.1938.
13. SÚA, PMV — Xk, 26/1; Шмераль в Брно 9.9.1938.
14. SÚA, PMV — Xp, 22/12; Собрание социал-демократов в Свинове. 10.9.1938.
15. «Lidové noviny», 11.9.1938.
16. AMZV, dep. O 929/9.9.1938.
17. VHA, Меморандум начальника ген. штаба 9.9.1938.
18. DBFP, vol. II, p. 271.
19. «Красная звезда», 8.9.1938.
20. AMZV, dep. D/744 8.9.1938 из Парижа.
21. «České slovo», 9.9.1938.
22. «The Economist», 10.9.1938.
23. BA Koblenz, ZSg 101/33; Сообщение Дертингера от 10.9.1938.
24. BA Koblenz, ZSg 102/12; Пресс-конференция 8 и 9 сентября 1938.

25. PRO-Cab., 23/95; Заседание правительства 12.9.1938.
26. Там же.
27. DBFP, vol. II, p. 291; Донесение Фиппса из Парижа от 11.9.1938.
28. ЦДИА-МВР, 176/7/586; Донесение Караджова из Женевы от 9.9.1938.
29. Paul-Boncour J. Entre deux guerres. T. II. Paris, 1946, p. 109; Doll R. The Geneva Racket 1920—1939. London, 1940, p. 268.
30. DBFP, vol. II, p. 294.
31. PRO-FO, 371—21736; Донесение британской делегации из Женевы 11.9.1938.
32. Walters F. P. A history of the League of Nations. Oxford, 1952, p. 778—780.

Глава XVII

1. PRO-FO, 800/309; Гендерсон — Галифаксу 4.9.1938.
2. DBFP, vol. II, p. 257; Гендерсон — Кадогану 6.9.1938.
3. PRO-FO, 371—21737; Запись Ванситтарта, от 5.9.1938.
4. PRO-FO, 371—21735; Галифакс — Чемберлену 5.9.1938.
5. Duff Cooper A. Old men forget. London, 1954, p. 226.
6. PRO-FO, 371—21737; Телеграмма была отправлена в Берлин в 22.30 9 сентября 1938 г.
7. PRO-Cab., 23/95; Заседание правительства 12.9.1938.
8. PRO-PREM, 1/266 A; Вильсон — Гендерсону 9.9.1938.
9. Там же; Гендерсон — Вильсону 9.9.1938; См. также Cab., 24/278; Гендерсон — Форин оффису 8.9.1938.
10. PRO-Cab., 24/278; Письмо Гендерсона от 10.9.1938.
11. PRO-FO, 371—21737.
12. PRO-Cab., 24/278; Гендерсон из Нюрнберга 10.9.1938. См. также PREM, 1/266 A; Письмо Вильсона от 10.9.1938.
13. PRO-PREM, 1/266 A; Запись Вильсона от 11.9.1938; См. также письмо Вильсона Гендерсону от 11.9.1938.
14. Hoare S. Neun bewegte Jahre, S. 276.
15. PRO-PREM, 1/266 A; Вильсон — Кадогану 10.9.1938.
16. BA Koblenz, ZSg 101/33; Сообщение Дертингера от 12.9.1938.
17. SÚA-AA, 196720; Кордт из Лондона 3.9.1938.
18. SÚA-AA, 125911; Кордт из Лондона 10.9.1938.
19. «The Times», 10.9.1938.
20. AMZV, dep. D 754/10.9.1938 из Лондона.
21. PRO-FO, 371—21282; Ньютон из Праги 11.9.1938.
22. PRO-FO, 371—21782; Запись Ванситтарта от 12.9.1938.

Глава XVIII

1. BA Koblenz, ZSg102/12; Пресс-конференция 12.9.1938.
2. «Красная звезда», 12.9.1938
3. Запись в дневнике Йодля 12.9.1938. См.: Le Procès des grands criminels de guerre. T. XXVIII, p. 377.
4. Kurzbericht-Dokumente und Berichte zur deutschen Zeitgeschichte. Dokumente zur europäischen Krisis. Berlin, 1938, S. 191.

5. PRO-FO, 371—21737; Гендерсон из Берлина 12.9.1938.
6. PRO-Cab., 23/95; Заседание правительства 12.9.1938.
7. PRO-Cab., 27/646; Заседание 12.9.1938.
8. PRO-PREM, 1/266 A; См. также FO, 371—21737, Запись 12.9.1938.
9. PRO-PREM, 1/266 A; Чемберлен — Ренсимену 12.9. 1938.
10. PRO-FO, 800/309; Письмо Галифаксу от 12.9.1938.
11. SÚA-AA, 125958; Кордт из Лондона 12.9.1938.
12. Duff Cooper A. Op. cit., p. 227.
13. PRO-FO, 371—21737; Линдсей из Вашингтона 12.9.1938.
14. Maugham. The truth about the Munich crisis. London, 1944, p. 36; Lombard P. Le chemin de Munich. Paris, 1938, p. 228; Bonnet G. La crise européenne. Paris, 1938, p. 13.
15. Lord Butler. The art of the possible. London, 1971, p. 72.
16. SÚA-AA, 125959; Генке из Праги 12.9.1938.
17. SÚA-AA, 18066; Донесение посольства из Праги от 12.9.1938.
18. См.: «Právo lidu», 13.9.1938; «Národní osvobození», 13.9.1938; «Lidové noviny», 14.9.1938.

Глава XIX

1. «Právo lidu», 13.9.1938.
2. PRO-FO, 800/304; Эштон-Гуэткин — Вильсону 13.9.1938.
3. PRO FO, 371—21737; Форин оффис — Ньютону для Ренсимена 13.9.1938.
4. Там же; Донесение Ньютона из Праги от 13.9.1938.
5. Documents on International Affairs, 1938, vol. II, p. 198.
6. AMZV, kab., 3256/38; Крофта — Ньютону 13.9.1938; PRO-FO, 371/21737; Ньютон из Праги 13.9.1938.
7. PRO-FO, 371—21773; Ньютон из Праги 13.9.1938.
8. Там же.
9. DBFP, vol. II, p. 316.
10. Krofta K. Z dob naší první republiky. Praha, 1939, str. 316.
11. PRO-FO, 371—21773; Ньютон из Праги 13.9.1938.
12. BA Koblenz, NS10/36; Агентурное донесение из Парижа от 13.9.1938.
13. AAN-MSZ, Донесение Папэ из Праги от 13.9.1938.
14. DA Beograd, ф. Лондон; Сообщение из Праги от 14.9.1938.
15. AMZV, dep. D771/13.9.1938 из Лондона.
16. ЦДИА-МВР, 176/7/586; Донесение Драганова из Берлина от 14.9.1938.
17. BA Koblenz, ZSg 102/12; Пресс-конференция 13.9.1938.
18. «Deutsche Allgemeine Zeitung», 13.9.1938.
19. Hesse F. Das Spiel um Deutschland. München, 1953, S. 135.
20. SÚA-AA, 125979; Кордт из Лондона 13.9.1938.
21. Procès des grands criminels de guerre, T. XXVIII, p. 378.
22. Там же; T. XXXIX, стр. 536.
23. George G. J. The betrayed Czechoslovakia. London, 1938, p. 41.

24. D u f f C o o p e r A. Op. cit., p. 228.
25. SÚA-AA, 126024; Сообщение из посольства в Париже от 14.9.1938.
26. AAN-MSZ, $P_3W_{104}T_1$; Донесения Лукасевича из Парижа от 13 и 14 сентября 1938.
27. AMAE, 71/1938, C_7 vol. III; Сообщение Цеспану из Парижа от 14.9.1938.
28. FRUS, 1938, vol. I, p. 591; Донесение Буллита из Парижа от 13.9.1938.
29. PRO-FO, 371—21737; Сообщение Фиппса из Парижа от 13.9.1938 в 18.15.
30. Там же; Сообщение Фиппса из Парижа от 13.9.1938 в 19.30.
31. Там же.
32. Там же; Сообщение в 13.25.
33. PRO-FO, 371—21737; Сообщение Фиппса из Парижа в 22.10 13.9.1938.
34. Там же; Форин оффис — Фиппсу в Париж 13.9.1938; Принято в Париже в 12.40 14.9.1938.
35. AMZV, dep. D785/14.9.1938.
36. PRO-FO, 371—21737; Донесение Гендерсона из Берлина от 13.9.1938.
37. PRO-FO, 371—21738; Запись Ванситтарта от 13.9.1938.
38. Там же; Информация из ватиканских кругов от 13.9.1938.
39. Там же; Запись Ванситтарта от 13.9.1938.
40. PRO-Cab., 27/646; FPC, 13.9.1938.
41. PRO-PREM, 1/266 A; Письма Чемберлена королю Георгу VI от 13.9.1938.
42. L a f f a n R. Op. cit., p. 326.

Глава XX

1. BA Koblenz, ZSg 01/33; Сообщение Дертингера от 14.9.1938.
2. Там же.
3. PRO-FO, 800/309; Телеграмма Гендерсона из Берлина от 14.9.1938; Телеграмма «Зет».
4. W e i z s ä c k e r E. Die Erinnerungen. München, 1950, S. 183.
5. DBFP, vol. II, p. 322.
6. Kurzbericht, S. 197.
7. BA Koblenz, ZSg 102/12; Пресс-конференция 14.9.1938.
8. Там же; Директива министерства пропаганды Германии от 14.9.1938.
9. PRO-FO, 371—21737; Сообщение Гендерсона из Берлина от 14.9.1938.
10. T a n s i l l Ch. C. Op. cit., p. 409.
11. AMAE, 71/1938 C_7 vol. III; Сообщение Круцеску из Праги от 14.9.1938; SÚA-AA, 18048; Донесение посольства в Праге от 14.9.1938.
12. PRO-FO, 371—21737; Сообщение Ньютона из Праги от 14.9.1938.

13. PRO-FO, 371—21782; Сообщение Ньютона из Праги от 14.9.1938.

14. SÚA-AA, 18046; Донесение посольства в Праге от 14.9.1938.

15. AAN-MSZ, $P_3W_{104}T_4$; Сообщение Папэ из Праги от 14.9.1938.

16. SÚA, SdP; Запись переговоров Эштон-Гуэткина с Генлейном в Аше 14.9.1938.

17. DBFP, vol. II, p. 324; Галифакс — Фиппсу 14.9.1938.

18. FRUS, 1938, vol. I, p. 600; Сообщение Буллита из Парижа от 15.9.1938.

19. AMZV, dep. D797/15.9.1938 из Парижа.

20. FRUS, 1938, vol. I, p. 596; Сообщение Буллита из Парижа от 14.9.1938. См. также PRO-FO, 371—21737; Фиппс о беседе с Боннэ 14.9.1938.

21. Majskij I. Op. cit., str. 29.

22. AMZV, dep. D787/15.9.1938 из Женевы.

23. PRO-FO, 371—21737; Сообщение Фиппса из Парижа от 14.9.1938.

24. PRO-Cab., 23/95; Заседание правительства 14.9.1938.

25. PRO-Cab., 24/278—199; Меморандум от 14.9.1938.

26. PRO-Cab., 24/278.

Глава XXI

1. Documents on International Affairs, 1938, vol. II, p. 205.

2. SÚA-AA, 126051; Сообщение Кордта из Лондона от 15.9.1938.

3. BA Koblenz ZSg 102/12; Пресс-конференция и директивы министерства пропаганды от 15.9.1938.

4. AMZV — III/k. 626; Информация о немецкой армии от 16.9.1938.

5. Например, E. Kordt. Nicht aus den Akten. Stuttgart, 1950, S. 282; Weizsäcker E. Die Erinnerungen, S. 174.

6. Такое мнение высказывает J. W. Wheeler-Bennet. Munich — Prologue to Tragedy. London, 1963, p. 116.

7. BA Koblenz, NS 10/125; Запись расписания дня Гитлера на 15.9.1938.

8. SÚA-AA, 197140; Запись переговоров в Берхтесгадене.

9. SÚA-AA, 126006; Генлейн — Гитлеру 15.9.1938.

10. StA Brno, ф. Областн. народн. совета г. Оломоуца; Выступление Светлика 17.9.1938.

11. DA Beograd; Донесение посольства в Праге от 16.9.1938.

12. AMZV, dep. D790/15.9.1938 из Лондона.

13. AMAE, 71/1938, C_7 vol. III; Донесение Круцеску из Праги от 15.9.1938.

14. DBFP, vol. II, p. 336; Информация Ньютона из Праги от 15.9.1938.

15. PRO-FO, 371 — 21739; Эштон-Гуэткин — Стрэнгу 17.9. 1938; а также FO, 371—21579; Сообщение Ньютона из Праги от 15.9.1938.

16. Bonnet. Le Quai d'Orsay, p. 210—211; Reynaud.

Au coeur de la mêlée, p. 268; B o n n e t. De Munich à la guerre. Défense de la paix. Paris, 1967, p. 148.
17. Les Evénements survenus en France de 1933 a 1945. Témoignages et documents recueillis par la Commission d'Enquête parlementaire. Annexes. t. II, p. 267.
18. «Příspěvky k dějinám KSČ», 1957, str. 112.
19. PRO-FO, 371—21738; Донесение Ньютона из Праги от 16.9.1938.
20. DBFP, vol. II, p. 364.
21. AMZV, dep. D800/15.9.1938 из Лондона.
22. AÚML, ф. 39; Осуский — Бенешу 19.9.1938.
23. AMZV, dep. O/1006/15.9.1938 в Париж и Лондон.
24. FRUS, 1938, vol. I, p. 603; Бакнелл из Женевы 15.9.1938.
25. P a u l - B o n c o u r. Op. cit., p. 109.
26. PRO-FO, 371—21737; Донесение Фиппса из Парижа от 15.9.1938.
27. PRO-FO, 800/304; Стрэнг — Ренсимену 15.9.1938.
28. PRO-FO, 800/309; Хор — Галифаксу 15.9.1938.
29. PRO-Cab., 27/646; Заседание правительства 15.9.1938.

Глава XXII

1. SÚA-AA, 19044; Циркулярная депеша Вейцзекера от 16.9.1938.
2. BA Koblenz, ZSg 102/12; Пресс-конференция 16.9.1938.
3. G a m e l i n. Servir, t. II, p. 348; K o r d t. Op. cit., S. 259.
4. PRO-Cab., 24/279; Чемберлен — Гитлеру 16.9.1938.
5. Там же. Запись Вильсона от 16.9.1938.
6. AMAE, 71/1938/C_7, vol. III; Сообщение Круцеску из Праги от 16.9.1938.
7. AAN-MSZ, $P_3W_{104}T_4$; Сообщение Папэ из Праги от 16.9.1938.
8. PRO-FO, 371—21738; Сообщение Ньютона из Праги от 16.9.1938.
9. Там же; см. также FO, 371—21739, Запись Эштон-Гуэткина от 16.9.1938.
10. BA Koblenz, ZSg 102/12; Директива министерства пропаганды от 16.9.1938.
11. AMZV, dep. O/1072—3/16.9.1938 в Париж и Лондон.
12. SÚA-AA, 18025; Сообщение Генке из Праги от 17.9.1938.
13. SÚA-AA, 126093; Туссен-OKW 17.9.1938.
14. «Lidové noviny», 16.9.1938.
15. AMZV, dep. O/1011—12/16.9.1938 в Париж и Лондон.
16. PRO-Cab., 27/646; Заседание 16.9.1938 в 18.30.
17. PRO-FO, 371—21738; Сообщение Гендерсона из Берлина от 16.9.1938.
18. PRO-Cab., 24/279; Запись Галифакса от 16.9.1938.
19. PRO-PREM, 1/264; Переговоры с лейбористами 17.9.1938.
20. FRUS, 1938, vol. I, p. 611; Сообщение Кеннеди из Лондона от 17.9.1938.
21. BA Koblenz, ZSg 101/11; Агентурное донесение из Лондона от 17.9.1938.

Глава XXIII

1. PRO-FO, 371—21770; Стронг 3.9.1938.
2. Там же; Сообщение Ньютона из Праги от 10.9.1938.
3. VHA, 1939, hl. št. 32 34/3—11.
4. Там же.
5. AMZV, dep. O/1080—1/18.9.1938 в Париж и Лондон.
6. AMAE, 71/1938/C, vol. IV; Сообщение Круцеску из Праги от 18.9.1938.
7. FRUS, 1938, vol. I, p. 614; Донесение Кэрра из Праги от 18.9.1938.
8. AMZV, kab., Письмо Крофты — Осускому в Париж (без даты).
9. Gamelin, Op. cit., vol. II, p. 349.
10. PRO-FO, 371—21770; Донесение Ньютона из Праги от 18.9.1938.
11. Там же; Указание Форин оффиса в Прагу и Берлин от 18.9.1938.
12. FRUS, 1938, vol. I, p. 614; Кэрр о заявлении Крофты от 18.9.1938.
13. DA Beograd; Сообщение югославского посланника из Праги в 14.35 19.9.1938.
14. AMZV, ф. Крофты; Рукописная заметка о демарше де Лакруа в 10.00 19.9.1938.
15. «Prager Tagblatt», 18.9.1938.

Глава XXIV

1. PRO-PREM, 1/266 A; Запись Вильсона от 18.9.1938.
2. PRO-FO, 371—21739; Донесение брит. делегации из Женевы от 17.9.1938.
3. AMAE, 71/1938, C, vol. IV; Донесение Цеспану из Парижа от 17.9.1938.
4. DA Beograd; Политическое донесение посольства в Париже от 18.9.1938.
5. Bonnet, De Munich, p. 150—152.
6. PRO-Cab., 27/646; Заседание правительства 18.9.1938. в 14.45.
7. «The Times», 19.9.1938.
8. Procházka, Československá krize a Evropa 1938. Praha, 1939.
9. «Právo lidu več», 18.9.1938.
10. Gilbert M., Gott R., Op. cit., p. 153.
11. PRO-Cab., 23/95; Заседание правительства 19.9.1938.
12. SÚA-AA, 126 159; Запись Вермана от 19.9.1938.
13. BA Koblenz, ZSg 102/12; Пресс-конференция 19.9.1938.
14. «Daily Mail», 19.9.1938.
15. PRO-FO, 800/309; Масарик — Галифаксу 19.9.1938.
16. AMZV, dep. D 830/19.9.1938 в 1.35 из Парижа.
17. AMZV, III sekce, kart. 619, č. 134723 от 19.9.1938.
18. «Chteli jsme bojovat», Praha, 1963, sv. II, str. 241.
19. PRO-FO, 371—21739; Донесение Ньютона из Праги от 19.9.1938.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЦЛАВ КРАЛ

ПЛАН ЗЕТ

ИБ № 4350

Редактор *З. Я. Тальмирская*

Художник *А. П. Купцов*

Художественный редактор *В. А. Пузанков*

Технические редакторы *Р. Ф. Медведева, И. К. Дерва*

Корректор *Е. Н. Понкратова*

Сдано в набор 23.3.1978 г. Подписано в печать 04.08.1978 г.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура нов. обыкновенная. Печать высокая.
Условн. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 17,46
Тираж 16 000 экз. Заказ № 2580. Цена 65 к.
Изд. № 24039

Издательство «Прогресс»
Государственного комитета
СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА В СВЕТ

СТИНГЛ М. Индейцы без томагавков. Пер. с чешск.

Автор — известный чешский этнограф. В книге рассматриваются различные теории происхождения индейцев, описываются главные индейские культуры на территории Американского континента, рассказывается о хищнической политике европейских завоевателей и колонизаторов, о современном состоянии индейского вопроса в США, о борьбе индейцев за свои права.

Данное, второе издание книги на русском языке автор дополнил новыми материалами.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ИСКАРО Р. **Рабочее движение в Аргентине.** (Исторический очерк). Пер. с исп.

Видный общественный деятель, член Исполкома Коммунистической партии Аргентины Рубенс Искаро более 40 лет своей жизни посвятил профсоюзной и политической организации рабочего класса. Предлагаемая книга — итог его многолетнего изучения проблем развития международного рабочего и профсоюзного движения.

Книга написана на основе марксистско-ленинского анализа исследуемых проблем, с привлечением множества архивных, впервые публикуемых документов.